

ЗВЕЗДНАЯ АКАДЕМИЯ

Алька Верник

и наследие предков

Ольга Райская

А и расскажу я вам сказочку про дали космические, академию басурманскую, дружбу верную, да любовь вечную. Много дорог будет пройдено, да и тайн разгадано не мало. А что чудовищ побеждено, то не считанно. Двум добрым молодцам, да двум красным девицам настоящих друзей предстоит найти, а ненастоящих стороной обойти, прославляя Землю-матушку, что родит героев-соколов нам на радость, врагам инопланетным на огорчение. В общем, как-то так. Шутка автора, пишу больше для себя, но вдруг кому-то из вас приглянется.

Звездная Академия

Алька Верник и наследие предков

год 2427

Большой актовый зал Высшей летной школы Земного Содружества — сколько же у всех нас с ним связано. Путь от новобранца до выпускника начинается именно отсюда и заканчивается именно здесь. Конечно, все мы, бывшие кадеты этого славного учебного заведения, уже давно прошли этой извилистой и тернистой дорогой. Прошло два месяца с тех пор, как на наших шевронах над эмблемой вооруженных сил планеты Земля засияли золотые офицерские крылышки.

Три года назад политическая ситуация изменилась, закончилось трехсотлетнее противостояние колониальной экспансии тентурийцев и Земля стала полноправным членом МКН (Межгалактической Коалиции Наций). В свете последних событий четверем молодым офицерам предстояло пройти трехлетнее обучение в ВЗА (Высшая Звездная Академия) и приступить к службе в Межгалактическом Корпусе Мира.

Представлять свою планету перед лицом МКН — это великая честь. Пять тысяч человек претендовали всего на четыре вакантных места. В конкурсе участвовали почти все высшие военные училища Земли, но так уж вышло, что после трех жестких отборочных кругов наших кадетов осталось больше. На последних тестовых испытаниях сорок восемь счастливицев, дошедших до финала, разделили странным образом на двенадцать боевых четверок, которые состояли из трех пилотов летной школы и еще одного курсанта другого ВВУ.

Два месяца бесконечных нормативов, тестов, зачетов. Чем дальше проходил участник отбора, тем сложнее задания он получал. Наконец, вчера нам объявили, что на торжественном собрании комиссия ВЗА объявит результаты и назовет четырех счастливицев. И вот стоим мы, построенные по четыре человека в ряд, одетые в новенькую с иголочки, сияющую знаками отличия парадную форму и глупо таращимся на голографическую трансляцию собрания, которое, к слову сказать, идет уже полтора часа, а о нас не было сказано ни слова.

Я вижу, как нервничают кадеты, как переминаются с ноги на ногу, как ловят каждое слово, произносимое с трибуны. В их глазах горят нетерпение и жажда приключений, каждый хочет оказаться в числе избранных. Каждый. Я не исключение, я тоже хочу в этот чертов список, но несколько по иной причине. Да, моя причина важнее, главнее, она такая всеобъемлющая и глобальная. У моей причины светлые волнистые волосы, лукавые зеленые глаза и улыбка, от которой становится теплее. Мою причину зовут Денис Истархов и он адъютант гвардии полковника Вихрова, который назначен куратором земной группы кадетов ВЗА. Денис, Деничка, Дэн — мой мужчина и моя великая любовь, а ради любви можно не только в космос, но и на край вселенной.

Огромный зал полон высших военных чинов, в президиуме члены правительства и даже сам вице-канцлер, но никаких мистических членов невидимой и невиданной нами комиссии там не было. Словно они забыли основную причину собрания, а люди, собравшиеся там, обсуждают свои, совсем не касающиеся нас дела. Но вот очередной оратор закончил свою пламенную речь и к сцене подлетела платформа с которой сошли четверо высоких мужчин. На Землю, кроме тентурийцев и влаппи, мало кто прилетал, а эти расы почти не отличались

от коренного населения, хотя за сто лет колонизации и трехсот лет противостояния мало найдется земных семей, в геноме которых не присутствует инопланетное ДНК. Члены комиссии ВЗА, а это были именно они, также мало отличались от обычных людей. Только если тщательно взглянуть на пришельцев, можно заметить незначительные признаки, отличающие их от обычных людей. Тентурийца, варга и ксури я угадала сразу, представители этих рас давно и плодотворно вели дела с Землей и часто мелькали в новостях. А вот четвертый мужчина оставался для меня загадкой, такую расу я видела впервые. Хотя вру, безбожно вру! Четвертый был эльф. Да-да! Самый настоящий эльф — высокий, гибкий, окруженный аурой надменности и власти, с длинными светлыми волосами, перевитыми тонкой золотой спиралью, с остроконечными ушами и раскосыми глазами. Ну разве что в плечах пошире, а в остальном все сходится. Я так увлеклась рассматриванием экзотической четверки, что вздрогнула, когда огромные резные двери зала распахнулись перед нашей колонной и громкий голос председателя собрания объявил:

— Курсантам, прошедшим третий тур отбора в Высшую Звездную Академию, прибыть для оглашения итоговых результатов конкурса.

И мы, вытянувшись в струну, маршируя и чеканя шаг, как на параде, проследовали к платформе в центре зала, которая благополучно перенесла нас к президиуму. Еще какое-то время звучали приветственные речи, заверения в дружбе и готовности к взаимопомощи и сотрудничеству, пока эльф не поднял руку. Вдруг наступила тишина, которую нарушил голос... Нет это был даже не голос — это был глас. Бархатный, с хрипотцой, казалось, он проникал под кожу заставляя выступать мурашки, его хотелось слушать и слушать, внимать ему, идти за ним... Я стиснула зубы и чуть прикусила щеку, чтобы прийти в себя. Бррр... Придет же такой бред в голову! Скосила глаза и поняла — бред пришел в голову не только мне, эльфу внимали все находящиеся в зале. Ну и мне ничего не оставалось, как тоже прислушаться к его словам.

— Я, Белиготар Сорг, как легар Высшей Звездной Академии, хотя для вас, наверное привычнее называть мою должность — ректор, рад приветствовать всех, собравшихся в этом зале от имени Межгалактической Коалиции Наций, — длинноволосый пережиток древних мифов и сказок Земли даже не потрудился встать со своего гравикресла, — в обязанности возглавляемой мною комиссии входило отобрать четырех самых достойных молодых офицеров Земли. С этого дня их служба будет проходить в ВЗА, а затем и в Корпусе Мира. Все вышедшие в финал кадеты были поделены на четверки с самым высоким коэффициентом взаимодействия. Это обычная практика. Таким составом они будут проходить учебу и в ВЗА, а затем службу в Корпусе. Четыре человека — это стандартный экипаж звездного эсминца класса Нова-5. Это новейшая и секретная разработка ученых МКН, не каждая раса способна взаимодействовать с данным классом кораблей и я безмерно рад, что на Земле есть такие кадры.

Зал взорвался аплодисментами, а я как-то напряглась от слов белобрысого. Да мне, собственно, и на родной планете раздолье. Эх... Если бы не Истархов... Эльф вновь поднял ладонь с длинными ухоженными пальцами, призывая к тишине.

— Итак, по результатам нашего конкурса, комиссия признала лучшими четверку номер семь, — у меня задрожали колени и похолодело все внутри. Это же наша четверка! Но как такое может быть, по количеству баллов мы были лишь третьи! Хотя... Даже если это и ошибка, то ошиблись явно в нашу пользу.

— Погодин Stanislaw, выйти из строя для получения нагрудного знака ВЗА! — звучит

торжественный голос эльфа и собранный Стасян делает твердый шаг, лишь пунцовый румянец на его щеках выдает волнение. Стас — мой друг и соратник по всем проказам с первого курса, неистощимый генератор идей и просто хороший человек. Он подходит к эльфу, секунда и на его груди уже блестит девятиконечная звезда — символ ВЗА, а зал вновь взрывается бурей аплодисментов.

— Ткхшшшарсинсит Фархунда, выйти из строя для получения нагрудного знака ВЗА! — вновь оглашает остроухий пережиток, а я удивлена. Нет, правда! Я искренне удивлена, потому что новую фамилию моей лучшей подруги Хуньки вот так вот с первого раза без запинки и ругательств не произносил еще никто из преподавателей. На самом деле, фамилия у нее всегда была Кары-Ниязова, по матери. Воспитывала ее тетя Саида одна и об отце Хунька до определенного момента в жизни не слышала. История простая — тентуриец и землянка слегка полюбили друг друга, он — улетел, она — залетела, и в результате на свет появилась моя любимая подружница, вполне себе человеческая девочка. Инопланетные гены в ней выдавали только слегка выступающие надбровные дуги и не по-человечески желтые, а в некоторые моменты ярко оранжевые глаза. И жила бы она — не тужила, но договорной брак ее залетного родителя на родной планете потерпел полный крах, полное фиаско в плане деторождения. И в один прекрасный, а может быть и не очень, день явился ее дед тентуриец, долго вещал о генах, крови и семейных связях, а после его отлета семья Хуньки получила почти неограниченный лимит галокредитов, а сама она получила совершенно произносимую с первого раза фамилию. Ну, я думала, что произносимую, пока ее вот так вот взяли и не произнесли, точнее произнесли с первого раза...

— Верник Алевтина, выйти из строя для получения нагрудного знака ВЗА! — голос эльфа звучит несколько отстраненно, словно издалека.

— Алька! Чего застыла? Чеши давай! — шипит на меня Хунька, вырывая из раздумий.

Я вздрагиваю и строевым шагом марширую к по-прежнему сидящему остроухому. Мужчина подносит к моей груди звезду и вдруг замирает, пристально и долго вглядываясь в мои глаза. А я что? Я смотрю в его — раскосые, зелененькие такие. У моего Дэна тоже зеленые, но не такие. У белобрысого ректора они, как молодая зелень — неестественно яркие, а у Дениски — больше болотные, земные, обычные. Но разве в этом дело? Дело не в цвете глаз, а в человеке и в твоём к нему отношении.

— Поздравляю Вас, кадет Верник! — произносит эльф бархатным голосом и смотрит на мою реакцию. А реакции-то нет, нету реакции! Кон-чи-лась! Поэтому улыбаюсь ему вежливо так, не отводя глаз, и улыбка становится все шире при виде опешившего эльфа, с которого от неожиданности слетела вся аура власти и высокомерия.

— Служу Отечеству! — рявкаю я и мужчина вздрагивает, приходя а себя.

— Вернитесь в строй, кадет, — уже спокойно произносит он, а я разворачиваюсь и марширую, но чувствую, как спину сверлит изучающий взгляд сказочного пережитка.

— Жоффрей Селедкин, выйти из строя для получения нагрудного знака ВЗА! — в четвертый раз оглашает уже последнюю кандидатуру эльф, а длинный, жилистый и слегка сутулый молодой мужчина из Академии Межнациональных Отношений марширует в его сторону. Не знаю по каким критериям этого нескладного юношу зачислили в нашу четверку, но общий язык мы с ним найти все же смогли. История его необычного имени оказалась весьма банальна. Мама в молодости посмотрела фильм, описывающий просто невозможно душещипательную, огромную любовь и так прониклась, что назвала старшего сына именем главного героя, а что до фамилии, то фамилию, ее, как Родину — не выбирают, правда

потом можно сменить, но тут уже от принципов и совести человека зависит. Сначала мы пробовали называть его Жофриком, но выходило как-то ругательно и он стал для нас просто Жоркой. У Жорки вечно все валилось из рук, опрокидывались окружающие предметы, он даже маршировал неуверенно, робко, что ли так маршировал, но при этом всегда и на все имел свое мнение и отстаивал свою точку зрения, как лев, как очень худой робкий, но все же лев и в большинстве случаев — оказывался прав, потому что интуиция его подводила крайне редко, практически никогда. А еще Жорик заикался, слегка, не часто и в самых неожиданных словах. Это было настолько забавно, а с комментариями Стаса становилось просто чрезвычайно уморительно. И хотя мы сами внутри четверки частенько подтрунивали друг над другом, но другим никого из своих в обиду не давали. Особенно Жорика! Как самого чувствительного и эмоционального их нас.

Кадеты, не прошедшие отбор по приказу начальника нашей летной школы спустились в зал, а на сцене остались стоять лишь мы вчетвером.

— Параллельно с отбором на Земле, проводились также отборы в некоторых крупных колониях Земного Содружества. Боевые четверки отобраны на Марсе, Европе и Ганимеде. — голос эльфа звучал четко, словно слова не вылетали а рядами складывались в пазл, — курсантам ВЗА предоставляется трехдневный отпуск для подписания обходного листа в своем учебном заведении и прощания с родственниками, если таковые имеются. Корабль ВЗА 'Этилгейл' стартует с лунного космодрома в воскресенье в 11.00 по межгалактическому времени, не прибытие кадета к данному сроку будет расценено, как дезертирство и наказано соответственно. Куратором вашей группы от Земного Сообщества назначен гвардии полковник Константин Вихров, а его заместителем — капитан Денис Истархов. По всем организационным и учебным вопросам обращайтесь непосредственно к ним. На этом все. До встречи на борту 'Этилгейл'. Кадеты, вольно! Разойтись!

Мы молча, под оглушительные аплодисменты зала и приветственные крики взошли на платформу и перенеслись к выходу. И лишь когда огромные резные двери захлопнулись за нашими спинами смогли выдохнуть и в недоумении уставились друг на друга.

— Чо это было? — выпалил Стасян.

— Насра... Насра... Нас радовать это должно! — начал было отвечать ему Жорка.

— Насра... Насра... — по привычке поддел его Стас, — ты, Жорка, теперь не просто Жоффрей, ты курсант ВЗА... А там твои каламбуры не правильно понять могут! Хотя ВЗА тоже звучит неоднозначно. И отправили нас всех в ВЗА!

Напряжение последних двух месяцев спало окончательно и мы дружно рассмеялись.

— Предлагаю отметить это событие! — Хунька, как всегда, всех взбаламутит, а сама потом самая трезвая окажется, — Выпить и немедленно!

— Я не могу... — замялась я, — мне домой к Денису надо.

— К Денису, к Денису, — передразнила подруга, — да он тебя еще как минимум пять часов еще не ждет! И вообще, Алька, ты же живая была, веселая, а стала... Как с Истарховым своим связалась совсем от коллектива отбилась. Летите же вместе! Успеете еще намиловаться.

— Не могу я, Хунь, — бросила умоляющий взгляд на подругу, — ребята, а давайте вечером, а? Сейчас по домам, а часиков в восемь в 'Пузатом боцмане', как в былые времена?

— Что с тобой поделать, раба любви, — рассмеялся Стас, — я за!

— Как ябу... Как ябу... — затараторил Жорик.

— Брат, — по-родственному похлопал Селедкина по плечу Погодин, — да ты совсем охальник. Выражается... При дамах...

— Да, иди ты! — отмахнулся Жорик, — как ябу... как я буду туда добираться? Я же не местный!

— Ах вот оно что, — понимающе усмехнулся Стас, — а я тебя заберу в 7.40 из общаги. Встретимся у входа, не опаздывай!

Погодин помахал нам рукой и поспешил к общественному телепорту. Жорик тоже, кивнув на прощание, побрел к зданию мужского общежития. А мы с Хунькой направились к стоянке личных флайкаров. Транспорт конечно не из дешевых, но подруге, как представительнице и наследнице великого тентурийского аристократического семейства с совершенно непроизносимой фамилией было вполне по карману. А я, я беззастенчиво пользовалась подружьиными дивидендами, тем более, что жили мы с ней всегда рядом, а сейчас с Денисом снимали небольшую квартирку вообще в соседнем доме и нам было по пути.

— Аль, бросала бы ты уже своего Истархова, — завела привычную песню Хунька. Уж не знаю чем, но Денис ей не нравится с первой минуты их знакомства. В его присутствии, она вся подбиралась и шипела не хуже дикой кошки, — ну поиграла немного, для здоровья, для лишения девственности, а то ее наличие в твоём возрасте было уже просто неприличным, но и хватит. Пора и честь знать. Он, конечно, первый парень на деревне, но есть в нем что-то... В общем поверь мне на слово, подруга! Как великой ведьме великого узбекского народа! Пованивает он...

— Хуня!!! — возмутилась я.

— Ну припахивает. Подумаешь, не так выразилась, нисколько не смутилась она.

— Во-первых, никакая ты не ведьма! Во-вторых, условно чистокровная узбекская родословная изрядно разбавлена тентурийской! А в третьих, Хуня, милая, я искренне не понимаю, почему ты всегда говоришь плохо о человеке, которого я люблю! Мне же это неприятно. Я люблю вас обоих, а вы все время ссоритесь.

— Алевтина, вот ты такая умная, но все же дурочка, — выдала Хунька, — ну кака така любоф? Ты просто очень ответственная и порядочная, а я не удивлюсь, если Истархов твой за твоей спиной шашни крутит.

— Хуня! — окончательно разозлилась я.

— Ладно, ладно! — примирительно подняла вверх руки подруга, — давай поговорим на другую тему. Как тебе белобрысый ректор? Красавчик! Конфетка! А голос! Алька!!! Я чуть в трусы не написала от восторга.

— Белобрысый, остроухий, эльф, — резюмировала я.

— Эльф? — недоуменно уставилась на меня Хуня, — Эльф... А Саурон... гномы с волосатыми ножками отважные клыкастые парни? А что, похож.

Мы рассмеялись, дошли до ее манерного бирюзового флайкара. Летун вздрогнул и, приняв нас на борт, плавно поднялся, встраиваясь в нужный воздушный поток.

Численность флайкаров была на редкость небольшой. Взяв курс домой, мы довольно быстро вывернули из транспортных потоков бывшей русской столицы, в окрестностях которой и располагалась наша летная школа. Фархунда провела пальчиком по сенсорной панели, перестраивая летун на разрешенную за городом скорость. Еще каких-то двадцать минут и мы будем в Питере. Родной город, совсем не такой, как на старинных гравюрах и картинах. Он был наполовину разрушен сто пятьдесят лет назад, когда Земля боролась за свою независимость от насильственной колонизации Тентура. А потом его отстраивали заново, по крупицам собирая информацию о старинных видах зданий и улиц, стараясь ни в чем не изменить его облик. Когда-то давно этот город называли 'музыкой застывшей в камне', сейчас все каменные строения утопали в зелени. Оживленные трассы исчезли, превратившись в парки, скверы и тенистые пешеходные зоны. Машины, в которых использовался двигатель внутреннего сгорания, давно изжили себя и канули в Лету. Им на смену давно пришли многофункциональные телепорты, скоростные подземные и воздушные монорельсы и вот такие флайкары на гравитационных ускорителях, как у Хуни. С развитием технологий расстояния сократились. Оно и понятно, ведь человек живущий, скажем, в Уфе всего за час мог добраться к родственникам в Лос-Анджелес.

Последняя страшная война объединила людей, заставив забыть о собственных распрях. Границы между странами исчезли, превратив нашу прекрасную планету в зеленый тенистый рай с теплыми морями, ласковыми океанами и кристально-чистыми озерами, где в любом уголке мира каждый человек чувствовал себя дома.

— Может махнем на рыбалку? — отвлек меня от мыслей голос подруги, — говорят, на Волге сейчас осетры до ста килограмм попадают.

Я покачала головой.

— Аль, ну не кисни! Все же прекрасно! — не успокаивалась она, — мы вместе и мы поступили. Нас ждут такие приключения! Ох и надерем мы в этой академии инопланетные задницы!

— Хуня! — улыбнулась я, — никогда не замечала за тобой такой кровожадности.

— А ее и не было... — она о чем-то задумалась, а потом тихо добавила, — пока я

прошлым летом не побывала у деда, на Тентуре. Знаешь, Алька, они считают нас существами второго сорта. Словно земляне и не люди вообще, а обезьяны какие-то. Они до сих пор в шоке, как это обезьяна смогла взять палку и прогнать туристов из своего леса, а то, что эти туристы грабили этот лес и насиловали этих самых обезьян никто из них не помнит.

— Хунь, — попыталась успокоить я, — просто вот уже несколько десятков лет наши цивилизации почти не сталкиваются. А после вступления Земли в МНК даже все торговые сделки совершаются на нейтральных территориях типа Лиры-7. А на Землю прилетают лишь немногочисленные туристы или, как твой отец, представители дипломатического корпуса.

— Мой отец... Алька, мой отец — благородный тентуриец, аристократ от кончиков пальцев ног до макушки, до сих пор себя винит в слабости. Он огорчен тем, что оказался настолько бессилен, что переспал с земной женщиной. Мы для них, как наркотик. Они словно крысы, закрывают глаза и идут на запах сыра. А потом, когда дурман рассеивается, они вспоминают об этом с брезгливостью. Никто не знал о том, что я выучила тентурийский, отправляясь к деду. И вот идет прием в честь моего прибытия и вдруг я слышу, как судачат две тентурийские кумушки. Одна другой говорит — 'Это и есть внучка Тапшшшанира, потомство его сына и животного с Земли?' Алька, они называли мою мать животным! А вторую радовало то, что тентурийские сильные и могучие гены подавили земные и я родилась настоящей тентурийкой, хотя и обладаю тем притягательным запахом, как мои дикие соплеменники. Дикие, Алька!

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — я попыталась подыскать слова, но они почему-то не находились, сказанное Хуней задело и меня, — после вступления Земли в Коалицию они будут вынуждены считаться с нами.

— На глазах у других рас — да! Но будь готова к подлости тентурийцев и их странному к нам отношению.

— Полагаешь, что в Академии нас могут преследовать тентурийцы? — удивилась я.

— Аль, ты чем слушала-то? — рассмеялась Хунька, — я тебе на чистом всеземном говорю — их тянет к нашим женщинам физически, на уровне запаха. Мы для них привлекательные сексуальные партнеры, так что — да, внимание тентурийцев нам обеспечено. Но и ненависть, предвзятое отношение, придирки с их стороны не исключены, даже вполне возможны. Потому что, Аль, это менталитет их родной планеты, пропаганда их правительства. Кто-то сильно расстроился, что такая богатая колония уплыла из его рук.

— Ну мы же готовы? — усмехнулась я, заметив озорной блеск в глазах подруги.

— О, даааа! — протянула она, — еще немного приготовлений и мы будем готовы ко всем неожиданностям. Завтра я слетаю в Лунгород на черную барахолку и кое-что прикуплю.

— Нет, — рассмеялась я, — ты этого не сделаешь. Там же продают...

— Вот именно! Именно! Там продают разные магические штуковины от всех колдуний и шаманов этой вселенной, и я намерена вооружиться.

— Ты не исправима! — закатила я глаза.

— Знаешь, ты тоже! — не осталась в долгу Хунька, — твоя маниакально-паталогическая тяга к Истархову просто поразительна. Тут пахнет приворотным зельем с Тсуры.

— О, Боже! Хунь, не говори ерунды, — привычно отмахнулась я, — просто тебе не нравится Денис, но мы любим друг друга.

— Да, мне не нравится Денис, — безропотно согласилась она, — а ты знаешь, кем была моя прабабка. Предчувствия меня не обманывают!

— Ты перечитала литературы о ведьмах, мистике и прочей нечистой силе, а все неизвестное давным-давно объяснили ученые, без всякой магии.

— Подлетаем, — флайкар плавно спланировал на специально оборудованную под стоянку крышу Хунькиного дома, — так какие планы?

— Вечером с вами, — отозвалась я, вылезая из кабины флайкара, — завтра с родителями, а послезавтра хочу слетать к прапрабабушке. Давно ее не видела, да и День рождения у нее скоро.

— Это же сколько бабушке Пелагее стукнет? — присвистнула подруга, заходя вслед за мной в скоростной лифт.

— Сто сорок восемь лет, — улыбнулась я.

— Огоооо! А на вид больше сорока и не дашь! — в который раз восхитилось подруга, — повезло тебе с генетикой, Верник!

— Тут не поспоришь. Только знаешь, странная у нас генетика. Вроде никаких отклонений врачи не находят, а живем долго, рождаются только девочки. Началось все с бабушки Пелагеи. Хотя, сейчас любой человек может дожить до ста пятидесяти и даже больше, лишь бы галокредитов хватило.

— Не думаю, что Пелагея Джоновна тратит галокредиты на поддержание своей молодости, — Хунька откровенно веселилась, — не в ее характере.

— Да, — тут же согласилась я, — бабушка сейчас откапывает подводный город около побережья Японских островов. Говорят он еще времен Атлантиды. Ей по косметическим клиникам бегать некогда, никогда не сидит на месте.

— Ээээх... — вздохнула подруга, — а мои родственники к семидесяти годам уже выглядят древними развалинами, как тот город, который бабушка Пелагея откапывает.

— Не переживай, тентурийцы живут до трехсот лет, а в тебе победили их гены. Сама же говорила, — подколола я Хуньку, — так что и от твоего отца есть осязаемая польза. Он улучшил генофонд твоей семьи.

— А ведь ты права, — двери лифта бесшумно растворились, открывая проход на Хунькин этаж, — Ну, до вечера, подружка!

Она чмокнула меня в щеку и вышла, а я помахала ей рукой на прощанье.

На крыльце дома, где мы с Дэном снимали небольшую квартирку, я увидела консьержа-андроида Степана Емельяновича. Как всегда, на нем была одежда в старинном русском стиле. Красная вышитая косоворотка и черные шаровары, заправленные в высокие, до блеска начищенные, хромовые сапоги, замечательно смотрелись на ладной фигуре робота. Картуз консьерж держал в руках, подставив лицо светилу, видимо, подзаряжал свои солнечные батареи.

— Доброго денька вам, любезная Алевтина Сергеевна! — поприветствовал меня Степан Емельяныч, поклонившись в пояс.

— Здравствуйте, — улыбнулась я добру молодцу, — все ли ладно в нашем королевстве?

— Да, что с им сделается? — отмахнулся робот, — а вот у вас гости.

— Гости? — удивленно спросила я.

— Да, не более часа назад ваш Денис Александрович, стало быть, прошел и краля с ним, — выложил, как на духу, консьерж, — пресимпатичнейшая я вам скажу дамочка. Да-с. Но до вашей красоты, милая Алевтина Сергеевна, далеко ей.

— Странно, мы гостей не ждали, — озадачилась я, — пойду посмотрю, кто к нам пожаловал. Хорошего вам дня, Степан Емельянович.

— И вам, девонька. И вам.

Задумавшись, я не спеша миновала просторный холл, стилизованный под древнерусский терем. Мне всегда нравились расписанные под хохлому сводчатые потолки, поддерживаемые резными каменными колоннами, изразцовая печь в углу, черно-красные мозаичные полы. На полках вдоль стен примостились старинные самовары, деревянные колеса, прялки и даже валенки. Оказываясь здесь, я всегда ощущала, что попала в старую, волшебную сказку. А может, мне так казалось, потому что душа пела и хотелось поверить в самые необыкновенные и удивительные чудеса.

Лифт быстро доставил на нужный этаж, и я, подойдя к квартире, приложила руку к панели замка. С тихим шелестом устройство идентифицировало папиллярный рисунок и двери открылись. В прихожей зажегся неярко свет, приветствуя хозяйку, в остальном же, в квартире царила тишина. Странно, неужели консьерж напутал и обозначился, хотя с роботами этой модификации такого просто не может произойти. Их сенсоры направлены на дистанционное сканирование сетчатки глаза.

Скинув форменные сапоги, всунула ноги в мягкие домашние тапочки и блаженно вздохнула, мне даже померещился стон. Стоп. Стон действительно был, потому что он повторился и принадлежал явно не мне. Это был нормальный такой мужской стон. Денис? Прислушалась. Снова сдавленно застонали. Боже! Ему плохо! Его пытаются! Паника накатила приливной волной и я сорвалась с места. Завернув за угол, обнаружила закрытую дверь нашей спальни. Мы с Дэном ее никогда не закрывали.

Точно! У него хотят выведать какой-нибудь военный секрет, они специально подгадали такое время, когда меня не будет дома и напали. Держись, милый! Я сейчас! Скинув тапочки, я на цыпочках прокралась на кухню и вооружившись огромным кухонным ножом бесшумной тенью рванула к спальне. Дотронулась до сенсорной ручки и дверь плавно отъехала в сторону.

— Попались гад... — и тут я осеклась.

На постели стонал Денис а между его ног сидела голая девица, вобрав в рот его член. Чавканье, которое она издавала при этом было крайне неприличным... Увидев меня с ножом в руке, глаза Дениса округлились от ужаса, он как-то неловко дернулся. Видимо, страх спровоцировал скорейшее окончание разыгравшейся передо мной сцены и Дэн кончил, выгнувшись и простонав: 'Ааааляя...'. Девица, не ожидавшая такой спонтанной разрядки, подавилась и закашлялась. А я... Я... У меня опустились руки и нож упал на пол.

В голове царил хаос. Что же говорят в таких случаях? До меня все никак не доходило, что мой любимый, мужчина, которому я принадлежала вся без остатка, которому я верила мог вот так просто меня обманывать. Глупо. Как же глупо все вышло. Денис первый вышел из ступора, попытавшись оттолкнуть девицу, захлебывающуюся кашлем. Ее лицо покраснело, а тушь черными потоками вместе со слезами текла по щекам. 'Дешевая, — подумала я, увидев разводы, — как и ее любовь.' Молча развернулась и ушла на кухню.

— Аленький, я все объясню, — побежал за мной Денис, на ходу напяливая на себя штаны.

Войдя на кухню, первым делом, рванула на себя рамы, распахивая окно настежь. Удушающий запах чужого секса жег мне легкие, лишая возможности дышать. Порыв ветра откинул назад непослушные, выбившиеся из косы пряди и приятно освежил разгоряченное лицо. Я взглянула на небо. Небо, оно всегда меня манило, притягивало. Я грезила полетами, я мечтала летать всегда, сколько себя помнила. И учиться в летную школу пошла, чтобы

стать хоть на шаг ближе к своей мечте. Почему же за последний год я ни разу не смотрела на него, ни в дневную синь, освещенную солнцем, ни на нахмуренные облака, даже свои любимые звезды я не замечала вот уже год. Что произошло? Денис затмил для меня весь мир, отодвинув мечту. Нет. Задвинув ее в далекий чулан, как что-то ненужное и неважное, оставив взамен лишь себя. Ради него я жила, вокруг него вертелся весь мир, даже этот ненавистный конкурс я выиграла ради него. И что получила? Оперлась на подоконник, вдыхая свежий воздух.

— Что ты задумала? — Денис рванулся вперед и обняв меня за талию отодвинул от окна, прикрывая рамы, — не смей, слышишь?

— Что? — до меня упрямо не доходил смысл его действий.

— Я не отпущу тебя! Ты должна жить!

'О чем это он?' — судорожно размышляла я.

— Ты подумал, что я хочу трагически завершить свой жизненный путь от неразделенной любви? — озарило меня.

Озадаченное лицо Дениса, на котором прочесть мою правоту не составило труда, рассмешило меня и по кухне разнесся мой залиvistый смех. Я смеялась так, что из глаз полились слезы. Всклипывая, вытирала их рукавом парадного кителя, снова смотрела на Дениса, явно сомневающегося в моей вменяемости, и снова смеялась. Только минуты через две смогла отдышаться и выдавить из себя:

— Истархов, окно открой. Не собираюсь я бросаться с семьдесят четвертого этажа.

— Да ты почти вылезла в него! — прошипел Дэн.

— Только потому, что твоим разворотом провоняла вся квартира, — спокойно ответила я, и оттолкнув его плечом, заказала у кухонного автомата с напитками ромашкового чая.

Повернувшись, увидела застывшего Дениса. Он сглотнул и прошептал:

— Раньше тебя не раздражал мой запах.

— Так своё, оно не пахнет, Истархов, — улыбнулась я, — а ты с сегодняшнего дня и до окончания времен больше не мое.

— Аля... — он нервничал. Он всегда натирал костяшки пальцев, когда нервничал, — позволь мне объяснить.

В этот момент на кухню выплыла пассия Дениса. Лицо вошедшей показалось мне смутно знакомым. Кажется, я видела ее в летной школе. Девушка училась на курс младше и Дэн преподавал у них космическую навигацию.

— Здравствуйте, — девица оказалась еще и вежливой, — меня зовут...

— Не люблю перегружать память лишней информацией, — откровенно нетактично перебила ее я, поворачиваясь спиной к вошедшей и давая понять, что разговор закончен и она здесь явно лишняя.

— Я позвоню тебе, любимый, — обиженно всхлипнула 'наша гостья' и выпорхнула из кухни, а судя по щелкнувшей в прихожей двери, и из квартиры тоже.

— Она позвонит тебе, любимый, — на всякий случай перевела я слова девушки Денису, который снова подозрительно застыл.

Пискнул автомат с напитками и за стеклом появилась дымящаяся чашка. Проходя мимо соляного столба Дениса помахала у него перед глазами ладошкой.

— Э-эээй! Отомри! — скомандовала я, доставая вожделенный напиток, — кто-то грозился рассказать, как непослушный, самостоятельный член в обход хозяина нагло прыгает в чужие рты.

Усевшись за стол, с наслаждением отхлебнула ароматного чая. Прикрыв глаза, я чувствовала, как приятное тепло стекает по пищеводу, словно размораживая меня изнутри. Нет, все произошедшее до сих пор казалось мне халтурно-снятым фильмом, где события происходят с кем угодно, но только не со мной, Алькой Верник. Потому что со мной такого произойти точно не могло. Еще утром Денис шептал слова любви, обнимал, целовал, желал удачи и всего через несколько часов я застаю...

Рядом скрипнул отодвигаясь стул. Не открывая глаз, почувствовала, как Денис присел рядом.

— Алька... Аленький... — начал он, накрывая мою руку, свободно лежащую на столе, своей. Я дернулась, словно до меня дотронулась ядовитая змея.

— Не смей называть меня 'Аленький', Истархов! — распахнула глаза и грозно посмотрела на него.

— Хорошо, — выдохнул он и весь как-то сдулся, плечи поникли, руки опустились, — Аля, на дворе двадцать пятый век, верность уже давно стала устаревшим понятием. Ну, что такого страшного произошло? Ну позабавился я с симпатичной девочкой, но люблю то я только тебя!

— Истархов, — меня аж перекосило от накатившей брезгливости, — ты, вот сейчас, говоришь серьезно? Ты правда так думаешь или тебе просто нечего сказать?

— Я мужчина, Аля, — он как будто не заметил моей реакции и продолжал, — а мужчинам свойственны некоторые вольности, более того — они для мужчин нормальны. Ты слишком неопытна и скованна в постели, и закономерно, что я искал на стороне определенного разнообразия.

— Раскрепощенности искал? — прошипела я сквозь зубы.

— Да, — на автомате подтвердил Денис, а потом взглянул на меня и задумался, — неужели перестало действовать? Ну да... Уже ведь год прошел.

Его последний вопрос был мне непонятен, да и не относился он ко мне. Словно Денис спрашивал сам себя. Поэтому я насторожилась и решила уточнить:

— Что именно перестало действовать?

— А? Что? — встрепнулся Дэн, но быстро взял себя в руки, — не бери в голову. Так... Ерунда одна...

— Истархов, расскажи мне все по-хорошему. Сам, — тихо предупредила я, — что именно перестало действовать?

— Аля, поверь, это не относится к тому, что сегодня произошло.

— Верю. Но это относится к моей реакции, на то, что произошло, не так ли?

— Ну... — рассмеялся он, а я заскрипела зубами от злости, — неужели ты веришь в сказки и во всю эту волшебную чушь?

И тут в моей голове всплыл наш шуточный разговор с Хуней и пазл сложился.

— Приворотное зелье? — выпалила я.

— Откуда... — начал было он, но продолжил, — не говори глупости...

— Истархов, если ты не признаешься сам, то я завтра же пойду и сдам в медлабораторию профессору Крупсу, чтобы он выяснил какое постороннее вещество или его остаточные компоненты годичной давности содержатся в моей крови и с какой целью они туда попали. Наш эскулап очень любит работать с соединениями, оказывающими на человека психологическое воздействие, подавляющими его волю или принуждающими совершать что-то ему не свойственное, — начала я тихо, а под конец моей гневной речи уже

просто орала на Дэна, — ты, видимо, слишком увлекся своей навигацией и плохо изучил действующее законодательство. Так вот, использование таких препаратов на Земле карается пятилетними принудительными работами на благо Отечества. Расскажешь честно или я иду к Крупсу?

— Расскажу, — обреченно вздохнул Дэн, — все началось с шутки. Ты ходила по школе, вся такая гордая, неприступная, желанная для каждого и в то же время ничья. Ты даже не замечала, как облизываются все мужчины, провожая тебя взглядом. Красивых женщин, их много, Аль, а такая, как ты — одна. И я хотел тебя, хотел так сильно, что порой видел во сне, как мы...

— Денис! — крикнула я на него. На самом деле, очень хотелось ударить, сделать больно, сделать гораздо больнее, чем сделали сегодня мне. А каждое слово Истархова словно нож впивалось в меня. Как же дико больно, когда тебя предают. А предательство дорогого человека в сто крат больнее.

— Как-то субботним вечером, за кружкой пива и не только, в нашем любимом баре собрались я и еще несколько офицеров нашей школы, разговор зашел о тебе, о неприступной Альке Верник. К тому моменту мы изрядно набрались и поспорили, что я смогу тебя охмурить и ты станешь моей, что я завоюю тебя в течении месяца. — Мои ладони под столом непроизвольно сжались в кулаки, — только утром, Аля, я осознал, как сглупил. А через неделю, когда ты отвергла три моих приглашения, наступило отчаяние. Ты даже не соблазнилась свободным полетом на учебном истребителе вокруг планеты, а я целый день потратил, чтобы все организовать. Тогда, потеряв всякую надежду завоевать тебя честно, отправился в Лунгород на черную барахолку и приобрел то приворотное зелье у какого-то шамана с Тсуры, а на следующий день в столовой капнул несколько капель в твой стакан с соком.

— Это тогда, когда после экзамена ты сидел рядом и держал меня за руку, объясняя промахи курсантов в полете? — осенило меня. Тогда я сидела в столовой, пила сок и недоумевала, почему я всегда отталкивала этого милого и прекрасного мужчину, как я могла не заметить его ума, красоты, учтивости, а оказывается — это были вовсе не мои мысли.

— Да, — он вновь попытался найти под столом мою руку, но я упрямо одернула ее, — в тот вечер, ты первый раз пошла со мной на свидание. Помнишь, Алень... Аля. Как нам тогда было весело? Мы катались на каруселях, ели мороженное и я выиграл для тебя в тире твоего любимого мягкого тигра. И хотя в тот день между нами больше ничего не произошло, домой я летел на крыльях и никак не мог поверить, что ты была со мной.

— Что же случилось потом, Денис? Твое счастье было недолгим?

— Да, Аля! Да! Эйфория схлынула так быстро, что я и оглянуться не успел. Ты была так близко и так далеко одновременно! Ты была со мной, ты говорила со мной, спала со мной... Но это была не ты, Аля! Это была живая кукла! Это было чертово зелье! От выигрыша я отказался, потому что всего лишь раз побыв с тобой, я понял — ты мой наркотик. Я хотел тебе рассказать... Хотел во всем признаться, прекратить все это, но я не нашел в себе сил... Приходил домой, видел твои глаза и... не мог в них смотреть! Не мог! Сначала начал задерживаться, прикрываясь работой, одно время выпивал, но возвращался к тебе, я всегда полз к тебе, Алька, потому что без тебя было в сотню раз хуже! Парадокс! Видеть тебя не мог, а не видеть не мог еще больше. Я страдал! Никак не мог вырваться из этого замкнутого круга, а потом появились другие женщины, которые, пусть мимолетно, но дарили подлинные чувства. Чееееерт!!! Аля!!! Но сколько бы их ни было, на их месте я все время

представлял тебя!!! Я возвращался к тебе, как побитая собака, и падал в ноги. Я готов был скулить, вымаливая твою улыбку... И эта твоя Фархунда, она всегда смотрела на меня, словно видела насквозь, всегда в чем-то подозревала! Да, она ведьма!

— Не тронь Хуню, Истархов. В отличии от тебя, она меня не предавала, — устало ответила ему я. Было мерзко, хотелось забраться в душ и тереть себя мочалкой до тех пор, пока вся грязь, что сегодня на меня налипла, не смоется. Но тело отмыть гораздо проще, а вот душу... С душой сложнее..

— Я люблю тебя, Аля... — Простонал Дэн, — я так тебя люблю, что это чувство выжигает меня! Мне больно от этого чувства, Аля!

— Я! Я! Я! Мне! Истархов, а как же я? А мне не больно? Я верила, что на самом деле люблю тебя, а все оказалось призрачной дымкой. Ты даже совершив этот гнусный поступок, предавал меня снова и снова. Ты украл у меня целый год жизни, заменив его уродливой пародией на чувства. Ты чуть не украл у меня мечту... И это ты называешь любовью? Ты эгоистичный, жалкий и трусливый, Истархов. Видеть тебя не хочу.

Я поднялась, Дэн вскочил вслед за мной.

— Аленький! Прости... Прости меня... Не смогу без тебя!

— Стоять! — заорала я, когда он попытался обнять меня, и выплеснула ему в лицо остатки уже остывшего чая, — какой же ты... козел, капитан Истархов. И запомни, в ВЗА не будет больше Дениса и Али, теперь везде и всегда будут только капитан Истархов и кадет Верник!

— Ты прошла... — прошептал он.

— Да, я прошла! Я прошла ради тебя, Дэн, ради нашей любви... А ее никогда и не было...

— Аля...

— Исполни хотя бы последнее мое желание — не выходи из кухни пока я буду собирать вещи. Видеть тебя не могу. Противно.

Денис Истархов, моя первая, теперь уже бывшая любовь, так и остался сидеть на кухне нашей съемной квартиры, в лживом, придуманном мирке. Он не вышел пока я швыряла в большую спортивную сумку свои вещи, не вышел пока я обувала сапоги в прихожей, не вышел, когда я стирала свои данные из программы входного замка. И правильно сделал, потому что его больше нет в моей жизни, в моих мыслях и в моей душе. Только почему же так холодно и пусто, почему так хочется сжаться в комочек и скулить от горя и потери...

Я вошла в лифт, оставляя за спиной прочитанную страницу своей жизни, впереди меня ожидает еще много, много других страниц, и какими они окажутся зависит только от меня. Сквозь прозрачные стены лифта я видела небо, его синь манила, звала и вселяла надежду... Еще совсем немного и прежняя бесшабашная Алька Верник вернется, вот поплачет на плече лучшей подруги и вернется, окончательно и бесповоротно.

Дом Хуни отличался от множества типовых небоскребов вокруг — невысокий особнячок, квартир на пятьсот, не более сорока этажей, оформленный в стиле доброго староанглийского классицизма. Здание строгое и какое-то излишне чопорное, от окон с белыми ставнями до муляжей каминных труб на покрытой черепицей крыше. Обязательный палисадничек огорожен тщательно подстриженной живой изгородью. Даже вместо консьержа здесь был самый настоящий дворецкий, одетый в камзол, чулки и панталоны. Андроида Томаса я недолюбливала за его излишний педантизм, показное высокомерие и вредность. Если бы не увидела воочию, никогда бы не поверила, что робот может быть таким... Шутка программиста. В последнее время стало модным наделять андроидов определенными чертами характера, как хорошими, так и плохими, очеловечивать, как писала об этом пресса. Наш Степан Емельянович мне очень нравился, но Томас...

Настроение итак было ниже плинтуса, невыплаканные слезы душили, а безмерная горечь рвала сердце на части. При виде Томаса, вытянувшегося по струнке перед резными белоснежными дверями, мое состояние не улучшилось.

— Леди, — медленно произнес робот, глядя сквозь меня, — чем могу быть полезен?

— Ничем, — буркнула я, пытаюсь обойти дворецкого по дуге. Не тут то было.

— Леди Ткхшшшарсинсит, сейчас не принимают, — он попытался заступить мне дорогу. Надо же, и фамилию Хунькину не исковеркал.

— Меня примут, — я почти проскочила в холл, но была схвачена за рукав форменного кителя.

— Пойдите, юная леди, — андроид закатил глаза и я поняла, что попала. Томас готовился к очередной лекции по этикету, перестраиваясь на преподавательский тон, — попав в приличный дом, вы должны вести себя как леди и поступать соответствующе...

— Томас, миленький, — взмолилась я, выдергивая китель из цепких пальцев робота, — я тебя потом выслушаю, даже три раза...

— Повторюсь вновь, ваша подруга занята и принять вас не может, — но я, подхватив упавшую сумку, уже неслась к лифту. Дворецкий рванул за мной.

— Леди, остановитесь! У вас нестабильное эмоциональное состояние! Вы нуждаетесь в нравоучительной, успокаивающей беседе.

— Да пошел ты, болванка биомассовая... — проворчала я, с удовольствием нажимая на панель. Двери закрылись, а андроид все еще размахивал руками где-то внизу.

— Куда катится современная молодежь! Никакого воспитания! Никакого уважения к старшим! — донеслось до меня. Тоже мне старший! Да его от силы лет двенадцать назад собрали.

Однако, моя стычка с занудой стилизованным под местные интерьеры отвлекла и помогла немного прийти в себя. Когда я прикладывала ладонь к сенсорной панели Хунькиной квартиры, сердце уже не выпрыгивало из груди, а просто билось чуть быстрее обычного. Все-таки не каждый день вас бросает любимый.

— Ее Величество занята королевскими делами и не может отвлекаться на пустые разговоры. Если вы считаете, что достойны аудиенции у Ее Величества — ждите, — пропела дверь.

В прежние времена Хунин юмор вызывал у меня улыбку, но не сейчас. Сейчас он меня

бесил! И я сделала то, что на моем месте сделал бы каждый, вне зависимости от века в котором живет — я пнула эту чертову дверь и кажется сломала ее. Потому что фраза, которую повторял интер-привратник мелодичным женским голосом изменилась и звучала басом примерно так:

— ... заааняутоу коооороулеускиумиу деееулаумиу... ждиите...

— Да что ж такое! У кого там лицо под неприятности заточено? — распахнулась дверь и я увидела всклокоченную Хуню, спешно запахивающую халат. Я ее увидела и вот именно сейчас меня прорвало. Глаза защипало и по щекам покатались слезы.

— Хууууня... — я всхлипнула, бросившись на шею подруги.

— Алька! — выдохнула леди Ткхшшшарсинсит и обняла меня, проводя в свои апартаменты, — Что случилось?

Но ответить я не могла. Рыдания просто рвались из груди, а внутри была такая пустота, что, казалось, ее ничто не сможет заполнить.

— Верник, — сурово начала Фархунда, проведя меня в гостиную и усадив в мягкое кресло, — я тебя никогда такой не видела! Колись, что стряслось за эти полчаса? Колись, не то хуже будет!

Рука сама потянулась к нагрудному кармашку, я достала платок и всхлипнула. Если бы Хунька стала меня успокаивать, то, возможно, у меня началась бы истерика, но строгий тон школьной училки отрезвил.

— Феклуша, — позвала подруга, — у нас гости. Неси коньяку, мой мальчик. Да лимончик порежь и чего еще... колбаски там разной.

Домашний андроид Хуни, Феокл, вышел почему-то из спальни. Одет он был в лучших традициях минимализма. Кроме небольшого полотенца, прикрывающего узкой полоской его чресла и ярких желто-красных веселеньких носочков на подтяжках на нем не наблюдалось ничего. Феокл — андроид улучшенной комплектации, с кучей полезных и бесполезных функций, знаний и умений, модели Грек-2427, обычно облачался в белоснежную тогу, скрывающую его бронзовое, атлетическое тело, и сандалии, сплетенные из тонких кожаных ремешков. Красота этого человекоподобного робота поражала своим совершенством. Все в Феклуше было прекрасным. Его бархатный голос, фигура Аполлона, копна золотых волос и синие, как озера, глаза стали предметом зависти почти всех Хуниных знакомых, ну кроме меня, разумеется. Модель нового ультра современного домашнего робота хоть и обошлась Хуне в 'копеечку', зато все курсантки нашей летной школы томно вздыхали, когда этот греческий бог иногда встречал свою хозяйку у дверей альма-матер. С видом одного из основных богов греческого пантеона Феокл прошествовал на кухню, ворча под нос что-то в духе: 'Не царское это дело...!'

— Поговори мне еще! — пригрозила Хуня, — живо батарейки повыкручиваю!

— Он же... он же... он же... — пыталась сказать я, подавляя рваные вздохи после рыдания.

— Голый, — подтвердила подруга, — ну а чем мы с ним занимались в спальне, как ты думаешь?

Я подумала. Потом еще подумала и опять подумала. А потом, я наотрез отказалась верить в то, что надумал мой воспаленный мозг.

— Вы там... — подняв удивленный взгляд на Хуню, поняла, что моя догадка верна, — он же робот!

— Робот конечно, — усмехнулась она, — но с усовершенствованной функцией того

самого. Ты не представляешь во сколько мне обходится ежемесячный апгрейд, но оно того стоит. Вибрация включается по команде, двадцать скоростных режимов. Да! Кстати, есть даже вибрация языка...

— Прекрати! — взмолилась я, — это отвратительно!

— Дурочка что ли? — удивилась Хуня, — это очень даже приятно. А главное удобно. Никаких тебе обязанностей, скандалов, отчетов. Агрегаты после использования ему лосьенчиком протер и он, как новенький.

— Фууу, — скривилась я.

— Он и сам может протереть, — пожала плечами подружка, — но мне нравится процесс. Во мне умер великий механик, как думаешь?

В этот момент Феокл, нисколько не стесняясь своего фривольного вида, чинно вкатил небольшой столик, на котором уже стояли пузатые бокалы, огромная бутылка коньяка и тарелочки со всякой снедью. От смущения я опустила глаза. Заметив это, Хуня скомандовала:

— Феклушенька, радость моя, фруктиков нам принеси и оденься! — а потом добавила, обращаясь уже ко мне, — ой не понимаю я тебя, Верник. Сама же сказала — робот он, а смущаешься, как будто перед тобой натуральный голый мужик ходит.

— Ну он же мужик, — выдохнула я.

— Он — не мужик! Он муляж! Заменитель пылесоса, кухонного комбайна, шофера, домработницы, того же самого мужика! Заменитель! Ты ж его пылесосом не называешь.

— Потому что он не похож. — ответила я, — а секс — это очень интимно, а я вам помешала... а вы...

— Стоп! Стоп! Стоп! Верник, очнись, — прервала меня Хуня, разливая по бокалам горячительное, — сейчас ты договоришься, что я себя извращенкой почувствую. Я, Аленька, нормальная, здоровая, одинокая женщина, без оформленных и неоформленных обязательств. И это нормально — иногда придаваться плотским утехам. И вообще, Верник, ты размышляешь, как девственница из тьмы веков, а сейчас двадцать пятый век на дворе. Календарь смотрела? Так вот! Секс сейчас — это даже не повод для знакомства.

— Я против беспорядочных половых связей, — еще больше смущаясь выпалила я, а она почему-то рассмеялась.

— А мои связи, Альк, очень порядочные, — продолжая ржать, доверительно поведала мне Хуня, — даже спиртосодержащим протерты. Держи!

Она всунула мне в руку наполовину наполненный бокал, а в другую ломтик лимона.

— А теперь живо! Залпом! Не чокаясь! — подавая пример, Фархунда опрокинула в себя огненную жидкость, скривилась и тут же закусила лимончиком, отчего скривилась еще больше и даже передернулась, — ну, чего ждешь-то?

И я глотнула, и еще глотнула, а потом закашлялась и захрипела.

— И секс тебя смущает, и пить ты не умеешь, — констатировала факт подруга, — пора браться за твоё воспитание.

Едва отдышавшись, я положила на язык ломтик лимона и блаженно зажмурилась. Приятное тепло разливалось по телу, делая его легким, как перышко. Голова совсем чуточку закружилась...

— Хорошо? — усмехнулась подружка.

— Определенно, да, — кивнула я.

— Надо заполировать эффект, — протянула мне бутерброд с икрой Хуня и наполнила

бокалы по новой. — Ну, за что пьем?

— За верность! — выпалила я и первая опрокинула в себя бокал. Второй определенно пошел легче.

— Хороший тост, — Хуня не спеша выпила и уставилась на меня, не мигая, — а сейчас может расскажешь, что у тебя произошло?

После повторно влитой порции коньяка, истерика, как-то медленно, нехотя отступила. Я откусила большой кусок от густо намазанного янтарными икринками бутерброда и поняла, что жизнь сегодня не закончилась, она, наоборот, предоставила мне щедрую возможность исправить ошибки и начать все с чистого листа. Прикрыв глаза от удовольствия, ловила потрясающие ощущения от лопающихся на языке икринок. Все произошедшее уже не казалось мне таким мрачным. Нет, безусловно, это было омерзительно, подло и низко, но... как-то не трагично что ли. А ведь я любила Дэна... Нет, не так. Я ведь думала, что люблю этого чертова эгоиста Истархова! Получается, что Алька Верник тоже лгуня, потому что любовь не испаряется, как пролитая на мостовую в жаркий летний день вода.

— А давай еще по одной! — предложила я, оторопевшей подруге, потирая ручонки.

— Ты ли это? Куда ты дел мою скромную подругу, проклятый пришелец, захвативший ее тело? — и мы рассмеялись, потом хлопнули еще по одной и я, собравшись с духом рассказала...

Слез больше не было, а каждое, сказанное мною слово, словно очищало изнутри, даря равновесие и спокойствие. Я выплеснула Хуне все свои горести, рассказав о безобразной картине, которую застала в нашей с Дэном спальне. Рассказала и о разговоре, о том, что изменял, что использовал, что спорил... А потом о приворотном зелье с Тсуры.

— Я так и знала! — выпалила подруга, — вот чувствовало мое сердце — нечисто между вами. А это значит, что?

— Что? — удивленно посмотрела на нее я.

— Я ведьма! Самая настоящая, потомственная ведьма, как бабуля Сагадат! — моя скептическая ухмылка не омрачила ее настроения, — да мы с моим даром всю эту их инопланетную ВЗА на уши подыдем.

— Хунечка! — взмолилась я.

— Никакой пощады тантурийцам! — в ее глазах мелькнул пьяный блеск, — моя завтрашняя поездка в Лунгород становится все более актуальной. Заодно и нейтрализатор тебе подыщу и амулет, защищающий от приворота. А то любовничек твой бывший тоже летит.

— Летит, — поморщилась я, как от зубной боли.

— Как говоришь ты влетела? 'Попались, гады' — орала? — Хуня накапала еще по половинке, а я обреченно кивнула, — еще по одной и все, нам еще в 'Пузатом боцмане' оторваться надо, напоследок. Чтоб запомнили.

Я молча выпила, закусила лимончиком и с хрустом вгрызлась в сочное яблоко. Моя деятельная подруга места себе не находила. С Хуней случился такой прилив адреналина, что ее просто распирало.

— Так говоришь подавилась она, закашлялась? — я вновь кивнула, молча откусывая очередной кусок яблока, а леди Ткхшшшарсинсит рассмеялась, опустившись на пол и схватившись за живот, — а представь, если бы она тоже испугалась, да прикусила... да челюсти бы у нее свело от ужаса... — Хуня подвывала от смеха, а из ее желтых глаз

катились крупные слезинки, — Алька... да ему бы не один медбокс обратно не пришел бы!

Я удивленно открыла рот, недонеся яблоко, потом представила картинку и тоже рассмеялась. Да, так бывает, старая страница моей прежней жизни перевернулась безвозвратно... и, пожалуй, относительно безболезненно.

— Чего расселась, Верник? Как будто тебя кто-то здесь коньяком поит! Собирайся! У нас встреча а баре с ребятами, будем создавать свою коалицию по борьбе с инопланетными захватчиками!

— Не все жители иных планет захватчики, Хуня, — возразила я подруге, — и давай как-то без членовредительства.

— Так и быть, — покорно согласилась она, — члены я им оставлю, а вот об остальных частях тела — подумаю. Ты давай закусывай, Верник, вон как тебя развезло-то.

И Хуня, напевая под нос древнюю, но снова ставшую популярной за время колонизации песню 'Отречемся от старого мира...', пошла вновь облачаться в парадную форму курсанта Высшей Летной Школы. А я... Я отчего-то предчувствовала, что проблем нам не избежать, но это меня не страшило, то ли от наивности и молодости, то ли от принятой дозы горячительного.

— Феклуша, включай режим 'трезвый водитель' и дуй за руль, — сказала, уже облаченная в парадную форму Хунька, вышагивая из спальни.

Феокл, тоже переодевшийся в строгий костюм лилового цвета, с видом бога, сошедшего к смертным, с достоинством кивнул и направился к выходу из апартаментов леди Ткхшшшарсинсит.

Стоять! — крикнула ему Хунька и андроид застыл на месте. А подруга подозрительно так посматривала, переводя взгляд с робота на меня и обратно.

— Что ты задумала? — напряглась я.

— Расслабься, — улыбнулась подруга, радужно так улыбнулась. От такой улыбки стало вдвойне неуютно и еще подозрительнее, — абсолютно ничего я не надумала. Я просто знаю, что тебя отвлечет от грустных мыслей, скрасит одиночество и заставит не думать о твоём блондинистом любовничке, пока я завтра тебе эликсир противодействия с барахолки не притараню.

— Хуня, — взвыла я, строго смотря на этот генератор идей, — лучше честно признайся, что ты задумала!

— Говорю же — ни-че-го! Вот ты неверующая, Верник! Нельзя быть такой с людьми, которые искренне хотят помочь, — надула хорошенькие губки подруга.

— Знаю я... Твоя помощь, подпитываемая неумным энтузиазмом, может вырасти до размеров весеннего цунами на Ганимеде.

— Ничего глобального я не замышляла, — фыркнула Хунька, — всего лишь помочь хотела. Помнишь, что древние говорили — клин клином вышибают. Вот я и подумала, что мой Феклуша вполне мог бы помочь тебе забыть твоего распрекрасного.

— Чтоооо-ооо? — взревела я, вскакивая с кресла, — да как тебе в голову такое пришло!!!!

— А что? — захлопала своими желтыми глазищами Хунька, — он и словечки всякие ласковые знает, и вибрация, и...

Видимо, что-то в моем взгляде заставило ее замолчать. Фархунда осеклась на полуслове, задумалась, а потом продолжила, как ни в чем не бывало:

— Ну если Феклушу не хочешь, то тебе нужно обратиться а Центр обретения психической стабильности. Ну надо, Верник, надо. Вон ты какая взвинченная, на друзей бросаешься, подруг любимых пугаешь...

— Неужели я настолько психически нестабильна, что ты даешь мне такие советы? — хотя, слова Хуни заставили меня задуматься.

— Алька, ну ты же всегда спокойная, я в жизни не видела твоих слез, — в глазах подруги, я увидела искреннее беспокойство, — а сегодня... В общем, сходи, пожалуйста! А я успокоюсь.

— Хунь, но там же... рассказать придется и вообще...

— Там все анонимно и работают только андроиды, программа которых не позволяет и слова сказать о своих клиентах. Ты даже можешь не называть своего настоящего имени.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно глянула на в миг притихшую подругу.

— Была, — как-то не хотя призналась она, — после неудачного романа с тем астерийцем, который прилетал к нам по обмену, и была. Помнишь?

— Ратеша? Ратеша Тава? — опешила я, — он и ты?

— Да, — тихо так призналась Хунька, — я влюбилась в этого синеволосого гада и, мне казалось, что он тоже меня любит. А потом, перед своим отлетом... — глаза Хуни наполнились слезами.

— Я же не знала, — подойдя близко, обняла плачущую подругу, — я же ничего не знала...

— Конечно не знала, — мягко отстранилась Хуня, — ты кроме своего Истархова больше никого тогда не видела, а мне, кроме тебя и рассказать было некому.

— Прости меня, — прошептала я.

— Да брось, Верник, — улыбнулась мне, уже взявшая себя в руки подруга, — что нас не убивает — делает сильнее. Конечно, каждой, а особенно влюбленной женщине, будет больно и обидно услышать то, что мне сказал Ратеша. 'Самочки Земли превосходны. Прилечу домой, заведу парочку похожих на тебя' — передразнила Хуня астерийца, тщательно копируя его акцент.

— Вот гад! — возмутилась я.

— Гад... Наверное... Менталитет у них такой, Алька, патриархальный. Женщина никто, их много и с их мнением не считаются вообще. Я потом уже разыскивала данные в научных статьях. Пыталась найти ответ на мучавший меня вопрос — почему он так поступил со мной. А оказалось, просто попользовался, не задумываясь о моих чувствах. Зато теперь у меня есть Феклуша, жаль, что в академии его придется отключить и сдать на хранение.

— Дааа... Делааа... — протянула я, — все-таки мало мы знаем об особенностях жителей других планет и информации мало.

— Мало, — согласилась Хуня, — а большая часть и без того скудной информации скрыта грифами секретно.

— Значит будем втройне осторожны в этой их ВЗА!

— Каждой инопланетной заднице по приключению! — глаза подруги полыхали жадой мести, — запомнят Землян и станут с ними считаться всегда и везде!

— Я с тобой, — просто ответила я и протянула руку подруге.

— И я с тобой, — Хунька пожала протянутую ладонь, — осталось донести это до Стаса и Жорки.

— На посошок? — я протянула ей бокал с коньяком.

— За то, чтоб справедливость восторжествовала! — торжественно произнесла Фархунда.

— За справедливость! — поддержала ее я.

Феокл плавно посадил флайкар на стоянку перед нашим баром. 'Пузатый боцман' приветливо встретил нас неоновыми огнями вывески, нетрезвыми выкриками и доносившимися звуками громкой танцевальной музыки. Время было еще не позднее и ни разборок, ни потасовок, ни уличных выяснений отношений на пяточке перед заведением пока не наблюдалось. Даже сильно захмелевшие клиенты вели себя как-то по-философски тихо, задумчиво созерцая мир.

В душном зале сновали проворные андроиды-официантки, согласно программе кокетливо хихикая в ответ на сомнительные комплименты в их адрес, а за стойкой возвышался сам хозяин. Гарри, так его звали, вид имел колоритный и притягивающий взгляд. Огромного роста, с большим пивным животом и окладистой рыжей бородой, одетый

в неизменную тельняшку времен промышленного судоходства, он возвышался над посетителями, следя внимательным цепким взглядом за порядком.

— О-о-о-о! — заорал Гарри оглушающим басом, завидев нас, — Сто чертей мне в глотку! Алевтина! Фархунда! Мои славные матросики!

И эта громадина выдвинулась из-за стойки, чтобы обнять притихших нас. Гарри всегда так делал, но после его медвежьих объятий ребра ломило нещадно. Матросиками он стал называть нас после нашего первого посещения 'Пузатого бодмана', аккуратно на первом курсе. Именно здесь весь наш курс и отмечал посвящение в курсанты. Да... тогда все мы так посвятились, что на утро мало кто что помнил, но вот прозвище 'матросики Гарри' так и прилипло к нам с Хуней.

Мгновение и с силой кузнечного пресса нас припечатало к толстым бокам хозяина бара, которого не смутил наш сдавленный писк.

— Матросики, — орал он, — как же я рад! Первая пинта за счет заведения! К моим матросикам не приставать! Все слышали?!

Рык разнесся, отражаясь от толстых деревянных балок, и заставил на короткое время стихнуть привычный здесь гул голосов. Гарри встрепенулся и направился к нашему любимому столику, скрытому в нише, практически неся нас за собой.

— А ваши курсантики уже заждались, — продолжал он басить по дороге, — покусаете чего? Я вам такую скумбрию на гриле организую — языки попроглатываете!

Тиски, в которых пребывали наши с Хуней тела, ослабли, давая нам возможность вздохнуть. Пока мы, как две выброшенные на берег рыбы, жадно хватали воздух широко раскрывая рты, Гарри продолжил:

— Ну так как на счет скумбрии?

— Положительно, — выдохнула первая отдышавшаяся я, — спасибо! И Гарри, еще по пинте твоего эля, фирменного.

— Может сразу с рома начнете? С беленького? — хитро ухмыльнулся рыжий искуситель.

— Ромом еду не запивают! С коньяка начали им же и закончим. Неси бутылку, Гарри! — отмерла Хунька, — а лучше две и лимончик не забудь. Еще за головорезами своими проследи, чтоб Феклушу моего не обидели на стоянке для флайкаров, как в прошлый раз.

— Обидишь твоего Феклушеньку, как же, — хмыкнула гора в рыжую бороду, — да после того раза из-за твоего Феклуши я трех вышибал в ремонт и переборку отдавал.

— Они сами полезли, — огрызнулась Хуня.

— Программа у них такая, — развел руками-лопатами Гарри, — иначе колорит потеряется. Мои андроиды — прототипы вышибал и официанток подобных пабов прошлого, все здесь исторически правильно, поэтому и успех у заведения немалый.

Владелец бара по-хозяйски любовно окинул взглядом свою вотчину и с гордостью расправил плечи.

— У тебя чудесный бар, Гарри, — сказала я, — и ты чудесный.

— Подхалимка, — весело хмыкнул гигант, — ладно, бегите уж. Вон как ваши-то на меня зыркают.

Мы посмотрели в сторону столика и увидели напряженные лица Славки и Жоффрея. И тут 'нежным шлепком' Гарри придавал нам ускорения. Секунда и мы стоим перед друзьями, всклоченные, потирая горящие задницы.

— Фуууух... — выдохнул Жоффрей, — яду... яду... думал вас раздавит этот боченок.

— Яду! Яду! — привычно передразнил его Стас, — успеем умереть, поживем пока. Ну что, девчонки-мальчишки, вздрогнем за успех нашего предприятия?

Все еще потирая филей, мы уселись на грубо сколоченные деревянные лавки. Почти сразу подошла блондинистая официанточка в форменном платье с неприличным декольте и глядя в глаза Жоффрею томно мурлыкнула:

— Ваш 'Ужин удачливого охотника'! — водрузив перед смущенным парнем порцию охотничьих колбасок.

Перед Стасом поставили блюдо с хорошо прожаренным стейком, затем последовало четыре кружки эля, две бутылки коньяка, пузатые стаканы, нарезанный лимон, маслины, еще какие-то тарелочки. В заключении всего действия официантка улыбнулась и предупредила, что рыбка будет через минутку.

— Ну и жа... Ну и жа... — начал было говорить Жорик.

— Жала то я у нее и не заметил, — философски изрек Стас, а вот грудь зачетная, жаль, что на андроиде привинчена, а не сама выросла.

— Ну и жаркие здесь официантки, — сказал все-таки Жорик.

— Ну да, я так и сказал, — поддержал его друг, расставляя кружки с элем каждому, — ну, банда, за что выпьем?

— Сначала за удачу, ну а потом — как пойдет, — откликнулась Хуня, нагло ворую кусок только что порезанной охотничьей колбаски из тарелки Жорки.

— Наа-ааглеж, — почти пропел он, отодвигая блюдо от загребущих ручек Фархунды.

— А в большой семье не щелкают, — миролюбиво подмигнула ему Хуня, отправив уворованное в рот.

За удачу мы выпили, потом за успех, за нас, потом принесли рыбу и пошли уже патриотичные тосты, пили в основном за Землю и за смерть инопланетным оккупантам. В какой-то момент эль закончился, но это мало кто заметил, потому что все плавно перешли на коньяк под который все и случилось...

— Мы, как единственные земляне в этой забытой нашими богами академии должны держаться вместе и помогать друг другу во что бы то не стало, — громким пьяным шепотом возвестила Хунька.

— Ссогласен, — так же пьяненько ответил ей Стас, а Жорик просто кивнул, потому что с полчасика он уже ничего не говорил, но на все доверительно кивал.

— Мы должны создать свой тайный союз, — продолжала шептать Хунька.

— А назовем мы его СЖАХ, — вдруг без запинки произнес Жорик.

— Почему СЖАХ? — поднял брови Стасик.

— Наверное аббревиатура по первым буквам наших имен, — предположила я.

— Ага, — радостно согласился Жорка, — и мы как сжахнем по этим инопланетянам.

— Да, — протянул Стас, — надо чаще ему наливать. Вон как заговорил.

Жорка смутился и затих.

— Я согласна на СЖАХ, — поддержала я скромного паренька.

— Надо дать клятву и сделать тату, — влезла со своей неумемной жаждой деятельности Хунька. И самое обидное, в ту минуту никто не смог ей возразить.

Мы соединили руки, поклялись друг другу в вечной дружбе и верности, а через пару часов на плече каждого из нас уже красовалось художественное тату, где над синими крыльями нашей Летной школы красовались четыре буквы — С.Ж.А.Х.

Довольные собой и вечером в целом мы тепло попрощались. Стас пошатываясь

поплелся провожать неместного Жорика, а я под шумок попыталась улизнуть от подозрительно серьезной Хуни. Я медленно отходила в сторону ближайшего телепорта, чтобы прыгнуть к родителям, но тут по всей стоянке для флайкаров разнеслось Хунькино:

— Верник, стоять! Стоять — я тебе сказала! Ты мне обещала пойти в центр и я узнала адреса самых рейтинговых по отзывам, — Хунька орала и трясла в воздухе своим новеньким коммом.

Что мне оставалось делать? Я тяжело вздохнула и поплелась к летуну, за штурвалом которого уже восседал невозмутимый Феокл.

— На площадь Свободы, Феклуша. Центр 'Знойная Африка', - скомандовала Хуня, когда мы удобно разместились на задних мягких креслах флайкара.

К слову сказать, уже триста лет Африка вовсе не была знойной. На всей поверхности этого континента господствовал ласковый субтропический климат, древние пустыни давно заросли густыми лесами, превратившись в тенистые приюты для заново искусственно выведенных видов животных.

Площадь Свободы находилась в самом центре древнего города Пскова, недалеко от кремля. Псковский Кром взирает на нас оконными проемами на белокаменных стенах, гадая, что могло двум полупьяным девушкам понадобиться здесь ночью.

Хуня за руку подвела меня к широким стеклянным дверям, которые тут же приветливо распахнулись. Над входом висела неброская табличка, на которой крупными черными буквами было написано 'Центр обретения психической стабильности 'Знойная Африка'.

— Я туда с тобой не пойду, — как-то взволнованно начала Хуня. Она говорила со мной, как мать, провожающая свое чадо на войну — напутственно и нервно, — буду ждать тебя дома. Но Феклушу с летуном пришло утром, так что о побеге даже не думай. Слышишь, Верник?

Я кивнула. Слишком хорошо знает меня подруга и пресекала всяческие пути к отступлению.

— Ну а постольку поскольку спокойно спать я все равно не смогу, пока смотаюсь в Лунгород. Так что твое противоядие будет ждать тебя по прилету, — продолжила она.

— Ночь же на дворе! — прозвучала моя жалкая попытка возразить.

— Барахолка явление постоянное, круглосуточное, — улыбнулась Фархунда и ненавязчиво подтолкнула меня ко входу.

Ну я и вошла. Поднялась по блестящим мраморным ступеням парадной лестницы и оказалась в большом просторном зале. Слишком светло было вокруг и слишком чисто, стерильно чисто. Мне на встречу вышел старичок-андроид, сухонький, седой, облаченный в яркий расшитый восточный халат, больше напоминающий кимоно. Сложив перед собой ладони, он низко мне поклонился.

— Приветствую тебя, дитя, в доме, где ты обретишь спокойствие и умиротворение. Поведай старому Ли Су о своих проблемах и я помогу избавиться от ощущения их бремени на твоих плечах.

— Здравствуйте, — робко поприветствовала я старичка. С чего начать разговор даже не представляла и поэтому замялась.

— Нам будет удобнее поговорить за чашкой восхитительного восточного чая, — поведал андроид и жестом пригласил меня следовать за ним.

Мы оказались в уютной комнате, с мягкими диванами и низкими журнальными столиками. На светлых бежевых стенах развешаны панно, изображающие жизнь древних африканских племен и диких животных, маски, копья и другие предметы, неизвестного мне назначения. По углам стояли огромные керамические вазы и сосуды, расписанные затейливыми орнаментами.

Я присела на краешек дивана, а старичок хлопнул в ладоши и в помещение тут же вбежало несколько девушек, одетых в разноцветные халатики. Порхая как яркая стайка бабочек они споро накрыли столик для чаепития и, разлив ароматный напиток по чашкам, удалились.

Я вертела чашку с обжигающим напитком в руках и все еще не знала, как начать разговор и зачем я здесь, поэтому начала издалека...

— Симпатично у вас тут. Только странно немного, стиль африканский, а администратор китаец, да и традиции явно восточные, — указала взглядом на чашку.

— Ах, это! — рассмеялся мой собеседник, — дело в том, что совсем недавно мы были 'Жемчужиной востока'. Интерьер сменили под новое название, а персонал еще не успели модернизировать.

— Так даже интереснее, — сказала я и снова ушла в себя, исчерпав эту тему разговора.

— Ты смущена и растеряна, дитя мое, — старичок-андроид чинно присел напротив, — я помогу тебе начать разговор. Обычно, молодые красивые девушки обращаются в заведения подобные нашему тогда, когда их душевное спокойствие омрачено разлукой или ссорой с любимым.

Услышав его слова, я вскинула взгляд и натолкнулась на лукавую усмешку.

— Чаще приходят по мелочи, но бывают случаи серьезные, — продолжал между тем Ли Су, — например измена...

Я вздрогнула, а коварный старичок снова усмехнулся.

— Но на то мы и существуем, чтобы помочь всем, кто к нам обратился. Конечно, мы не альтруисты, наши услуги не дешевы, но, поверьте, они того стоят.

О цене я совсем не подумала.

— И какова же стоимость ваших услуг, любезный Ли Су?

— Нашего агентства, — поправил меня этот хитрец, — нашего агентства, уважаемая

госпожа. Ваш визит в эту обитель оплачен госпожой Ткхшшшарсинсит, поэтому для вас это не будет стоить ни одного галокредита.

— Огласите весь спектр услуг вашего агентства, — набравшись смелости все-таки сказала я и отхлебнула чая, который оказался превосходным.

— В вашем случае, госпожа... — Ли Су сделал паузу, — ведь вы не сказали, как называть вас.

— И не скажу, — улыбнулась я, — пусть это останется тайной.

— Хорошо, госпожа Тайна. Так вот, в вашем случае, чрезвычайно действенное средство это свидание с другим мужчиной.

— Мужчиной-андромидом? — уточнила я.

— Безусловно, — кивнул старичок, — в нашем каталоге более десяти тысяч масок различных политиков, звезд театра или кино, известных музыкантов. За небольшую дополнительную плату мы сможем создать образ по индивидуальному заказу.

— Это что же, — удивленно воскликнула, — я смогу переспать с самим канцлером Земного Содружества?

— Непременно, — согласно кивнул андроид, — этот образ пользуется неизменной популярностью у дам.

Я скривилась. Дело в том, что канцлер был далеко не молод, толст и при произнесении очередной пафосной речи его лысина покрывалась бисеринками пота, которые он часто промакивал носовым платком. Ну и извращения сюда захаживают!

— А когда я выберу себе маску, что я смогу с ней делать? — спросила я.

— Все что вашей душе угодно, — улыбнулся Ли Су, — любой каприз. Можете даже выпороть партнера.

Мой удивленный взгляд был встречен понимающим и лукавым взглядом старика.

— Понимаю, воспитанной даме непривычно это слышать, но многие люди предпочитают секс... — он замялся подбирая слова, — несколько отличающийся от принятых в обществе норм. Мы стараемся угодить каждому нашему клиенту. Хотите ознакомиться с каталогом?

— Нет, не хочу. Хочу доплатить и создать новый образ.

— Будем составлять словестный портрет или у вас есть его изображение? — оживился старичок.

— Есть, — выдохнула я и потянулась за кулоном, в котором хранилась галопроекция Дэна.

Одно нажатие и миниатюрная копия моего бывшего возлюбленного ходит между чашками по журнальному столику.

— Симпатичный молодой человек, — констатировал Ли Су, — понадобится минут десять, для создания маски. Позвольте!

Он протянул сухонькую, пожелтевшую ладошку и я послушно вложила в нее кулон.

— Можете оставить себе, мне он больше не понадобится, — тихо сказала я.

— Ваш партнер должен будет разыграть свою смерть? — вдруг спросил старичок.

— Что? — до меня никак не доходил смысл его вопроса, — Смерть? Боже... Нет, конечно. Я не настолько кровожадна. Просто потихоньку избавляюсь от вещей, которые мне напоминают о моей ошибке.

— Понимаю, — кивнул андроид, — пожелания еще будут?

— Да, в дополнение к маске хочу, хочу еще бутылку коньяка и лимончик, тонко

порезанный.

— Но... Лечение лучше проводить на трезвую голову, — попытался предостеречь меня Ли Су.

— Тогда я буду вынуждена отказаться от ваших услуг вообще и оставлю негативный отзыв в вашем инфоблоке.

— Ну так бы сразу и сказали, что вам нужен коньяк, — как ни в чем не бывало сказал хитрый андроид, — пройдемте, госпожа Тайна. Ваша маска готова.

Ли Су подвел меня к дверям, вновь сложил ладони у своей груди и поклонился.

— Желаю вам обрести внутреннюю гармонию, госпожа Тайна. Наше агентство всегда радо вам помочь. Номер оплачен до 11.00.

— Спасибо, — поблагодарила я старичка и вошла внутрь.

Ну что сказать, логово порока и разврата выглядело, как логово порока и разврата. Почти все пространство занимала огромная кровать, застеленная ярко-алым покрывалом, на стенах гравюры, изображающие затейливо и задорно совокупляющихся людей. У монстрообразного лежбища стоит одинокий одноногий столик, на котором сиротливо примостилась стробованная мною бутылка коньяка, а рядом с ней блюдо с лимончиком. Да... Эдак у меня скоро аллергия на цитрусовые начнется. Нельзя же есть столько лимонов, ну честное слово! В целом, обстановка мне понравилась и настроила на нужный лад.

Я с удовольствием потянулась, встав на носочки и расправив плечи до хруста. Потом присела на кровать и со стоном наслаждения скинула с себя форменные сапоги. И только я набулькала половинку пузатого бокальчика вожденной жидкости, как дверь приоткрылась и зашел... умом я понимаю, что это не он, но все же — вошел Истархов, собственной персоной. В нем было все: и соломенная волнистая челка, и болотного цвета глаза, и фигура, и осанка, и даже разворот плеч. А вот на этом совпадения заканчивались. При ближайшем рассмотрении, стало понятно, что вошла копия Истархова, причем копия улучшенная, копия-бест, так сказать. Одет Истарховский дубль был отчего-то в одни не побоюсь этого слова — стринги, причем призывно красного цвета. Надо сказать, сам прототип никогда не питал страсти к ярким оттенкам своего нижнего белья, да и короче обычных боксеров ничего не носил. И правильно, я считаю, делал, ибо то, что скрывал алый атлас на теле незнакомца, превосходило Истарховское достоинство как минимум вдвое. На мускулатуру копии тоже не пожалели биомассы, у подлинника никогда не было такого ярко-выраженного кубизма в районе пресса. В общем, для женщины, которая провела рядом с Истарховым-изначальным год, все отличия были на лицо.

— Здравствуйте, госпожа Тайна, — приятно поздоровалась голосом Истархова копия.

— Здравствуйте, — улыбнулась я андроиду, — как вас зовут?

— Как вам удобнее меня называть? — вот не люблю когда мне отвечают вопросом на вопрос. Бесит меня это!

— Тогда на ты. Буду называть тебя Истархов-некст.

— Почему некст? — озадачился отгис с прототипа моего бывшего.

— Потому что мне так удобнее, — рывкнула я и залпом осушила налитое, закусив лимоном. Точно наживу себе аллергию.

— Что, госпожа Тайна, желает? Традиционную программу или есть предпочтения? — спросил Деня-некст.

— А что ты умеешь делать? — решила полюбопытствовать я, наливая еще один бокал.

— Я мастер орала! — гордо возвестил андроид.

— Еще не хватало, чтобы на меня орали. Поорать я и сама мастерица, — посмотрев на робота, заметила его недоуменный взгляд. Там под светлыми кудрями явно не сходились какие-то важнейшие формулы базовой программы.

— Ладно, — расщедрилась я, — расскажи тогда, как ты можешь развлечь даму.

— Я знаю шестьсот восемьдесят три позы, я изучил всю Камасутру и прочие древние скрижали эротического характера, — начала перечислять эта недалекая копия Дэна.

— Ты хочешь перечислить мне все шестьсот восемьдесят три позы или пересказать древние скрижали? — испугалась я, опрокидывая в себя очередной стакан. Рука сама потянулась к лимончику, но я усилием воли ее одернула. Аллергия не спит, а мне еще космос покорять.

Взглянув на Истархова-некст, обнаружила, что их уже двое. Затрясла головой — Истарховы-некст соединились, перестала трясти — опять поползли в разные стороны. Дожилась, Верник! Сидишь тут, собираешься слушать, как тебе Истарховы шестьсот восемьдесят три позы Камасутры перечислять будут. Делать что ли нечего? Раздалось глупое хихиканье. Я прислушалась. Все стихло. Раздалось опять и снова, когда прислушалась — стихло. Спустя минуту, поняла, что эти тонкие, довольно противные звуки издаю я, когда думаю о своем собственном участии во всей этой глупой истории. А Истарховы тем временем снова разбежались в разные стороны.

— Истарховы! — скомандовала я, — ну-ка, соберитесь быстренько!

Но они почему-то меня не слушали, а продолжали недоуменно взирать. Оба. А я... Я обиделась. Потому что они должны выполнять все, что я прошу. Счет оплачен. Мне совсем не хочется, чтобы на меня орали, и про позы их дурацкие тоже слушать совсем не хочется...

— Истарховы, — попросила я, — а спойте мне, пожалуйста.

— Что? — ответили хором Истарховы. Точнее, ответил один, а рты открылись у обоих синхронно. Чудесааа...

— Ну, спойте мне что-нибудь, — попыталась объяснить я этим непонятливым андроидам, — песенку там какую или частушки.

— Это не предусмотрено заложенной в меня программой, — синхронно ответили Истарховы, но почему-то упорно продолжали маскироваться под одного, хотя я то явно видела — двое их! Двое!

— Тогда станцуйте, — продолжала настаивать я на выполнении своей программы.

— Какую фоновую музыку предпочитает госпожа? — раздалось мне в ответ.

Знаем мы, поставят сейчас какие-нибудь заунывные напевы и начнут извиваться, сверкая тут передо мной своими красными лоскутками. Не надо нам порнухи... Хлопнула еще коньячку, потянулась за лимоном... И лимонов нам сегодня больше — не надо!

— Истарховы, — предложила я, на мой дилетантский взгляд очень разумный компромисс, — а давайте так — я пою, а вы мне подпеваете и танцуете. Идет?

— Как захочет госпожа Тайна, — поклонились мне нексты.

— Главное песню задорную подобрать, — оживилась я, даже отставила в сторону очередной наполненный бокальчик, — тогда всем будет весело, да?

— Да, — как-то совсем не весело, а с оттенком обреченности подтвердили Истарховы.

— Тогда предлагаю американскую народную, ее все знают! — оскалилась я, как мне показалось, озорной улыбкой, — про пожилого труженика сельского хозяйства!

Истарховы смотрели на меня с ужасом и полнейшим непониманием. Ну да ладно, что я, роботов песни не обучу?

— Так! Приказываю вам танцевать и подпевать, повторяя за мной слова песни! — я вскочила на кровать, пошатнулась, упала и повторно вскакивать даже не пыталась. Ничего! Я и лежа им рукой подирежирую.

Андроиды продолжали взирать на меня, как два барана, а я судорожно припоминала слова песни.

— У старого МакДональда былааа ферма. Ийй, ийй, оу! — запела я, безжалостно перевирая мелодию, — И на своей ферме он держал цыплят. Ийй, ийй, оу! Цып-цып тут! Цып-цып там! Здесь цып, там цып, везде цып-цып!

Я пела, к десятому куплету андроиды втянулись, даже попадали в мелодию и уж повторяющееся 'Ийй, ийй, оу!' подпевали с каким-то остервенением.

— Задорнее, задорнее, мальчики! — кричала я, смеясь и продолжала куплет про новое животное.

Думаю, старый Макдональд даже на картинках не видел тех животных, которые, судя по нашей с Истарховыми песне, водились на его ферме. А спустя полчаса в ход пошла уже фауна других планет.

— У старого МакДональда былааа ферма. Ийй, ийй, оу! — голосила я, чувствуя, как безбожно слипаются глаза, — И на своей ферме он держал трекатов. Ийй, ийй, оу! Хыша-хыша тут! Хыша-хыша там! Здесь хыша, там хыша, везде хыша-хыша! А теперь сами, мальчики а я немного послушаю, а то голос охрип. Можете начать с цыплят заново!

Я удобненько завалилась на мягкие подушки, на третьем куплете Истарховских завываний завернулась в покрывалко и меня сморил сон. Снился мне старый МакДональд, он укоризненно качал головой, а поверх его рабочего джинсового комбинезона на нем были одеты красные стринги.

Утро наступило быстро и как-то... неожиданно. Первое, что я слышала было:

— У старого МакДональда былааа ферма. Ийй, ийй, оу! — не пел, а скорее скрипел голос Истархова, — И на своей ферме лошадей он держал. Ийй, ийй, оу! Цок-цок тут! Цок-цок там! Здесь цок, там цок, игого!

— Истархов, — простонала я, хватаясь за голову, — заткнись, пожалуйста! Достал ты со своим МакДональдом! И какой дурак тебя надоумил петь эту мерзость!

Наступила блаженная тишина. Господи! Ну почему же так болит голова? В помещении пахло коньяком и лимоном. Мы что, с Истарховым пили вчера? Ничего не помню... Открывать глаза было трудно. Дневной свет впивался в глаза, заставляя мозг отзываться вспышками боли. Похмелье... не иначе... Хотя, может это аллергия на цитрусовые? Что-то смутно знакомое обрывочно промелькнуло в моей голове при воспоминании о цитрусовых. Кряхтя, села и осмотрелась. Я не понимала где нахожусь, и кровать, и комната оказались незнакомыми.

Посреди комнаты, на фоне порнографических картинок стоял Истархов. Отчего-то он очень не по доброму на меня смотрел. Что я уже натворить успела?

— Что это ты на себя напялил? — позитивно спросила добрая с утра я, — а в гульфик огурец подложил что ли? Вынимай! Будь скромнее и довольствуйся тем что природой дадено, — назидательно добавила я.

После этой фразы, слышала, как часто задышал мой возлюбленный, прямо, как соседский кот, когда у него забирают флакон с валерьянкой.

— Госпожа Тайна еще чего-нибудь желает? — сквозь зубы процедил Истархов.

— Госпожа Тайна?.. — и тут я начала вспоминать... все! Я все вспомнила! И

Истарховых-некстов тоже и несчастного МакДональда... Боже мой! Верник! Стыд-то какой! — Вы не могли бы принести мне аспирин или еще что-нибудь от похмелья? — проблеяла я.

— Минуту, — андроид вышел из комнаты, аккуратно ее прикрыв, а вот потом, там в коридоре я услышала дикий, душераздирающий крик. Голос кричащего явно принадлежал моему экс-мужчине. Так мог кричать только доведенный до отчаянья.

'Странно, — подумала я, — довести андроида невозможно, они четко действуют согласно написанной программе'. Как же я ошибалась. Через минуту передо мной поставили стакан с кристальной прозрачной жидкостью. Я залпом выпила содержимое, в голове начало проясняться, боль отступила и жизнь снова была прекрасна.

— Спасибо! — мило улыбнулась я андроиду, а он скривился и у него нервно задергался глаз. Надо будет посмотреть на себя в зеркало, не может моя улыбка вызывать такую реакцию у мужчин. Ну, не может!

— Госпожа Тайна желает еще чего-нибудь? — выдавил из себя Истархов в стрингах, — до окончания вашего сеанса остался один час и четыре минуты.

— Нет, спасибо, — ответила я, — сеанс окончен и вы можете быть свободны.

И тут случилось это... Все внешнее спокойствие с андроида слетело, красивую физиономию Дэна перекосило от ярости, руки робота дернулись в желании придушить ничего не понимающую меня, но видимо кое-какие настройки, основной из которых для искусственных интеллектов всегда оставалась — непричинение вреда человеку, остались, и он бессильно опустил их, продолжая трястись всем телом от злости.

— Выыыы! — орал на меня ксерокс Истархова, — бабы!!!! Сами не знаете, чего хотите! А когда вас бросят живые мужики, сюда бежите, выносить искусственные мозги!!!! И хотя до сегодняшнего дня, я считал это невозможным, но вам, госпожа Тайна, это отлично удалось! К чертям собачьим эту работу! Пойду добровольцем, на опыты в Лигу 'Люди против жестокого обращения с андроидами'! Только бы вас никогда не видеть!

— А вы и правда мастер орала, — восхитилась я.

— Тебя к нормальным высокоразвитым машинам на километр подпускать нельзя! — зашипел на меня мой э... 'партнер' и вышел, хлопнув дверью так, что я вздрогнула.

Настроение отчего-то было сказочно-прекрасным, а слова андроида не расстроили, а скорее — вселили уверенность. Я улыбалась, когда умывалась, улыбалась, когда натягивала надоевшие форменные сапоги, я даже выходила из номера, мурлыкая под нос 'Ияй, ияй, оу!'. В холле меня встретил Ли Су.

— Все ли вам у нас понравилось, госпожа Тайна? — поинтересовался старый пройдоха.

— Определенно, — усмехнулась я, — коньяк качественный, персонал старательный, лимоны вот только... кислые.

— Но они и должны быть кислыми, — озадачился Ли Су.

— А я разве говорю, что они соленые? — удивленно уставилась я, на совершенно растерянного андроида. Больше он не сказал мне ни слова.

Уже спускаясь по мраморной лестнице, услышала его слова, обращенные к кому-то из сотрудников.

— Снимите ее галокпию и сделайте отпечаток ДНК-кода, поставьте оба параметра в черный список. Сегодня мы лишились лучшего работника. Я бы не хотел повторения.

А на улице, облокотившись на флайкар и подставив симпатичную мордашку утреннему солнышку, меня ждал Феклуша.

— Привет, радость Хунькина, — весело поздоровалась я.

— Здравствуй, Алевтина, — подозрительно осторожно отозвался представитель греческого пантеона, — Фархунда велела отвести тебя к нам.

— Так вези! — усмехнулась я, и, как только флайкар набрал высоту, заговорщицки прошептала, сидящему рядом андроиду, — споем?

Летун резко вильнул в сторону, теряя курс. Мда... Я и забыла, как быстро передается информация между андроидами. Слава Богу, психика Феокла оказалась стабильнее, чем у копии Истархова. Хунькино воспитание! Флайкар выровнялся и мы плавно продолжили свой путь, правда уже молча.

'А он?', 'А ты?', 'Так и сказала?', 'Красные стринги?' — только и успевала вставлять вопросы подруга, между взрывами нашего совместного хохота, когда я ей рассказывала про свой поход в Центр 'Знойная Африка', он же 'Жемчужина Востока'. Я успела принять душ, переплести косу, облачиться в легкое цветастое платье и теперь с удовольствием поглощала плюшки с заварным кремом и свежей малиной, доставленные из ближайшей кондитерской, запивая их ароматным какао.

Надо сказать, нейтрализатор приворотного зелья Хуня все-таки достала, добыла, выгрызла у невезучего шамана с Тсуры, который в довесок к бесплатному зелью подарил ей еще и три флакона того самого приворотного с улучшенной магической формулой. Представляю, что еще он был готов отдать в ту минуту, лишь бы Фархунда от него отстала. Уж я то знаю! Абсолютно все. Противозелье я приняла, какого-то эффекта так и не дождалась, потому что, мои чувства к Истархову умерли еще вчера там на кухне нашего придуманного рая. Чувства умерли, да, но остался неприятный осадок, ощущение, что тебя использовали. Это, конечно, не тяготило, но и не позволяло забыть о случившемся.

Кроме посещения лавки тсурийского шамана, Хуня посетила еще тысячу и один магазинчик и разжилась целым саквояжем магических амулетов, зелий, мазей на все случаи жизни. Спрашивать о назначении каждого предмета я, честно говоря, побоялась, а подруга не сказала, лишь коварно намекнула, что в свое время все сама узнаю.

От Стаса к нам на коммы пришло сообщение, что он, как старший нашей группы, закрыл обходные листы и всю информацию переправил командованию. В окна заглядывало ласковое утреннее солнышко, согревая своим теплом. Настроение было радужным, а впереди нас ждали два дня отдыха.

— Ну, не надумала на рыбалку махнуть? — спросила Хуня.

— Неет, — улыбнулась я, — пойду поговорю с родителями. Предупрежу, что блудная дочь возвращается в родную обитель на целый день.

— Привет от меня передавай тете Зое и дяде Сергею, — крикнула Фархунда, скрываясь за дверью ванной комнаты.

— Передам, — сказала я уже захлопнувшейся двери и набрала номер родителей.

— Привет, ребенок, — услышала я голос своего отца прежде, чем появилось его голоизбражение.

— Привет, па! — бодро начала я.

— Что-то случилось, Аленька? — это с кухни пришла мама и ее голограмма, вытирающая руки о передник, присоединилась к отцу.

— Ничего серьезного, — я улыбалась, глядя на родных людей, — просто я вас очень-очень люблю. Вот и все, что случилось серьезного.

— А из несерьезного, что случилось? — нахмурилась мама.

— Ну... Несколько вещей.

— Ребенок, не томи, — вмешался папа, — огласи весь список.

— Мы с Денисом расстались, я сегодня прилечу домой, завтра слетаю к бабушке Пелагее, а послезавтра я отбываю на учебу в Высшую Звездную Академию.

— Ох, — мама опустила на кресло, прижав руки к груди, — как же так, Аленька?

— А мне этот Денис никогда не нравился, — произнес папа, — мутный он какой-то.

— Да разве я про это? Рассталась и рассталась, дело молодое. А вот то, что ребенок улетит на другую планету... — и мама всхлипнула, закрыв лицо руками.

— Ну, ну, Зоенька, — приобнял ее подошедший отец, — не разводи сырость. Алька у нас уже взрослая, самостоятельная. Гордиться такой дочерью надо. Твори пироги, а то ребенок голодный приедет.

— Ой и правда. Что это я? — подскочила мама, — Аленька, доченька, мы тебя ждем — и я, и папа, и бабушка Таисья приедет у нее как раз симпозиум тут в Выборге.

— А прабабушка где? — улыбнулась я.

— А у прабабушки гастрольный тур по всем колониям Марса, боюсь до отлета не увидите.

— Ничего. Я надиктую ей видео письмо перед отлетом. Не прощаюсь, скоро увидимся.

— Ждем тебя, ребенок.

Связь окончилась, а я все сидела и смотрела на комм, в груди разливалось безграничное тепло, нежность и радость от того, что скоро я увижу дорогих моему сердцу людей.

— Передала? — вывела меня из ступора, вошедшая Хунька, вытирающая полотенцем черные, влажные волосы.

— Забыла... — мне стало как-то неловко, — приеду домой — обязательно передам, сейчас новостей многовато было.

— Да уж, новостей у тебя выше крыши, — усмехнулась она.

— А может и ты к нам? Мама пироги печет, фирменные.

— За пироги тети Зои можно Родину продать, но я не могу, Аль. Мама обещала приехать после обеда, давно не виделись.

— Ну тогда и ты тете Саиде привет передавай, — улыбнулась я.

— Я то передам! — одним своим тоном уличила меня во всех смертных грехах Хуня, — Кстати, я пока в Лунгорode была кое-что про нашего эльфа блондинистого узнала.

— Что? — навестила я ушки.

— Это эленмарец, планета их называется Эленмар... — начала Хуня.

— Звездный дом... — конкретно ни к кому не обращаясь, произнесла я.

— Что? — переспросила подруга.

— Эленмар — звездный дом, элен — звезда, мар — дом, — отватила я.

— Откуда ты знаешь? — глаза подруги округлились и стали, как два желтых солнца.

— Все мое детство я таскалась за своей бабушкой Пелагеей, а она у меня кто? Правильно. Космический археолог! — констатировала факт я.

— Но они же только на Земле копают... — растерянно протянула Хуня.

— Не только. Просто засекречено все. Их группа и на Ганемедe копала, и на Тентуре, а на Земле два города. Один почти на Северном Полюсе, а второй вот у Японских островов. Они обследуют все города, которые строили апаньяр — это люди такие, которые самые первые были, их еще изначальными называют. Вот на их языке Эленмар и означает звездный дом.

— Слушай, Альк, а может эти твои апаньяр и есть эленмарцы? — воскликнула Хуня.

— Не думаю, — возразила я подруге, — апаньяр уже давно нет, хотя многие расы пользуются технологиями, оставшимися от них. Ну если, конечно, смогли разобраться, как пользоваться. Говорят, там как-то все не просто для понимания обычного человека. А эленмарцы входят в Коалицию. Хотя, судя по одинаковым словам в языке эленмарцев и апаньяр между ними есть много общего.

— Дела... — протянула озадаченная подруга, — интересно-то как! Вот полетим и сами все выясним! На месте!

— Конечно, — рассмеялась я, — до нас миллионы ученых выясняли, выясняли и не выяснили, а мы прилетим и тут же все разгадаем.

— Так ведь дуракам везет, — подмигнула мне Хуня.

— Может все-таки к нам? — спросила я, переводя разговор в мирное русло.

— Нет, Аль, — покачала головой Хунька, — тебя Феклуша отвезет, а я маму буду ждать. Увидимся в Лунопорте.

Дом, милый дом, примостившийся на берегу тихого лесного озера, окруженный вековыми соснами встретил меня запахом пирогов, обычной суматохой и горячими объятиями родных. Мама, как всегда, пыталась впихнуть в меня сто двадцать три блюда домашнего вкусенького, папа старался выдать житейские рецепты на все случаи жизни, а бабушка Тая составляла список всего необходимого, что мне предстояло взять с собой. 'Необходимого' набиралось много, список едва поместился в объемный файл. Если бы я действительно взяла хотя бы половину из запланированного бабулей, мне, наверное, пришлось бы заказывать дополнительно багажную баржу. Белигор Сорг однозначно не обрадовался бы такому прицепу к 'Этилгейлу'.

В итоге сумку я собирала по-спартански быстро, в нее уместился любимый летный комбинезон, несколько смен белья, голофото родных и близких и несколько дорогих сердцу мелочей, правда напоследок бабушка умудрилась все же всунуть выходное платье и туфли на 'шпильках'. Сверху кинула форму, чтобы переодеться перед отлетом. Больше не взяла ничего, всем необходимым нас должны обеспечить в ВЗА.

— Ну зачем? — возмутилась я, — нам на месте выдадут все, что нужно.

— Женщина всегда должна оставаться женщиной, — улыбнулась бабушка, — а скрывать красоту, которой одарила тебя природа — вообще преступление, Алевтина.

— Спасибо, — я чмокнула в щеку бабулю Таю, которая, к слову сказать, выглядела не многим старше меня самой. Спорить с ней было совершенно бесполезно.

Вечерние шашлыки, а потом традиционное чаепитие с маминым черносмородиновым вареньем и вот, наконец, солнце скрылось за верхушками деревьев. Белые ночи! Будет ли мне вас не хватать там, куда я лечу? Утомленная насыщенным днем, я засыпала в своей кровати, на которой спала с детства.

Ранний подъем, скованное прощание, обещание встретиться на космодроме и вот я уже выхожу из центрального телепорта Тайбэя на Тайвани. Еще издали заприметила старенький белоснежный флайкар с черно-желтым логотипом 'АрхеоКосмос'. В детстве, название фирмы, где трудилась бабушка Пелагея, казалось мне волшебным, сама не знаю почему. Наверное, потому что, работу космоархеологов я считала увлекательной, ведь они сталкиваются с огромным количеством удивительных загадок истории. Прапрабабушка стояла у летуна и махала мне рукой.

— Алюша, егоза моя, как же я рада тебя видеть! — крепко обнимая меня, сказала бабушка Пелагея.

Двери флайкара поднялись вверх и из салона вышел огромный мужчина, ростом значительно больше двух метров. Его черная кожа, сплошь испещренная узорами ярко-зеленых татуировок, блестела на солнце, с ней ярко контрастировали синие глаза, под пристальным взглядом которых я на какое-то время почувствовала себя неуютно. Мне

приходилось видеть представителей его расы по головизору. Этот народ именовали влаппи, родной планеты они не имели, да и не помнили, зато их колонии и поселения можно было встретить во многих местах Вселенной. Влаппи могли селиться в самых тяжелых климатических районах из-за своей природной выносливости и силы. Из них получались хорошие военные и наемники, а еще, они были чудесными хозяйственниками и администраторами, благодаря своей бережливости. Мужчина взъерошил огромной рукой короткий ежик зеленых волос на голове и улыбнулся, обнажая крепкие удлиненные резцы. Мамочки! Улыбка показалась мне поистине устрашающим оскалом.

— Здравствуйте, — вспомнив о приличиях и отстранившись от бабушки, попыталась быть вежливой я.

— Стравствуйте, шетера Айлевтина, — с каким-то мурлыкающе-шипящим акцентом ответил мне гигант, — Пейлакея Тшоновна много о вас рассказывала.

— Познакомься, Аленька, — отмерла бабушка, — это наш завхоз, уважаемый Кета-уаси.

— Очень приятно, — сказала я и кивнула. Подать руку такому громиле я побоялась.

— Ну вот и славно, что мы все познакомились, — обрадовалась бабушка Пелагея, — сейчас Кета-уаси заберет партию тайваньского лосося для нужд лагеря и махнем домой на Йонагуни.

Последующие полчаса, пока огромный завхоз решал разные проблемы, мы с бабулей тихо общались в салоне флайкара, сидя под освежающими струями прохладного кондиционированного воздуха. Я вяло упомянула о том, как обстоят дела у всех домашних, включая папину любимую рыбку скалярию Карлоса, а бабушка захлеб рассказывала о новом открытии, которое они сделали, благодаря экспериментальной установке с Астерии.

— Это совершенно удивительно! — с горящими глазами говорила бабушка, — эта установка позволяет просканировать всю поверхность дна на глубину более ста пятидесяти метров, причем данные обладают просто феноменальной точностью. Мы провели ряд исследований, и ты представляешь, под огромными каменными плитами древнего города, которым более одиннадцати тысяч лет, оказался еще один город — более ранний, более красивый, более развитый. Алька, это почти со стопроцентной вероятностью наследие апаньяр. Просто сумасшедшая удача! Слово кто-то судорожно застраивал огромными каменными блоками то, что было, словно пытались скрыть следы цивилизации изначальных.

— А почему астерианцы помогли? — спросила я, отчего-то вспомнив несостоявшегося Хуниного ухажера.

— Ну как же, — всплеснула руками бабуля, — все заинтересованы в наследии апаньяр, а астерианцы одна из самых развитых и древних рас входящих в состав МКН, древнее разве что эленмарцы. Хотя, если мы сумеем попасть под каменное плато, то там могут обнаружиться доказательства того, что и человечество стоит на одной с ними ступени.

— А в чем проблема?

— Проблема в том, что нельзя попасть в нижний город не разрушив верхний. Получается, чтобы посмотреть на один памятник, нужно уничтожить другой. Это недопустимо.

— Вот бы взглянуть на все это чудо! — воскликнула я, — так давно не была здесь.

— Дааа... — улыбнулась Пелагея Джоновна, — года три, не меньше. А дельфиненок то твой подрос, огромным стал, почти два с половиной метра. Часто приплывает.

— Тони? — удивилась я, вспомнив, как выхаживала, спасенного из сетей браконьеров полосатого дельфиненка, — забыл меня наверное...

— Не думаю. Мне порой кажется, что он тебя выискивает, — бабушка заговорчески подмигнула, — а один раз я даже слышала, как он тебя звал.

— Как это звал?

— Нам передали для испытаний один из образцов экспериментального прибора — зоолингво. Иногда получается настроиться на волну животного и услышать, что оно говорит.

— Чудеса... — благоговейно прошептала я.

— Вот ты его и опробуешь на Тони, — подмигнула бабуля, — с нами он говорить отказывается, хоть и приплывает.

— Ура! — закричала я и бросилась на шею к своей хрупкой и молодой бабушке, — ба, ты все можешь!

Я умоляюще смотрела ей в глаза.

— Чего тебе? — Пелагея Джоновна хитро прищурилась.

— Понимаешь, мне завтра в ВЗА лететь, а там столько жителей других планет... — начала я, — у каждого народа свои традиции, культура, а информация по ним вся засекречена. Не могла бы ты...

— Ладно, — рассмеялась бабуля, — сброшу тебе на комп файлы, посмотришь в дороге. И правда нельзя не зная правил в чужой дом лезть.

— Ты самая лучшая! — восхищенно выдохнула я.

— Не подлизывайся, лиса. На космодром я поеду все равно! — припечатала она.

— А я и не против.

Исследовательская база «АрхеоКосмос» растянулась по побережью на сотню метров. После плотного раннего обеда, уже облаченная в купальник, я поднималась на борт большого рабочего катера «Огонек».

— Привет, кроха, — крикнул мне капитан Лассе Йенсен, — стала красивей своей бабушки.

— Здравствуйте, — замахала рукой мужчине, проверяющего на палубе крепление батискафа.

Огромный бородатый скандинав с детства казался мне ожившим викингом из древних саг о могучих северных воинах. Но у Лассе только внешность была монолитной и внушительной, сам он обладал кротким нравом и легким, общительным характером.

— Спешись на свидание к своему дельфиненку? — рассмеялся он.

— Спешу, а еще жуть, как поплавать хочется.

— Ты смотри осторожнее там, — инструктировал Йенсен, когда мы уже вышли в море,

— Тебя конечно Грегор со Стефаном подстрахуют, но будь на чеку. Чуть южнее плато обитает группа акул-молотов, они, в целом, не нападают, но хищники грозные. А вот шальная большая белая в этих водах замечена, так что — смотри в оба!

— Спасибо, — искренне поблагодарила заботливого великана.

— Смотри, — указал он рукой куда-то вдаль, — видишь?

— Тони? — спросила я, затаив дыхание, когда среди водной глади различила плавник.

— Он... — усмехнулся Лассе, — надо же, почувал.

Я тоже улыбалась и, стоя на корме, махала приближающемуся дельфину. «Зоолингво» представлял собой кулон, который вешался на грудь и радионаушник. Одев это устройство, пока ничего необычного я не слышала, пока до меня не донеслось в наушнике:

— Аля! Аля!

— Тони, милый, — я перегнулась через перилла, — это ты?

— Скучааал... — слышалось в ухе.

— Я тоже, мой хороший! Я тоже! — на глазах выступили слезы.

— Плыдем со мной... Плыдем со мной... — шелестел переводчик.

— Ну что, получается? — спросил подошедший Лассе.

— Кажется да. А мне уже можно в воду? — спросила я, переступая с ноги на ногу от нетерпения.

— Иди уже, русалка, — усмехнулся он в светлую бороду, — ребята спустились в батискафе с другого борта.

Сбросив легкие туфельки и одев жабромаску и ласты, я нырнула. Как только мое тело оказалось под водой тут же включилась фильтрация воздуха, позволяя дышать, как на поверхности.

Огромное тело моего водоплавающего друга нежно толкнуло меня в бедро. Кто бы мог подумать, что из маленького дельфиненка, длиной не больше моей руки вырастет такой почти двухцентнеровый красавец с яркой черной полоской на боку.

— Плыдем... Плыдем в глубину... — звучало в наушнике зоолингво.

— Прием! Аля, прием! Как слышно? — прорезался во втором наушнике голос Грегора.

— Слышу хорошо, — ответила я.

— Мы на месте. На эхолоте чисто, но здесь часто бывают искажения, поэтому не уплывай далеко, держись рядом, — предупредил меня мужчина.

— Я немного поплаваю с Тони, здесь недалеко.

— Осторожнее. И связь держим каждые десять минут.

— Хорошо, — я уже держалась за плавник Тони, спускаясь все ниже, туда, где уже показалось плато с остатками подводного города.

Йонагуни-Джима, как называли ученые этот затерянный под толщей воды древний город, был похож на древние пирамиды Южной Америки, такие же крутые ступени вели к плоским террасам, а на одной из них высилось нечто отдаленно напоминающее голову какого-то человека. Прорезанные в песчанике арки и идеальной прямоугольной формы отверстия прямо говорили о рукотворном происхождении. Удивительно, но за десять тысяч лет город не зарос кораллами, не стал прибежищем морских обитателей. Он возвышался каменным памятником посреди океана. Вокруг бурлила жизнь, никак не затрагивая его молчаливого спокойствия.

— Как красиво, Тони! — восхитилась я, когда мимо проплыла огромная морская черепаха, преследуемая стайкой сине-желтых рыбок.

Дельфин подплыл и подсунул свою длинноносую голову под мою руку.

— Хочешь, чтобы я тебя погладила?

— Скучал... Скучал... — раздалось в динамике.

— Ты стал таким красивым, большим, гладким, — я нежно гладила друга, прижимаясь к полосатому боку.

— Самкам нравится... — донеслось в ответ.

— Еще бы! — поддержала его я, — такой красавец-мужчина! Нужно найти Грегора и Стефана.

— Плыви за мной... — перевело устройство дельфиний писк.

Совсем недалеко я увидела огни батискафа и фигурки мужчин, сосредоточенно рассматривающих что-то на одной из каменных террас. Тони резвился, плавая вокруг меня. Время от времени, делая вид, что не обращаю на дельфина никакого внимания, я вдруг резко бросалась, пытаюсь его достать, но хитрец был настороже и тут же отплывал. Состязаться с ним в скорости было бессмысленно, оставалась только хитрость. Я пряталась за каменными валунами или притворялась, что устала и вот-вот пойду ко дну, Тони, чтобы сделать мне приятное, верил и бросался на выручку. И вот тогда, мои цепкие пальчики ловили плавник дельфина и уже мы вместе совершали в воде немыслимые пируэты. Игра доставляла удовольствие нам обоим.

— Аля, прием, — время от времени раздавался в наушнике голос одного из мужчин, я заверяла, что со мной все в порядке и наша с Тони игра продолжалась.

Большая белая, сбившись с траектории, проехала носом по каменным плитам. ного отплыв, чудовище пошло на новый заход, а я, обдирая до крови бедро, скользнула в вожделенное отверстие, надеясь на спасение. Оказавшись внутри большого темного помещения, как можно дальше отплыла от входа, в который тут же ударила зубастая морда акулы. Ну и зубищи! Вот ужас-то! Видимо, почуяв мою кровь, почувывая из ссадины на бедре, громадина предприняла еще несколько попыток добраться до меня, тыкаясь носом в узкую щель прохода. Дрожа всем телом, я вжалась в каменную стену, шепча молитвы всем богам, о которых только имела представление. В проеме прохода появилась огромная зубастая пасть, акула вновь ударила по входу в мое неожиданное убежище, но камни оказались прочнее ее натиска. Огромному монстру уже было меня не

достать.

— Тони, я в порядке! Уплывай, мальчик, — устало выдохнула я, едва переведя дыхание и опускаясь на каменный пол.

— Не догонит... — раздался писк моего спасителя.

— Аля, Аля, где ты? Прием! — раздалось в наушнике.

— Все в порядке, я успела спрятаться, — успокоила разволновавшихся мужчин.

— Сиди там, — говорил Стефан, — убить ее не получится, привлечем всю популяцию акул-молотов, а вот парализатором отпугнуть попытаемся. ЖДи, мы приплывем за тобой.

— Спасибо, — сердце все еще колотилось, как сумасшедшее.

Без движения очень быстро стало холодно. И чтобы совсем не замерзнуть я поднялась и начала двигать руками и ногами. Случайно, задела какой-то предмет, выступающий из стены. Страх отступил, ему на смену пришло любопытство. Включив фонарик на маске, я осмотрела помещение, в котором невольно оказалась.

Комнатка была квадратной, с ровными стенами, с выдолбленными знаками, скорее напоминающими руны, чем буквы. Таких символов я никогда не встречала, хотя с детства разделяла бабушкино увлечение древними языками. На одной стене, прямо по середине, выступала полусфера. Словно какой-то великан вмонтировал туда огромный каменный шар, наполовину утопив в поверхности. Видимо, на эту штуковину я и наткнулась в темноте. На полусфере знаки тоже были, всего три и они выступали, а не утопали в камне, как прочие символы. Поддавшись мимолетному желанию, мои руки коснулись холодной каменной поверхности, дотрагиваясь до них.

Дальше все произошло настолько быстро, что я просто не успела испугаться. Потух фонарь на моей маске, будто чья-то невидимая рука просто его выключила. Загадочные символы вспыхнули, залив все вокруг таинственным синим светом. Каменный пол подо мной исчез. На его месте образовался водоворот, неумолимо утягивающий меня на дно. Подняв голову, я смотрела, как вновь смыкаются каменные плиты над моей головой, отрезая от синего света символов.

Закончилось все также внезапно, как и началось. Водоворот прекратился, как только мои ноги коснулись дна. Вода схлынула и вспыхнул обычный дневной свет. Я не понимала откуда он. Казалось, что его излучают сами стены. Помещение было небольшим, отделанным сверкающим белоснежным мрамором.

Я осторожно сняла жабромаску и вздохнула. Воздух был свежим, дышалось легко.

— Стефан, Грегор, прием! — попыталась я вызвать помощь, но передатчик молчал.

В поисках выхода, покрутилась, но ничего похожего не обнаружила. Правда на одной из стен были неприметные символы, похожие на те, что вспыхнули на полусфере. Я подошла и провела по ним пальцами. Тихое шипение раздалось за спиной. Обернувшись, обнаружила, что стена исчезла, освободив проход. Остаться здесь казалось мне неразумным и я шагнула вперед.

Неизвестность оказалась огромным залом, заполненным настоящими сокровищами. Здесь были и бесценные статуи, и ювелирные украшения, и какие-то странные приборы. От восхищения я просто рот открыла. На постаменте одной из статуй увидела надпись, язык показался мне знакомым. Апаньяр, несомненно это их надписи. Да здесь предметов, созданных изначальными, больше, чем нашли за все время археологических раскопок на разных планетах.

— Хина? Эла, биела атан хина! — раздался мелодичный женский голос.

— За ума атан хина, за апаньяр хина, — возразил ему мужской.

— Невежливо говорить на языке, который могут не понять все присутствующие, — надулась почему-то я, — и я не ребенок, и не забавный.

В ответ раздался мелодичный смех.

— Прости, дитя, — ответил мужской голос, — но для нас ты совсем ребенок, находящийся в начале своего пути.

— Где вы? Я вас не вижу!

— Мы здесь, мы там, мы везде, — ответил женский голос.

— Ох, как с вами не просто... — тяжело вздохнула я, — вы апаньяр, изначальные?

— Так нас называют...

— Вы же исчезли много лет назад... — честно говоря, я понимала, что несу полный бред, но как разговаривать с теми, кто отвечает тебе загадками...

— Мы не исчезли, просто стали другими.

— Как это? Вы можете показаться?

— У нас нет физического тела, есть лишь разум, — ответила женщина.

— Но голос же есть... — озадачилась я.

— Он звучит в голове лишь того, кто способен слышать, — ответил мужчина, — ты первая за многие времена.

— А почему другие не слышат?

— Могут слышать, нужно лишь открыть душу.

— А вы не могли бы поподробнее объяснить, как это сделать?

— Слушай и ты услышишь, — ответили мне и я разозлилась

— Вы так нужны всем, вы так многому можете всех научить, а вместо этого сидите тут и прячетесь!

— Ребенок, — рассмеялась женщина, — твоя душа чиста, стремления бескорыстны...

— Постичь сможет лишь тот, кто готов, — ответил мужчина.

— Готов к чему? — черт! От их ответов вопросов становилось все больше.

— Готов постичь.

— Замечательно! Постичь сможет лишь тот, кто готов постичь! Услышит лишь тот, кто может слышать! Исчерпывающе.

— Все так, — снова раздался женский голос, — понять сможет лишь тот, кто не нарушит гармонию.

— Еще лучше. Вот вы сказали и сразу стало все понятно! Ну просто все!

— Ты все поймешь, если не закроешь душу.

— Когда пойму? — настороженно спросила я.

— В свое время.

— Что именно пойму-то?

— Все.

— Спасибо вам, милые апаньяр, за такие подробные и познавательные ответы, — я низко поклонилась.

Бесят! Это же надо, встретить изначальных, говорить с ними и ни черта не понять из того, что они говорили. Я проходила мимо настоящих сокровищ то и дела дотрагиваясь до какого-нибудь предмета.

— А что это за место? — спросила у голосов.

— Храм истины, — ответил мужчина.

— Обитель знания, — добавила женщина.

— Археологи уже знают, что под пирамидой есть древний храм, скоро люди придут к вам.

— Не придут, — раздалось в ответ.

— Почему?

— Сюда попасть сможет лишь тот, кто раскроет душу.

Достали! Не могу больше слушать этот бред. Надо отсюда ноги делать, иначе я тоже скоро стану, как эти апаньяр. Дожила, уже с бестелесными голосами разговариваю. Может прихватить отсюда что-нибудь? Нееет... Заметят — стыда не оберешься.

— Уважаемые, — начала я издалека, — а как бы мне наверх попасть?

— Так же как пришла. Врата откроются тому, кто искренен.

— Понятно, спасибо, — я уже просто скрипела зубами от злости и тут мне на ум пришел еще один вопрос, — а почему, когда я пришла сюда, вы назвали меня ребенком апаньяр, а не человеческим?

— Люди... — выдохнула женщина, — раса-носитель нашего физического гена.

— Мы ваши потомки? — наострила ушки я.

— Не совсем. Лишь немногие. В некоторых из вас есть наши гены, потому что вы самый удобный генетический материал, хорошо приспособливаетесь.

— В смысле? Человечество ваш эксперимент?

— Нет.

— Тогда я ничего не поняла из того, что вы мне сказали.

— Человечество носит гены многих рас, в том числе и апаньяр, — ответила женщина,

— в тебе есть наш ген.

— Вы хотите сказать, что люди могут скрещиваться с другими человекоподобными расами и иметь от них потомство? — воскликнула я.

— Со всеми. Удачный генетический материал, — подтвердил мужчина.

— Про детей от тентурийцев знаю... — задумчиво протянула я, — но вот про других...

— Их достаточно много. Разных, многих из которых люди не помнят.

— А я? Я же чистокровный человек! — в ответ раздался смех.

— Ребенок, в твоей крови сила апаньяр и слабость, наши чувства... — казалось, что говорившая женщина вздохнула, испытав грусть, — чувства... Ты такая, какими были мы. Очень давно.

— Это прошлое твоего рода, дитя, твое прошлое, — подтвердил мужчина, — давнее, очень давнее. Тысячи поколений назад. Но есть и более позднее вмешательство чужих генов.

— Позднее? — удивленно выдохнула я, — вы хотите сказать, что в моей семье совсем недавно произошло смешение рас и я этого не знаю?

— Всего несколько поколений назад, — подтвердил мужской голос.

— И что это за раса? — вот так живешь-живешь и не знаешь, кто ты на самом деле.

— Об этом спроси у предков, дитя. Но раса древняя, почти как апаньяр. Они предпочли физическое тело чистому разуму, за это и наказаны.

— Наказаны? Как?

— Они вырождаются... — печально ответила женщина.

— А вы, значит, не вырождаетесь?

— Мы есть и нас нет. Мы вечны.

— Слушайте, — честно призналась я, — мне вас так жаль. Как же вам скучно живется!

Разум, бесконечно тоскующий об утраченных чувствах... Да лучше вырождаться, живя полной жизнью, чем в таком унынии существовать вечно...

Я затихла и устало опустилась на мраморный пол у ног статуи прекрасной женщины. Выглядела она как обычная землянка, разве что очень и очень красивая. Голоса тоже молчали. Наверное, мои слова задели их. Мне стало неудобно.

— Эй, — позвала я, — простите меня, пожалуйста. Я не должна была вам все это говорить. Каждый выбирает свою судьбу сам и не мне вас судить...

— Хорошо, — раздался мужской голос.

— Что хорошо? — не поняла я.

— Что человеческого в тебе больше. Мы благодарим тебя, ребенок, — сказал женский голос.

— За что?

— За подаренные чувства.

А я... Мне нечего было сказать. Усталость навалилась, как снежный ком. Хотелось есть и спать тоже хотелось. А еще очень хотелось поговорить с бабушкой Пелагеей и выяснить, что за загадочная раса наследила в моей родословной.

— Тебе пора, ребенок, — с нежностью прозвучал женский голос.

— Выбери себе подарок, дитя, — послышался мужской.

— Статую я не унесу, да мне и поставить ее некуда. В приборах ваших я ничего не понимаю, а украшения... Украшения пусть останутся их прежним владельцам, — сказала я, поднимаясь с прохладного пола, — мне ничего не нужно.

— Возьми вот это, дитя, — пару секунд было тихо, а потом ко мне подлетело украшение.

Это был небольшой, круглый кулон, на тонкой изящной цепочке. По краю украшения шел затейливый орнамент, напоминающий переплетенные стебли незнакомого вьющегося растения с красивыми, рельефными листочками, а вот в середине синими камнями были выложены именно те три символа, что сияли на полусфере при входе в храм.

— Спасибо вам, — поблагодарила я, наблюдая как кулон медленно опускается в мою ладонь.

— Надень его, — резко прозвучал женский голос.

Но это был не приказ, а скорее просьба. И я не посмела отказать тем, кто когда-то давно, много-много жизней назад были моими родными. Цепочка не имела никаких замочков, но была достаточно длинной, чтобы надеть ее через голову. Как только круглый кулон оказался на моей груди, символы вспыхнули загадочным синим огнем и тут же погасли, принимая изначальный вид.

— Он принял тебя, дитя, — сообщил мужской голос.

— Кто принял? — почему-то шепотом спросила я.

— Денкоро, — да, ответ как всегда, в стиле апаньяр — «понятен» и лаконичен.

— Это ключ, — наверное пожалев меня, все же сообщила женщина.

— От чего? — ну хотелось мне хоть немного выяснить про этот загадочный подарок.

— От всего! — Черт! Да лучше бы вообще не отвечали!

— Ну, всего вам доброго, хозяева дорогие. Пора и честь, как говорится, знать, — отвесив поясной поклон пустоте, поспешила к комнате из которой пришла.

— Прощай, ребенок. Храни нашу встречу в тайне.

— От всех?

— Кроме семьи. Так будет лучше для всех, кто не готов. — кто не готов и к чему — даже спрашивать не стала, чтобы лишний раз не раздражаться.

— Апаньяр будут приглядывать за тобой, дитя.

Успокоили. Тоже мне родственнички нашлись. Жила без них и еще проживу! Взгляд упал на кулончик поблескивающий между грудей. Красивый. От души отлегло и настроение снова стало ровным, единственное, что в этот момент омрачало его, это волнение за Тони.

В комнате-лифте одиноко валялись мои ласты, видимо, скинутые водоворотом, Подхватив их, я бережно провела пальчиками по трем уже знакомым мне символам и активизировала жабромаску. Бросив взгляд на свое бедро, с удивлением заметила, что царапины на нем нет, совсем нет, словно ее там никогда и не было. Комната быстро наполнялась водой, возник знакомый водоворот и меня понесло вверх.

Оказавшись в верхней каменной комнатке и почувствовав под ногами твердую поверхность, попыталась выйти на связь.

— Стефан, Грегор, прием! Прием!

— Аля! Где ты? Почему не отвечала? — раздался в наушнике голос Грегора, — твой дельфин с ума сошел. Мечется вдоль стены.

— Я тут в расщелину провалилась и связь пропала, вот только выбралась, — я беззастенчиво соврала, — а акула?

— Акулу мы отогнали и вызвали промысловиков с соседней рыбной фермы, они давно за этой хищницей гоняются.

— Хорошо, — выдохнула я, — попробую отсюда выбраться.

— Аля... Аааааляя... — раздался голос в наушнике зоолингво.

— Тони, славный мой! Я сейчас, — ответила, молниеносно устремляясь к выходу.

Аккуратно и не спеша покинула спасительное убежище и тут же нос к носу встретилась со своим спасителем.

— Испугался... — перевел зоолингво.

— И я за тебя испугалась, — погладив друга по полосатому боку, прижалась к гладкому телу, — спасибо тебе, Тони.

— Держись... — послышалось в наушнике и я схватилась за плавник.

Когда мы добрались до Стефана и Грегора, сил у меня больше не было. Совсем. Даже на то, чтобы улыбнуться.

— Ну как ты, укротительница акул? — усмехнулся добродушный Стефан.

— Могло быть и лучше, — попыталась отшутиться я.

— А зверюгу-то твою поймали, — вклинился в наш разговор Грегор, — рыбаки говорят, что давненько такого крупного экземпляра не видывали. Семь метров десять сантиметров — почти рекорд.

Уже стоя рядом с Лассе на борту «Огонька», я держала в руках зоолингво, смотрела на плывущего рядом дельфина и грустила, надолго прощаясь с другом.

— Буду скучать... — раздалось в наушнике.

— Я тоже, Тони. Я тоже.

Еще какое-то время мы молчали, пока не показался быстро приближающийся берег.

— Я скоро приеду и тут же прилечу сюда, мы снова с тобой поплаваем.

— Поплаваем... — согласился дельфин.

— Я очень скоро вернусь домой, — пообещала я.

— Ты только туда летишь... — раздалось вдруг в наушнике, а потом Тони резко

развернулся и исчез, махнув на прощание хвостом.

Его последним словам я не придавала большого значения, списав это на странность перевода зоолингво. Все-таки прибор экспериментальный. Прощай Тони! Прощай, мой отважный дельфиненок. Береги себя. А я... Я постараюсь сберечь себя.

Солнце, освещая последними лучиками спокойное море, уже почти скрылось за линией горизонта, а я все сидела на берегу и высматривала знакомый плавник. Тони так и не появился.

— Не замерзла? Ветер прохладный, — накинула мне на плечи кофточку, подошедшая бабушка, — пойдем в дом, завтра вставать рано.

— Иду, ба, — на автомате откликнулась я, а потом подняла голову и внимательно посмотрела на свою прапрабабушку Пелагею Джоновну Вельскую.

Если про мужей бабушки и прабабушки я знала, то личная жизнь моей горячо любимой ба, оставалась для меня тайной, скрытой за семью печатями. Не только для меня, никто из родственников не знал. Эту тему все, абсолютно все, обходили стороной, словно она была негласным табу. И эта ее вечная молодость. Вот стоит передо мной человек, которому скоро стукнет полтора века, а выглядит... Да немногим старше меня! Ну сколько ей дашь? Тридцать три? Тридцать пять? Подтянутая, ухоженная, вечно находящаяся в движении — да никому из молодых не угнаться за моей бабулей. И все же, есть в этом какая-то загадка. Есть, я чувствую!

— Что ты так смотришь на меня, Аленька? — улыбнулась мне бабушка, той теплой и нежной улыбкой, которую я помнила и любила с детства, — хочешь запомнить перед долгой разлукой?

— Я люблю тебя, ба, — не смогла не улыбнуться ей в ответ.

— И я тебя, моя девочка. Больше, чем ты можешь себе представить, — она присела рядышком и долго вглядывалась в мое лицо, а потом спросила, — ничего рассказать мне не хочешь?

Я хотела. Очень хотела, тем более апаньяр сказали, что от родственников я могу не скрывать свои приключения, только вот как начать разговор...

— Там в древнем городе, кроме нападения акулы случилось еще кое-что, — решила начать разговор я.

Потом, неспешно вспоминая все подробности, я долго рассказывала о своих приключениях. Пелагея Джоновна слушала внимательно, ни словом меня не перебив. Только, когда я дошла до своих генов, приобретенных недавно от загадочной древней расы, как-то нервно сжала в кулаки руки.

— Вот я и подумала, может быть ты что-то об этом знаешь? — закончила я мучившим меня вопросом.

Бабушка продолжала молча сидеть и внимательно смотреть на море. Ну и я тоже сидела тихо. Конечно, меня просто съедало любопытство, но насильно рассказать ведь не заставишь. Вдруг эти воспоминания сделают больно любимому человеку? А ведь и правда, похолодало сильно. Я поежилась и по сильнее натянула на себя кофточку.

— Это случилось, когда я была также молода, как сейчас ты, — вдруг начала говорить бабушка Пелагея. Голос ее был грустным и непривычно тихим, — тогда мало кто из землян улетал с родной планеты. Да мы и сейчас в большинстве своем домоседы. Группу наших ученых археологов пригласили поработать на Тентуре. Постольку поскольку отношения между землянами и тентурийцами были на тот момент обострены, то нашу миссию охранял отряд военных МНК. И вот там я встретила его, молодого офицера, красивого, высокого. Он

тоже меня заметил, словно искра вспыхнула между нами. Влюбилась конечно. Влюбилась так, что меня аж шатало от счастья. Два месяца эйфории, блаженства... А потом в один день все это прекратилось. Приезжаю в гостиницу, а его нет. Его нет нигде, даже на планете. Он просто ушел из моей жизни не сказав ни слова, просто ушел, Аль. А я тогда молоденькая совсем была, глупая. Переживала, конечно, сильно, плакала. Все мне там о нем напоминало. Потом попросила перевести меня на другой участок, а оказалось, что раскопки свернули. Нашли там что-то и передали объектом военным. И я вернулась домой, а через семь месяцев родилась твоя прабабушка. Вот так вот все и вышло, Аленька.

— А какой он был расы? — через какое-то время спросила я.

— Эленмарец, кажется так называлась его раса. Ты очень на него похожа, — бабушка Пелагея вновь с нежностью мне улыбнулась, — разве что уши у тебя не острые, да волосы не такие светлые.

— А как же ты потом... — мне было так бесконечно жаль ее, эту сильную, волевою женщину, такую родную и любимую.

— А что потом? — как-то горько улыбнулась она, — Машка родилась, потом Таюшка, потом мама твоя, а потом и ты. Вот и живу для вас, радуясь каждому дню.

— Ты больше никогда не любила?

— Я просто никогда не переставала любить, — она поднялась, отряхнув вязанную юбку, — ну пойдем уже. Завтра вставать рано. Рейсовый до Луны ждать не станет.

Я последний раз бросила взгляд на море. Чуда не произошло, плавник так и не показался. Тяжело вздохнув, поплелась в сторону домика.

Утро началось внезапно. Вот так бывает ты просто спишь и вдруг:

— Алька, подъем! — врывается в мой сон голос бабушки, — после твоего вчерашнего приключения на базе объявили выходной, и сигнал будильника не сработал.

— Что? — сонно прохрипела я, силясь открыть глаза.

— Проспали мы с тобой, вот что! — не сдавалась бабушка Пелагея.

— Проспали? — подскочила я.

— У тебя есть пять минут на сборы. Кета-уаси любезно согласился нас подвезти до вимар-станции, — говорила бабуля, уже натягивая поверх джинсов легкие сапожки, — есть еще добрые люди... то есть я хотела сказать влаппи. Одевайся. Завтрак сухим пайком возьму.

Как только захлопнулась дверь домика, я подскочила и как заведенная закружилась по комнате. Умыться, одеться, обуться, проверить собранные вещи... Кажется все, а у меня еще целых полминуты. Обидно начинать службу на новом месте с опоздания. Перекинув сумку через плечо, я вышла на крылечко.

— Стравствуйте, шетера Айлевтина, — оскалился огромный влаппи, стоящий рядом со служебным флайкаром.

— Доброе утро, уважаемый Кета-уаси, — поздоровалась я, направляясь к летуну.

Пелагея Джоновна, держа в руках объемный сверток, уже садилась с другой стороны.

— Ну, все на месте? Все взяли? — спросила она, раздавая каждому из нас по термостаканчику, плотно прикрытому крышкой, — утро нужно начинать с хорошего кофе и тогда оно обязательно будет добрым.

— Спасибо, — коротко поблагодарил Кета-уаси и склонился над навигационным экраном.

— Держи, — бабушка протянула мне огромный, многослойный бутерброд, пока я

воевала с крышкой термостакана, — неизвестно когда вас там кормить будут, так что ешь впрок, а я тебе пока в комм файлы скину, о которых ты просила. Раздобыть удалось, правда, немного, но... Чем богаты.

— Шпашиба, ба, — бутерброд оказался очень вкусным, и кофе источал умопомрачительный аромат, или просто я была такая зверски голодная...

— В Лунопорте я тебя до самого корабля провожу, — не отрываясь от экрана комма, сказала бабуля, — мне пропуск на поле дали и сопровождающего обещали. Там корабль с Астерии прибыл, новое оборудование нам привезли. Да, судя по твоему рассказу видимо зря...

Я пожала плечами, продолжая жевать с закрытыми от удовольствия глазами. Ну не моя же вина, что апаньяр не со всеми общаться хотят. Я вот тоже со всеми не хочу, будь моя воля, с половиной бы контакты ограничила. А они разум, да еще чистый, им можно. Рука сама потянулась под пуговички форменного кителя и погладила кулончик. На месте. Честно говоря, сегодня утром мое вчерашнее приключение казалось уже чем-то нереальным, сном — не иначе.

На вимаран до Луны мы все же успели. Всего сорок минут полета и перед нами раскинулся огромный космопорт Лунопорт-1, отсюда отправляли все экспедиции и совершали пассажирские перелеты. Лунопорт-2 занимался почтовыми перевозками, а Лунопорт-3 — доставкой крупногабаритных грузов.

Телепортировались прямо в зал ожидания. Космопорт гудел, как разбуженный улей. Мимо то и дело пролетали багажные тележки, проползали роботы-уборщики. В ожидании своего рейса люди сидели в мягких креслах или за столиками в уютных кафе, некоторые чинно стояли у информационного табло.

— Регистрация рейса 945026 Лунопорт-Палапутра продолжается у выхода номер 34, — раздался механический голос оповестителя, — повторяю, регистрация рейса 945026 Лунопорт-Палапутра продолжается у выхода номер 34.

— Вийора Катсу Имари, вас ожидает сопровождающий у справочного терминала. Повторяю, вийора Катсу Имари, вас ожидает сопровождающий у справочного терминала.

И еще миллион подобных объявлений. До сегодняшнего дня дальше Ганимеда — спутника Юпитера, я не летала и пределов солнечной системы не покидала, поэтому легкое волнение все же присутствовало. Звездная Академия, где мне предстояло учиться в ближайшие три года, находилась над планетой Кхарма, которая вращалась вокруг звезды Арато созвездия Кассиопеи. Когда-то эта звезда носила иное название согласно земным справочникам, но сейчас все пользовались обозначениями, принятыми в МКН. На одном из языков Коалиции слово «арато» означало «чемпион». А эта звезда и была чемпионом — самая крупная среди желтых. По средним подсчетам добираться до места учебы предстояло около пятнадцати тысяч световых лет.

— Алька, — налетел на меня ураган по имени Фархунда, — где ты ходишь? Наши все собрались, а тебя все нет и нет, — увидев мою бабушку, Хуня продолжила, — здравствуйте, Пелагея Джоновна. Как всегда прекрасно выглядите.

За спиной Хуньки маячил Феокл. Он с гордым и независимым видом держал объемную сумку подруги.

— Ты чего там набрала? — подозрительно спросила я.

— Стратегический запас, — невозмутимо ответила мне она.

— С ума сошла? Я думала ты шутишь! С этой аптекой таможню ни за что не пройти!

— шепотом, я начала ее отчитывать.

— Не бойсь, — усмехнулась Хуня, — на сумке мощный оберег для отвода глаз, никто и не заметит. Вот увидишь.

— Ну, Фархунда, — покачала головой я.

— Феклушинька, счастье мое биомассовое, — промурлыкала она, — возьми еще Аленькину сумочку.

Схватив нас с бабулей под руки, Хунька потащила нас туда, где в общей толпе стояли знакомые и родные. По дороге, она продолжала без умолку трещать:

— А меня сегодня никто не провожает. Бабушка принимает вступительные экзамены, а маму срочно в Варанаси вызвали, там у них эпидемия у слонов какая-то. Вся их кафедра с ног сбилась, еще вчера телепортировались. Представляешь...

— Хуня, — рыкнула на нее, когда увидела среди провожающих сияющие лица родителей и бабушки.

— Что ж так долго, ребенок? — спросил у меня подошедший отец, — здравствуйте Пелагея Джоновна, — это он сказал уже бабуле.

— Здравствуй, Сережа, — улыбнулась она, — давно не виделись. Ты все добреешь, смотрю. Совсем тебя Зойка пирогами закармила.

— А хорошего человека должно быть много, — рассмеялся папа, наблюдая как бабушка нежно обнимает маму, — зато вы с каждым годом все краше и краше, вот в кого жена и дочь у меня такие красавицы!

— Скажешь тоже, — смутилась моя вечно серьезная ба.

— Что же мы стоим? — воскликнула мама, — там у 57 секции уже таможенный досмотр на ваш «Этилгейл» начался.

— Красивое название — путеводная звезда, — улыбнулась бабушка, переводя название корабля.

— Романтично, — согласилась мама, но потом встрепенулась и снова начала нас всех подгонять.

В итоге до нужной таможенной секции мы практически бежали. Досмотр еще не начался и окно было закрыто. Рядом стояли немногочисленные отбывающие в окружении тех, кто их провожал. Молодых офицеров, облаченных в летнюю форму, кроме нашей четверки было еще двенадцать, среди них всего две девушки. Скорее всего, это четверки, отобранные на Марсе, Европе и Ганимеде. Они вылетали вместе с нами из Лунопорта.

Почти у самой стойки представительный мужчина с убеленными сединами висками, трепетно обнимал хрупкую женщину среднего возраста, которая что-то тихо говорила двум симпатичным девушкам. Он был одет в военную форму с нашивками полковника. Куратор земной группы Константин Вихров отбывал по месту новой службы в сопровождении своей супруги, а две взрослые дочери их провожали.

Где-то рядом мелькнула русая макушка Стаса. Увидев нас, помахал рукой. Тут же в нашу сторону обернулись еще две русые головки младших сестер Погодина. Близнецам Дарине и Полине исполнилось по пять лет. Они считали себя взрослыми дамами и сейчас с обеих сторон облепили брата, наперебой комментируя происходящее. Родители Стаса стояли рядом, и едва сдерживая смех, наблюдали за этой картиной. Сам же Погодин хоть и закатывал глаза, но держался стойко и мужественно терпел все измышательства сестер.

— Аля, — я обернулась на голос Дениса, — можно тебя на минуточку?

— Капитан Истархов, до отлета «Этилгейл» еще два часа, сейчас курсантам дано время для прощания с друзьями и родственниками. К какой из перечисленных категорий вы относите себя? — надо же, и голос не дрогнул, и сердце больше не стучит. Может и правда Хунькина отравка действует...

— Извини, — тихо сказал он и отошел.

— Деничка, — краем глаза заметила, как к Истархову подбежала красивая девушка, что-то быстро начавшая ему говорить. Эта была совершенно незнакома мне. Интересно, а что стало с той, которая из нашей спальни...

— Ира, я же просил не приезжать в космопорт, — донесся до меня злой и раздраженный голос Дениса. Схватив подружку за локоток, он потащил ее куда-то к выходу из зала таможенного досмотра и парочка скрылась из вида.

Удивительно, но никаких, абсолютно никаких эмоций я сейчас не испытывала. Нет, вру. Мне было забавно наблюдать за Истарховым и в то же время, отчего-то в душе я немного жалела его. Врать себе и самому же в это верить грустно, неправильно и... в общем жаль Истархова и все.

Таможенный досмотр начался, люди неспешно подходили к окну, ставили багаж на сканирующее устройство и также неспешно проходили в комнату ожидания. Провожжающие попрощавшись, покидали зал. Некоторые плакали. Мы с Хуней на досмотр не спешили, продолжая тихо разговаривать с моими родственниками.

В помещение, где располагалась 57 секция вошла очень колоритная группа людей. Народа в зале осталось немного и все присутствующие разом обернулись. А посмотреть было на что, потому что в зал вошло семейство Селедкиных. Сам Жоффрей шел в середине их этнической композиции, его словно взяли в тиски трое медведоподобных мужика с густыми бородами, одетых в льняные, расшитые по вороту косоворотки и полосатые штаны. Мужчин сопровождала женщина с длинной косой в красном сарафане, она держала на руках младенца, то и дело поглаживая его по кудрявым волосикам. А впереди, в темно-синем платье и лихо повязанном на голове белом платочке, опираясь на клюку, шествовала сухонькая старушка. И вот всем сразу было ясно — кто в семье Селедкиных главный.

— Фрол, Мяфодий, отпуститя парня, вы яму вдыхнуть ня даетя! — вещал этот маленький генерал в юбке тонким, но очень громким голосом, — а ты Жоффреюшка поминай нас там, в космаса-та своем добрам словам. Мядку я тебе положила, хорошего липаваго. Чай нету на вашей Ксипей-та мядку такова? Оооо... То-то и оно, што нету! Ты, Жоффреюшка на мядок та налягай, он от усех хвороб поможет, да оберег, что мать вышила носи, он от дурного глазу да от лихих людей поможет...

— Хорошо, бабушка, — простонал Жоффрей, видимо уже не первый раз, но старушку было не остановить.

— А вот кума Авдотья намедни болтала, што холода там в космаса-та вашем. Дак ты Жоффреюшка на парней-то ня сматри, гульфик из шерсти овечьей, што я тебе связала, носи! Застудишь «пятушок», што потом делать станешь? Ох, ня довяряю я лекарям-то инопланетным. Там ить ня травок наших, ня заговоров... Бяряги хозяйство та! Мужик без хозяйства, сам знаишь, што птица без неба — так пшик, одно названня!

— Серафима Дормидонтовна, — попыталась унять старушку женщина, видя, как налились стыдливым румянцем щеки Жоффрея.

— А ты, Улька, мне рот-та ня затыкай, — огрызнулся маленький генерал, — я добра тваму сыну желаю!

— Бабушка, мне пора, — жалобно проблеял Жоффрей, уже готовый броситься бежать к спасительному окошку.

— Ну, — остановилась старушка, — пора дык пора. Ничо ня попишишь. Прощаться будем! Храни тебя бог, внук мой старшенькай Жоффреюшка. Поминай там родню- та свою. А уж мы усе за тебя помолимся.

Семейство Селедкиных перешло к жарким прощальным объятиям, а мы с Хуней, да и родственники мои отворачивались, давясь смехом. Наконец, Жоффрей вырвался и понесся к таможенному окну.

— Пяшы, ня забывай! — крикнула бабулька.

— Ладно, — выдохнул он.

— И нам пора выдвигаться, — сквозь смех сказала Хуня, — пошли, Аль. Феокл сумки!

— Я тебя у вашего корабля подожду, — шепнула мне бабушка Пелагея, — он как раз рядом с астерийским.

Я спешно расцеловалась с родителями и всю дорогу до окошка досмотра оборачивалась, смотря, как отец уговаривает маму не плакать. А вот подойдя, мы с Хуней стали свидетелями нешуточной драмы.

— Что провозите в стеклянной таре? — вопрошал андроид-таможенник у Жоффрея.

— Там ме... там ме... мед! — разволновался не на шутку Жорка.

— Провоз продуктов питания запрещен, — ответил служащий.

— А это — не продукт питания, — вылезла вперед Хуня, незаметно рисуя на сумке Жоффрея мелом какой-то символ, — это витаминный комплекс, выданный для всей нашей группы!

— Так и запишем, — андроид невозмутимо внес запись в коммблок, — проходите, не задерживайте очередь.

— Хуня, что это сейчас было? — шепнула я подруге.

— Магия! Самая настоящая! — тихо ответила мне она.

Хунина сумка, к моему удивлению, так же прошла таможенный досмотр без вопросов, а вот с провозом Феокла возникла заминка.

— Что это у вас? — спросил таможенник, указывая на Феклушу.

— Ручная кладь, — невозмутимо ответила Хуня.

— Ручная кладь? — удивился андроид.

— Ну, да. Разные женские мелочи фен и средство для нанесения макияжа в одном флаконе, — и ведь не соврала ни словом.

— Вы вводите в заблуждение служащего космопорта! — сказал таможенник, — согласно статье 12 Таможенного кодекса это...

— Извините ее, — вмешалась я, — она просто растерялась и не знала, как поступить со своим андроидом. Помогите нам пожалуйста.

— Согласно инструкции о перевозке машин с программным обеспечением класса «искусственный разум», все механизмы у данного андроида должны быть отключены, сам он — зафиксирован и надежно упакован. Это относится ко всем роботам, кроме приписанных к кораблю-транспортнику. У вас есть код приписки?

— Нет у нас кода, — надулась Хуня.

— Тогда, отключите технику и сдайте в багаж, предварительно запаковав груз, — констатировал таможенник.

— Но это очень ценная вещь! — возмутилась подруга.

— Внесите в декларацию, как хрупкий объект, требующий бережной транспортировки.

— Не спорь с ним, Хуня, — зашипела я на нее, — делай, как он сказал. Нам с твоей аптекой и Жоркиными гольфиками еще неприятностей с таможней не хватало.

— И то верно. Феклуш, ты это... Прости меня. Как только устроюсь на новом месте, я тебя сразу же активирую, — хмурая Фархунда, со странно блестящими глазами, открыв неприметную крышку на запястье Феокла вводила какие-то цифры. Феокл чуть заметно кивнул и глаза робота остекленели, он превратился в неподвижную статую.

— Не переживайте, — успокоил Хуню представитель транспортной компании в ярко — синем комбинезоне, — доставим в лучшем виде.

— Мне надо чтобы доставили в таком же, — буркнула ему хмурая подруга, а потом отвернулась и... всхлипнула. Отвечать ей мужчина не стал, погрузив Феокла на багажную тележку, увез в сторону взлетной площадки.

В комнату ожидания мы вошли самые последние. Истархов, увидев меня, хотел подойти, но дорогу ему перегородили направившиеся к нам Жора и Стас.

— Вы чего так долго? — спросил Стас.

— Да Феклушу в багаж сдавали, — ответила я, — палиться нельзя, слишком много нелегального компромата везем.

— Компромата? — удивился Погодин.

— Один Жоркин гультфик чего стоит! — огрызнулась Хуня. Селедкин покраснел и, видимо, хотел ей что-то ответить, но тут нас всех пригласили на посадку.

Корабль располагался недалеко от здания космопорта. Ярко-алый цвет корпуса и обтекаемая форма космического лайнера притягивали взгляд и выделяли «Этилгейл» среди других военных и гражданских транспортников. Под названием, написанным большими черными буквами на общем языке коалиции, значился порт приписки — Высшая Звездная Академия, и красовалась эмблема — девятиконечная звезда.

Тихо переговариваясь, курсанты небольшими группами, не спеша шли к месту посадки. Стас и Жорик вышагивали впереди, а мы с Хунькой следом.

— Жор, а Жор, — Погодин приобнял Селедкина за плечи, — ну и колоритное у тебя семейство! Особенно бабушка. Ну, чисто генерал! Серьезная женщина. Откуда ты сам-то?

— Сру... Сру... — начал было Жоффрей.

— Да, ладно тебе, — усмехнулся Стас, — не бойся! Все свои!

— С Руси Возрожденной, — выдохнул Жорик и зарделся, добавив, — и вовсе я не боюсь. Дослушивать надо!

— С Руси, так с Руси, — пожал плечами Погодин и зашагал дальше.

— А чего раньше не сказал? — спросила Хуня.

— К сло... К слову не пришлось, — Жоффрей низко наклонил голову, явно не желая продолжать эту тему.

Еще лет сто назад, в разгар противостояния тентурийцам, стали появляться на Земле поселения, люди в которых жили, придерживаясь старых традиций. Каждый, кто переселялся в такое место, хотел прикоснуться к истокам, попасть в историческое прошлое. Вот и стали возникать территории сродни заповедникам. Они носили громкие названия, например: «Новые фьорды викингов» или «Обновленные северные кочевья». Местное население возрождало старинные ремесла, добровольно практически полностью отказывалось от благ цивилизации. Исключение составляли обязательное образование каждого ребенка согласно выбранному направлению и, пожалуй, связь. В остальном же, это были этнические музеи под открытым небом. Вот одним из таких мест и была «Русь Возрожденная». Изделия, изготовленные мастерами по старинным рецептам, ценились и стоили очень дорого. Кроме того, постоянные экскурсии пополняли доход таких общин, несмотря на полное самообеспечение одеждой и продуктами питания.

— А почему ты Жоффрей, а не, скажем, Добрыня или Тит? Я слышала, в таких местах принято называть старинными именами, — вклинилась в их разговор Хунька.

— Ма... Ма... Мама у меня не местная, — ответил Жоффрей.

— Странно, а при бабушке ты не заикался, — удивилась я, а сама улыбалась, представляя нашего худого Жорку с именем Добрыня.

— Побайваюсь, — смутился он.

— Я тоже от такой бабушки в штаны бы наложил, — откликнулся Стас.

У трапа корабля нас поджидал не кто иной, как легар Высшей Звездной Академии Белиготар Сорг. За его спиной, неподвижными статуями застыли тентуриец и варг, уже виденные нами в летной школе. Рядом стояли Истархов и полковник Вихров. Новоиспеченный ректор вышел вперед и скомандовал:

— Построились в шеренгу по одному!

Сорг прохаживался вдоль нашего строя, внимательно рассматривая каждого из курсантов. Его голос — бархатный, обволакивающий, казалось, проникал в каждую клеточку тела, заставляя вникать во все сказанное.

— С этого момента вы являетесь курсантами Высшей Звездной Академии, а после принесения военной клятвы МКН, станете, практически, собственностью, Коалиции. Миссия ваша уже началась и назад пути не будет, — эльф лениво вертел в холеных руках какую-то блестящую тросточку, — с этого момента в вашем лексиконе нет слов «я не могу», там осталось только «я не достаточно делаю, чтобы смочь». Я ясно изъясняюсь?

— Да, легар Сорг, — дружно выдохнули курсанты и на лице остроухого расплылась довольная улыбка.

— Представляю вам старших офицеров. Тангир Шенг Стшарсси, — вперед вышел рослый тентуриец, окинул недобрый взглядом весь строй, а затем отступил на свое место, — и тангир Путау Вайми, — на сей раз варг сделал шаг вперед и лукаво улыбнулся, — к ним вы можете обращаться также, как и к своим непосредственным кураторам, по всем возникающим вопросам. Это понятно?

— Да, легар Сорг, — снова ответили мы.

— Полет от Лунопорта-1 до ВЗА на планете Кхарма по земному времени составит около девяти часов. Траектория передвижения корабля рассчитана на три гиперпрыжка, поэтому во время перелета кают не покидать, по кораблю не ходить, о времени приема пищи будет сообщено по внутренней связи. Ваши каюты покажут старшие офицеры. Вопросы есть?

Вопросов у нас не было.

— Тогда, вольно! Разойдись! До отлета еще час, можете подышать напоследок родным воздухом.

Белиготар Сорг отвернулся и о чем-то тихо заговорил с офицерами, а мы... Ну, мы разошлись, как приказано. Хунька, с подозрительно хитрой физиономией, что-то шептала на ухо Стасу, показывая в сторону тентурийца. Погодин ее внимательно слушал и изредка кивал, расплываясь в улыбке. Жоффрей мечтательно смотрел в темное звездное небо, а я... Я высматривала бабушку, нервно прохаживаясь вдоль борта.

Астерийский корабль возвышался черной громадиной неподалеку. Я поглядывала в ту сторону, но хрупкой родной фигурки не было видно.

— Что-то потеряли, курсант Верник? — глос нашего легара, неожиданно прозвучавший совсем рядом голос, заставил вздрогнуть.

— Никак нет, — отрапортовала я, вытянувшись по струнке, — согласно вашему приказу, дышу воздухом!

— Вольно, курсант, — промурлыкал эльф, — вы определенно что-то рассматриваете. Чем вас так привлекло астерийское судно?

— ЖДу своего родственника, — не стала лукавить я.

— Откуда у землянина астерийские родственники? — усмехнулся этот блондинистый лис.

— Это допрос, легар Сорг? — и чего он ко мне привязался? Там на сцене в летной школе, здесь...

— Аленька, — раздался позади меня родной и любимый с детства голос.

Я улыбнулась, поворачиваясь к бабушке и растерялась. Моя стойкая, смелая и решительная ба, профессор космической археологии, стояла, как мраморное изваяние, во все глаза уставившись на эльфа. Перевела взгляд на легара. Боже мой! Та же картина. Эленмарец выронил свою металлическую трость, и она со звоном откатилась в сторону. Но легар даже глаз не отвел от напряженной бабушки Пелагеи. Его лицо было настолько растерянным и удивленным, что захотелось подергать за рукав и сказать ему волшебное «Отомри!».

Стоят и молчат. И я стою и молчу. Минута... Две... Три... А ведь отлет скоро и время не резиновое. Подхожу к бабушке, беру под локоток и подвожу к эльфу.

— Позвольте вам представить — моя бабушка Пелагея Джоновна Вельская, гениальный ученый, профессор космоархеологии. Ба, — подергала ее за кофточку, но она так и не обратила на меня внимания, продолжая смотреть на эльфа. Да... Дела... Она что на всех эленмарцев так реагирует? — Бабушка! Это легар Высшей Звездной Академии Белиготар Сорг.

— Гея, — первым отмер белобрысый.

— Здравствуй, Тар, — тихо поздоровалась бабушка, схватив меня за плечи и выставив перед собой как щит.

— Вы что, знакомы что ли? — удивленно спросила я, а в ответ — тишина. Кто бы сомневался!

Стоим. Смотрим. Молчим. А время идет между прочим.

— Ба, — нарушила я тишину, которая меня очень сильно напрягала, — может вы мне что-нибудь объясните? У меня отлет скоро.

— Без нас не улетят, — хрипло выдохнул легар и снова замолчал.

— Познакомься, Аленька, — отмерла наконец-то бабушка.

— Да мы знакомы, вроде... — как-то неуверенно ответила я.

— Нет, ты еще раз познакомься, — настояла бабушка, — это твой прапрадедушка Белиготар Сорг.

— Что? — одновременно вскричали мы с эльфом, и дальше продолжили также стройным хором, — этого не может быть!

И снова тишина. Ну я-то понятно, язык от удивления проглотила, а этим-то хорошо было бы все выяснить. Мне с остроухим еще три года жить, хотелось бы, чтоб он осознал нашу родственную связь. Нет, ну не то что бы я хочу каких-то привилегий, а просто — вдруг пригодится.

— Гея, — каким-то неестественно сдавленным шепотом, словно у него пересохло горло, начал говорить легар, — этого не может быть! У эленмарца может быть потомство только от эленмарки. А девочка... Девочка в роду это ценность, это редкость, это будущее...

— Уж не знаю о чем ты говоришь, но у твоего будущего есть вполне определенные имена — дочь Мария, внучка Таисья, правнучка Зоя и вот этот кадет — твоя праправнучка Алевтина Сергеевна Верник.

На бедного эльфа было больно смотреть. Он побледнел, высокий аристократический

лоб покрылся испариной, а губы дрожали.

— Четыре женщины... Но как? — простонал он, схватившись за голову. И куда весь его лоск растерялся? Совсем сник мужчина, — я не верю... такого не бывает...

— Чего не бывает, Тар? — устало отмахнулась от него бабушка, — ты меня бросил на Тентуре и улетел, я вернулась домой и родила дочь. Вполне обычная земная история. У нас так бывает — на Земле, а как у вас на Эленмаре — понятия не имею, меня не приглашали. А по поводу твоего «не верю», я с тобой безлимитный материал для ДНК-тестов отправляю. Захочешь — разберешься, а не захочешь... Жили же мы без тебя...

— Гея... — кажется мой прапрадедушка сейчас «ласты склеит». Жаль, а я и познакомиться толком не успела. Вон, как побледнел весь, — Гея... Я не бросал тебя, поверь. На Тентуре обнаружили нечто очень секретное и я был вынужден покинуть планету по долгу службы. Разбирательство затянулось, но спустя два года, я искал тебя... И не нашел. Земля находилась в состоянии вооруженного и дипломатического конфликтов с Тентурой, и мне не дали никакой информации.

— Знаешь, Тар, — бабушка подошла к эльфу и посмотрела в его зеленые глаза. Он как-то весь подобрался. Мне даже показалось, что легар с жадностью втянул в себя воздух, — Бог тебе судья. Поздно разбираться, кто прав, кто виноват. Единственное, о чем прошу тебя, присматривай там за Алей... Или, по крайней мере, не мешай ей... А сейчас, извини, мне необходимо поговорить с внучкой.

— Гея! — крикнул эльф в спину уводящей меня бабушки.

— Мы поговорим, Тар, если останется время. Сейчас я хочу попрощаться с внучкой.

— Сурово ты с ним, ба, — шепотом сказала я ей, — может не стоило так? На нем лица нет.

— Да, сама не знаю, зачем я так с ним... — как-то растерянно ответила она, — разозлилась просто, что не поверил, усомнился.

— Ба, но если то, что он рассказал правда, тогда может легар не так уж и виноват? Война же была, вот и потерялись вы на просторах космоса.

— Ой, не знаю, Аленька, — вздохнула бабушка Пелагея, и по ее щеке сползла слезинка, — вот увидела его и будто не было всех этих лет, все как вчера было...

— Не плачь, я за ним присмотрю!

— Ну тогда я спокойна, — улыбнулась сквозь слезы она.

— Ты мне что-то сказать хотела, — напомнила я бабушке, мысли которой сейчас были у трапа, где нервно расхаживал мой остроухий предок.

— Да... — пришла в себя ба, и на месте растерянной женщины вновь появилась собранная Пелагея Джоновна, — в общем через две недели я лечу в экспедицию тоже в систему Арато, только на соседнюю планету Лорна. Так что видеться будем часто.

— Лорна, — машинально повторила я, — спящая?

— Верно, — улыбнулась она, — на этой планете множество вулканов, но все они не действующие. А еще там огромный город апаньяр.

— Ух, ты! Это же потрясающе! — воскликнула я.

— Так что, прилетишь ко мне с друзьями, когда вас отпустят в увольнение, — бабушка порылась в сумке и достала маленький чип, — вот еще что, Аленька, на этом носителе информация по расам более полная.

— Спасибо, бабушка, — я крепко ее обняла и расцеловала в обе щеки, — ты самая

лучшая бабушка на свете! Мне пора... Надеюсь скоро увидимся...

— Я буду скучать по тебе, моя егоза... — на глаза бабушки Пелагеи вновь навернулись слезы.

— Так! Отставить сырость! — скомандовала я, и кивнула в сторону нервно вышагивающего эльфа, — у тебя разговор предстоит серьезный. И знаешь что, ба...

— Что?

— Дай ему шанс... — неожиданно выпалила я, а потом добавила, — и себе...

И оставив озадаченную бабушку одну, пошла к кораблю.

— Идите, вас там ждут, — тихо сказала встрепенувшемуся эльфу, проходя мимо. Потом развернулась, помахала рукой бабушке и стала медленно подниматься по трапу. Уже на последних ступенях, вновь оглянувшись — Пелагея Джоновна и Белиготар Сорг, склонившись друг к другу, о чем-то беседовали. Жизнь налаживается. А меня впереди ждут приключения.

Сердце от предвкушения пело. Непередаваемые чувства: радость, ожидание чуда, тяга к приключению — все и сразу охватывает тебя, когда впервые оказываешься на настоящем межзвездном корабле. Не на обычном транспортнике и даже не на экскурсионном лайнере, а вот на таком, как «Этилгейл», совершающем прыжки, пролетевшим не одну сотню световых лет... Восторг! Восторг и трепет царили внутри пока я шла по просторному стерильно белому коридору. Вокруг было пустынно, лишь световые панели мне лукаво подмигивали, а где-то впереди слышались голоса.

Коридор вывел в помещение, напоминающее уютную кают-компанию, с удобными диванчиками, невысокими столиками и сенсорными панелями. Здесь собрались все курсанты. В уголке я заметила неугомонную троицу своих друзей и устремилась к ним.

— Ты где бегаешь, Верник? — спросила Хунька.

— С бабушкой прощалась. Кстати, через несколько недель их группа будет раскапывать город апаньяр на Лорне. Это соседняя планета от Кхармы. Позвала всех нас в гости, — сообщила друзьям о приглашении.

— Ух, ты! — воскликнул Стасик, — неужели настоящий город апаньяр?

— Наверное, — улыбнувшись, ответила ему, — мне и самой жуть, как интересно.

— А чего это легар наш ушастый у тебя спрашивал? — прищурилась Хунька.

— Спросил, кого высматриваю на астерийском корабле, — говорить о своем родстве с эльфом пока не стала, неизвестно, как воспринял эту новость сам Белиготар Сорг. Да и я, по правде сказать, еще не знала, как к этому относиться.

— И кого же ты там высматривала, Аленька? — усмехнулся Стас.

— Да, говорю же — бабушку. Дела у нее были на астерийском корабле, а он рядом стоял, — я разозлилась. Что за день такой? Сплошные допросы!

— Всем встать! — в кают-компанию вошли оба представленных нам старших офицера.

— Курсанты, — начал говорить варг, — на время полета, каждому будет выделена отдельная каюта. Во время перелета действовать согласно указаниям бортового коммандера, экран которого закреплен в стойке кровати. Он активизируется автоматически с заселением каюты. Между гиперпрыжками вы можете выйти в коридор, посетить столовую и кают-компанию. Вопросы есть?

— Повтори еще раз, Путау, — сказал ему тентуриец, — это же земляне, с первого раза не поймут. Да и со второго вряд ли.

Тенгир Стшарсси хрипло рассмеялся своей, только одному понятной шутке, а варг неодобрительно посмотрел на своего коллегу. Я глянула на Хуньку. Невинный взгляд подруги говорил о многом.

— Что вы сделали? — строго спросила стоящего рядом Стаса.

— Аль, ну он же человеконенавистник... — почему-то стушевался Погодин.

— Что вы сделали? — повторила я свой вопрос.

— Ничего супер страшного, — усмехнулась Хунька, — всего лишь крумулянский вечный клей распыленный на форму одного тентурийца, как раз в ягодичной области. Действие начинается при соприкосновении с поверхностью.

— Это что получается? Тенгир сядет, а клей того... начнет действовать? — я смотрела прямо на Хуньку, строго смотрела, зная какие мысли могут прийти в ее буйную голову. А

сейчас она была просто одержима жаждой мести.

— Ну, да... — Фархунда изучала потолок, всем своим видом демонстрируя невиновность.

— У ёёёё... — только и смогла сказать я, потому что в этот момент тенгир Стшарсси, заскучав от того, что его шутки никто не оценил, направился к одному из диванчиков и сел, положив ногу на ногу.

Стас подавил смешок, Хунька коварно улыбнулась, Жорка, тот вообще отвернулся, а я просто похолодела от ужаса. Хорошо же мы начинаем службу на новом месте! Я уже не слушала, о чем говорил тенгир Вайми, все мое внимание было приковано к сидящему тентурийцу. Крумулянский вечный клей — он, действительно, вечный. А диванчики, они сделаны из прочного мягкого пластика, значит отодрать офицера от поверхности можно будет только с частью его формы.

— Как вы умудрились? — прошипела я, дрожа от волнения.

— Там флакончик саморазбрызгивающий. Всего-то и надо было пару раз нажать, проходя мимо, — откликнулся Стас и подмигнул мне.

В этот момент мне поплохело еще больше, потому что в кают-компанию вошел Белиготар Сорг и вид у него был совсем не добрый. Эленмарец откровенно злился. Попали! Взгляд моего предка скользнул по мне и остановился на сидящем тентурийце.

— Тангир Стшарсси, доложите обстановку, — приказал легар.

А дальше... Дальше, я закусил губу, чтобы не всхлипнуть от охватившего меня ужаса. Тентуриец попытался вскочить со злосчастного дивана, но не тут-то было... Тангир Стшарсси предпринимал попытку за попыткой. Физическая сила тентурийского военного победила, раздался треск рвущейся ткани и он вскочил. А потом повисла тишина... Потому что на диване осталась та часть формы, которая совсем недавно прикрывала стратегически важные тылы тангира Стшарсси. Минутное молчание прервал взрыв хохота, курсанты смеялись, вытирая слезы. Ни на одном лице не было сострадания. Видимо, шутка тентурийца о землянах была не единственной за сегодня.

— Что вы себе позволяете? — Белиготар Сорг спросил тангира так, что мгновенно все перестали смеяться, а сам тентуриец, несмотря на смуглую кожу, покрылся багровыми пятнами, — потрудитесь объясниться!

— Я... Мне... — тангир Стшарсси все норовил обернуться и осмотреть причиненный ему ущерб, — это все происки землян! Это они во всем виноваты! Я требую немедленного наказания виновных!

— Где сам пузырек с клеем? — прошептала я Стасу.

— В кармане формы тангира Стшарсси. Наши отпечатки тщательно стерты, — прошептал Погодин, а я, увидев улыбку на лице Сорга, выдохнула... Вот, правда, словно гора с плеч свалилась.

— Разберемся, — отмахнулся от него легар, — тангир Сишарсси, приведите себя в порядок, немедленно! Тангир Вайми, продолжайте расселение курсантов. Вылет через двадцать минут по земному времени.

Тентуриец, натягивая форменную куртку, по стеночке под смешки курсантов покинул кают-компанию. За ним покинул помещение и эленмарец, а мы получили электронные ключи и отправились осматривать свои каюты.

— Алька, ты что обиделась? — спросила, нагнавшая меня Хунька, — мы же СЖАХ.

— Хунь, — устало откликнулась я, — мы чуть не попались.

— Но ведь не попались. Все продумано, Верник! — подмигнула мне подруга, — а скажи же, смешно было?

— Обхохочешься, — я закатила глаза, но все же рассмеялась.

Каюта представляла собой небольшой бокс, с отдельным санузелом, большим мягким креслом, при желании трансформирующимся в кровать. Как только я удобно устроилась и зафиксировала свое положение гравитационными держателями, прямо передо мной вспыхнул голографический экран. Меню кибер — помощника изобилием не отличалось. Комм предлагал помощь в обустройстве каюты, виртуальную экскурсию по кораблю, местную связь, бортовые новости, несколько игр, пару развлекательных каналов и библиотеку. Полазив в настройках, установила комфортные температуру и влажность воздуха, приглушила освещение и нажала на кнопку иллюминатор. С тихим шипением стеновые панели разъехались, открыв достаточно большое овальное окно. Теперь я видела, как от «Этилгейла» отлетают последние технические флайкары.

На экране комм высветилось предупреждение о взлете и просьба зафиксировать свое положение до выхода на орбиту. Корабль вздрогнул, пол под ногами слегка завибрировал и посадочная площадка космопорта стала быстро удаляться, оставаясь далеко внизу. А вверх... Вверх меня встречали мириады звезд, ласково маня своим светом. Через десять минут вспыхнуло сообщение, что «Этилгейл» успешно миновал искусственную атмосферу спутника. Первый гиперпрыжок предполагался сразу по выходу за пределы Солнечной системы, до этого момента оставалось полтора часа и курсантам разрешалось посетить столовую, погулять по пассажирскому отделению корабля или воспользоваться любыми развлекательными разделами корабельного комм.

Съеденный еще во флайкаре «АрхеоКосмоса» бутерброд был давно уже забыт и желудок требовал чего-то существенного. Поэтому, сверившись со схемой расположения и позвонив Хуньке, я отправилась искать столовую. Голодающих оказалось немало. В уютном помещении с небольшими столиками и диванчиками, с рядами пищевых автоматов собрались все курсанты, многие члены экипажа и преподаватели. Троица моих друзей уже занимала один из столиков, находящихся у иллюминаторов. Стас, увидев меня, энергично замахал руками. Как будто их так трудно заметить в полупустом помещении. Корабль явно был рассчитан на перевозку гораздо большего количества пассажиров.

Тентуриец, сидящий через два столика от ребят в компании варга, скривился и что-то ему сказал, на что тангир Вайми ответил неодобрительным взглядом. Ему явно не нравились шутки коллеги, а может и не шутки, может ему не нравился сам тангир Стшарсси.

Пищевые автоматы имели конструкцию, схожую с земными, по крайней мере, принцип выбора блюд на сенсорном меню не отличался. Под каждым изображением блюда высвечивалась надпись с его названием и составом на общем языке Коалиции, курс которого все мы прошли еще в летной школе. Самый верхний ряд занимали салаты, ниже шли вегетарианские блюда, еще ниже мясные, а самый нижний ряд был посвящен десертам. Не сказочное изобилие, но вполне сносный рацион. Тем более половины из представленных здесь блюд я не то что не пробовала, но даже никогда не слышала о таких. Рядом с пищевыми стояли автоматы с напитками, а на небольших столиках располагались чаши с фруктами. Кстати, фрукты, как раз были вполне себе земные: яблоки, груши и апельсины. Значит провизию пополняли на Земле, следовательно и других блюд опасаться не стоит.

Рисковать я все же не стала, хотя и решила перекусить плотно. Недолго поразмышляв,

выбрала банальное картофельное пюре с большим красивым куском рыбы, очень напоминающую лосося, не удержалась от порции запеченных баклажанов и на десерт фруктовый салат со взбитыми сливками и шоколадной крошкой. И пусть все мои враги умрут от зависти. Поднос с заказом появился на панели доставки и я отправилась к автомату напитков. Заказав кофе и апельсиновый сок, замечталась не заметив подошедшего мужчину.

— А у землянок хороший аппетит, — усмехнулся он, осматривая мой поднос.

Это был ксури из приемной комиссии, которого я видела в летной школе. Молодой мужчина открыто улыбнулся, обнажив ровный ряд белоснежных зубов. Вообще, представители его расы очень похожи на землян, но более хрупкого телосложения и невысокого роста и у всех есть татуировка в самом центре лба. Насколько я могла припомнить, изображения на коже были разные. У этого ксури, например, на лбу распустился прекрасный цветок, он выглядел словно живой. Казалось, подует ветер и дрогнут его хрупкие голубые лепестки. Я улыбнулась в ответ этому располагающему к себе мужчине.

— Простите, нам вас не представили, — смутилась я.

— Рут, Рут Сайвэ, — представился ксури, — а вы, если не ошибаюсь, Алевтина Верник группа с Земли?

— Не ошибаетесь, — догадливость собеседника заставила меня вновь улыбнуться.

— А не представили, потому что я не военнослужащий, — подмигнул мне мужчина.

— Ой... — только и смогла произнести от удивления.

— Да, Алевтина. Вы позволите мне вас так называть?

— Конечно, — множество вопросов закрутилось у меня в голове, — а как же вы тогда попали в ВЗА?

— Я там преподаю, — Рут Сайвэ как раз забирал свой заказ из пищевого автомата.

— А какой предмет вы преподаете? — любопытство кошку сгубило, знаю, но мне стало чертовски интересно.

— Психологию разумных и развитие экстрасенсорных способностей, — ответил он, переходя к автомату с напитками.

— Ух ты, — я просто застыла, с восхищением глядя на этого мужчину, — а вы тоже, ну... экстрасенс?

— В некотором роде, — улыбнулся ксури, — все представители нашей расы наделены даром. Я, например, эмпат. Об этом свидетельствует знак на моем лбу.

— Вы читаете мысли? — напряглась я.

— Нет, что вы, — рассмеялся Рут, — я лишь улавливаю импульсы, которые помогают мне понять психическое и эмоциональное состояние человека, и то, если он находится на сравнительно близком от меня расстоянии.

— Здо-о-орово... — протянула я.

— Например, я с точностью могу сказать, что к шутке с крумуляским вечным клеем ваша четверка имеет непосредственное отношение, — он улыбался, открыто, искренне, а у меня внутри все похолодело, — не бойтесь, кадет Верник, я ни за что вас не выдам!

— Почему? — подозрительно прищурилась я.

— Ну, во-первых, это было крайне забавно, а во-вторых, тентурийцы порой такие снобы, что их не грех и проучить, — я открыла рот от удивления, а он продолжил, — у нас еще будет время побеседовать. Боюсь, если мы продолжим, то обед придется есть холодным, что крайне бесполезно для организма.

— Приятного аппетита, — пожелала я преподавателю и направилась к друзьям, дав себе установку вызубрить за время полета всю информацию по другим расам, и ту, которую найду здесь в библиотеке, и ту, что дала перед отлетом бабушка.

— Верник, ну ты где опять ходишь? Я тебе полчаса уже место грею, а ты с каким-то ксури мило беседуешь! — вскинулась на меня Хунька.

— А я тебе махал, — констатировал Стас.

— Да, только слепой не заметил твоих жестов, Погодин, — и улыбнувшись ему, сказала, — особенно тентуриец.

— А что тентуриец-то? — оскорбился Стасик, — с него пока и клея хватит.

— Кстати о клее, — решила предупредить друзей, — тот ксури, с которым я мило беседовала, Хунечка, он наш преподаватель и эмпат по совместительству.

— Мысли что ли читает? — насторожился Стас.

— Мысли не читает, но эмоциональное состояние улавливает, — я отправила в рот печеный баклажанчик и зажмурилась от удовольствия. Аппарат здесь готовил вкусно.

— Верник, не томи, — поторопила меня Хуня.

— Даал... Даал... — прорезался Жоркин голос.

— Никому ты ничего не давал! — как всегда влез Стасик.

— Даал... Да, Аля, рассказывай, — наконец-то выразил свою мысль наш говорун.

— А рассказывать-то пока нечего, — я отхлебнула сока, — в общем, знает он, что это мы клей разбрызгали.

— Каааак? — хором спросили ребята, затаив дыхание.

— Сдавать он нас не собирается. Видимо, потому что ему тоже дорогу тентурийская кошка перебежала, но нам не может везти вечно, — и я деловито стала ковыряться в рыбке.

— Алька, что ты предлагаешь? — Стас допил свой неизменный чай с молоком и отставил стаканчик в сторону.

— Мы команда? — спросила я, а друзья кивнули в ответ, — значит и поступать должны как команда. По сути, ничего плохого этот тентуриец нам не сделал, просто отношения между нашими расами накалены, вот и вырывается негатив, что с его стороны, что с нашей. Операция была рискованная и мы чуть не попались. Впредь все проделки СЖАХ предлагаю планировать тщательнее, а возможность их осуществления решать общим голосованием и только в случае реальных проблем у кого-то их нас.

— Со... соо... согласен, — сказал Жорка.

— Я за, — согласился Стас.

— Согласна, — вяло отмахнулась Хунька, — пусть живут твердолобые пока я добрая.

Мы еще посидели в столовой, пообщались, познакомились с курсантами из других групп Солнечной системы и по сигналу подготовки к первому гиперпрыжку разошлись по своим каютам. Устроившись в кресле, я погрузилась в изучение полезной информации.

В файлах типовой библиотеки «Этилгейла» справочной информации по расам Коалиции содержалось до обидного мало, зато очень подробно была расписана история самой Звездной Академии. Оказывается, это учебное заведение возникло еще в те времена, когда ни о какой коалиции и речи не шло. Существовали расы, которые боролись друг с другом за сферы влияния. Военные конфликты между ними то и дело вспыхивали в разных частях Вселенной и были настолько жестокими и кровопролитными, что порой погибали народы, населяющие целые планеты... В одной из таких войн погибла родная планета влаппи — Миссура. Ее населяло несколько разумных рас, но выжить удалось лишь горстке неприхотливых влаппи. Это была последняя капля, переполнившая чашу терпения всех разумных нашей Вселенной. Тогда и созвали первый Великий Совет, в который вошли представители восьми самых развитых и сильных на тот момент рас, а еще — влаппи, как самые пострадавшие, их голос учитывался наравне со всеми.

И вот спустя некоторое время, над одной из торговых планет, Совет создал место, где все народы обменивались своими знаниями, делились изобретениями, для того, чтобы сосуществовать мирно, на благо нашей Великой цивилизации — Высшую Звездную Академию. Здание, парящее в воздухе, вызывало восхищение. Этот волшебный дворец собрал под своей крышей многие выдающиеся умы. Эмблемой ВЗА стала девятиконечная звезда, каждый лучик которой означал могучую расу, входящую в Совет.

Постепенно, конфликтов становилось все меньше, межрасовые отношения стали более ровными и наступила Золотая Эпоха. Стремительно развивались межпланетные дипломатические отношения и торговля. Благодаря ученым вперед шагнула наука, став всеобщим достоянием. Открывались новые миры, планеты, спутники планет, укрепилась материально-сырьевая база. Сектора, которыми руководил Великий Совет, стали экономически независимы и процветали.

Но были расы, неприсоединившиеся к Совету. Сначала, они по прежнему разрозненно продолжали обитать в своих секторах. Затем, когда влияние Совета стало ощутимым, объединись в Темный Круг. Чтобы защитить свои территории, Совет принял решение об объединении всех мирнососуществующих народов в одно большое сообщество. Так возникла Межгалактическая Коалиция Наций.

Для отражения постоянных нападений Темного Круга в МКН была создана регулярная действующая армия — Межгалактический Корпус Мира, а ВЗА и ее филиалы стали той обучающей базой, что готовила для него кадры.

Дааа... Я оторвалась от чтения, когда на экране вспыхнула надпись о том, что корабль успешно совершил прыжок и ближайшие полчаса курсанты могут размяться и осмотреть корабль.

— Верник, — раздался в комме голос Хуньки, — да что с тобой? Почему мы в последнее время только тебя и ждем? Спускайся в спортзал, у Стасика кумитэ с тем долговязым с Ганимеда. Он оказывается такой же поклонник древнего карате, как и наш Погодин.

— Иду, — выдохнула я, с сожалением посмотрев на комм, где хранились добытые ба файлы. Такими темпами я до Академии все прочитать не успею, но от коллектива отрываться не стоило.

В небольшом спортивном зале расстелили импровизированное татами. Погодин уже ходил босой, облаченный к свободные брюки и кимоно с его неизменным коричневым поясом. Свой первый кю Стас так и не смог довести до первого дана, но он упорный, так что все впереди. Его соперник, высокий, симпатичный Стивен, капитан команды Ганимеда, не спеша переодевался, медленно затягивая куртку черным поясом. О, Боже! Черным!

— У тебя какой дан? — тихо подойдя к Стивену, спросила я.

— А что? Беспокоишься за славную мордашку своего мальчика? — почему-то резко ответил Стивен.

— Стас мой друг... — я не должна перед ним оправдываться, но под его пронзительно гневным взглядом, мне почему-то невыносимо захотелось это сделать, — всего лишь хочу, чтобы все было честно.

— Да первый у меня, первый. Недавно получил, — после моих слов Стивен стал явно дружелюбнее.

— Тогда... Удачи! — улыбнулась я.

— Ой, — притворно схватился за сердце ганимедец, — да за одну такую улыбку, я готов биться на смерть.

Он смеялся, а я отчего-то смутилась, после его шутливых слов встретившись глазами с... Истарховым. Вот скажите мне, почему Денис до сих пор на меня так смотрит, словно его не кормили неделю. Не то что бы мне это мешало, но отвлекало точно.

— Смотри, как вылупился, — кивнула Хунька в сторону моего бывшего, когда я опустилась рядом с ней на скамью, — все глаза проглядел, аспид белобрысый! А чего это ты от противника нашего Стасика хотела, а?

— Спрашивала какой у него уровень. Заволновалась, когда цвет его пояса увидела, — ответила я, — ну и удачи пожелала.

— Никогда не понимала всех тонкостей этой цветовой иерархии... — буркнула Хунька.

— Черный идет сразу после коричневого. У Стаса самый высший кю, а у Стивена самый низший дан, — попыталась объяснить я, — они практически равны.

— Кю... Дан... Прекращай на меня так ругаться, Верник, — отмахнулась Хунька, — лучше скажи, ты же заметила, как эти ганимедские два метра сплошного тестостерона на тебя пялились? Заметила?

Я отрицательно покачала головой.

— Вот ничему тебя, Алька, жизнь не учит. Халтурщик, твой Истархов, — возмутилась подруга, — он в нижней части тебя девственности лишил, а о верхней даже не позаботился!

— О какой еще верхней части? — недоуменно переспросила я.

— О мозгах, Алевтина, о мозгах! — рассмеялась Хуня, — думаешь ты по прежнему, как девственница. Да ты, Верник, даже с андроидом для интим услуг умудрилась до утра песни петь и посадила ему все батарейки. А сейчас, когда на тебя откровенно пускает слюни представитель мужского пола, от которого у нормальной женщины сердце внизу живота начинает биться, ты даже не замечаешь, не говоря о том, чтобы среагировать!

— Ничего он на меня не пускает, — отмахнулась я, — просто пошутил и улыбнулся. И Истархов уже не мой.

— Конечно не твой! — как ни в чем не бывало продолжила Хуня, — ты его бросила! Бортанула! Оставила! Запомни! Нет, память у тебя девичья... Верник, ты лучше запиши себе в ком и напоминалку поставь, чтобы через каждый час пиликало. Пилим — Аля, бросила Истархова! Истархова больше нет в твоей жизни, но есть целая куча крышесносных мужиков,

которые проявляют к тебе интерес, а ты забила в раковину как улитка и вход запаковала.

— Ничего я не улитка и не забила! — моему возмущению не было предела.

— Так докажи это, Верник! — откровенно ржала над мной Хуня.

— Как?

— Поцелуй победителя! — выпалила она.

— В щеку! Не могу я Стаса по взрослому целовать...

— Алька, Алька... А вот Стас может, он то за тобой хвостом с первого курса ходит. Вдохнови парня перед боем. Да Погодин за твой поцелуй не только ганимедского мачо, он Великую Китайскую стену снесет! — Хунька была непреклонна.

— Ай, ладно, — решила я, — все равно ведь тебе легче дать, что просишь, чем объяснять почему нет.

— Ты — героиня, Верник! — провозгласила Хунька и тут же захлопала в ладоши, — внимание! Внимание! У нас есть приз! За победу в этом кумитэ победителя ждет... Победителя ждет... Победителя ждет — поцелуй! Страстный поцелуй, соблазнительной, дикой и необузданной женщины.

— Это ты себя имеешь в виду, Фархунда? — смеясь, спросил Стас.

— Это я имею в виду, мой друг Погодин, — Хуня подошла к Стасу и медленно провела пальчиком от подбородка до самого коричневого пояса оторопевшего мужчины, — я имею в виду... — она резко обернулась и указала на меня, — поцелуй кадета Верник! Тадаааааа!

— Оооооооо! — раздались одобрителльные выкрики, хлопки и даже свистки со всех сторон.

Все... Погодина можно было выносить. Он судорожно сглотнул и как-то пошатнулся.

— На полном серьезе? — тихо и серьезно спросил Стас.

— Кто ж такими вещами шутит? — авторитетно заявила моя неугомонная подруга.

— Аля? — он растерянно посмотрел на меня, а мне... Мне оставалось лишь кивнуть в ответ. Ведь обещала же — значит, поздно отступать.

— А мне приз очень даже нравится! — протиснулся вперед Стивен.

— Ты его не получишь! — прошипел Стас.

— Это мы еще посмотрим, — ухмыльнулся ганимедец.

Судить импровизированное кумитэ вызвался Мамоа, невысокий паренек с одной из колоний Марса.

— Оглашаю правила, — сказал вышедший вперед, и сейчас стоящий на татами между Стивеном и Стасом, новоявленный судья, — длительность кумитэ — три минуты. Степень контакта — ограниченный контакт. Очки начисляются по стандартной системе. Понятно?

Оба каратиста согласно кивнули. Тут двери в спорт зал разъехались и вошел легар в сопровождении двух тенгиров.

— Один из видов боевых искусств на Земле? — спросил Сорг.

— Да, очень древний, — ответил ему Мамоа, — означает «путь пустой руки».

— Любопытно, — улыбнулся эльф, — не возражаете, если мы поприсутствуем?

— Пожалуйста, — кивнул «марсианин», а я покраснела. Потому что одно дело поцеловать мужчину на глазах своих сверстников, в дружном молодом коллективе, где господствует азарт и совсем другое — целовать, когда на тебя смотрит твой прапрадедушка...

Противники поклонились Мамоа, потом нам, а затем друг другу.

— Камаэ-тэ! — скомандовал «марсианин» и противники приняли боевые стойки, —

хаджиме!

Кумитэ началось, Стас и Стивен закружились в своем причудливом танце, ища уязвимые места у соперника, а я просто закрыла глаза. Интерес к схватке пропал, присутствие Белиготара Сорга смущало и изрядно нервировало. Какая разница кто из мужчин победит? Ведь я вынуждена буду поцеловать его на глазах у всех. Сердце стучит, как бешенное.

Наконец Мамоа командует разойтись, я открываю глаза и натываюсь на лукавый взгляд эльфа. Неужели знает о призе? «Марсианин» подсчитывает очки.

— 4:4 — восклицает он, — удивительно! Это ничья! Как быть с призом? Переиграем?

— Переиграем! — хором рычат Стас и Стивен.

— Нет уж! — отмираю я, — ничья, так ничья! Судьба распорядилась, мальчики! Ничего не попишешь! Но я поцелую обоих — в щеку!

Привстав на цыпочки, осторожно коснулась губами щеки Стаса, ощущая, как он вздрогнул всем телом, а потом обернулась к Стивену.

— Тебе придется нагнуться, — заявила я ганимедцу, — иначе мне не достать.

— Любой твой каприз, котенок! — весело отозвался он, но не нагнулся, а приподнял меня так, что наши глаза оказались на одном уровне.

А я потянулась и губами коснулась его, слегка небритой щеки. Все вокруг загомонили, завопили восторженно. Как только большинство зрителей от нас отвернулось, Стивен вздохнул, а потом бережно дотронулся до моих губ своими и только после этого меня опустили на пол.

— Это не по правилам! — заявила я.

— Знаю, — отозвался ганимедец, — но это то, что я отчаянно желал, едва увидел тебя в космопорте.

Я растерялась, а он развернулся, и насвистывая какой-то веселенький мотивчик, устремился к выходу из спортзала. Около дверей дорогу ему преградил Стас.

— Ты ее не получишь! — зло выпалил он.

— Знаешь, что самое интересное? — грустно усмехнувшись спросил у него ганимедец, но ответа на свой вопрос не ждал, а просто продолжил, — самое интересное, что и ты ее не получишь. Не нужны мы ей. Оба. Так-то, брат.

Стивен похлопал Стаса по плечу и вышел в коридор. А Погодин постоял, почесал в затылке и рассмеялся.

— И все же в выигрыше то я! — заявил он.

— Это еще почему? — мне и правда стало интересно.

— Потому что я твой друг, а длинному ганимедцу это не светит! — на заразительный смех Стаса я не могла не ответить.

— Забавные на Земле спортивные игры, — усмехнулся подошедший легар и я вмиг стала серьезной.

— Это еще что, — спас ситуацию Погодин, — вот у нас женские бои без правил в грязи случаются, так там да — зрелище, а здесь — видимость одна, никакого азарта.

— Женские бои без правил в грязи? — легар подавился следующей фразой, глаза стали бешенные и он... Да, он просто не знал, что сказать! Надо, ох, как же надо изучить все о новых расах, иначе попадем в неприятности, как пить дать.

— Ну, да, — а Стас даже не заметил реакции эленмарца на свои слова и продолжал придаваться своим фантазиям, — знаете, это когда две милашки с красивыми, блестящими

телями, в купальниках волтузят друг друга в луже с жидкой грязью. Правда к концу поединка на них не остается даже первоначального минимализма в одежде, зато сколько в них экспрессии, страсти...

— У вас женщины бьют друг друга? — с ужасом спросил легар.

— А у вас нет? — невинно поинтересовался Погодин, а я ткнула его в бок локтем.

— Это у него шутки такие. Сильно по голове на кумитэ стукнули! — решительно прервала их странный разговор. При чем, для Стаса это была вполне обычная тема, как, например, петушинные бои или тараканьи бега, но легар явно не разделял его энтузиазма и сейчас пребывал в состоянии легкого шока, — странный у землян юмор, вы не находите, легар Сорг?

— До настоящего момента я этого не замечал, — отозвался эльф, видимо, сконцентрировавшись и все-таки взяв себя в руки.

— До настоящего момента вы общались только с категорией землян, обученной дипломатии и имеющей опыт внеземных контактов, а сейчас вошли непосредственно в массы. А в народе и не такое услышишь.

— В каждой шутке есть доля правды, — влез неугомонный Погодин, и я толкнула его в бок сильнее, заставив охнуть и заткнуться.

— Мы вполне обычные, легар Сорг, — улыбнулась я, попытавшись смягчить ситуацию, — наверное у каждой расы есть свои тараканы.

— Тараканы?.. А-а-а! Насекомые? — осенила эльфа. В этот момент мой мозг уже делал пометку — всегда и со всеми представителями иных рас выбирать выражения, особенно с прапрадедом. — Да, на многих планетах есть свои уникальные виды насекомых. Но почему вы об этом заговорили, кадет Верник?

— Я имела в виду то, что у каждой расы свои особенности и традиции, а про тараканов — это была неправильно выраженная мысль. Прошу прощения, — ну, а что мне оставалось? Только извиниться и пояснить ситуацию.

— Да. Все мы очень похожи и непохожи одновременно... — задумчиво протянул легар, — кадет Верник, я бы хотел поговорить с вами конфиденциально. Сейчас корабль готовится ко второму прыжку, но сразу после него жду вас в своей каюте.

— Так точно, легар Сорг, — поспешно отрапортовала я, пока вездесущий Стасик опять не влез со своим земным просветительством.

Белиготар Сорг, не сказав нам больше ни слова, покинул спортзал, а я с прищуром уставилась на Погодина.

— Да что я такого сказал-то, — возмущенно воскликнул Стасик.

— Что это было? — подлетела к нам Хунька, а за ней подтянулся молчаливый Жорик.

— Ничего, — огрызнулась я, — Погодин почти сагитировал легара Сорга стать фанатом земных женских боев без правил!

— Да ладно! — удивилась подруга, — вряд ли эти снобы оценят драйв от происходящего. На это способен лишь человек с тонкой душевной организацией.

В голове будто щелкнуло. Сразу вспомнился храм апаньяр.

— Ага, — подтвердила я, — Слушай и ты услышишь, раскрой свою душу и ты все поймешь...

— Алька, — рассмеялась Хуня, — говорить загадками — это явно не твое.

— А это и не мое, — не стала возражать я, — а вот что нам точно надо сделать, так это узнать побольше о всех странностях тех, с кем предстоит столкнуться.

— Игде... Игде... И где мы возьмем информацию? — спросил Жорка.

— Скину на ваши коммы все, что у меня есть.

— Верник, откуда? — вопросительно глянула на меня подруга.

— Места знать надо, — многозначительно подмигнула я и рассмеялась, — да бабушка дала, бабушка.

Механический голос сообщил о предстоящем гиперпрыжке и том, что кадеты должны пройти в свои каюты.

— Встретимся за ужином, — шепнула Хуня, когда мы уже шли по коридору.

— Эх, я сначала к легару, — поймав странный взгляд подруги, приняла невинный вид.

— Какой-то он к тебе подозрительный интерес проявляет... Уж не влюбился ли ушастый, а Верник? — Хуня, Хуня! Вот в этом она вся...

— А если и влюбился, то что? — усмехнулась я.

— Ничего. Женские бои без правил в грязи! Я его первая рассмотрела!!!

— А вдруг он женат и у него дюжина маленьких ушастых ребятишек? — продолжала смеяться я.

— Да, — согласилась вдруг Хунька, — такой мужик, Алька, в таком возрасте просто не может быть свободен. Ибо это преступление перед всеми разумными расами. Такие гены пропасть не должны.

Мне почему-то стало грустно. Я вспомнила, как в Лунопорте ба и этот эльф смотрели друг на друга. Ну не смотрят так те, чьи чувства давно остыли или попросту перегорели, превратившись в пепел. Мысль, о том, что у легара может быть семья и другие дети, оставляла в моей душе неприятный осадок.

— Что-то ты подозрительно притихла, Верник? — настаивала на диалоге неугомонная Хуня. Меня спасло то, что в этот момент мы дошли до моей каюты.

— Не выдумывай, — я постаралась как можно беззаботнее ей улыбнуться, — увидимся за ужином.

— Ладно, — махнула она рукой, живи пока, но про разговор с легаром расскажешь! И не забудь сбросить обещанное.

Как только двери каюты сомкнулись за моей спиной, я с облегчением выдохнула. Неприятно было что-то скрывать от друзей. Даже когда мы жили с Истарховым, между мной, Хуней и Стасом не было недомолвок, а сейчас... Обрастаю тайнами, как снежный ком. Вот выясню после прыжка, что думает сам легар по поводу нашего родства и обязательно все расскажу ребятам. Я бы и про апаньяр рассказала, но нельзя. Не зря же они неприятностями грозили.

Экран корабельного коммита замигал красным, предупреждая, что времени осталось мало и я опустилась в кресло, фиксируя свое положение. Разослав информацию по расам на коммита друзей, погрузилась в чтение.

К моему сожалению, сведения, содержащиеся в файлах, были крайне скупы, но кое-что любопытное все же присутствовало. Рас, входящих в Коалицию было девять. Затем, одна из них вышла и присоединилась к Темному Кругу. Ниша долго пустовала и вот совсем недавно земляне стали полноправными членами МКН. Но если о землянах я знала все или почти все, то о девяти других расах мне только предстояло узнать.

Влаппи, крупные, выносливые, неприхотливые. Свою планету потеряли давно и селились колониями на плохо обжитых планетах Коалиции с достаточно тяжелыми климатическими условиями. У представителей этой расы весьма развита мускулатура, как у мужчин, так и у женщин. Отличительная физиологическая особенность — очень темная, почти черная кожа и яркие глаза, насыщенных синих, зеленых и даже красных оттенков. Мужчины сбрасывают всю растительность с головы, женщины оставляют длинную прядь на затылке. Придерживаются равноправия полов. Их общество делится на кланы, согласно роду занятий. Цвет татуировок на коже определяет клановую принадлежность. Например, ярко-зеленый цвет тату, как у Кета-уаси, отпределяет представителей клана хозяйственников, красный — клан воинов, синий — прорабы различныхстроек и управляющие шахт в добывающей индустрии. Влаппи очень ценятся, как руководители низшего управленческого звена, благодаря своей дисциплине и принципиальности. Наверное, жизнь в тяжелых местах обитания наложила отпечаток и на традиции этой расы. Младенцев до года запрещается лечить и прививать от заболеваний. Выживает сильнейший. Наряду с огромной рождаемостью, имеет место и большая детская смертность... До сих пор! В век развитой медицины! Дикий, варварский обычай! Влаппи нетерпимо относятся к любой слабости окружающих, будь то лень или любой физический недостаток. В силу своей религиозности, категорически порицают однополые сексуальные отношения. Увлечение представителем своего же пола карается смертью. Средняя продолжительность жизни 180–200 лет. Интересный народ, да и сведения нужные. Нужно будет сказать Жорке, чтобы помалкивал в присутствии влаппи.

Следующая раса — астерийцы. Родная планета Астерия. Раса древняя, очень развитая технологически, состоит в Коалиции с первого дня ее возникновения. Внешняя особенность — раскосые глаза от нежно голубого цвета до темно-фиолетового, в этом же спектре находится и цветовая гамма оттенков их волос. По религиозным соображениям волосы не стригут ни мужчины, ни женщины. Прическа астерийцев, говорит о их семейном статусе. Юноши и девушки до брака носят волосы распущенными, иногда собирая их в хвост. С момента первой женитьбы и до смертного одра астерианец заплетает одну косу. Женщина,

выходя замуж, также плетет себе косу, но с рождением второго ребенка — заплетает уже две косы, третьего — три, и так далее. Из-за техногенных катастроф и ошибок генной инженерии в прошлом, женщин рождается в несколько раз больше чем мужчин. Очень строго придерживаются патриархального уклада. Мужчина хозяин, господин и глава, его слово священо и нерушимо. Каждый астериец обязан взять в жены несколько женщин и заботиться о них. Каждая женщина должна стать опорой своего мужа, помогать и угождать своему господину. Разводов нет. Кончики кос у астерийцев скрепляются специальными кольцами — «наду». Количество наду на косе мужчины, показывает сколько раз он счастливо женат. Количество наду на косах женщин показывает какой по счету женой она является. Женщины астерийки практически никогда не покидают родную планету. Мужчины принимают активное участие в политической жизни Коалиции и занимают значимые места в промышленных и добывающих концернах. Очень вспыльчивы, умны и эгоистичны. Средняя продолжительность жизни 270–320 лет. Мда... Не густо. Но и то хлеб. Теперь понятно поведение Хуниного ухажера.

Ксури. Родная планета Ксурито-кам. Раса живет очень замкнуто и не часто покидает свою планету. Отличительная черта — очень высокий лоб, фактически волосы начинают расти почти с середины головы, что сами ксури подчеркивают, украшая кромку волос ритуальным гребнем — такату. Телосложение щуплое, черты лица правильные. Очень добродушные, очень скромные, тихие. Каждый ксури обладает экстрасенсорными способностями, такими как: эмпатия, телепатия, телекинез, способность видеть сквозь стены и многое другое. Как правило, для применения своих способностей ксури нужен тесный контакт с объектом. Татуировка, расположенная по центру лба, говорит о виде экстрасенсорных способностей, которым владеет ксури. Придерживаются равноправия полов. Предпочитают гомосексуальные отношения. Женщина с мужчиной сходятся лишь тогда, когда собираются обзавестись общим потомством. Воспитывает ребенка мать, хотя отец всегда участвует в воспитании отпрыска. Родительский инстинкт развит очень сильно. Раса мирная, вооруженных конфликтов избегает любыми путями, предпочитая им дипломатические. Продолжительность жизни 230–250 лет. Мда... А наш новый преподаватель-то оказывается тот еще... затейник!

Тентурийцы. Родная планета Тентурия. Особенность — очень смуглая кожа, темные волосы, выступающие надбровные дуги, яркие глаза, чаще всего желтого, рыжего и карего цветов. Крайне воинственны, злопамятны. Предпочитают все конфликты решать силой. Плохо идут на контакт но уважают принцип большинства. Не воспринимают критику. Шутки в свой адрес воспринимают, как прямое оскорбление. Мужчины тентурийцы любвеобильны, но никогда не забывают о семье. Семья — самое важное в жизни каждого тентурийца. Институт брака прочен, разводов нет. Форма правления — монархия, но сильно влияние старинных аристократических родов. После потери Земли, как колонии, к землянам настроены негативно и подчеркнуто агрессивны. Средняя продолжительность жизни 280–300 лет. Ох... Если тангир Стшарсси узнает о нашей причастности к проделке с клеем, веселая жизнь в академии нам обеспечена. Его месть будет долгой и изощренной. Только бы Рут Сувэ не проболтался!

Варги. Родная планета Катома-ата. Их отличает смуглая, почти оливковая кожа. Представители этой расы выглядят хищно, прежде всего из-за того, что верхние клыки несколько удлинены и торчат изо рта. Это делает улыбку варга поистине устрашающей. Плотные ногтевые пластины на руках отрастают конусообразно и напоминают когти. В

целом, раса отличается дружелюбием, терпимостью и дипломатичностью, несмотря на грозный вид. Придерживаются патриархального уклада. Даже в условиях мегаполиса живут родовыми общинами, где слово старейшины — закон. Среди варгов практикуются договорные нерасторжимые браки. Мужчины, особенно молодые, работают на благо общины. Их жены неизменно находятся при них. Потомство воспитывают старейшие женщины родовой общины. Где бы не находились родители, дети всегда растут на родной планете. Средняя продолжительность жизни 150–180 лет. В прошлом часто конфликтовали с тентурийцами за сферы влияния, являясь их ближайшими соседями. Так вот почему шутки Шенга Стшарсси так не нравятся варгу — старые обиды. Похоже этот тенгир Вайми совсем неплохой парень. И хотя от его улыбки меня бросает в дрожь, негатива к нему не испытываешь.

Граби. Родная планета Грабитори, которую они делят еще с двумя расами. Граби я не видела никогда. Судя по голопроекциям, это низкорослые, коренастые существа. Пышные шевелюры, бороды и усы являются гордостью не только мужчин, но и женщин этой расы. Граби — это подземная цивилизация. Все их города, транспортные тоннели, промышленные комплексы либо вырублены в скальных породах, либо находятся глубоко под землей. На поверхность Граби выходят лишь для торговли. Давно освоили ближайшие к своей планете сектора, но практически ее не покидают, предпочитая дела вести из дома. Все делают весьма обстоятельно. Произведенные ими вещи ценятся на всех территориях Коалиции. Условное равноправие полов. Силен институт брака, но главой семьи всегда является мужчина. Средняя продолжительность жизни 100–120 лет. Две другие расы планеты Грабитори находятся на заре своего развития и населяют поверхность. Да... Средний рост граби-мужчины не достигает и 140 сантиметров, женщины ниже... Если бы я верила в сказки, то подумала, что это гномы.

Уити-ути. Родная планета Тауока. Отличительна черта — высокий, больше двух с половиной метров рост, излишняя худоба, сероватая кожа и огромные без белков глаза, черные или темно-карие. Уити-ути неважные воины, но из них получаются великолепные ученые. Не существует ни одной известной науки, где мыслители этой расы не совершили бы ряд ошеломительных открытий. Как правило, ведут политику невмешательства в любые конфликты других рас. Равноправие. Семью создают только с истинной парой, которую каждый из уити-ути готов ждать всю жизнь. Если смерть уносит одного из супругов, второй умирает от тоски. Как лебеди... Это же как нужно любить... Средняя продолжительность жизни 250–300 лет.

Шаендарцы. Родная планета Шаендар. Голограмма моргнула, изображение прояснилось и я застыла... На меня смотрел самый красивый из когда-либо виденных мною мужчин! Брюнет с изумительно-синими глазами расправил плечи и слегка потянулся, демонстрируя грацию опасного хищника. На его губах блуждала романтическая улыбка, а рука небрежно опустилась на рукоять... меча? Боже! Да. Это был самый настоящий меч, прикрепленный к богато украшенному поясу незнакомца. Широкие плечи, узкие бедра, длинные крепкие ноги... Дыхание сбилось... «Верник!!! Не будь безвольной клушей! Возьми себя в руки! Чтс ты мужиков не видела? — вопил разум». «Да где же таких увидишь, — ехидничала душа». «Надо брать! — вопило сердце, неистово прыгая в груди». «Раскудахтались! Вам его никто не предлагает! — разум... всегда такой разум... ну, если конечно он есть вообще». Итак, отличительная черта шаендарцев — это самые, нет не так, это САМЫЕ красивые люди во всей Вселенной! Особенно мужская часть населения. И я стала читать дальше. Но по мере

чтения лицо мое становилось все мрачнее и мрачнее. Шаендарцы... Жестокие, хитрые, изворотливые, ведущие бесконечные кровопролитные войны. Наряду с развитыми технологиями использовали рабский труд, пока не вступили в Коалицию. Но, видимо, и тогда не отказались от своих прежних привычек, продолжая использовать рабов тайно. Форма правления — монархия, во граве Великого Шаендара стоит лорд-префект, причем должность не наследуется. Главой Шаендара становится сильнейший из представителей десяти древних аристократических родов. И сейчас с голограммы на меня взирал действующий лорд-префект Эрниль тер Куина. Красивый... Как же внешность бывает обманчива. Шаендарцы не сошлись во мнениях с Великим Советом по многим вопросам, в том числе и по вопросам распределения сфер влияния. С громким скандалом они вышли из состава МКН, чтобы затем присоединиться к расам Темного Круга. Жестко патриархальное общество. И хотя брак допускается всего один, наряду с супругой может существовать целый гарем наложниц. Рождаемость не высокая, поэтому дети признаются от всех женщин. Да, синеглазка, подпортил ты о себе впечатление! Средняя продолжительность жизни 400–450 лет. Ого, долгожители!

И последняя девятая раса изначального Совета — эленмарцы. Родная планета Эленмар. Вот они-то интересуют меня больше всех остальных рас. Но увы и ах, информации оказалось до обидного мало. Планета Эленмар закрыта для посещения, попасть на нее возможно только по личному приглашению кого-то из жителей, что происходит крайне редко. Сами эленмарцы довольно активно участвуют в политической жизни Коалиции, но мало кто из них покидает свою планету надолго. Женщины эленмарки домоседки, поэтому на постах в Коалиции можно встретить лишь мужчин. Отличительная черта — остроконечные уши, светлые волосы, обычно длинные. Уклад общества неизвестен, информация о браках отсутствует. Эленмарцы везде и всегда выступают за мирное сосуществование и всячески поддерживают такие решения Совета. Обладают гораздо большими знаниями чем другие расы, но делятся ими дозированно и с крайней осторожностью. Абсолютно все, отмечают поголовную любовь этой расы к полетам, как в атмосферах планет, так и в открытом космосе. Эленмарцы самые лучшие пилоты. Вот оно что! Оказывается моя мечта о небе это наследие предков... Средняя продолжительность жизни неизвестна, по недостоверным сведениям свыше 500 лет... Ничего себе! Может и это передалось мне от прапрадеда? Наверняка, если взять в расчет внешность моих земных родственников.

Я откинулась в кресле. Даа... Информация, конечно, скудная и очень поверхностная, но из того, что мне открылось можно сделать очень много выводов или, по крайней мере, не попасть впросак при близком знакомстве с представителями других рас.

На экране корабельного комм высветилась информация, что «Этилгейл» благополучно завершил второй гиперпрыжок и нас ждут полтора часа свободного полета, ужин и другие доступные приятности. Механический голос возвестил, что кадета Верник ожидают в каюте легара Сорга, на комме замигала схема с отмеченным от моего бокса до апартаментов начальства маршрутом. Ну что же, родственников не выбирают. Поправив непослушные светлые пряди, выбившиеся из прически, и окинув себя взглядом в небольшом зеркале, отправилась на встречу с дедом.

Каюта легара располагалась неподалеку от капитанского мостика в голове корабля. При моем приближении, дверь неслышно отъехала в сторону, пропуская меня вперед. Выдохнув, я сделала решительный шаг вперед, оказавшись в просторной гостиной. Да-да, в самой обыкновенной гостиной, с мягкими диванами, декоративными вазами, кадками с высокими растениями и бассейном с фонтанчиком и яркими рыбками. И это все в космосе! Хорошо живет начальство ВЗА, с комфортом. Кроме входной, здесь имелось еще две двери и одна из них была открыта.

— Проходите сюда, кадет Верник! — раздался оттуда голос Сорга.

Помещение оказалось кабинетом, с массивными, тяжелыми креслами, обитыми материалом очень напоминающим кожу, столом, из неизвестной мне древесины изумрудно-зеленого цвета и кучей загадочных приборов, о назначении которых я могла только догадываться. На стенах висели картины с пейзажами и еще несколько странных предметов, явно декоративного характера. В целом, уютно, по-мужски лаконично и располагающе.

Белиготар Сорг сидел за рабочим столом, небрежно откинувшись на высокую спинку кресла, и сосредоточенно смотрел в голографический экран комм. Длинные платиновые пряди свободно раскинулись по плечам, красивые губы плотно сжаты, а высокий лоб нахмурен. Легар явно размышлял над чем-то серьезным и важным. При виде меня, он вскочил и на его лице появилось непередаваемое выражение радости, восхищения и какого-то почти детского восторга.

— Можно наедине я буду называть тебя Аля? — спросил он, приблизившись и положив свои аристократические руки с длинными холеными пальцами на мои плечи.

— Учитывая наше неожиданное родство, думаю, да, — улыбнулась я, глядя в зеленые глаза легара.

— Да... Неожиданное... — Белиготар Сорг отшел к столу, жестом пригласив меня сесть в одно из мягких кресел, — Аля, для меня твое существование, как и существование твоих мамы, бабушки и... моей дочери... это... это просто как гром среди ясного неба...

Я присела на краешек кресла и нахмурилась. Значит, все-таки не рад. Легар взглянул на меня. Уж не знаю, что он там прочел по моему лицу, но глаза его лихорадочно заблестели и эльф заговорил, быстро, путанно, на эмоциях, видимо, боясь, что я неправильно пойму или истолкую сказанное.

— Ты все не так поняла... Я рад, я безмерно рад! Я счастлив, что Великая богиня судьбы преподнесла мне такой бесценный дар! Огорчает лишь то, что все эти годы я провел вдали от вас, не видел... не участвовал... не защищал и не любил... Нет! Все же любил, даже не зная о вас... Аля, пойми, никогда прежде у представителей нашей расы не рождалось смешанного потомства. Это считалось нереальным, только поэтому я усомнился, услышав о

нашем родстве. Гей... Твоя бабушка, она много значила для меня, хотя я никак не мог понять почему, ведь для эленмарца такое значение имеет лишь связавшая сердце, а это не может быть землянка. Точнее, я думал, что не может! Несмотря ни на что, я искал твою бабушку. Искал и не находил, а потом эта встреча в космопорте... Ты улыбаешься... Я слишком путанно говорю? Прости... Просто слишком много мыслей, их так много, что они разлетаются и я не могу достойно сформулировать все, что чувствую в данную минуту. Вот уже несколько часов я пьян, опьянен своим счастьем!

— Легар Сорг... — попыталась остановить его монолог.

— Наедине называй меня Тар или нет, — он изучающе впился в мое лицо взглядом, — как на земле называют родственника моего статуса?

— Дед или дедушка, а я для вас внучка, точнее праправнучка — улыбнулась я.

— Дедушка... — задумчиво повторил Сорг, словно смакуя на языке слово, — мне нравится, очень. Называй меня дедушка. И всегда, ты слышишь, всегда, Аля, обращай ко мне за любой помощью.

— Я уже вполне самостоятельная и по земным меркам совершеннолетняя, — пришлось предупредить мне, а то неизвестно куда может завести опека легара.

— Сколько тебе? Тридцать? Тридцать пять? — улыбнулся эльф.

— Двадцать четыре, — обиделась я. Неужели так старо выгляжу? — Но очень скоро будет двадцать пять.

— Совсем птенец, — с нежностью произнес дед, — прости мне мое недоверие, но я все же провел ДНК-тесты. Не хочу, чтобы эта недомолвка стояла между нами.

— И что там? Я смесь ехидны с единорогом? — мне определенно нравился мой новый родственник, а его растерянность добавляла мне уверенности.

— Все подтвердилось. Вы все моя семья! Все! — казалось, еще немного и он от радости запрыгает на одной ножке по кабинету. Это выглядело так забавно, что улыбка не сходила с моего лица, — ты улыбаешься... У тебя прекрасная улыбка, Аля. И ты так похожа на энвину...

— На кого? — удивленно переспросила я.

— Так называется старейшая женщина в роду. Род Соргов древний, очень древний. Сейчас в нашем роду лишь одна женщина — это мать моей матери фаэра Яванна. Я бы очень хотел, чтобы в ближайшие увольнительные дни ты посетила вместе со мною Эленмар и дом твоих предков.

— В качестве кого? — новые родственники хорошо, но лучше сначала посоветоваться со старыми.

— В качестве сокровища рода Сорг конечно! В качестве юной фаэры Сорг, — эльф весь лучился от предвкушения, но я не разделала его настроения.

— Простите, легар Сорг, — мне очень не хотелось его обидеть, поэтому слова подбирала тщательно, — но для того, чтобы официально объявить меня вашей родственницей, вам сначала нужно наладить отношения с бабушкой Пелагеей. Я поступлю так, как она мне посоветует. Вы не подумайте, я очень рада нашему знакомству, но и меня поймите...

— Понимаю, Аля, — легар рывком поправил волосы, откинув назад непослушные пряди, — я все понимаю. Просто слишком сильно обрадовался. Хочется кричать всему миру, что я самый счастливый эленмарец на всех космических просторах. Обещаю, что наберусь терпения, но не избавлю тебя от своего общества, потому что это сильнее меня.

— А я этого и не прошу, — улыбнувшись эльфу, дотронулась до его руки, лежащей на столе. Сорг вздрогнул и поднял на меня взгляд, — на Земле не принято разбрасываться родственниками. И я очень рада, что вы появились в моей жизни.

— И я рад, — он бережно держал мою ладошку между своими, — я очень рад, Аля. Но энвине о тебе расскажу и отправлю голограмму с твоим изображением.

— Поступайте, как сочтете нужным... Тар, — лицо деда озарила счастливая, озорная улыбка.

— Спасибо, — тихо сказал он, — Я своими разговорами отвлекаю тебя от ужина, а птенцам нужно хорошо питаться.

— Тогда... Мне уже можно идти? — вопрос прозвучал робко и слегка неуверенно.

— Иди, Аля, — кивнул эльф, — мы теперь часто будем видеться.

— Тогда до встречи, — попрощалась уже выходя из кабинета.

— До встречи, внучка, — донеслось мне в ответ.

Настроение было такое, словно в душу заглянуло солнышко. Хотелось, как в детстве, не обращая внимания на окружающих, проскакать по коридору на одной ножке, а особо удивленным — показать язык. Сам факт того, что эльф оказался вовсе не снобом, как мне изначально показалось, а вполне живым и человечным, согревал. Приятно осознавать, что на бескрайних просторах космоса, рядом с тобой будет кто-то, кто тебе близок... Хмм... Близок? Верник, ты что этого белобрысого уже в семью приняла? Себе я не лукавила никогда. Да, приняла. А если у них что и не заладится с моей Пелагеей Джоновной, то всегда есть я, чтобы подтолкнуть два одиночества на встречу друг к другу. И бабушке это на пользу. А то сто двадцать пять лет без любви... С ума сойти! Хотя, упертые они оба, как два осла на узком мостике. Ну да и я не одна. Если что не получится у меня, ребята всегда помогут.

Кстати о ребятах... Я безмерно счастлива, что между нами на одну тайну станет меньше. Врать плохо, а не договаривать тяжело. Гораздо проще, когда рядом есть пытливые умы и горячие сердца в любой момент готовые разделить с все, что тебя беспокоит.

До столовой долетела на всех парусах, спеша поделиться новостями. А вот в дверях я столкнулась... И надо же было так случиться! Столкнулась с тентурийцем.

— Прошу прощения, тангир Стшарсси! — отрапортовала я отойдя на шаг и вытянувшись по стойке смирно.

— Кууурсааант, — предвкушающе протянул он, — землянам зрение изменило? Впрочем, ваша раса всегда была не способна думать. Вы ведомые и, потеряв опеку Великой Тентурии, остались слепцами.

— Зрение отличное, тангир, — пришлось ответить мне. Бесплезно спорить с тем, чей мозг отравлен, — имел место эффект неожиданности.

— Служи вы под началом тентурийской армии, вас бы выпороли у столба! — зашипел он на меня, — думаете, имея смазливую мордашку вам все простят? Да, кадет? Прощение, его еще отработать нужно!!!

— Я принесла вам свои извинения! — Стоп! Про отработку извинений, это он о чем?

— Извинения не приняты! Их не достаточно! — тентуриец нагло на меня уставился, — по прилету в Академию, жду вас, кадет, в своем блоке на приватную дисциплинарную беседу. Вы поняли меня, как вас там?..

— Кадет Верник, тангир! — представилась я, скрипя зубами от злости, — так точно,

поняла.

— Свободны, — махнул рукой тентуриец и направился дальше по коридору.

А я, пылая гневом, осталась стоять, судорожно пытаюсь осознать — что это сейчас такое было, вообще!!! Похоже этот тентурийский фанатик настроен только против землян, а против землянок... Скажем, он совсем не против землянок... Да, вляпалась ты, Верник! Можно, конечно, деда привлечь, показания корабельных камер снять, суд офицерской чести устроить, но разве я когда-нибудь перекладывала решение своих проблем на другого? Да, никогда! Будет день — будет пища. Что-нибудь придумаю. Кстати, о пище... Живот жалобно заурчал, напоминая об основной цели моего визита в столовую.

Солнечное настроение сменилось на боевое и, стоя у пищевых автоматов, я рассматривала экзотическое меню, сверяясь в комме с ингредиентами блюд. Струлли с овощами, хорошее название, аппетитное. Но, как оказалось, струлли — это гигантские черви, которых разводят граби на своих подземных фермах. Продукт, конечно, высокобелковый, питательный, просто я не настолько отважная. После третьего сверенного с коммой блюда, решила, что классика не стареет. Заказала салат из свежих овощей, хорошо прожаренный стейк и на десерт — творог с фруктами. Пока ждала свой заказ, в автомате с напитками взяла чашку ароматного чая. Жаль с моей любимой ромашкой здесь не оказалось напитка, пришлось заменить на земляничным.

Практически все уже поужинали и в помещении столовой было пустынно, лишь моя дружная команда расположилась все за тем же столиком у иллюминатора. Ребята неспешно попивали чай, а перед ними стояли тарелки с огромным количеством пирожных, залитых густым кремом и посыпанных незнакомыми мне ягодами. Выглядела выпечка, как изысканный шедевр кондитерского искусства. Судя по довольным физиономиям, внутри каждого из троицы поместилось уже не по одному такому шедевр. Я печально вздохнула. Вот почему кому-то можно есть все это изобилие и ни о чем не думать? Той же Хуньке, о Стасе и Жорике я вообще молчу. Мне же стоит позволить только одно такое сладкое наслаждение, и длительная работа в спортзале обеспечена.

— Алька! — промурлыкала подруга, слизывая с губ крем и закатывая от удовольствия глаза, — будет просто преступлением с твоей стороны, если ты это не попробуешь!

— Угуу... — замычал Жорка, вгрызаясь в очередное пирожное.

— Пожалуй, воздержусь, — ответила я, цепляясь за остатки выдержки, так и тянуло попробовать эту вершину кондитерского искусства, — не хочется на ночь глядя в незнакомом месте в спортзал тащиться излишки калорий отрабатывать.

— Ничего-то ты, Алька, не понимаешь! Да за это можно смело пару месяцев жизни отдать, а ты часа в спортзале пожалела, — щеки Хуньки разругались, глаза осоловели и, вообще, выглядела она подозрительно возбужденной. К слову сказать, Славка с Жориком выглядели также.

— А что это за блюдо, говорите? — пришлось осторожно поинтересоваться мне, доставая комм.

— Национальная кухня уити-ути, кронн с миассой, — просветил меня Стас, потянувшись за очередной порцией сладкого удовольствия.

— Миасса, — прочитала я, открывая нужный раздел в комме, — ягода, произрастающая на планете Фиока-3, одной из колоний уити-ути. Обладает изысканным вкусом, широко используется в кулинарии для приготовления десертов.

— Вот видишь, — улыбнулась Хунька, — ничего страшного. Нет, страшное все же

присутствует — это страшно вкусно!!! Верник, ну, попробуй!

— А тут, Хуня, еще постскрипtum есть, — и я зачитала, — для землян и тентурицев миасса является мощнейшим афродизиакoм, вызывающим сильное сексуальное возбуждение, психическое расстройство и даже галлюцинации. Активная реакция организма наступает спустя тридцать минут и продолжается примерно десять- двенадцать часов.

За столом повисла тишина, друзья побросали уже откушенные сладости и испуганно взирали то друг на друга, то на меня, а потом раздался слаженный стон. Реакция на миассу началась. Фархунда прерывиста задышала, уронив ложку. На Стаса и Жорку, вообще, было страшно смотреть. Пунцовые щеки то ли от миассы, то ли от стыда передо мной, горели огнем.

— Вот что мне с вами делать, эротоманы чертовы? — ворчала я, судорожно роясь в комме, — ни на минуту вас одних оставить нельзя!

— Алечка, помоги, — неестественно тонко пискнул Стас.

— Тут написано — вызывает сексуальное возбуждение, Погодин, а не меняет сексуальную ориентацию. Что у тебя с голосом?

— Черт! Это... Это... — скривился друг, обхватив себя руками.

— Ага, это жар во всем теле, стойкая эрекция и дрожь, — зачитала выдержку из статьи, — нашла я лекарство, страдальцы. Густой отвар лаеса-су нейтрализует действие миассы мгновенно и полностью. Лаеса-су произрастает также на Феоке-3 и широко используется в кулинарии уити-ути. Так, группа OCR я пошла к автоматам, если там есть напиток с лаеса-су считайте, что вам повезло.

— Что такое OCR Аленька, — простонал Стасик, подозрительно держа под столом руки.

— Группа острого сексуального реагирования, Погодин. Коей вы сейчас и являетесь,

— и ворча себе под нос, направилась к автоматам, — нет, ну это же надо! Афродизиака они нажрались!

На счастье всей нашей группы отвар лаеса-су нашелся в автомате и через несколько минут покрасневшиеся, тяжело дышащие ребята горячо меня благодарили.

— Ты на... ты на... — начал Жорка.

— Ага, — продолжил за него, как всегда Погодин, — ты на спасла на всех на!

— Стас! — прикрикнули на него хором мы с Хунькой и только Жорка от души рассмеялся.

— Святые угодники! — чисто сказал он, утирая слезы, — думал конец мне.

— Жорик, — удивленно поднял брови Погодин.

— Да за... заговоришь тут, — отмахнулся Селедкин, делая очередной глоток отвара. Напиток из лаеса-су оказался тоже довольно привлекательным для землян. Он напоминал густое какао с ярко-выраженным сливочным вкусом.

— Вы хоть читайте о том, что в рот тянете! — Пожурила ребят, махая перед их носами коммом, — все-таки Земля родная за несколько тысяч световых лет осталась.

— Да бес попутал, — отмахнулась Хунька, — но, Верник, я ни о чем не жалею! Как же было вкусно!

— А был бы Феокл под боком, то стало бы еще и сладко, — не удержавшись съязвила в ответ.

— Вот ты когда неудовлетворенная, Алечка, такая злая, — обиженно пробурчала Хунька, — и завистливая. Мужика тебе надо, хорошего.

— Мне Истархова хватило, — отмахнулась я, — нажилась.

— Жизнь, она, как река, течет. Не успеешь оглянуться, а уже таскаешься на искусственное увлажнение подкожных слоев, клацаешь фарфоровыми имплантатами и теребишь жиденькие крашенные волосенки, рассказывая внукам о грешках своей молодости, — назидательно ответила подруга, — а с таким отношением к мужчинам, Верник, тебе и рассказать некому будет.

— А я твоим рассказывать буду, — после моих слов лицо у Хуньки стало удивленно — возмущенным, — а если не хочешь для своих внуков такой страшной доли, то прекрати меня толкать на путь порока.

— Много ты знаешь о пороке, — добродушно хмыкнула будущая бабушка кучи внуков.

— И знать не хочу, — я решила перевести разговор на другую тему, — информацию по расам все получили?

— И даже прочитали, а быть может даже и осмыслили, — отозвался Стас, — информация, конечно, не полная, но...

— До... дос... достаточная, чтобы сделать выводы, — сказал Жорик, так и не отпуская стакан с вожделенным отваром. Настродался, видать.

— Ты, Алька, зубы то нам тут не заговаривай, — Хуня постучала по столику, привлекая к себе наше внимание, — лучше расскажи, чего к тебе легар прицепился?

— Вообще-то, я пытаюсь это сделать, но у вас то тентурийцы к диванам липнут, то спасать вас приходится. От того самого разврата спасать, на путь которого ты упорно меня толкаешь, Хуня!

— Да говори уже, Аль, — улыбнулся Погодин, — всем любопытно.

— Дело в том, что он мой родственник! — мое объявление заставило ребят раскрыть рты и замереть.

— Еще скажи, что он внебрачный сын бабушки Таи, — отмерла Хунька, решив, что я шучу.

— Бабушке Тае он не сын, он ей дед, а мне, соответственно, прапрадед, — все! Друзей можно было выносить...

— Верник, так ты что эленмарка? — спросил Стас.

— Погодин, очнись! Какая из меня эленмарка? У меня даже уши не острые, — мне стало смешно.

— Ну, эленмарка из тебя, Алька, такая же, как из меня тентурийка, — Хуня забрала мою чашку и нагло отхлебнула чай, — обе мы с тобой полукровки. Извлекай выгоду из ситуации, Верник.

— Как ты?

— А что я? — удивилась подруга, — ты же сама читала, что семья для тентурийца — это святое. Они чувствуют, где ночуют. Межрасовых контактов, их миллионы, Аль, а вот детей, как производное от этих отношений, практически нет. По крайней мере, тентурийцы признают свое потомство. Правда папаша мой струсил, но там дед боевой, мимо него не проскочишь. И знаешь, из всех тентурийцев, которых я встречала, он один достоин уважения, остальные... Для них слишком важно общественное мнение. Если общество, глядя на красное полотно, говорит, что оно черное, то у обывателя нет другого выхода, кроме, как согласиться. Спорить и доказывать у них не принято.

— Тебе проще, — вздохнула я, — о тентурийцах хотя бы известно многое, а об эленмарках лишь скудные сведения. Планета-то закрытая, на контакт они почти не идут.

— Адее... Адее... дед-то рад тебе? — как-то по-житейски поинтересовался Жорка.

— Дед-то рад, — демонстративно забрала у Хуньки свою чашку и переставила к себе поближе, не смотря на ее недовольный взгляд, — он в гости зовет, на планету в ближайшие увольнительные дни.

— Ну, и везет тебе, Алька! — восхищенно выдохнул Стас, — это же такой шанс судьба дает — узнать о загадочной расе из первых рук прямо в месте ее обитания! Да круче только открытие новых миров!

— Романтик ты, Погодин, — усмехнулась Хунька, жадно поглядывая на мой чай. Чтобы ее не смущать, напиток я допила, а пустую чашку демонстративно выставила на середину стола, — а Алька у нас жадина... А, вообще, я бы на ее месте отказалась.

— По... поо... почему? — поинтересовался Жорик.

— А вдруг ее там насильно выдадут замуж или вообще заточат в мрачном замке? Кто же их знает... Нам же ничего об Эленмаре и его традициях неизвестно, — она обернулась к Стасу и спросила, — вот ты видел когда-нибудь, хоть один раз эленмарку?

— Нет, — для убедительности Погодин еще и головой помотал.

— То-то и оно, что не видел. Они не покидают планету, — Хуня понизила голос до шепота и продолжила, — а вдруг у них домашнее рабство процветает?

— Ссысы... порно, — выдохнул Селедкин.

— Ты про какое порно, Жорик? — Погодин показал ему на стаканчики с отваром из лаеса-су, — с порно мы минут десять уже как завязали!

— Спорно, — ответил все же Жоффрей, — мо... может они берегут сво... своих женщин?

— Ты — оптимист, — рассмеялась подруга.

— Знаете, а может быть Жорка прав, — задумалась я, — что-то у них с женщинами явно не так. Слишком бурно легар отреагировал на существование четырех женщин в моей семье, чьим предком он является.

— Но ведь и я могу быть права! — настаивала, Хунька.

— Можешь, — согласилась, ибо спорить-то с ней все равно бесполезно, — но я склоняюсь к Жориному предположению.

— А тентуриец от тебя чего хотел? — вдруг спросил Стас.

— А тентуриец меня хотел, — ответила я, наблюдая как перекашивается злобой лицо Погодина, — столкнулась с ним в дверях, извинилась, этого ему показалось мало и он пригласил меня в приказном порядке сразу по прилету к себе в блок на «приватную дисциплинарную беседу».

— Это теперь так называется? — со злостью воскликнула Хунька.

— Мышку поймает этот котяра тентурийский! — прошипел Стас.

— Ссссссжахнем! — решил за всех Жорка.

Раздался сигнал, оповещающий, что до последнего гиперпрыжка осталось несколько минут.

— План очередного сжаха обсудим сразу, как прилетим! — скомандовал Стас и мы отправились по каютам.

Впереди нас ждала Академия и новые приключения.

Остальное время полета прошло относительно спокойно. Долетели все живыми и даже относительно здоровыми. Курсантов, прибывших с Земли, построили в колонну по двое. Легар произнес приветственную речь и мы наконец-то покинули гостеприимный «Этилгейл», оказавшись на взлетном поле космодрома. Космические аппараты, стоящие вокруг, поражали разнообразием форм и размеров. Большинство кораблей принадлежали ВЗА, о чем свидетельствовали надписи на их корпусах. Погода не радовала. Небо, затянутое по земному серыми тучами, висело низко. Казалось, вот сейчас раздастся гром и эти набухшие свинцовые массы прольются дождем. Не сильный, но пронизывающий ветер заставил поежиться и поплотнее закутаться в летнюю куртку.

— Кадет Верник, — раздался совсем рядом тихий голос тангира Стшарсси, — нас с вами ждет увлекательная дисциплинарная беседа. Вы не забыли?

— Я помню, — пришлось ответить мне.

— Тогда буду ждать вас после расселения. Мой отсек 407 на преподавательском этаже, если меня не окажется на месте в коридоре не маячьте, код доступа три четверки единица два нуля восемь, — почти шепотом сказал тентуриец, — надеюсь мы друг друга поняли?

— Определенно, — сквозь зубы процедила я.

— Тогда вот еще что, — он ехидно улыбнулся, — на женщинах я предпочитаю видеть очень тонкое, черное белье.

И этот любитель неуставных взаимоотношений отошел от меня, делая вид, что ничего значимого не сказал. Тангиры и некоторые члены экипажа не спеша направились к установке телепорта, переливающейся разноцветными всполохами неподалеку. А мне оставалось лишь бессильно злиться. Никакого конкретного плана ни у меня, ни у ребят пока не было, а времени до часа икс, судя по всему, оставалось не так много.

— Что хотел тентуриец? — тихонько спросил Стас.

— Все то же, — вздохнула я, — дал код доступа в свой персональный отсек и сказал не отвешивать в коридоре.

— Вот гад! — Погодин сжал руки в кулаки так сильно, что аж побелели костяшки пальцев, — ты, Аль, не волнуйся, мы обязательно что-нибудь придумаем.

— Ээээх., я пытаюсь, Стас. Не хотелось бы задействовать деда при первой возникшей трудности, — на душе у меня было тревожно.

Со стороны телепорта в нашу сторону двигалась массивная фигура. Судя по черной коже и абсолютно лысому черепу это был влаппи. Легар вывел его вперед и представил:

— Командир вашей группы, всунь Куси-бао, он также является вашим преподавателем по физической подготовке, а также на первое время возьмет на себя решение ряда хозяйственных и организационных вопросов, пока ваше земное командование, — он кивнул в сторону Вихрова и Истархова, — не войдет в курс дела. Завтрашний день объявляю свободным от обучения, время дается на обустройство и получение обмундирования. Вопросы есть?

Вопросов не было. Белиготар Сорг повернулся к Куси-бао и скомандовал:

— Приступайте, — дождавшись короткого кивка от влаппи, легар, в сопровождении четы Вихровых и Истархова, направился к телепорту.

— Смирно, — раздался бас Куси-бао и мы вытянулись по струночке, — впервые

представителям вашей расы выпала честь проходить обучение в стенах Высшей звездной Академии. Учебный процесс здесь организован следующим образом...

Влаппи все говорил и говорил. Я внимательно рассматривала великана, отмечая его клановую принадлежность. Татуировки на черном теле Куаси-ба были красными, значит он из клана потомственных воинов. Серьезный дяденька, это не администраторы или хозяйственники, это практически машины для убийства. Главное задать нужную программу.

Ветер стих, стало значительно теплее, тучи, словно по волшебству, раздвинулись и тут мы увидели чудо. Там высоко, за облаками, на искусственно созданном плавучем острове стояло здание. Скорее это был сказочный дворец. Корпуса вплотную прилегали друг к другу, а крыши венчали купола. Несмотря на смешение огромного количества архитектурных стилей, смотрелось здание торжественно и величественно. Материал, из которого оно построено, отражал дневной свет, создавая вокруг него ореол.

— Ух ты! — восторженно выдохнула Хунька.

— Каа... Кааак в сказке... — прошептал Жорка, уставившись наверх.

— Здесь вам и предстоит проходить обучение, — попытожил влаппи, — меня вам следует называть всунь Куси-бао.

В рядах курсантов раздались тихие смешки.

— Всунь... — всхлипнул Стас, давясь смехом.

— Это звание у младших офицеров, Погодин, — отозвалась я, — матчасть учить надо.

— А я и учил. Все твои файлы в гиперпрыжке проштудировал, — прошептал в ответ Стас, — хочешь проверим?

— Да не высовывайся ты, ради Бога, — попыталась я образумить друга, но его уже было не остановить.

— Я что-то смешное сказал? — раздался рык Куси-бао, заставив стихнуть все вокруг. Казалось, даже рев двигателя корабля, взлетающего где-то далеко, испуганно смолк, — может кто-то хочет выйти и посмеяться здесь со мной?

— Уважаемый... — и вперед вышел Погодин.

— Уууууу... — простонала я, зажмуривая от страха глаза.

— Дурака кусок... — чуть слышно прошептала рядом напряженная Хунька.

— Ваше имя! — взревел всунь.

— Курсант Погодин! — отрапортовал наш горемычный друг.

— Я приказал обращаться ко мне — всунь Куси-бао! — рявкнул на Стаса разъяренный влаппи. Да так рявкнул, что у Погодина сдуло со лба челку.

— Когда я проходил медицинскую комиссию, то слышал отменно. Вы желаете исправить ситуацию? — как ни в чем не бывало отозвался наш храбрец.

— Курсант, что вы себе позволяете? — еще немного и у влаппи от злости пар из ушей повалит.

— Всего лишь бережно и трепетно отношусь к традициям вашей расы, — улыбнулся ему Стас. Тепло так улыбнулся, открыто.

— Это как? — стушевалась грозная гора.

— Всем известны основные принципы в высшей степени справедливой и мудрой религии вашего великого народа, — пел соловьем Стасик.

— Во, чешет, — восхитилась Хунька.

— Что ты этим хочешь сказать, курсант? — напряженно спросил Куси-бао.

— Я наслышан о непримиримости влаппи к однополым сексуальным отношениям. Это

ведь так? — наивно хлопая глазами поинтересовался Погодин.

— Допустим, — в глазах всуня появился интерес, — продолжай.

— Поэтому, из уважения к вам, я не могу произнести — всунь Куси-бао, — закончил свою мысль Стас.

— О, граги всех темных глубин! Да почему же? — снова нахмурился влаппи.

— Вся проблема в переводе на наш родной язык, уважаемый Куси-бао, — Погодин даже позволил себе сочувственно посмотреть на громилу, — произнося всунь, я словно бы прошу вас вступить со мной в сексуальные отношения... — раздался яростный рык влаппи, — а это недопустимо! Потому что я, как и вы, ярый противник этого.

— Так что же делать? — растерянно и как-то жалобно пробормотал Куси-бао.

— Да, умом этот влаппи явно не отличается, — шепнула Хунька.

— Вояка же, — подтвердила я, — но не стоит недооценивать его силу.

— Предлагаю отойти от принятого обращения и заменить его более безобидным, — вставил Погодин.

— Ваши предложения, курсант! — Куаси-ба смерил его внимательным взглядом.

— Ну... Я предлагаю называть вас «раб мой Куси-бао», что на нашем языке означает уважаемый Куси-бао, — в этот момент все курсанты прикусили себе языки чтобы ни единым всхлипом не выдать душивший их смех, — вы же будете называть каждого из нас «хозяин», что означает неразумное дитя нуждающееся в руководстве и наставлении старших.

— В таком маленьком слове такой огромный смысл? — удивился влаппи. А мы с Хунькой уже просто хрюкали от рвущегося хохота.

— У нас очень насыщенный и богатый язык, — гордо сказал Стас.

— Мне нравится твое предложение, курсант, — Куаси-ба слегка похлопал Погодина по плечу и тот еле устоял на ногах, — но оно неприемлемо. В ВЗА принято общаться исключительно на общем языке Коалиции.

— А как же быть с возникшей языковой и религиозной проблемой? — в голосе Стаса было столько неподдельного огорчения, ему бы в актеры податься.

— Тут ты прав, — смягчился всунь, — будете называть меня фаэр Куси-бао, это допустимое обращение к любому мужчине Коалиции.

— Фра... фразер... — всхлипнул Жорка, утирая слезы.

— Выйти из строя! — рявкнул Куси-бао, услышавший смех Жоффрея.

Бедный Жорка вздрогнул и сделал шаг вперед. Было очень заметно, что он волнуется.

— Ваше имя! — продолжал рычать влаппи.

— Ку... Кур... Курсант Селедкин! — ответил наш бедолага.

— Как? Как? — еще сильнее разъярился Куси-бао. Надо сказать, зрелище было устрашающим. Над тощим Селедкиным огромной тушей навис влаппи, глаза которого бешено сверкали.

— Ку... Кур... Курсант Селедкин! — повторил Жорик.

— Что у вас с голосом, курсант? — снова заревел гигант.

— За... заикаюсь, фа... фаер Куси-бао! — мы с Хунькой с отчаянием взирали на развернувшееся действо. Каждая из нас понимала, что Жорка попал. Влаппи теперь от него не отцепится, учитывая их расовую непереносимость физических отклонений. На щеках Селедкина горел румянец. Еще бы, говорить о своих недостатках перед всеми неприятно.

— Обратитесь в медицинский отдел! — буйствовал всунь.

— Ээ... эээто нне лечится, — тихо ответил Жорик.

— Тогда как вас отобрали для учебы в Академии, граг вас побери! — влаппи орал так, что закладывало в ушах.

— Не... не моогу, ззнать! — ответил Селедкин.

— Очень жаль, что ваша группа экспериментальная и по одному вы вылететь отсюда не можете, — прошипел Куси-бао, приблизившись к Жорке вплотную, — но у меня есть возможности сделать твою жизнь здесь, курсант, поистине невыносимой. Встать в строй! И вы тоже! — это он уже обратился к Погодину и ответил на вызов по комму.

Бледный Жорка протиснулся на место и устоял на носки своих ботинок. Да, с этим нужно что-то делать. Селедкин у нас итак не самый уверенный в себе человек, а с этим всунем, вообще в себе замкнется. Мы еще и в Академию не прибыли, а уже нажили кучу неприятностей. Тентуриец... Влаппи... Афродизиак этот... Хмм... Тентуриец-влаппи, влаппи-тентуриец... Афродизиак... Один хочет секса, второй не приемлет однополых отношений... Что может их подтолкнуть друг к другу? Кажется в мою золотую голову пришла светлая идея, о которой я шепотом не замедлила поделиться с подругой.

— Верник! Гениально! Доступ в каюту у тебя есть, а у меня есть парочка идей, как сблизить два одиночества! Погодин втерся в доверие, так что отвлечь влаппи если что сможет. Дело за малым, найти мини-камеру, чтобы все это видеть и от души посмеяться! — подытожила подруга.

— Ка... камера у меня есть, — отозвался Жорик, — передвижная, са... сааам собирал.

— Покажи! — хором попросили мы с Хунькой.

— Ээээ... эээто Чарли, — Жорка достал из кармана коробочку, раскрыл, а там на белом атласе сидел совсем крохотный жучек. Пара миллиметров в длину, но выглядит, как настоящий живой жук, усики, лапки...

— А зачем тебе такая камера, а? — прищурилась Хуня, — за девками в бане в своей Руси подсматривал?

— Да... Да... я... — щеки Селедкина снова стали пунцовыми. Наверняка подруга угадала.

— Чарли — красивое имя, — улыбнулась я.

— Ээээ... ээээто первый ме-ееханизм, который я собрал, — улыбнулся Жорик и погладил панцырь крохотного жучка мизинцем, — сссс тех пор вввместе.

— А кто без греха? — с улыбкой откликнулся Стас, — ну что? Надерем инопланетные задницы?

— Сжахнем! — за всех ответила я.

В этот момент Куси-бао отвлекся от комма, выяснив все вопросы.

— Курсанты, — лениво махнул он в сторону телепорта рукой, — идем обживать. Женских блоков мало и свободных нет, устройтесь с подселением.

С сумками наперевес мы по одному заходили в установку телепорта.

— Добро пожаловать в ВЗА! — произнес Куси-бао с такой интонацией, с какой обычно главный плохиш в фильмах произносит «Добро пожаловать в ад!» и после этого слышится зловещий смех.

Но в данном конкретном случае смеха не последовало. На папиллярные узоры наших пальцев настроили электронные замки отсеков, куда предстояло заселиться каждому из нас, загрузили в коммы схему здания, расписание занятий и режим дня, а после этого отправили восвояси.

Заселиться курсантам Земли предстояло в корпус два икса ноль двадцать восемь, примыкающему непосредственно к помещениям, где нам предстояло проходить обучение. Как нам объяснили, занятия будут проходить по индивидуальной экспериментальной программе. Обучение на основные военные специализации Корпуса проходило отдельно и нас ни каким образом не касалось. С курсантами других направлений и специализаций мы могли пересечься разве что в столовой или коридорах Академии.

Жорка со Стасом вселялись в двухместный жилой блок, нам же с Хуней предстояло соседствовать еще с двумя девушками. Выгрузившись всей четверкой из лифта на нужном этаже, мы отправились искать вожденные номера своих отсеков. Конечно же, номер ребят оказался ближе.

— Встретимся у нас через несколько минут, — шепнул Стас, исчезая за нужной дверью.

— Эх, ну вот почему мужчинам всегда везет по странному закону вселенского устройства? — простила Хуня, волоком таща объемную сумку с магическими причиндалами.

— Нечего было столько странных штуковин с собой собирать, — отозвалась я, рассматривая номера на дверях, — а закон этот — законом подлости называют. Еще двенадцать номеров по моим подсчетам, сразу за поворотом...

Но договорить мне не дали. То, что я увидела, заставило меня открыть рот от удивления. Обернулась и посмотрела на Хуню. Подруга, позабыв про тяжелую сумку, застыла посреди коридора каменным изваянием. Прямо нам на встречу, неспешно шел... Феокл... Да, это был именно Хунькин Феокл, разве что волосы светлее и забраны в высокий хвост, да уши по-эльфийски остроконечные. Стоп. Уши? Эленмарец двойник Феокла? Так не бывает! Или бывает? На Хуне лица не было, казалось, она не смотрит, а впитывает в себя каждую черточку встреченного мужчины. Вслед за эльфом появилась заплаканная девушка-тентурийка.

— Фингорм! — воскликнула она и, не обращая внимания на нас с Хуней, бросилась в ноги к ушастому, — скажи, почему ты уходишь? Что я сделала не так? Только пожелай и я стану такой, какой ты захочешь меня видеть!

— Шакешши, — лениво ответил ей эльф, — нам было весело вместе, малышка, но все хорошее рано или поздно заканчивается. К чему устраивать сцены?

— Но я люблю тебя! — не унималась девушка, сидя на коленях и обхватив ногу

мужчины. Из ее рыжих глаз нескончаемым потоком лились слезы.

— Это — не любовь, милая, — эльф попытался вернуть ногу, отчего тентурийка распласталась на полу, — это всего лишь физическое влечение. У меня оно прошло, у тебя еще нет, но неизбежно пройдет.

Вывернувшись из цепких рук, лежащей девушки, он зашагал по коридору.

— Фингорм! — взмолилась она, но ушастый даже не обернулся на ее призыв.

Тентурийка тяжело поднялась, утерла рукавом форменной куртки бегущие без остановки слезы и только потом зло взглянула на нас.

— А! — почти прошипела она, — свежее мясо прибыло? Что вылупились? И вас это ждет через месяц, а может и раньше! Все через это проходят...

Плечи ее поникли, девушка развернулась и побрела по коридору обратно. А стоящий перед лифтом эльф, после слов тентурийки принялся с интересом нас рассматривать.

— Откуда такие аппетитные пирожки в нашей обители? — ухмыльнулся он, сказав это таким голосом... таким...

Его голос с бархатными, мурлыкающими интонациями очень напоминал голос Белиготара Сорга на объявлении результатов в летной школе. Его хотелось слушать и слушать, за ним хотелось идти. Я помотала головой отгоняя наваждение. Посмотрев на Хуньку, заметила ее восхищенный взгляд, направленный на незнакомца. Так смотрят на воплощенную мечту! Это не правильно!

— Хуня! Очнись! Да, очнись же! — шептала я, всем сердцем желая, чтобы подруга пришла в себя.

— А? — уже почти осмысленно Хунька посмотрела на меня, — Что это было, Аль?

— Пока не знаю, но выясню! — прищурившись, зло взглянула на эльфа.

— Надо же, надо же... — улыбаясь промурлыкал он, — а птенчики то с секретом. Тем интереснее.

В этот момент из-за угла показалась разгневанная эльфийка. Так вот какие женщины у эленмарцев! Девушка была поразительно красива — ослепительная блондинка с огромными зелеными глазами и очаровательными остроконечными ушками. Ее волосы так же, как у эльфа, были собраны в высокий хвост.

— Фингорм! — закричала она, — ты опять?

— Анвен, — мурлыкнул ушастый, — не будь ты моей сестрой, я бы подумал, что ты меня ревнуешь.

— Фингорм, это запрещено! Это противозаконно! — бушевала эльфийка и ее прекрасные глаза метали молнии, — недопустимо использовать зов вне Эленмара и без особого разрешения Великого совета Коалиции. Ты разбил сердце Шакешши, женщины других рас беззащитны перед вами...

— Анвен, — тяжело и как-то горько вздохнул лжефеокл, — ну посуди сама, что меня ждет дома, когда я встречу связавшую сердце или когда семья призовет и заставит исполнить долг крови?

— Но это не повод... — начала говорить девушка, а потом осеклась с горечью посмотрев на брата.

— Ты же сама сбежала, Анвен, — тихо сказал эльф, нежно погладив сестру по щеке, — хотя твоя участь завиднее моей во много раз. Ты — сокровище дома Беллимов, а я всего лишь расходный биологический материал, рожденный угождать. Сколько мне осталось до того, как меня призовут?

— Мне это также не нравится, как и тебе, — вздохнула девушка.

— Не один эленмарец не в силах прожить без связавшей, — тихо ответил ей брат, — мне придется вернуться и подчиниться семье рано или поздно, но лучше, как можно позже.

— Но, Белиготар Сорг... Он же смог! — с надеждой воскликнула Анвен.

— Никто не знает, сестренка, почему это произошло, даже он сам, — грустно улыбнулся эльф, — так что не мешай мне набираться впечатлений перед пожизненным рабством.

— Не все такие! — воскликнула эльфийка, — я такой не буду никогда!

— Анвен, Анвен... — покачал головой Фингорм, — ты исключение из правил. Только твое поступление в ВЗА говорит само за себя. Других таких нет, а жаль... Не расстраивайся за меня раньше времени.

Он зашел в подошедший лифт и помахал сестре рукой на прощанье. Расстроенная девушка развернулась и увидела нас с Хуней, застывших с удивленными лицами, пытающихся переварить полученную информацию.

— На вашем месте, я бы забыла об услышанном разговоре, — зло выплюнула она, проходя мимо, — целее будете! Ясно?

— На твоём месте, я бы поостереглась угрожать тем, о ком ничего не знаешь, — парировала Хунька, окончательно придя в себя.

Эльфийка хмыкнула и скрылась за поворотом.

— Хорошо же мы начинаем, — простонала я.

— Ничего, прорвемся! — успокоила меня подруга, снова берясь за свою неподъемную ношу, — пошли, а то нам еще план мести разрабатывать.

До отсека дошли молча. Молча вошли и также молча огляделись. Ничего, жить можно. Мы попали в гостиную. Здесь стояли удобные кресла со встроенными коммами и разъемами для загрузки обучающих программ, пара удобных диванчиков и небольшой столик. В помещении приятно пахло и вообще везде чувствовалась женская рука. Оконные занавеси собраны красивыми складками. В разных концах помещения примостились несколько кадок с пышно цветущими растениями. На небольшой полочке стояла пара милых статуэток каких-то потешных зверушек, на стенах в красивых рамках — затейливые виды инопланетной природы. Вот пожалуй и все, не считая двух дверей, ведущих, по всей видимости в спальни.

Одна из них распахнулась, явив нам знакомую эльфийку, лицо которой при виде нас перекошилось.

— Только не говорите мне, что вы вселяетесь во вторую спальню, — воскликнула она.

— А никто и не говорит, — отозвалась я, кивнув Хуньке на вторую дверь.

— Вы что и правда собираетесь здесь жить? — закричала блондинка.

— Обычно мы спим на коврике, — огрызнулась Хунька, — но для разнообразия решили вот пожить в соседней комнате и поспать на кровати.

— Не спешите распаковывать вещи, — прошипела остроухая Анвен, — завтра я улажу вопрос с начальством и вас переведут.

— А ты тут, значит, старшая по общежитию? — поинтересовалась я, оглядываясь вокруг.

— Анвен, что ты кричишь? — в дверях не нашей спальни появилась еще одна девушка, бережно расчесывающая густые ярко-синие волосы, — что произошло?

— Привет, — поздоровалась я с вошедшей астерийкой.

— Ой, девочки! — всплеснула руками она, — Вы вселяетесь в соседнюю комнату?

Анвен, что же ты не сказала, что у нас будут соседи?

— Всего на одну ночь! — влезла остроухая, — уж я об этом позабочусь.

— Да ладно тебе, Анвен, — улыбнулась синеволодая девушка, — хорошие же девчонки.

Вы откуда такие?

— Из мамы, как любой организм животного происхождения, — хмуро буркнула Хунька. Что-то с ней явно было не так. Когда яркие и смешные шутки подружки сменяются на грубость, значит — она прибывает в не лучшем душевном состоянии.

— Землянки мы, — улыбнулась приветливой девушке, — я — Алевтина Верник, можно просто Аля. А это — Фархунда Ткхшшшарсинсит, но мы зовем ее просто Хуня.

— Ткхшшшарсинсит... — задумчиво произнесла астерийка, даже не запнувшись, — кажется это фамилия одного из аристократических родов Тентуры?

— Верно, — улыбнулась я, — Фархунда является наследницей своего отца-тентурийца, но проживает на Земле с матерью. Проживала, до недавнего времени. Теперь мы обе здесь.

— Фархунда и Алевтина, Хуня и Аля, — усмехнулась синеволодая, — зачем давать такие длинные имена, чтобы потом их сокращать?

— Традиция нашей расы, — пожала плечами в ответ.

— Я — Айа Като, а это, — астерийка махнула рукой в сторону эльфийки, — Анвен Беллим, обычно, она более дружелюбна.

— Боюсь, мы стали свидетелями ее разговора с братом, — виновато ответила я.

— Что опять? — удивилась Айа, переведя взгляд на свою соседку, — кто на этот раз?

— Шакешши, — тихо ответила Анвен.

— Надеюсь, о том, что вы слышали никто не узнает? — подмигнула нам синеволодая.

— Где живем, там не пачкаем, — огрызнулась Хунька. Да что с ней такое!

— Конечно, конечно, — поспешила заверить я.

— Располагайтесь. Не будем вам мешать, — Айа обняла эленмарку за плечи, увлекая ее за собой в спальню, — ну чего ты, расстроилась Анвен? Твоему брату вовсе не нужно применять зов, чтобы нравится женщинам. По нему итак вся Академия вздыхает, а Шакешши кто-то должен был обломать зубы...

Дверь захлопнулась, отрезая нас от соседок. Зов... Сокровище дома... Связавшая... Так много непонятного, но времени на осмысление нет. Нужно срочно что-то делать с тентурийцем и выяснить, что происходит с Хуней.

Подруга, бросив сумку на пол, сидела на кровати. Спина прямая, руки сложены на коленях, взгляд устремлен в пространство, а лицо, словно маска — ни один мускул не двигается.

— Что с тобой, Хуня? — тихо спросила я, но она не ответила, продолжая сидеть застывшей статуей, — не пугай меня. Что такого произошло, что ты замкнулась?

— Аль, вот скажи... — отмерла Хунька, взглянув на меня, — почему жизнь так несправедлива? Почему она состоит из одних законов подлости?

— Объясни, — попросила я.

— Сначала был Ратешши, Ратешши Тава, о котором грезил, которым я жила, — стала говорить Хуня, выплескивая все обиды, — но оказалось, что я была для него всего лишь развлечением и дома его ждали красотки, готовые выполнить любой каприз по первому требованию. Тогда, выплакав все слезы, я решила завести себе идеального, пусть и неживого мужчину. Алька! Я пошла в андроид-центр и долго работала с программистами, создавая внешность Феокла. Феклуша — воплощение моей мечты, идеал! Понимаешь? В нем все то

что я желала бы видеть в мужчине. Абсолютно все! У него только один недостаток — он чертов андроид. Он не живой, Алька!

— Хуня! — присев рядом, обняла подругу. Из огромных желтых глаз текли слезы, — ну, что ты! Не плачь...

— Сколько раз я мечтала, что произойдет чудо и Феклуша оживет! — не унималась она, — сколько раз я грезила, что он признается мне в любви не потому, что это заложено в программу, а потому что на самом деле это чувствует! Я почти смирилась, что живу с куклой! Почти, Алька! И что со мной снова происходит? Жизнь преподносит очередной сюрприз. Живое воплощение моего андроида идет на встречу, не успела я прилететь в Академию. Феокл существует, Аль! Мечты стали реальностью! Понимаешь?

— Понимаю, — поспешила заверить подругу.

— Он существует и он — бабник! — горько констатировала Хуня, — жизнь снова макнула меня лицом в грязь...

— Вариант просто не замечать это воплощение не прокатит? — с надеждой спросила я.

— Нет, — грустно отозвалась подруга, — он действует на меня, как удав на кролика, как сыр на мышь! Впадаю в состояние транса и начинаются неконтролируемые реакции организма. Да я его как увидела — весь пол в коридоре слюной закапала, а ты говоришь не замечать...

— Может в твоей волшебной сумке есть средство?

— Не бывает средства от глупости и от настоящей любви, Алька, запомни это! — выдала уже начавшая остывать Хуня, — эти два явления — неизлечимая зараза для человеческого организма. Но с глупостью жить проще, потому что ты живешь и не догадываешься о ее наличии. Хотя... Любовь — это та же глупость, только сопровождающаяся усиленным сердцебиением. А симптомы похожи многое не понимаешь, многое не замечаешь, а на еще большее закрываешь глаза, чтобы потом тебя за спиной за это назвали душой.

— Не думала, что ты такая пессимистка, — покачала головой я.

— Просто своего Истархова ты бросила сама, а я... А меня бросили...

— Хунь, — жалобно посмотрела на подругу, — что делать с твоим новым Феоклом мы и потом разобраться можем, а вот что делать мне с тентурийцем?

— Есть идея! — желтые глаза блеснули. О, да! Это была Фархунда, самая настоящая! Она вернулась!

— Итак, что мы имеем? — лекторским тоном спрашивала Хунька, сидя на диванчике в отсеке у ребят, — у нас есть озабоченный тентуриец — одна штука и недалекий, нетерпимый ко всем видам отклонений влаппи — тоже одна штука. Оба — вышестоящее начальство, как не крути. Что нужно сделать? Нужно освободить Альку от посягательств тентурийца и вывести Жорика из под пристального внимания влаппи. Задача ясна?

Мы молча кивнули.

— И как действовать будем, граждане свободной Земли? Предложения есть? — судя по хитрому блеску желтых глаз у самой Хуни предложения были.

— Да, ясное дело, тут надо поступать, как в древности, — отозвался Стас.

— Ээээто кааак? — вклинился Жорка.

— Когда два хищных зверя наметили себе одну жертву, нужно стравить их между собой, — просветил нас Погодин.

— Но они разные жертвы наметили, — пришлось возразить мне, — нас тут двое, жертв-то...

— Наивная ты, Алька, — Стас нагло дернул меня за косу, — они попытались напасть на СЖАХ, а этого никто из нас так не оставит!

— И-и-и... что де-е-елать будем? — жалобно простонал Жоффрей.

— Вот! — Хунька с гордостью поставила перед нами на стол крошечную емкость.

— Что это? — скептически рассматривала я почти прозрачный цилиндрик, наполненный какой-то жидкостью.

— Ну, — хитро усмехнулась Хуня, — я тут вспомнила о приворотном действии, использованным Истарховым, а потом еще эта ягодка в столовой... Короче, вот! — и она снова кивнула на странный предмет.

— Я, конечно, понимаю, что идея, столкнуть тентурийца и влаппи, используя их слабые стороны пришла нам всем в голову, но хотелось бы конкретики. Хуня, что в этой емкости? Какой твой план? И какая роль ждет каждого из нас? — от переживания меня била нервная дрожь, времени до встречи с тангиром оставалось все меньше.

— Отвечаю по порядку, Верник, — подмигнула мне подруга, — в емкости почти такое же приворотное зелье, что использовал Истархов, которое я приобрела у того же шамана в Лунгорде. Ну разве срок действия поменьше.

— Хунь, но ведь это противозаконно! — разглядывая жидкость возразила я.

— Магия не может быть противозаконной, — рассмеялась эта интриганка, — потому что ее не существует в природе, но она все же есть.

— И как действует это зелье? — спросил Стас, — а еще больше меня интересует, как Алька сможет заставить здорового тентурийца это выпить?

— Все гениальное — просто, — Хуня извлекла из кармана крошечную пластинку.

— Пууу... Пууууульт уууправления? — удивился Жорка.

— Точно! — Фархунду распирало от гордости, — это зелье пить не обязательно. Его нужно распылить в отсеке тентурийца, когда он там будет находиться. Срок действия — неделя, плюс-минус пара дней. Остается одна проблема...

— Какая? — не удержалась я от вопроса.

— Тентуриец воспылает страстью к первому, кого увидит после применения зелья, —

вздохнула подруга.

— Значит первым, он должен увидеть нашего всуня! — усмехнулся Погодин, — влаппи я беру на себя!

— Но как мы узнаем, когда распылить это средство? — недоумевала я.

— Ча-а-арли, — сказал Жорка, доставая коробочку со своим другом и выставляя ее на стол, рядом с приворотным зельем, — а-а-а изображение я выведу на коммы. А-а-а еще вот...

Жорка вытащил какой-то приборчик и активизировал небольшой голоэкранный, на котором отразилась карта.

— Что это? — восхищенно присвистнул Пашка.

— Я-я-я маячок на та-а-ангира прицепил, — выдохнул Селедкин, показывая пальцем на точку, которая двигалась по экрану, — по... подумал вдруг пригодится.

— Да ты же мой золотой! — воскликнула Хунька и, притянув Жорку за уши, страстно поцеловала его... в нос. Щеки нашего гения тут же стали пунцовыми.

Пазл сложился. Хитро переглянувшись, мы сверились с картой и выбрали небольшое тупиковое ответвление коридора, откуда предстояло наблюдать за всем развернувшимся действием, неподалеку от отсека тентурийца.

Спустя несколько минут вся наша группа заняла стратегическую позицию.

— Я за влаппи, — сказал Стас и направился в сторону лифтов.

— Ну, и я пошла... — выдохнула Хунька, сжимая в руках зелье и Чарли.

— Поспешите, кажется тентуриец покинул зал, где находился все это время, — предупредила я, внимательно наблюдая за движущейся точкой на Жоркином голоэкране.

Прошло еще несколько минут. На комме появилось голографическое изображение гостиной отсека тангира и выходящая из него Хуня. Погодин сообщил, что он нашел влаппи и ждет нашего сигнала.

— Все готово! — выпалила запыхавшаяся Хунька, присоединяясь к нас с Жориком.

В этот момент двери тангирского отсека открылись и вошел хозяин. Тентуриец потянулся, пошевелил губами и, сняв форменную куртку, вышел в другую комнату.

— Сее... сеейчас звук на-а-астрою, — улыбнулся Жорка.

Тентуриец вышел в гостиную в одном полотенце, прикрывающем бедра.

— А он ничего, — протянула Хунька, рассматривая тангира, — накаченный... Может зря ты, Аля, отказалась?

— Земляночка, землянка, — раздался с голоэкрана голос тентурийца, — непредсказуема и страстна... — тангир развязал полотенце и потянулся за одеждой, лежащей на диване, — улыбки не найдешь светлей, — продолжал декламировать он, — обворожительна, прекрасна... — тангир запахнул на своей груди широкий халат, — подобна всем цветам с полей! Аля, Аля где ты Аля...

— Оооо, да он романтик! — восхитилась Хуня — подумай, Верник! Еще не поздно все изменить.

— Да иди ты... — огрызнулась я.

— Ладно-ладно... — примирительно замахала на меня руками подруга, — ну что? Начали?

Кивнув, отправила Стасу сообщение, о том, что наша операция началась. Хуня нажала на пластинку управления и в отсеке тентурийца раздалось тихое шипение.

— Я зельерядом с Чарли поставила, вот и слышно, — пожалала плечами Хунька, в ответ

на мой вопросительный взгляд.

В этот момент, тентуриец на экране застыл с блаженной улыбкой на лице. Раздался вызов от Стаса, заставивший нас напрячься.

— Что случилось, Погодин? — прошипела Хунька.

— Я подумал, что вам будет интересно, — ответил он и приложил ладонь к входной панели отсека.

Дверь отворилась и в проеме возникла внушительная фигура всуня Куси-бао.

— Курсант? — удивился гигант, — что-то случилось?

— Уважаемый фаэр Куси-бао, — отрапортовал Стас, — тангир Стшарсси приказал вам срочно явиться к нему! Отсек номер 407!

— Что-то срочное? — спросил всунь.

— На сколько мне известно — дело не терпит отлагательств! — с серьезной миной уверил его Погодин.

— Ты молодец, курсант! — похвалил его Куси-бао и похлопал по плечу.

По комму пошла рябь и соединение сорвалось.

— Не устоял на ногах Погодин, — констатировала Хунька.

Прошло еще каких-то пять минут. К нам присоединился Стас, потирающий плечо и болезненно кривящийся. А еще через минуту в отсеке тангира раздался входной вызов.

— Уже иду... иду, моя сладенькая, — пропел тентуриец и направился открывать дверь.

Четыре пары глаз внимательно следили за происходящим на экране. Дверь с тихим шелестом отъехала в сторону и перед небрежно, по-домашнему одетым тангиром Стшарсси возник огромный, черный, словно вырезанный из куска самого дорогого оникса Куси-бао.

— По вашему приказанию прибыл... — всунь замер, глядя на фривольный прикид тентурийца. Челюсть гиганта медленно отвисла, глаза вылезли из орбит от удивления и весь он застыл в такой высокохудожественной позе, словно позировал известному скульптору.

— Я вас не... — рявкнул было тангир, но потом приворотное зелье, видимо, начало действовать, шаман с Лунгорода не подвел и на этот раз, — я вас не вызывал, — уже мягким, обволакивающим голосом продолжил тентуриец, — так... пригласил, посидеть по-дружески... А то все служба и служба...

Облаченный в просторный халат Казанова подхватил под руку опешившего гиганта и повел внутрь отсека. Куси-бао отмер, как-то рассеянно заозирался, ища пути отхода, но не посмел спорить с вышестоящим начальством.

— Жа-а-алко его, — протянул Жорик.

— А он бы тебя не пожалел, — припечатала Хунька, отбив у Селедкина всю жалость к влаппи.

— Да и потом, у него была возможность удрать, — усмехнулся Погодин, — значит, не так сильно хотел...

А в это время тангир Стшарсси усадил изрядно шокированного всуня на диван, нежно глядя по его черной огромной ручище.

— Мы так долго служим рядом... бок о бок... — с придыханием продолжил он ворковать, не выпуская огромную конечность влаппи из рук, — мы так близко и так далеко. Нам следует перейти на новый виток в наших отношениях. Я предлагаю выпить за дружбу! У меня есть чудесный ракшвар двадцатилетней выдержки с самого Кронса-13. Вы же не против дружбы?

— Ннет... — судорожно сглотнув выдавил из себя всунь.

— Чудесно! Просто чудесно! — мурлыкал тентуриец, набирая на комме команду.

Панель встроенного шкафа отъехала в сторону и вперед выдвинулась полка с затейливого вида бутылками и посудой.

— Где же это, где, — тангир, изучив ассортимент бара, разлил по бокалам темно — синюю жидкость, приподнял их к свету, — взгляните, друг мой, это же чистый сапфир, ни грамма примеси, все натуральное.

Коварный обольститель, двигаясь плавно, кидая загадочные взгляды на своего огромного гостя, подошел к дивану и сел рядом с влаппи, протянув один из бокалов.

— Выпьем за дружбу! — произнес он, не отводя глаз от напряженного гиганта.

Мужчины выпили — влаппи залпом и до дна, а тентуриец, сделав небольшой глоток, медленно облизал губы, чем вызвал панику у всуня. Гигант попятился, но властная рука тангира Стшарсси легла на его колено, заставляя замереть.

— Дружба — это прекрасно! — выдохнул новоявленный ловелас, погладив мощное колено гиганта. Всунь дернулся, пытаясь отодвинуться, но уперся в спинку дивана,

— а когда двух людей связывают искренние дружеские отношения, то они начинают и называть друг друга по-дружески. Тангир Стшарсси — слишком официально, ты не находишь? Зови меня просто — Шенг. Повтори!

— Шенг, — хрипло выдохнул влаппи.

— Отлично! Просто превосходно! — пропел тентуриец и его рука двинулась от колена выше, отчего и без того выпученные глаза всуня выпучились еще больше, — Шенг из твоих уст звучит так романтично, так интимно... А как зовут тебя, Куси-бао?

— Куси-бао, — пророкотал гигант, с испугом косясь на руку тангира, которая в данный момент спустилась к внутренней поверхности крепкого бедра влаппи.

— Я спрашиваю об имени, — нежно прошептал Шенг Стшарсси, глядя в ошалевшие глаза всуня, — ну как тебя мама звала в детстве?

— Неудобно... — пробасил гигант.

— Мы выпили за дружбу и теперь между нами нет секретов! — коварно улыбнулся тангир, — говори же, как тебя ласково называла мамочка?

— Мелкий засранец, — выдохнул влаппи и смущенно опустил глаза.

Мы переглянулись между собой и рассмеялись, зажимая ладонями рты.

Тентуриец, пытавшийся в этот момент сделать очередной глоток из бокала, подавился и закашлялся. Всунь, желая помочь своему командиру, слегка стукнул его по спине. Вот зря он это сделал! Зря! Потому что от поистине героической помощи Куси-бао, Шенг слетел с дивана и закашлялся еще больше. Он хрипел и хватался за горло, пытаясь вдохнуть. Бокал выпал, разбившись об пол. Лицо тангира покраснело, он судорожно хватал ртом воздух. Наконец, отдышавшись и откашлявшись, тентуриец сел на место, еще теснее придвинувшись к предмету своей страсти.

— Нет... — выдохнул обольститель, — так я, пожалуй, называть тебя не стану. Нужно что-то более ласковое, наше общее, я бы сказал, интимное. Как на счет, скажем, малыша? Я буду звать тебя — малыш, мой малыш Куси-бао. Это так символично. Ты такой большой и сильный, такой мужественный и неприступный для всех и только для меня... для твоего... дружка ты будешь ранимым и мягким.

— Учись! Вот как нужно женщин соблазнять! — Хунька пихнула локтем Погодина в бок.

— Но он там совсем не женщину соблазняет! — обиженно простонал Стас.

— Главное в этом деле не половая принадлежность, а подход! — грозно сказала подруга и вновь прилипла к экрану.

— Я Куси-бао! — заревел всунь. Кажется происходящее потихоньку начало доходить и до туповатого влаппи.

— Ладно! — как ни в чем не бывало согласился тентурийский ловелас, — в конце концов, что может быть интимнее собственного имени. Правда, малыш? Тут главное с какой интонацией его произносить, — тангир прикрыл глаза и нежным полушепотом выдохнул, — Куси-бааааааооо...

Влаппи скривился так, будто в его рот выдавили килограмм лимонов.

— Ну как? — чарующе улыбнулся Стшарсси, — пробирает до мурашек, не так ли? Ты чувствуешь, как горячая волна оmyвает твоe огромное... черное тело... да?

— Погодин, ты записываешь? — лениво поинтересовалась Хунька.

— А то как же! — огрызнулся Стасик, — всю жизнь мечтал покувыркаться с огромным мужиком!

— Ты стратегию на ус мотай, — усмехнулась желтоглазая язва, — а какого рода войска

— в расчет на месте принимать будешь. Вон Верник, как заслушалась. Наверное жалеет сейчас, что такого сладкоголосого тентурийца бортанула.

— Хунь, — не отрываясь от экрана сказала я, — мне кажется, что брачные игры самцов как-то странно на тебя влияют.

— Вот вот, — подтвердила она, — эти милые картинки будят во мне заботу о ближнем и сострадание.

— Ну, заботишься ты, положим, о Стасике, а страдаешь кому?

— Разумеется тангиру! — невозмутимо ответила она.

— По... поочему это? — полюбопытствовал Жорка.

— А вы представьте, что будет с тентурийцем, когда до влаппи дойдет к чему его склоняют? — наш дружный смех говорил лишь о том, что каждый из нас представил картину в подробностях.

Тентуриец, тем временем, поднял руку и бережно коснулся щеки всуня костяшками пальцев.

— Такая нежная кожа у такого сурового воина, — мурлыкал он, положив вторую руку поверх халата себе на пах, где невооруженным взглядом просматривалась выпуклость, — и эти плотно сжатые губы, они такие манящие... созданные для поцелуев... Почему я заметил это лишь сейчас? Сколько времени упущено... сколько...

Куси-бао так и сидел, как статуя, выпрямив спину, по прежнему держа в руке пустой бокал. Как только тентуриец коснулся его, раздался звон и бокал осыпался на пол горкой стекла. Алая кровь всуня закапала на светлое покрытие отсека.

— Что же ты наделал, глупышка! — воскликнул тангир, срываясь с места. Через несколько секунд он уже вернулся с аптечкой и заботливо заклеивал порез на руке гиганта, — не могу видеть, как ты страдаешь!

Шенг Стшарсси не выпускал огромную черную конечность, на которой пятном выделялся свежий заживляющий пластырь. Тангир держал ее между своих ладоней бережно, как драгоценность, как сокровище. При этом выражение на его лице было непередаваемым, там смешались забота, беспокойство, нежность и восхищение. Набравшись смелости, тентуриец поднес гигантскую кисть к своим губам и коснулся ими толстых, как сардельки, пальцев.

— Тангир Стшарсси! — взревел влаппи, подскакивая с дивана, — что Вы себе позволяете?

— Сидеть! — опомнился Казанова, лишившись вожаемого объекта страсти, и... горемычный, но дисциплинированный Куси-бао не посмел ослушаться приказа своего командира, покорно опустившись на место, — твои действия озадачивают меня! Разве я был с тобой груб? Разве я слишком напорист? Нашу страсть не удержать в рамках, она бурлит, как проснувшийся вулкан на Такинавe и скоро прольется мощными потоками лавы! Твоя близость сводит меня с ума!

Шенг схватил обеими руками голову влаппи и припал к его пухлым губам голодным жадным поцелуем.

— Меня сейчас вырвет, — всхлипнул Стас.

— Я всегда знала, что по настоящему слабый пол это мужчины! — подколола его Хунька.

— Да, уймись вы уже! — не выдержала я, — когда разыгрываем следующую часть плана?

— А что они уже до кровати дошли? — перевела взгляд на экран Хуня.

— Нее-ет, — сказал сосредоточенный Жорка, — я е-е-еще Ча-арли не передвигал.

Ошарашенный всунь, бешено вращая глазами, откинул от себя тентурийца, словно тряпичную куклу. При падении халат тангира задрался, явив невольным свидетелям сцены голую мускулистую задницу, которой он и плюхнулся благополучно прямо в осколки от бокала всуны.

— А-а-а-а-а-а-а! — завопил от боли Шенг Стшарсси.

— А-а-а-а-а-а-а! — заорал влаппи, пытаясь стереть со своих губ ощущение поцелуя тентурийца. Глаза гиганта медленно наливались кровью, огромные, как лопаты руки, сжались в кулачищи и он прошипел, — у-у-убью-ю-у-у!

— А ну на место! — рявкнул тангир, тяжело поднимаясь с пола.

Влаппи снова сел на диван и захлопнул рот, пока тентуриец что-то набирал на комме. Прямо из пола около дивана вынырнуло огромное зеркало и тангир, задрав халат повернулся к нему спиной, рассматривая свой пострадавший тыл.

— О, боги! — застонал он, — за что мне такое наказание! Как же больно... Всунь Куси-бао!

— Я! — подскочил влаппи, встав по стойке «смирно».

— Окажите вашему командиру первую помощь! — приказал Стшарсси.

— Есть! — всунь бросился к аптечке, но затем смерил взглядом оттопыренную, в порезах задницу тентурийца и завис.

— Мне еще долго ждать! — рявкнул тангир, — удалите стекло и заклейте пластырем!

— Есть, — обреченно отозвался всунь, не весело так отозвался, горько...

Тяжело вздохнув, дисциплинированный влаппи склонился над пострадавшим местом своего командира. Черные ладони медленно ощупывали мускулистый зад тентурийца на предмет оставшихся в нем стекол.

— О-о, это не выносимо, — стонал раненный обольститель, прогибаясь в спине и пытаясь достичь более тесного тактильного контакта с рукой Куси-бао, — твои нежные руки, бережные прикосновения...

— Стойте спокойно, тангир Стшарсси! — прорычал влаппи, извлекая стекло из ягодичной мышцы стенающего тангира.

— Это выше моих сил... — прохрипел тентуриец, Его дыхание стало прерывистым, а рука потянулась под халат к паху.

— Аля! — скомандовала Хуня, — твой выход! Не забудь забрать Чарлика и баллончик из под зелья.

— Помню. Ну, я пошла! — вздохнув, направилась к отсеку тангира Стшарсси.

Набрав на входной панели код допуска, задержала дыхание, чтобы не засмеяться от увиденной картины и вошла. Мое появление вызвало замешательство у двух, занятых своим странным делом, мужчин.

— Кадет Верник! — громко и четко отрапортовала я, — прибыла для приватной дисциплинарной беседы!

Влаппи как ошпаренный отпрянул от тангира, открыв моему взгляду его голый, раненый тыл. Тентуриец развернулся, посмотрел на меня и простонал:

— Что за день! Ну, никакой личной жизни!

— А что это вы тут делаете? — наигранно растерянно спросила я переводя ошарашенный взгляд с одного командира на другого.

Под кожей насыщенного цвета оникса румянец разглядеть было невозможно, но сильное смущение Куси-бао выдавали жесты. Тентуриец, в очередной раз проворчав что-то жалостливое, одернул халат и прикрыл свой раненый тыл.

— Нет, мои глаза никогда меня не подводили! — решила брать быка за рога, — сначала вы, тангир Стшарсси, не принимаете моих извинений, потом заставляете поверить в свою заинтересованность, настойчиво приглашая сюда и даже предоставляя личный доступ, — перевела взгляд на сжавшегося в углу дивана гиганта и сказала ему, — он мне личный доступ дал! А вам, уважаемый фаэр Куси-бао, этот разрушитель девичьих грез давал доступ? — я пристально смотрела на черную тушу, которая отрицательно мотала головой так, что трещали шейные позвонки, — то-то и оно! Нет, по началу меня, конечно, смутило его предложение, но потом, поразмыслив...

— Кадет Верник! — зарычал тентуриец, бросившись ко мне, — что Вы себе позволяете!

— Ах, оставьте! — я оттолкнула тингира.

Не удержавшись на ногах, он плюхнулся на диван. Да-да! На то самое раненое седалище, из которого совсем недавно ответственный всунь вынимал осколки и, видимо, вынул не все! Горе-развратник взвыл!

— Вооот! — припечатала я, кричащего от боли тентурийца, — вот к чему приводят спонтанные гомосексуальные связи!

— Чтоо-о-о? — взревел Куси-бао, которому, кажется, только что мои слова открыли глаза, на происходящее здесь.

— Ну ладно тентурийцы, вся Вселенная знает об их неводержанности и сексуальных экспериментах, но вы то, уважаемый всунь!., - я с укором посмотрела на черного гиганта, а для весомости еще и осуждающе покачала головой, — вы то! От влаппи, чьи традиции уходят корнями в глубину веков, категорически порицая подобный разврат, я такого не ожидала! Как вы могли?!

Закрыв лицо руками, всячески уговаривая себя не захохотать в голос, я театрально всхлипнула.

— Это не то что вы подумали, кадет! — раздался бас Куси-бао.

Тентуриец, шипя от боли в истерзанных ягодицах, потихоньку сползал со злосчастного дивана.

— Разумеется! — я тут же перешла в наступление, — несмотря на мою молодость и наивность, мне известно с какой фразы начинаются все истории о изменах! Жена застаёт мужа в объятиях другой или, как в данном случае, другого, и, что она слышит в ответ? Что, я вас спрашиваю? Дорогая, это не то, что ты подумала — вот, что она слышит, уважаемый фаэр Куси-бао!

Влаппи сдавленно застонал закрыв лицо огромными ручищами.

— Малыш... — бросился к гиганту, только что пришедший в себя тентуриец, едва заслышав его стоны.

— Малыш?.. Вы, бессердечный, называете его малышом? При мне? — не унималась я. — и это после всего, что между нами было?

— Верник, заткнитесь! — заревел тангир Стшарсси, — между нами ничего не было!

— Как это не было? — разошлась не на шутку, — я на вас налетела в дверях столовой, вы же не будете это отрицать?

— Не буду, — опешил тентуриец.

— Я перед вами извинилась? — он кивнул, — мои извинения не были приняты? — тангир завис, — они не были приняты! И поэтому я здесь!

— Я принимаю ваши извинения, кадет Верник! — заорал на меня страдалец, держась за пострадавшую пятую точку, — довольны?

— То есть сейчас, вы при свидетеле, — я ткнула пальцем во всуня, — говорите, что наш инцидент в столовой исчерпан и мои извинения приняты?

— Да! — рявкнул взбешенный тангир.

— И вы не станете мне всячески мстить и преследовать? — гнула свою линию я.

— Не стану! — сверкая глазами, выкрикнула жертва приворота.

— Вы это слышали? — уставилась я на ошарашенного влаппи и, дождавшись его кивка, продолжила, — свидетелем будете!

— Кадет, — глядя на меня, устало сказал Шенг Стшарсси, — может вы уже покинете мой отсек?

— С удовольствием, тангир, — улыбнулась ему в ответ. Сделав вид, что обронила нужную вещь, я незаметно подобрала прозрачную емкость от зелья и жучка, — только фаэра Куси-бао заберу.

В глазах влаппи сверкнули надежда, облегчение и дикая, нечеловеческая благодарность.

— Неееет, — возразил тентуриец, — малыш останется здесь!

— Не знаю кого вы там малышом называете и соответствуют ли его размеры этому слову, но всунь Куси-бао находится на службе и в данный момент его по всей Академии разыскивает начальство!

— Кто его разыскивает? — зло сощурился тангир.

— Легар Сорг, — не моргнув, вдохновенно соврала я, а тентуриец сдулся, как-то сразу обмяк и хотел снова опуститься больной точкой на диван.

— Стоять! — пришлось мне рыкнуть на незадачливого Казанову, — и еще, тангир Стшарсси, обратитесь за квалифицированной медицинской помощью. Сами! Потому что в противном случае, я пойду с вами и расскажу свое видение ситуации.

— Вы мне угрожаете? — прошипел злой как демон тентуриец.

— Предупреждаю, — не дрогнула я и, вытолкав вперед себя огромную тушу всуня, нажал на панели команду автоматического закрытия дверей.

Оказавшись в коридоре, мы оба привалились к стене, судорожно переводя дыхание.

— Что это сейчас было? — прохрипел влаппи.

— Домогательство, — невинно пояснила непонятливому гиганту, — я вас только что спасла от изнасилования вышестоящим сексуальным маньяком!

— Я смог бы с ним справиться! — самодовольно заявил всунь, но, посмотрев на мою скептическую ухмылку, заткнулся.

— Вот скажите мне, уважаемый фаэр, Куси бао, что для влаппи дороже своя жизнь или честь клана?

— Честь клана! — гордо ответил он.

— За прелюбодеяние с женщиной вас ожидала бы всего лишь смерть, а не выполнив прямой приказ командира — вы навлекли бы бесчестье на весь ваш клан. Так-то.

— И что мне делать? — озадаченно произнес гигант, — вдруг он опять?

— Я думаю, у него эта блажь скоро пройдет. Тентурийцы такие не постоянные. Он же ранее не проявлял к вам интереса?

— Нет, — пророкотал Куси-бао.

— Ну вот видите! Значит, я права, — подхватив его под локоть, повела вдоль по коридору к следующей части нашего плана, по дороге объясняя прописные истины,

— но вы можете объяснить ситуацию главе своего клана и попросить у него совета.

Сразу за поворотом мы столкнулись с обеспокоенным Стасом.

— Кадееет, — зло прошипел влаппи.

— Слава Богу, с вами все в порядке! — невинно похлопал серыми глазищами Погодин, — а я так переживал! Так переживал! Сразу понял, что дело там не чисто! Даже вон Верник к вам на выручку послал.

— Это правда? — всунь перевел взгляд на меня.

— Не совсем, — улыбнулась я, — план по вашему спасению мы разработали втроем. Точнее, Стас нам сообщил о вашем тяжелом положении, другой кадет все спланировал, а я всего лишь воплотила задуманное в жизнь.

— И кто же мой третий спаситель? — поинтересовался Куси-бао.

— Кадет Селедкин, — сообщил Стас.

— Это недоразумение с дефектом речи? — влаппи скривил лицо от отвращения.

— На Земле заикание не порицается, — пришлось объяснить мне, — а сегодня, этот скромный герой спас честь всего вашего клана!

— Да, — согласился всунь, — вы правы. Придется мне к нему присмотреться и если не изменить о нем мнение, то, по крайней мере, не заострять внимание. И как вы его терпите...

— Он наш друг, — просто ответил Погодин.

— Кадеты, благодарю за службу! — провозгласил Куси-бао.

— Рады стараться! — хором ответили мы, вытянувшись по струнке.

— Вольно, — усмехнулся довольный влаппи, — ну, а теперь пора, меня ждет начальство.

— Тут такое дело... — начал Стас.

— Что случилось? — нахмурился гигант.

— Никто вас не ждет, — созналась я.

— Как это? — недоумевал всунь.

— Мне пришлось соврать, чтобы вырвать вас из похотливых лап тентурийского маньяка, — говорила, а сама едва сдерживала смех.

— Ну... — видимо, там под лысой черепушкой сейчас шел нешуточный мыслительный

процесс, — тогда вы поступили верно, но впредь, постарайтесь избегать лжи, кадет!

— Приложу все усилия, — заверила я гиганта.

— Странная вы раса — земляне. Странная. Вы опасны своей непредсказуемостью. Ваше мышление сродни вирусу в программном обеспечении, — вдруг выдал он и, кивнув нам на прощанье, скрылся за очередным поворотом.

Минуту мы со Стасом молча смотрели друг на друга, а потом...

— Получилось! — заорал Погодин и закружил, подхватив на руки.

Окрыленные своей победой, уставшие, но довольные мы возвращались в свои отсеки. Время было уже позднее, и совсем недолго, если верить местному расписанию, оставалось до сигнала отбоя.

— Как же жрать-то хочется! — простонал Стас, открывая их с Жоркой отсек.

— Иии зря... иии зря... — подал голос молчаливый Селедкин.

— И ничего не зря! — обиделся Погодин.

— Иииииизрядно хочется, — закончил Жорик, как всегда, не обращая никакого внимания на шутки Стасика.

— Скорее бы утро и завтрак, — на лице Хуньки было такое мечтательное выражение, словно речь шла о романтических чувствах, а не о банальной котлете.

— Сначала утреннюю тренировку пережить надо, — отозвался Стас, — что-то мне подсказывает, всунь мужик суровый, знатно погоняет.

В ответ ему раздалась три наших слаженных стопа. Никто не возражал, все были уверены в правоте Погодина. А меня вдруг осенило...

— Верник, чего застыла-то? — обернулась Хунька, заметив, что я за ней не иду.

— Да, деда предупредить надо. Все-таки мы и его впутали в нашу аферу.

— Сорг вроде мужик понятливый, — зевнула подруга, прикрыв рот ладошкой, — пошли спать, Алька. Вряд ли у него кто-то ночью допытываться станет вызывал он к себе всуня или нет.

— Так нельзя, — продолжала упираться я, — его нужно предупредить.

— И что? Ты к нему ночью попрешься? Заодно и спокойной ночи пожелать? — огрызнулась подруга, — а вдруг у него там жизнь личная?

— Ох, Хуня! Тебе нужно поскорее Феокла из багажа забрать, а то без него у тебя характер портится.

— Характер у меня всегда не сахарный, — самокритично возразила она, — но есть в нем что-то положительное, определено. Ведь за что-то вы меня любите.

— Любят не за что-то, а вопреки, — усмехнулась в ответ, — жди меня, я скоро!

— Так и знай, Верник! Вернешься после полуночи — домой не пушу! — добродушно поворчала подруга.

— Я своим ключом открою! — крикнула ей уже изрядно отойдя в сторону лифта.

Отсек Белиготара Сорга находился все на том же злосчастном преподавательском этаже. Мимо двери тентурийца я пробиралась на цыпочках, тихо-тихо, как мышка. Уже свернув за угол, перевела дыхание, прислонившись к стене. Из соседнего коридора вышел высокий мужчина эленмарец. Одет он был в форму, отличающуюся от обычного обмундирования ВЗА, но нашивки на ней — тангирские. Ого! Старший офицер — серьезная шишка.

— Что здесь делают хорошенькие курсанточки невиданной масти в столь поздний час? — спросил незнакомец.

Если голосом можно облизать с головы до пят, то именно это он и сделал, заставляя мои ноги задрожать. Горячая волна огромным цунами омыла все тело. Сердце отстукивало зажигательные ритмы, а я все же решилась поднять глаза на офицера. Ну что сказать? Хорош? Прекрасен? Великолепен? Каждое из этих слов не подходит и звучит как-то избито,

отражая реальность лишь на определенную долю. Мужчина был сном, фантастикой, сокровенной мечтой, девичьими грезами наяву. Высок, строен, широк в плечах. Форма подчеркивала все достоинства мужской фигуры, да и не имелось там недостатков, вот совсем — не имелось! Этот офицер в форме смотрелся просто как сладкая конфета в золотом фантике, вызывая эйфорию и обильное слюноотделение. Светлые, как у всех эленмарцев волосы, собраны в хвост. В глазах, цвета нишапурской бирюзы, с золотыми искорками можно утонуть. И я бы утонула, если бы красивые губы незнакомца не искривила скептическая ухмылка.

— Птенчик потерял голосок? — промурлыкал эленмарец, подойдя ближе.

И этот его саркастический тон заставил очнуться. Стыдно то как, уставилась на незнакомца, рот раскрыла, да еще и сказать ни слова не могу!

— Не думала, что нужно отчитываться, каждому встречному офицеру! — смирив его грозным взглядом.

— Оу, у птенчика прорезался голосок, — продолжал издеваться блондин.

— Прекратите называть меня вашими... вашими... — от злости нужное слово никак не находилось, — словечками!

— Уменьшительными... — незнакомец подошел еще ближе и теперь стоял почти вплотную ко мне. Чтобы взглянуть в его лицо мне понадобилось бы поднять голову, — ласкательными... у меня так много этих слов в запасе, малышка. И все они будут твои, если захочешь.

— Не захочу! — мне пришлось оттолкнуть блондина с дороги, — и, вообще, я спешу!

— Куда же ты, птенчик? Ведь мы еще даже не познакомились! — воскликнул мужчина, но я уже быстрым шагом удалялась от него.

Нет, ну это же надо! Мне что Истархова мало? Я теперь по всему космосу приключения на пятую точку собирать буду? Развесила уши, как наивная девчонка! А ведь мне понравился этот эленмарец, очень... Но вспоминая о каком-то таинственном зове и сцене с тентурийкой и Фингормом в главных ролях, подпускать блондина ближе не хотелось. Академия большая, если когда и пересечемся — полюбуюсь им на расстоянии.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Злясь на себя за свою слабость, я неслась по коридорам преподавательского этажа, внимательно рассматривая номера отсеков.

— Быстро же ты бегаешь, птенчик! — О, нет! Блондинистое «искушение» шагало как ни в чем не бывало рядом, принаравливаясь под мой шаг.

— Вы что меня преследуете? — в отчаянии прошипела я.

— Ну почему же, — мурлыкнул в ответ офицер, — просто в этой жизни нам по пути.

— Сомневаюсь! — не сдержалась я и с облегчением увидела нужную цифру.

— Так как зовут таинственную незнакомку неизвестной мне расы? — улыбнулся «леденец в привлекательном фантике», и так улыбнулся, что у меня земля из под ног ушла... ну, не земля — пол, но не в этом же дело.

— Никак! — знакомиться я категорически не желала. Не хочется стать очередным экспонатом в коллекции эленмарца.

— Никак — это неподходящее имя для красивой девушки, — мужчина остановился рядом со мной у отсека легара, — думаю, тебя по-другому зовут, как-то мягко и очень нежно. Я угадал?

Закатив от возмущения глаза, я дотронулась до входной панели.

— По какому вопросу? — раздался голос автоматического привратника.

— Кадет Верник к легару Соргу! — отрапортовала я, а потом, покосившись на ухмыляющегося белобрысого, тихо добавила, — по личному вопросу.

Ухмылку с лица незнакомца как ветром сдуло. Его глаза хищно сузились и в них отразилось разочарование и злость. Такие явные перемены меня несколько озадачили.

— К легару Соргу значит! Верник! По личному вопросу... — выдавил из себя эленмарец с такой яростью, словно гнев душил его изнутри.

— Вам-то что за дело? — пожала плечами в ответ, ожидая, когда откроются двери.

— Теперь уже никакого, — выплюнул офицер и тоже приложил ладонь ко входной панели, — Дарин Элвэ к легару Соргу по приглашению — сказал он привратнику и дверь открылась.

Отсек деда мало чем отличался от его каюты на «Этилгейле». Войдя, мы оказались в уютной гостиной из которой вели две двери. Белиготар Сорг вышел, видимо, из спальни, на ходу застегивая форменную куртку.

— Аля? Что-нибудь случилось? — обеспокоенно спросил он.

— Мне очень нужно с вами поговорить, легар, — откликнулась я.

— Ну, хорошо. Располагайся, я скоро освобожусь, — Сорг жестом пригласил моего неожиданного провожатого в кабинет, — рад, что ты откликнулся на мое приглашение, Дарин.

— Откликнулся — это еще не принял предложенного, — ухмыльнулось «мое персональное искушение», презрительно окинув меня взглядом. Да и пожалуйста! Чем дальше от меня держится белобрысый, тем спокойнее.

Мужчины прошли в соседнее помещение и двери автоматически закрылись, отсекая меня от них, а я присела на один их мягких диванчиков. Сидела и послушно ждала... Долго! Секунд двадцать! Чертовски хотелось узнать о чем дед говорит с этим эленмарским красавчиком. Сюда бы Чарли... Ну, когда нет жучка, есть обычные житейские хитрости. На полочке стояла небольшая ваза с широким и ровным горлышком. Вот ее то мне и надо! А переборки здесь тонкие, должно сработать.

Осторожно подкравшись к дверям, аккуратно приложила свой примитивный слуховой аппарат. А что мне оставалось делать? Если не подслушаю, то просто умру от любопытства. Сначала было тихо и я уже подумала, что фокус с вазочкой не удался, а потом услышала голос белобрысого. Хоть и слабенько слышно, но слова вполне разобрать можно.

— Вижу энвина еще не подобрала тебе связавшую, — говорил Дарин.

— Фаэра Яванна мудрая женщина, — отозвался дед, — да и нет в этом необходимости. Я давно перешагнул критический возрастной рубеж. Как видишь, жив-здоров и разум не покинул меня.

— Это-то как раз и странно, Тар, — казалось собеседник моего родственника о чем-то серьезно задумался, — никогда прежде среди мужчин эленмарцев такого не случалось. Критический возраст сто лет, а потом либо у тебя появляется связанная, либо сумасшествие и смерть. Это неизбежно. Так отчего с тобою, друг, все по- другому? Может в твоём сердце уже царит женщина, связавшая тебя?

— Да, мое сердце уже давно принадлежит одной замечательной женщине, Дарин. Я весь принадлежу ей, без остатка, — голос Сорга был печален.

— Ты провел тайный обряд объединения судеб? — спросил «мой леденец».

— Нет, — дед ответил, а потом на некоторое время стало тихо. Я уже начала

волноваться, но беседа продолжилась, — когда-то мне пришлось покинуть ее на очень длительный срок и лишь недавно судьба снова свела нас вместе.

— Где ты успел познакомиться с достойной эленмарской фазрой, если совсем не бываешь на планете?

— Она не эленмарка, Дарин, — и снова наступила тишина, заставившая меня от нетерпения переступать с ноги на ногу.

— Уж не тот ли это птенчик, что в нетерпении ерзает сейчас своей красивой попкой по твоему дивану? Верник, кажется? Аля? — я так и представила, как ехидная усмешка искривила красивые губы этого... этого... Да, как он смеет, вообще, про меня такое думать!

— Не смей говорить об Але в таком тоне! — вступился за мою честь новый родственник и я его еще больше зауважала, — это не она, но Аля дорога мне, очень!

— Хорошо же ты устроился, Тар, — послышался голос, который так и сочился ядом, — и связавшая у тебя где-то есть, и малышке голову морочишь, не отпуская от себя... Эта Верник хоть в курсе, что у нее нет ни единого шанса?

— О чем ты, Дарин? — озадаченно спросил Сорг, — уж не намекаешь ли ты...

— Я не намекаю, Белиготар! Я тебе прямо говорю — оставь девочку в покое!

Вот оно как. У меня там за стенкой целых два рыцаря, а я тут вынуждена с вазой в руках прозябать. Ну где справедливость-то?

— Наши с Алей отношения, тебя не касаются, Дарин. Это не только моя тайна, поэтому ничего ты больше не узнаешь, — легар говорил чеканя каждое слово, — и, вообще, приглашал я тебя совсем не за тем, чтобы обсуждать мою личную жизнь.

— Ну мою личную жизнь обсуждать неинтересно, — собеседник легара невесело рассмеялся, — мне вряд ли так повезет, как тебе, Тар.

— Ты еще слишком молод, Дарин, — голос Сорга наполнился теплотой и звучал как-то по-отечески назидательно, — возможно, тебе повезет и ты найдешь связавшую с которой объединение судеб произойдет не только в храме.

— Молод? — удивился мой провожатый, — Тар, до критического возраста мне осталось каких-то двадцать лет. Двадцать лет и для меня все будет кончено. А что такое двадцать лет в нашей долгой жизни? Ты же знаешь, женщин с каждым поколением все меньше. И чем их меньше, тем более деспотичными собственницами они становятся.

— Страх перед полным вымиранием расы делает их такими. Женщины изначально слабее нас, они больше подвержены панике.

— Я согласен признать их слабость, но ничто не оправдывает такого поведения, Тар! — воскликнул Дарин, — Ты давно не был дома. Они пользуются безвыходным положением мужчин, связи давно перестали быть таинством, превратившись в торговые сделки между родами. Противно...

— Не все такие, — возразил дед.

— Фазра Яванна не такая, да, — согласился «леденец», — может среди женщин и есть те, кто не оправдывает существующее положение дел, но вряд ли у кого-то хватит влияния открыто выступить против кучки самых знатных родов. Даже твоя энвина держит нейтралитет, хотя род Сорг в прошлом был одним из самых могущественных.

— Мы еще напомним о себе, — ответил легар.

— Как, друг? Не тешь пустые надежды. В вашем роду нет женщин, а значит нет и надежды вернуть былой статус.

— И все же, надежда есть всегда. Но вернемся к тому, зачем я тебя пригласил, Дарин.

— Опять будешь предлагать мне разобраться с кораблями апаньяр? — услышав такое, я наострила уши и затаила дыхание, — Брось, Тар! Это пустая затея. Корабли нашли задолго до моего рождения и никто, повторяю, никто не смог разобраться с их управлением.

— Да, корабли нашли сто двадцать четыре года назад на Тентуре. Их исследовали самые выдающиеся умы Коалиции, но не добились ничего. Даже внутрь попасть не смогли. Если бы я верил в чудеса, то сказал, что апаньяр поставили магическую защиту.

— Это смешно, Тар, — отозвался провожатый, — ученые бились над разгадкой сто лет и опустили руки, а ты предлагаешь сделать это мне?

— Дарин, я знаю на что ты способен! — прервал его легар, — ты подмечаешь такие детали, которые до тебя не замечал никто. Поэтому именно тебе я предлагаю руководство новым экспериментальным курсом. Восемьдесят представителей различных рас, прошедшие тесты, указанные в расшифрованных записях апаньяр, уже прибыли в ВЗА и готовы приступить к обучению. Пока общим предметам, но у меня есть предчувствие, что загадка кораблей вот-вот будет разгадана.

— А кадет Аля Верник тоже в числе этих восьмидесяти? — ехидно вставил «мой леденец».

— Да, — на автомате отозвался дед, — а почему тебя так интересует моя... — легар осекся и замолчал, чуть не выдав наш секрет.

— Меня не интересует ТВОЯ, Тар! Я, вообще, не слежу за наполненностью чужих кроватей, — меня аж передернуло от злости. Ах, негодяй! Он уже все надумал и сделал выводы, не попытавшись узнать правды! Хочешь верить в то, что я любовница легара! Да, верь себе, леденец облезлый! Даже не стану тебя разубеждать!

— Ты сейчас не прав, Дарин, — мягко осадил его Сорг.

— Твоя Верник меня интересует лишь потому, что встречаться с представителями ее расы мне еще не приходилось.

— Это земляне. Земля только вошла в состав Коалиции и мы мало о них знаем...

— Уверен, что уж ты то изучил землянок со всех сторон! — перебило белобрысое исчадье.

— Дарин! — окрик деда заставил его замолчать, — ты во второй раз оскорбляешь Алю! Я могу забыть, что ты близкий родич третьего связанного моей энвины и вызову тебя на поединок, хотя шансов против меня у тебя не будет еще лет пятьдесят!

— Извини, Тар, — тихо отозвался Дарин, — сам не знаю, что со мной происходит. Как только речь заходит об этом птенце, грубые слова сами срываются с языка. Обещаю, этого больше не повторится.

— Так ты согласен возглавить экспериментальный факультет? — гнул свою линию легар.

— Согласен, — вздохнул Дарин.

— Тогда, добро пожаловать в ВЗА. В должность вступаете завтра, тангир Элвэ, распоряжение о вселении на преподавательский этаж я уже отослал, а всю информацию по проекту отправил тебе на комм. Комендант покажет твой отсек.

Кажется, разговор был окончен. Я отпрыгнула от двери, спешно взгромоздив вазу на место. Подбежав к дивану, приняла расслабленную позу и попыталась изобразить невинный вид. Двери раскрылись и мужчины вышли в гостиную.

— Всего хорошего, — процедил «леденец».

— Спокойной ночи, тангир, — отозвался дед уже не смотря не него, а все внимание

переключая на меня, — извини, что так долго получилось, Аля.

— Да, ничего страшного, — я улыбнулась деду, стараясь чтобы это выглядело тепло и нежно. Судя по тому, как на выходе скривилось лицо Дарина, мне это определенно удалось.

— Так что же произошло? — дед устроился в соседнем кресле, закинув ногу на ногу.

— Понимаете... — начала я, рассказывая о домогательстве тентурийца и моем нежелании вмешивать легара в этот небольшой инцидент.

— Рад, что в тяжелую минуту, ты все же допуская мысль обратиться ко мне за помощью и поддержкой, — усмехнулся он.

— В самом крайнем случае, легар Сорг, — дедом я его все еще называла только мысленно, вслух произнести не отваживалась, — взрослый человек должен сам находить выход из сложившихся ситуаций и бороться с жизненными трудностями.

— Взрослый человек — несомненно, но ты же еще птенец совсем, — улыбнулся мой родственник, — гарантирую, тебе еще не начал сниться твой лайвелл. Хотя... может он и не будет тебе сниться, ведь ты лишь на небольшую часть эленмарка.

— Кто такой лайвелл? — подняло голову мое любопытство.

— Зверь, летающий на крыльях в облаках, — отозвался дед.

— Зверь? Может птица? — погрешила я на сложности перевода.

— Если проводить аналогию с Землей, это скорее большая кошка с крыльями, но для эленмарцев — символичное и легендарное животное. Рождается эленмарец — рождается его лайвелл, они и умирают вместе, словно связанные одной нитью судьбы. Когда птенцу исполняется двадцать пять, лайвелл приходит к нему во снах и только после заочного знакомства они встречаются и совершают свой первый полет. Полет и эленмарец не делимы, Аля. Нас всегда тянет в небо, в космос... Нам жизненно необходимо ощущать ту свободу, что дарует отрыв от поверхности. Миг и ты паришь над всеми, над проблемами, людьми, над суетностью бытия... Это непередаваемое ощущение. Правда, в последнее время лайвеллы также редки, как сами эленмарцы. А женщины нашего рода давно не грезят полетами, предпочитая ходить, но мужчины все еще летают, если зверь выберет их. Правда и мужчин лайвеллы выбирают все реже.

— А у тебя есть свой лайвелл? — выдохнула я, боясь нарушить волшебство и очарование момента.

— У меня есть, — кивнул легар, — правда я давно не был дома... Но уверен — он меня ждет.

— Потрясающе... — рассказ деду, воспринимался, как ожившая сказка. Вот откуда моя тяга к полетам, к небесам, стремление оторваться и парить. Я то думала мечта, а это эленмарские гены наследили, — а у меня тоже будет свой лайвелл?

— Не знаю, Аленька, — улыбнулся Сорг, похлопав меня по руке, — хотя я чувствую в тебе мою кровь, но ты больше все же землянка, чем эленмарка. И это прекрасно, девочка моя. Так когда тебе исполняется двадцать пять?

— Через неделю по земному календарю, — ответила я.

— Вот через неделю и посмотрим, — лукаво подмигнул мне дед, — нам еще о стольком нужно поговорить, Аля. Но сейчас время позднее, а тебе завтра рано вставать. Жизнь в ВЗА начинается рано. Я бы хотел выслушать твой рассказ о тангире Стшарсси до конца, если ты не передумала рассказывать.

— Нет, не передумала. Только дай слово, что все рассказанное останется между нами, — мне было все легче и легче общаться с этим эленмарцем. Похоже я приняла его

всем сердцем.

— Даю, — серьезно ответил легар, глядя мне прямо в глаза, — я не предаю тебя, птенчик, никогда не предаю. В этом ты можешь быть уверена.

И я продолжила рассказ о заикающемся Жорке, о влаппи, который наметил себе жертву... о случайно- оказавшемся в багаже приворотном зелье и...

Рассказывая, внимание сфокусировала лишь на рассказе, рассматривая картины на стенах отсека легара. Отвлекли меня странные всхлипывающие звуки. Я перевела взгляд на деда. Он смеялся, утирая выступившие слезы рукавом форменной куртки.

— Ну земляне, — едва смог проговорить легар, когда отдышался, — чувствую хлебом мы еще с вами горю. Это же надо... влаппи и Стшарсси...

И гостиную огласил громкий хохот. Смеялся эленмарец так заразительно, что и я не удержалась, присоединившись к веселью.

— И сколько мой тангир будет вздыхать по всую? — спросил дед, потирая переносицу.

— Примерно неделю, — невинно отозвалась я, — но это было сделано во благо! Исключительно в воспитательных целях.

— Вообще, это дело офицеров воспитывать курсантов, а не наоборот, — возразил легар, лукаво посмотрев на меня.

— Ну ты что, хотел, чтобы я покорно приняла его непристойное предложение? — пришлось скорчить обиженную рожицу.

— Женщины рода Сорг неприкосновенны, — как-то торжественно произнес мой родственник, — любое действие, совершенное для твоей безопасности я считаю правомерным и оправданным. Но ваши методы... Они... Они...

Легар вновь рассмеялся. Сквозь приступы неудержимого хохота проскальзывало:

— Малыш... мелкий засранец... это не то, что вы подумали... ну земляне...

— То есть я могу рассчитывать, что ты меня поддержишь? — спросила напрямик, когда очередная волна веселья схлынула.

— Всегда, — утвердительно кивнул дед и тут же хитро прищурился, — скажи, Аля, а фокус с приклеиванием моего офицера к дивану кают-компаний это тоже ваших рук дело?

— Не понимаю, о чем ты? — сделала честное лицо я, а он... он понимающе кивнул, ухмыльнулся и больше не стал задавать вопросов. Вот чувствую — наш человек этот эленмарец. Ему просто драйва в жизни не хватало, пока я не прилетела.

— Беги, птенчик, скоро сигнал отбоя, — напоследок сказал легар, — заходи ко мне почаще, даже просто так. Я всегда счастлив тебя видеть.

— Зайду, — усмехнулась в ответ и попыталась испугать, — еще просить будешь, чтобы перестала сюда таскаться.

— Не буду. Мой дом — это твой дом, птенчик.

Спалось на новом месте сладко, но как-то мало. Разбудил резкий пронзительный свист, заставивший подскочить на кровати. Это что, сигнал подъема такой? Да это же вой возмущенной тетки, плавно переходящий в ультразвук, смерть барабанным перепонкам. Всклобоченная, заспанная Хунька взирала на меня испуганными желтыми глазищами с соседней кровати.

— Верник! — хриплым спросонок голосом проскрипела она, — это что война и мы все умрем?

— Нет, подруга, — отозвалась я не менее жизнерадостным голосом, — это они нам так радоваться новому дню предлагают.

— Каждое такое доброе утро я не вынесу, — простонала Хуня, зарываясь в подушку, — нужно попросить Жорку отключить этот звук в отсеке.

— И как вставать будем? — поинтересовалась я.

— Феклушу заведем... — отозвалась она.

— Нет, уж. Сама заводи своего Феклушу. Я в твоём механическом разврате не участвую! Так и знай!

— Дура ты Алька, — обиделась подруга, — я тебе про будильник говорила а не...

— Вставай! — скинула одеяло с недовольной Хуньки, — до утренней тренировки пятнадцать минут.

— Сейчас кто-то в лоб схлопочет! — пыхтя, она медленно стала сползать с кровати.

— Догони сначала! — показав ей язык, заняла санблок.

— Верник, так не честно, — взывала к моей совести Хунька, — я так опоздаю!

— Кто рано встает у того и вишенка на торте, — сказала, освобождая ей проход к умывальнику.

Через десять минут, переодетые в спортивную форму, мы уже неслись к лифту, чтобы телепортироваться на крытый стадион, где должна была состояться утренняя тренировка. Переместившись в нужный нам сектор, отыскиали своих. И тут со всех сторон слышалось восхищенное:

— Ооооооо! Ааааааа! Ничего себе!

Лично меня это чрезвычайно насторожило и я завертела головой в поисках объекта, вызвавшего такую реакцию. Оказалось, что таких объектов четыре — мы с Хунькой и две девушки-землянки с Европы. Надо сказать, что на Земле для удобства курсантов, спортивная форма состояла из эластичных шортов до колена и футболки. Девушки вместо футболки, как правило, носили короткие топы. И вот сейчас на то, что дома было нормальным и обыденным, взирал весь стадион восхищенно улюлюкая. Я перевела взгляд на других девушек, они были одеты в просторные синие штанишки и такие же курточки. Да, попали! Почувствовала, как от стыда начинают гореть щеки.

— Алька, не смей! Не смей краснеть! — прошипела Хунька, — во-первых, нам еще не выдали форму, а во-вторых пусть у них глаза от восхищения лопнут! Оглянись вокруг, на кого им еще смотреть, как не на нас.

— Зря ты, Хунь, — поборов смущение, отозвалась я, — есть вполне симпатичные девушки. Возьми хоть нашу соседку Анвен.

— Брат у нее симпатичный, — парировала подруга, — и она могла бы быть милашкой,

но кривится все время, будто ей под носом совсем не Жоркиным медом намазали.

В этот момент вперед вышел наш многострадальный всунь, окинул нас грозным взглядом, остановился на черно-белой стайке землян и скомандовал.

— Мужчины восемь кругов вокруг стадиона, женщины — пять.

Надо отметить, выглядел он неплохо, бодро, по-армейски аккуратно и ничего в его внешности не выдавало вчерашнего конфуза. Мы сорвались с места и побежали вдоль стадионной полосы, наблюдая, как курсанты других факультетов выполняют упражнения под руководством своих всуней. Я уже знала, подслушав разговор деда, что наш экспериментальный курс состоял из восьмидесяти человек, двенадцать из которых были земляне. Стас и Жорка бежали рядом с нами, такие же, как мы, не выпавшиеся и недовольные. Остальные однокурсники также придерживались своих четверок. Я внимательно рассматривала тех, с кем нам предстояло обучаться три года. Большинство составляли тентурийцы, четыре эленмарца, несколько астерийцев, четверка мужчин-ксури, восемь варгов — вот, пожалуй, и все. Но была одна четверка, которая привлекла мое внимание, так как выбивалась из общей массы курсантов. Она была женской и состояла из представительниц разных рас. В нее входили две ксури, нежно посматривающие друг на друга, во лбу каждой сияла желтая звездочка с красной серединкой. Такого обозначения в бабушкином файле я не встречала. А еще в эту четверку входили наши с Хуней соседки — астерийка Айа Като и эленмарка Анвен Беллим. Братца эльфийки в наших рядах не было. Вообще, на нашем курсе девушек оказалось не очень много, но на стадионе занимались группы состоящие сплошь из одних женщин.

К концу четвертого круга дыхание начало потихонечку сбиваться. Мы с ребятами искренне возрадовались минимализму нашей формы, хотя мужчины держались лучше. На пятом круге легкие уже горели огнем, но я упорно заставляла себя двигаться вперед.

— Пристрелите меня, — выла рядом подруга.

— Нам ху... нам ху... — пытел рядом Жорка.

— Вот именно, — влез как всегда Стасик, — они то сейчас отбегаются а нам еще три круга.

— На-а-ам хуже, чем вам, — закончил свою мысль Селедкин.

А я... Я приосанилась, выровняла спину и побежала так грациозно, как только могла с дрожащими коленями и горевшими огнем легкими, потому что в этот момент к нашему всуню подошел никто иной, как упакованный уже в форму ВЗА «леденец». Куси-бао вытянулся по стойке «смирно» и что-то отрапортовал ему, тот лишь махнул рукой в ответ. Взгляд бирюзовых глаз был прикован... в общем, на меня смотрел этот гад! На меня! А я долго так не смогу, мне язык на плечо закинуть хочется, и плечи ссутулить и попу отклячить, а еще эта форма, оставляющая открытыми живот и ноги... А он глаз не сводит, смотрит... А я бегу... задыхаюсь, но бегу, как ни в чем не бывало. Ну и пусть себе смотрит! До финиша оставалось совсем немного и я, гордо задрав голову, резвой ланью устреилась к желанной черте, но... В самый неподходящий момент ноги заплелись и я рухнула на беговую дорожку, сильно поцарапав колено. От резкой боли на глазах навернулись слезы, но не колено меня беспокоило, хотя держалась я за него. Представляю, как сейчас смеется надо мной этот «сладенький леденец в форменной обертке», а я вся такая потная, несчастная, лохматая, с раскрасневшимися щеками лежу практически у его ног и встать не могу. Позор какой!

— Алька! — услышала я дружный вскрик Стаса и Хуньки но первым рядом оказался

этот... тангир эленмарский.

— Продолжать упражнение! — скомандовал он ребятам, — Кадет Верник, вы в порядке? — его крупная ладонь уже осторожно ощупывает мое колено и голос, вроде, не насмешливый, а взволнованный.

Набравшись храбрости, поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом. Точно, смотрит внимательно, не скрывая беспокойства и тревоги, а на бирюзовой радужке вспыхивают золотые искорки. Ну, да. Ты же теперь начальство и отвечаешь за целостность личного состава. Каждая ссадина, каждая царапина — пятно на твоей репутации, «леденец».

— Все в порядке, — тихо говорю я, тщетно пытаюсь подняться.

Подлетают Жорка и Стас, пытаюсь мне помочь.

— Я тут сам справлюсь! Курсантом отдан приказ — продолжать движение! Что не ясно? — слышится громкий голос эленмарца, а меня подхватывают на руки и несут до скамеечек, стоящих неподалеку. Бережно опустив меня на лавку, тангир обратился к стоящему рядом влаппи, — всунь Куси-бао, принесите аптечку!

При употреблении звания всунь с его именем, после слов Стаса о двояком значении этой фразы на земном языке, Куси бао посмотрел на меня и смущенно потупился. Я едва сдержала улыбку, ущипнув себя за бедро.

— Мне еще долго ждать, всунь? — спросил «леденец» сидящий передо мной на корточках и внимательно осматривающий небольшую ранку, — мне нужен заживляющий пластырь, немедленно. Кажется, больше никаких серьезных повреждений нет.

Бедный всунь кивнул и поспешил исполнить приказ вышестоящего начальства.

— Как же ты так умудрилась, Аля? — тихо спросило белобрысое искушение и нежно погладило кончиками пальцев мое колено.

«Не смей!» — хотелось закричать мне, потому что и без его поглаживаний мое дыхание сбилось, при чем вовсе не от бега, а сердце застучало в ускоренном ритме. Ну почему я на него реагирую, словно на вирус гриппа!

— Ничего страшного, — пришлось выдавить из себя улыбку, — просто споткнулась. Спасибо вам, тангир Элвэ, за помощь. Дальше я сама могу о себе позаботиться.

Видимо, «леденец» хотел еще что-то мне сказать, но в этот момент рядом плюхнулась запыхавшаяся Хунька и ему пришлось обойтись нейтральным:

— Я закончу то, что начал.

— Алька, как же тебя угораздило? — обеспокоенно воскликнула подруга, когда отдышалась и перевела дыхание, — нужно же смотреть под ноги, а не на инопланетных красавцев! Понимаю, как велик здесь выбор для нас, свободных женщин! Сама чуть шею не свернула! Но не все же сразу, присматривайся постепенно.

Мне хотелось завывать от отчаянья. Сжав зубы, метнула на подругу гневный взгляд. Лучше бы ты и дальше не могла отдышаться, Хунечка!!! Лицо «леденца» вмиг стало жестким и злым, он прищурил глаза, а губы искривил в презрительной, надменной усмешке и пальцы с моего колена убрал. Скорее даже одернул, как от прокаженной. А Фархунда, не заметив нашей реакции продолжила:

— Хотя, если бы я точно знала, что меня будет носить на руках такой красавчик, сама бы грохнулась, — и она кокетливо похлопала ресницами, томно взирая на тангира.

— Как вы позволяете себе разговаривать с офицером, курсант! — белобрысый рявкнул на Хуньку так, что мы обе подскочили, вытянувшись в струнку. Разбитая коленка саднила и кровь предательской струйкой потекла на голень. Тангир как-то растерянно посмотрел на

красную дорожку, оставленную стекающей каплей на моей коже и пыл его угас.

— Сядьте, Верник, — устало отмахнулся он, — а вы, курсант, — обратился уже к Хуньке, — запомните, для всех вас я тангир Элвэ. Доходчиво?

— Более чем... — выдохнула, побледневшая Хунька, — разрешите сесть, тангир Элвэ!

— Садитесь! — не стал возражать эленмарец.

Подошел всунь с аптечкой и стерев с моей ноги кровь, «леденец» бережно наклеил на ранку заживляющий пластырь, чуть дольше, чем нужно задержав на коленке руки. Когда он их, наконец, убрал, я выдохнула от облегчения.

— Благодарю за оказанную помощь, тангир Элвэ! — громко по-армейски поблагодарила я, а он поморщился. Что ему не понравилось? Сам же сказал так его называть, хотя я бы предпочла мил... Да, никак бы не предпочла! Пусть держится подальше, исчадье белобрысое!

А дальше случилась неожиданность. Вспыхнул лифтовый переход и Куси-бао нервно поежился, заставив нас с Хунькой обернуться. В нашу сторону направлялся тангир Стшарсси собственной персоной. Его форма прибывала в идеальном порядке, все металлические нашивки блестели, сапоги были настолько начищены, что сияли при каждом шаге, а в руках... в руках тентуриец держал пышный букет диковинных цветов, мне таких и видеть-то не приходилось. Куси-бао, при виде нарядного тангира и флоры в его руках, сменил черный цвет кожи на бледно сероватый и малодушно спрятался за спину «леденца». Я поймала насмешливый Хунькин взгляд и душа не выдержала — мы обе хором сдавленно хихикнули, вызвав удивленный взгляд эленмарца.

— Ой, ну комедия... — едва слышно прошептала Хунька.

— Ты о чем? — так же тихо спросила я.

— У него тентурийские розы... — почти одними губами сказала подруга, будто бы мне это о чем-то говорило. Но знать все же хотелось.

— И что? — нетерпеливо допытывалась я.

— Их жених своей невесте дарит, когда предложение делает — тентурийская традиция, — выдавила Хунька и снова фыркнула от душившего ее смеха.

А я бы и рада посмеяться, но сейчас, смотря в злое-презлое лицо эленмарца, отчетливо понимала, что не только Хуня знает о предназначении тентурийских роз. О них знал и тангир Элвэ, причем с всунем Куси-бао он этот букет никак не соотносил и с Хунькой не соотносил тоже, хотя, на мой взгляд, зря. Это же очень логично если тентуриец сделает предложение землянке с тентурийской кровью. Но эленмарец яростно переводил взгляд с меня на тангира Стшарсси, еще немножко и у него пар из ноздрей повалит от негодования. Да, чего он, вообще, ко мне прицепился!

Надо сказать, что тентурийский тангир, увидев жмущегося за спиной «леденца» всуня, тоже обрадовался не сильно, точнее — его глаза медленно наливались кровью, а свободная от букета рука сжалась в кулак. Нас с Хунькой Шенг Стшарсси тоже в расчет почему-то не брал, даже как-то обидно стало за женский пол в целом. Подойдя к нам, он метнул гневный взгляд на эленмарца и ни к кому конкретно не обращаясь поздоровался.

— Приветствую вас! — ему в ответ сдержанно кивнули Элвэ и Куси-бао, на последнего было жалко смотреть. Несчастный влаппи, опустив вниз глаза, готовился к самому худшему — к позору!

— Здравия желаем, тангир Стшарсси! — подскочили со скамейки мы с Фархундой, вытянувшись по стойке «смирно». Кстати, колено уже почти не беспокоило. Было заметно,

что земное приветствие тентурийцу понравилось.

— Доброе утро, курсанты! — улыбнулся он нам, — можете быть свободны, — продолжил Стшарсси следом, вызвав недоумение у эленмарца, разочарование у нас и новый приступ паники у бедолаги-всуня.

Ага, вот прямо сейчас! Освободились мы! Да тут сейчас самое интересное начнется. Нет, ну мы, конечно, отошли... недалеко... к соседней скамье и плюхнулись, устремив весь наш слух в сторону трех, недалеко стоящих офицеров. В этот момент к нам присоединились запыхавшиеся Стас и Жорик.

— Что здесь происходит? — уточнил Погодин, окинув взглядом офицерскую композицию.

— Не мешай, — отмахнулась Хунька, — свадьба у нас!

— Кто же... кто же... — вмешался Селедкин.

— Кто-кто? Да, Хунька, наверное, ухажера себе инопланетного нашла, — привычно откликнулся Стасик.

— Кто же... кто жених? — все-таки закончил Жоффрей.

— Лучше бы кто невеста спросили, — ответила я, — а невеста у нас, ребята, вон та полуобморочная тушка влаппи.

— Тентуриец-то раза в три похлипше будет. И как оно у них все сладится? — как-то озадаченно прокомментировал Погодин, смерив обе фигурки брачующихся взглядом, — а чего там эленмарец делает? Его свечку держать пригласили что ли?

— Стас, помолчи! Дай, послушать! — рыкнула на него Хунька.

А буквально в нескольких шагах от нас развертывалось неопишемое зрелище.

— Тангир Элвэ, — представился эленмарец, — куратор, вверенного мне экспериментального курса Нова-1.

— Тангир Стшарсси, — отозвался тентуриец продолжая сверлить «леденца» гневным взглядом, — заместитель легара по работе с личным составом. Что здесь происходит?

Несчастный всунь от безысходности тщетно продолжал прятаться за хоть и широкой но явно недостаточно спиной эленмарца.

— А что здесь происходит? — спросил ничего не понимающий Элвэ, — утренняя тренировка личного состава. Все по графику, согласно учебным планам Академии.

— Это теперь так называется? — с ненавистью прошипел тентуриец.

— Вы чем-то не довольны? — выпрямив и без того ровную спину, спросил эльф.

— Я не просто недоволен — я взбешен! — заорал Шенг Стшарсси, — и это на виду у всего личного состава, в разгар тренировки!

— Да, в чем вы меня обвиняете, тангир? — «леденец» начал раздражаться, — курсант получил травму, я оказал первую помощь.

— Курсант? — стушевался ревнивец, нервно озираясь по сторонам.

— Да, курсант Верник упала во время пробежки, повредив колено, — доложил белобрысый, — а что, есть предписание запрещающее мне оказывать первую помощь?

— Нет. Вы поступили верно, тангир! — Стшарсси заметно успокоился и бросил взгляд полный страсти на прячущегося Куси-бао, при этом закусив нижнюю губу, а так как гигант стоял за эленмарцем, то Дарин Элвэ просто онемел от удивления, смешно выпучив свои бирюзовые глаза.

А мы... а мы тихо ржали в сторонке, утирая, слезы.

— Хуня, — всхлипывала я, — жалко же их. Может у тебя противоядие имеется?

— Зло должно быть наказано, Алька! Неделя — не меньше! — Фархунда была непреклонна.

— Нессы... Нессы... — заговорил Жорка.

— Да не боится она! Алька у нас смелая, — привычно поправил невпопад Стас.

— Ннеее ссысь ей ссоль на раны, Хуня, — все же закончит Селедкин и мы снова не смогли удержаться от смеха.

— Что у вас с лицом, тангир Стшарсси? — тем временем отмер эльф.

— А что с ним? — невозмутимо ответил влюбленный тентуриец, — просто я очень рад! Я безмерно счастлив, увидеть дорогого мне человека.

Эленмарец поперхнулся рвущейся с языка фразой, потом задумался и, видимо, понял, что он сам никак не может быть тем дорогим для Стшарсси человеком. Тогда «леденец» медленно развернулся и увидел то, что видели все мы — огромный влаппи смущенно ковырял покрытие стадиона носком массивного ботинка. Эльфа озарила догадка и лицо у него стало такое... такое... в общем, интересное лицо, загадочное и улыбку он сдерживал старательно.

— Так это к вам, всунь Куси-бао? — приподнял красиво-изогнутые брови Элвэ, кивнув на тентурийца.

А всунь... Нет, ну мне его в ту минуту было искренне жаль, потому что его взгляд при слове «всунь» слетевшего с мужского языка устремился к Погодину, который пыжился, но геройски не смеялся, потом Куси-бао затравленно взглянул на подступающего с манящей улыбкой Стшарсси и уже затем, глубоко выдохнув, поднял глаза на эльфа.

— Это недоразумение, — ответил он тихо.

— Я недоразумение? — нахохлился тентуриец, — как же так, малыш...

— Хмм, малыш? — переспросил «леденец», смерив взглядом внушительную фигуру влаппи, и на его губах заиграла лукавая улыбка, — а цветы, надо полагать, вам?

— Я не имею у этому ни малейшего отношения! — испуганно воскликнул влаппи, попятившись назад.

— Тангир Стшарсси, потрудитесь объяснить, что здесь происходит? — эльф перевел вопросительный взгляд на тентурийца.

— Когда говорят чувства, разум молчит, — выдохнул влюбленный, любуясь огромной фигурой Куси-бао.

— Когда вы находитесь на службе у вас кроме любви к Коалиции и уважения к сослуживцам не должно быть иных чувств! — отчеканил Элвэ. Я его прямо зауважала в тот момент, вот еще руки от меня держал подальше, цены бы ему не было.

— Это выше моих сил, — промурлыкал тентуриец, устремляясь к объекту своей страсти.

Влаппи смекнул, что дело пахнет керосином и припустил по беговой дорожке стадиона, пристроившись за группой курсантов, только что закончившей разминаться и теперь приступившей к бегу. Тангир Стшарсси в парадной форме и с букетом наперевес бросился вдогонку. Так они и бежали: курсанты, испуганный всунь и сгорающий пламенем страсти тентуриец. Как только тангир делал рывок, чтобы нагнать группу атлетов, влаппи тут же начинал бежать быстрее. Вскоре курсанты остались позади и лишь двое вырвавшихся вперед офицеров шли на новый вселенский рекорд.

— Мне здесь кто-нибудь что-нибудь объяснит? — взревел тангир Элвэ, при этом смотрел он почему-то опять на меня.

Я оглянулась, ища защиты у друзей, но те смотрели в сторону уже смеясь в голос. К ним присоединилась вся группа землян, закончившая бег и не получившая дальнейших инструкций. Но если Хуня, Жорка и Стас смеялись осознанно, то остальные, так же, как «леденец», не понимали в чем дело, но поддавшись общему веселью хохотали от души.

— Кадет, Верник, я жду ответа! — грозно произнес тангир.

— Не имею ни малейшего понятия, — пожала плечами я. едва сдерживая улыбку. Да, Алечка, врать у тебя выходит все легче и легче. Даже не краснеешь уже. Так и привыкнуть не долго.

— Я вызываю легара! — рявкнул эльф и что-то тихо сказал в комм.

Минуту мы наблюдали за спринтерами в офицерской форме на беговой дорожке, которые пошли уже на стайерские дистанции, потом вспыхнул лифтовый переход и нас своим присутствием почтил Белиготар Сорг.

— Доброе утро, — поздоровался он.

— Здравия желаем, легар Сорг! — слаженно и привычно при приветствии старшего офицера отчеканили земные курсатны.

— Вольно, — ответил он и обратился к «леденцу», — а хорошо отвечают земляне, надо это по всей Академии ввести. Так что случилось, тангир Элвэ? Возникли проблемы в первый день службы на новом месте?

— Непредвиденные, легар, — кивнул в ответ тот.

— Докладывайте, — встревожился Сорг.

— Посмотрите сами, — и он кивнул в сторону бегущего дуэта, а посмотреть было на что. Двигались офицеры прекрасно, слаженно, то ускоряясь, то замедляя бег. На лице лигара промелькнула мимолетная улыбка, он тяжело вздохнул, подавляя приступ смеха и уже серьезным тоном ответил тангиру Элвэ.

— В последнее время у тангира Стшарсси было много служебных обязанностей. Перелеты, конкурсы, курсанты новой расы... Видимо, сказывается нервное перенапряжение. Не будем судить его строго. Я его отправлю на медицинский осмотр и курс релаксации, на недельку. А после этого он придет в норму.

— Но он же собирался делать предложение мужчине! — тихо прошипел Элвэ.

— А за кем из нас не водится странностей, — усмехнулся дед. Люблю его! Вот, как внучка — люблю! И ситуацию разрулил и нас не выдал. Настоящий... легар!

О конфузе землян со спортивной формой уже было доложено начальству и меры приняли быстро. Придя с тренировки, мы обнаружили, что для каждой из нас на кроватях разложены два комплекта повседневной формы, два летних комбинезона, комплект «парадки» и два комплекта спортивной, уже виденной нами формы, так же лежало несколько пар спортивного белья и стоял баул с обувью. Удивительно, но все идеально подошло по размеру. И после душа, уже не выделяясь из толпы курсантов, мы отправились на завтрак.

Столовая ВЗА, чем-то напоминала столовую на «Этилгейле», только гораздо, гораздо больше. В огромных панорамных окнах раскинулось васильковое небо и по нему белыми каравеллами плыли редкие облака. Стояли небольшие столики с уютными мягкими диванчиками, ряды пищевых автоматов и автоматов с напитками. Голоса курсантов, отражаясь от стен и высокого потолка, создавали невообразимый гул. Люди сновали туда-сюда с подносами и без, то и дело останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов со знакомыми. Вообще, вся эта какофония звуков и мелькание лиц, чем-то напоминало пчелиный улей.

— Нет, ну ты только посмотри, Алька! — кивнула, стоящая рядом Хуня, в сторону столиков, — эти самые голодные уже здесь и уже едят.

Я посмотрела в ту сторону, в которую показывала подруга и, увидев там Стаса и Жорку, помахала им рукой. В ответ получила две улыбки и усиленную жестикуляцию, обозначающую, видимо, что место нам заняли и ждут.

Аппараты тоже не преподнесли сюрпризов, разве что, приятно удивили наличием земных блюд в меню. Заказав омлет, салат из свежих овощей и сдобную булочку, я отправилась искать в автомате с напитками какао. Под потолком располагался огромный голографический экран, где шла трансляция новостей ВЗА и симпатичная ксури с татуировкой разноцветной бабочки на лбу, рассказывала о предстоящем семинаре для научной группы какого-то проекта. Засмотревшись, я налетела на чью-то массивную спину, явно мужскую и судя по длинным светлым волосам, собранным в хвост — эленмарскую. Вот черт! Пока, кроме деда, представители этой расы не вызывали у меня особой симпатии.

— Сладкий пирожок добрался до столовой? — раздался сверху подозрительно знакомый голос. Я подняла голову и чуть не застонала — передо мной стоял Фингорм собственной персоной.

— Разговаривать с пищей глупо, — предупредила я.

— С пищей? — удивилась ксерокопия Феокла, — я разговаривал с тобой, маленькая земляночка.

— Да? А по-моему ты четко произнес слово «пирожок». Обратись к медикам, у тебя явные проблемы со слухом и, похоже, еще с памятью, — улыбнулась я, глядя в голубые глаза эленмарца.

— Даже так? — пухлые губы эльфа сложились в улыбку, — показываешь коготки, маленькая лайвелл? Твоя подруга мне показалась сговорчивее, начну, пожалуй, с нее.

— Ветра тебе попутного, — отозвалась я, а сама искала глазами Хуньку. Убедившись, что она присаживается за столик к ребятам, выдохнула и продолжила, — зубы только не обломай.

— Курсант Беллим, — раздался рядом грозный голос, который можно было принять за рык. Я подняла взгляд, так как рычание тоже шло откуда-то сверху. О, нет! У меня что, где-то эленмарским медом намазано? Так, вроде, мылась совсем недавно. Но факт оставался фактом, рядом, чуть расставив ноги, стоял и метал в нас с Фингормом грозные взгляды злой-презлой «леденец».

— Тангир Элвэ, — протянул Фингорм, смакуя слова, — а вы здесь какими судьбами?

— Я здесь известными путями, а вот какими ты, Беллим? Энвина вашего рода с ног сбилась, разыскивая тебя на планете, — прищурился он.

— Никому не хочется защелкивать оковы раньше времени, не правда ли, Дарин? — ухмыльнулся лжефеокл. Странно, мужчины были оба рослые, красивые, с изумительными фигурами и лучистыми глазами, оба неизменно притягивали взгляды, проходящих мимо женщин, но при взгляде на Фингорма, я не испытывала ничего. А стоило лишь посмотреть в сторону владельца бирюзовых с золотыми искорками глаз — сердце тут же начинало стучать быстрее, заставляя кровь бурлить в венах.

— Фаэра Энель уже не в том возрасте, чтобы так нервничать, — возразил Элвэ.

— Уж не хотите ли вы ей сообщить о месте моего пребывания из чувства беспокойства и заботы о ближнем? — прошипел сквозь зубы Беллим.

— Все будет зависеть от твоей прозорливости, — невозмутимо ответил «леденец».

— Ах, вот оно что! — воскликнул двойник Феклуши, — прости, пирожок, но, кажется, я должен уйти из твоего поля зрения. У меня появились конкуренты.

С этими словами, закончив странный разговор, Фингорм кивнул и отошел, а я так и осталась стоять рядом с этим белобрысым искушением, по прежнему держа поднос в руках. Эльф молчал, напряжение росло. Неловкость момента напрягала.

— Вы что следите за мной? — пришлось мне яростно прошептать.

— Кадет Верник, почему, где бы я вас не встретил, вы всегда, как магнит притягиваете к себе внимание противоположного пола? — не менее зло прошипел он.

— Может быть потому, что я прохожу обучение в ВЗА, а не в школе танцев для девочек, а большинство курсантов и преподавателей здесь мужчины? — шипя, выплевывала ему в лицо, — вам это не приходило в голову прежде, чем обвинять меня в чем-то подобном, тангир Элвэ?

— Здесь обучается и большое количество женщин, но ни одна из них не станет принимать ухаживания одного мужчины, имея отношения с другим! — продолжал нести чушь тангир. Стоп. Я принимала ухаживания Беллима? «Леденец», что сошел с ума? И с кем это у меня отношения? Уж не с дедом ли? Не стану его разочаровывать, ведь у нас с легаром действительно... отношения и с каждым днем они все ближе.

— Мои отношения с Белиготаром Соргом вас абсолютно не касаются, — промурлыкала я елеинным голоском, маняще улыбнувшись эльфу. Получите и распишитесь! — а с чего вы так беспокоитесь, тангир?

— Верник, — выдохнул он, отходя на шаг, — неужели все землянки такие?

— Какие, тангир Элвэ? — продолжала я кокетливо хлопать ресницами.

— Такие... — выдохнул Элвэ, нервно облизав губы.

— Нас здесь четверо и все мы под вашим личным кураторством, тангир. Еще будет возможность узнать о землянках больше, — и что это с ним? Другой на его месте, узнав, что девушка занята, давно бы отвалил, а этот стоит облизывается, потенциальных ухажеров отгоняет. И я улыбнулась, потому что знать о том, что вы нравитесь мужчине от которого у

вас мурашки на теле, чертовски приятно!

— Аля, — примирительно тихо заговорил Элвэ, — все наши разговоры всегда заканчиваются стычками. Я лишь хотел предупредить, чтобы вы не придумывали себе иллюзий на счет эленмарцев и держались от них подальше.

— Хорошо, тангир, — послушно кивнула в ответ, — я буду держаться от вас и курсанта Беллима как можно дальше, настолько, насколько позволит служба и учеба.

— Я не это имел в виду, — зарычал он.

— Вы говорите загадками, — невинно похлопала глазами.

— От Сорга тоже стоит держаться подальше! — выпалил он.

— Мои отношения с легаром вас не касаются, — отчеканила я, — разрешите идти, у меня завтрак стынет.

— Идите, курсант, — устало выдохнул эльф. Может не стоит его так мучить и все же сказать, что Сорг мой родственник? Нееет! Во-первых, это не моя тайна, в любом случае нужно ждать прапрабабушку, а во-вторых, да, просто, увлекательно наблюдать, как понравившийся мужчина спасает меня от моего же собственного прапрадеда.

— Хорошего дня вам, тангир Элвэ, — попрощалась я.

— Еще увидимся. Через час у вашего курса вводный инструктаж.

Кивнув «леденцу», поспешила к друзьям, которые уже давно смотрели на меня и эльфов.

— И чего от тебя хотел этот... который на Феклушу похож? — буркнула Хунька.

— Сама не поняла, — улыбнулась я подруге, — познакомиться, наверное, но грозный тангир Элвэ предостерег, чтобы землянки держались от эленмарцев подальше, чревато разбитыми сердцами.

— Это пусть они держатся от нас подальше, — хмыкнула подруга, — тоже мне, Казановы инопланетные. Да какой землянке нужен потасканный секонд-хенд, пусть даже в такой симпатичной, как у Феклуши упаковке?

— А мне ксури нравятся, — усмехнулся Погодин, — есть в них что-то удивительное.

— Конечно есть, у них звезда во лбу горит, — согласилась я, вспоминая дикторшу.

— Но тебе эти звезды не светят, Стасик, ксури — лесбиянки, — подтвердила Хунька.

— Каааака... каааака... — Селедкин замер, уставившись куда-то нам с Фархундой за спины.

— И вовсе не кака, — возразил Погодин, — очень даже ничего Мальвиночка и, кажется, с нашего курса.

— Каааакааая девушка, — восхищенно выдохнул наш Жорик. Наш Жорик! Вот так, о девушке? Мы мгновенно обернулись, ища предмет его вздохов.

Лавируя между столиками, шла наша соседка — астерийка Айа Като. А ведь и правда, на Мальвину похожа, только волосы больше синие, а не голубые, зато ее трогательная хрупкая красота очаровывала. И двигалась девушка так легко, так грациозно, словно не шла, а парила в нескольких сантиметрах от пола. Хуня помахала ей рукой, приглашая за наш столик. Айа увидела, улыбнулась и уже направилась к нам, как сбоку на нее налетел огромный мужчина с такими же синими, как у астерийки волосами. Поднос выпал у девушки из рук, залив содержимым брючину сбившего ее астерийца.

— Ты что, глаза дома забыла, женщина! — зло прошипел он, — посмотри, что наделала, неповоротливая тиякля!

— Простите, — бледнея, прошептала девушка.

— Мне твое простите на полку в отсеке положить, нерадивая ска? — продолжал отчитывать ее синеволоосый громила, — как твое имя?

Девушка испуганно молчала, нервно закусив губу.

— Лучше сама скажи, потому что я все равно узнаю и занесу твой проступок в общую базу избранниц, — сощурился мужчина.

— Айа Като, фаэр, — астерийка склонила голову, — я сама вычищу вашу форму и все исправлю. Не делайте этого, умоляю.

— Като... — ухмыляясь произнес незнакомец, — такая уважаемая семья и воспитала такую нерадивую самку...

По бледным щекам девушки уже катились бисеринки слез, а огромный астериец продолжал при всех оскорблять ее, запугивая какой-то базой избранниц. Он бы и дальше отчитывал Айю, но в этот момент его резко развернули.

— А ну, извинись перед девушкой? — рядом с синеволоосым стоял наш Жорка и грозно взирал на скандалиста. И куда только его заикание делось! Плечи расправились, глаза горели огнем. Он даже стал выглядеть как-то внушительнее, излучал ту силу, с которой невозможно было не считаться.

— Что тебе за дело до этой астерийской самки? — зло прошипел синеволоосый, но на шаг от девушки отступил.

— Извинись, я сказал! — настаивал Жорка, сжав руки в кулаки.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась Айа, смотря на Селедкина наполненными слезами, синими глазищами, — будет только хуже.

— И ты даже не представляешь насколько, жалкая ска! — пыхтел разгоряченный обидчик, — ты станешь посмешищем и позором семьи Като.

— Заткнись! — грозно приказал ему Жорка и, как не странно, астериец утих. Селедкин взял руки девушки в свои и, нежно взглянув на нее, спросил, — почему ты позволяешь ему так с собой общаться?

— Он может написать о моем промахе в общеастерийскую базу избранниц и тогда меня никогда не возьмут замуж,

— тихо ответила она, — а незамужняя девушка — это позор для семьи.

— Вот именно! — самодовольно ухмыльнулся астериец, — после того, как я опишу все твои промахи, даже не смотря на то, что ты Като, сможешь рассчитывать лишь на место десятой, а то и пятнадцатой жены и то захудалого рода.

— Я сказал тебе заткнуться! — рывкнул Жорка и синеволоосый зло оскалился.

— Да кто ты такой, чтобы диктовать мне, отпрыску рода Вурса, что делать! — воскликнул он и двинулся в сторону Селедкина. Надо сказать, фигура астерийца была габаритнее Жоркиной. Они смотрелись, как мощный дуб и изящный клен рядом. Волнуясь за друга, мы все трое медленно вставали из-за столика, готовые в любую минуту прийти на помощь.

— Я Жоффрей Селедкин, — гордо заявил наш герой и добавил, — гражданин Земли.

И вот тут мы поняли, что честь нашей планеты ну никак пострадать не должна, ибо сейчас на этом месте будет решаться судьба всех землян, которых приведет извилистая тропка судьбы в ВЗА. И мы поспешили, встав за спиной Селедкина, как поддержка и живой щит. За спиной астерийца тоже выросли несколько внушительных синеволоосых, но Жорка не дрогнул, прямо глядя в голубые глаза противника. Вокруг собралась толпа курсантов, с любопытством взирающих на стычку.

— Да я тебя по полу размажу! — прошипел отпрыск рода Вурса и кинулся на нашего Жорика.

Мы затаили дыхание, нервничая и переживая, как оказалось зря. Селедкин отклонился чуть в сторону, уходя от нападения, а затем, развернувшись, вкладывая в удар весь вес своего тела, заехал громиле в челюсть. Астериец с удивленным выражением лица осел на пол.

— Не стоит недооценивать противника. У нас когда-то говорили: «Кто с мечем к нам придет, от меча и погибнет», — бросил ему Жорка, — извинись перед девушкой!

— Извини... — едва слышно прошипел астериец, тщетно пытающийся подняться.

— Не слышу! — грозно сказал воитель-Селедкин.

— Извини! — громче произнес Вурса.

— И близко к этой девушке не подходи больше, ясно? — недобро прищурился Жоффрей.

— Да, к ней не только я теперь, к ней ни один уважающий себя астериец не подойдет, — тяжело поднимаясь сказал побежденный, а Айа всхлипнула, закрыв лицо руками.

Жорка сделал пару шагов к Вурсе, но тот попятившись ринулся из столовой. У нас отлегло от сердца, земляне отстояли свое право на уважение. Собравшийся народ начал потихоньку рассасываться, только астерийцы все еще стояли и неприязненно косились на девушку, словно на испорченный кусок мяса.

— Не плачь, — успокаивал ее Жорка, — может я сделал, что-то не так, но у нас не принято обижать девушек.

— Ты все... все сделал не так! — выдохнула Айа, смахивая рукавом слезы, — теперь меня никто не возьмет даже последней женой. Семья Като навеки опозорена и виной тому я.

— Да что же у ваших мужчин глаз нет? — воскликнул Жорка.

— Ты не понимаешь, — покачала головой «мальвина», — не берут в жены тех, у кого репутация скандальная. А я явилась причиной конфликта, в котором пострадал наследник рода Вурса.

— Если он к тебе еще хоть раз подойдет, то еще не так пострадает, — выдохнул Селедкин.

— Да какая теперь разница, — совсем сникла Айа, — все равно на мне теперь никто никогда не женится.

— Я женюсь, — выпалил Жорка.

— Правда? — у астерийки в момент высохли глаза.

— Правда, — подтвердил наш герой.

— И я буду в числе первых жен? — с надеждой спросила Айа, а окружающие астерийцы смотрели на все это с любопытством. Их взгляды на девушку теперь были скорее уважительными.

— Ты будешь единственная! — усмехнулся Жорка.

— И я смогу носить всего одно наду и плести косы? — все еще не верила она.

— Ты можешь плести все что угодно, для землян это не имеет значения, — выдохнул счастливый Селедкин, а лицо астерийки озарила улыбка.

— Поймал Иван-царевич Василису Прекрасную и давай на ней жениться, — философски изрек Погодин, — Жорик, я, конечно, понимаю твои чувства, но любовью сыт не будешь. У тебя невеста от голода помрет, если ты продолжишь на нее пялиться.

Стас и Жоффрей помогли собрать упавшее на поднос, сбросили все в утилизатор и,

подхватив Айю с двух сторон под руки, направились к пищевым автоматам. Слезы на глазах девушки давно просохли, и она робко улыбалась Погодину, а на Следедкина смотрела со смесью восхищения и фанатичного обожания.

— Кажется мы пристроили Жорика в хорошие руки, — задумчиво произнесла я, глядя вслед троице.

— Да он сам пристроился, — отмахнулась Хунька, — это же надо! В кабалу брака, во цвете лет!

Астерийцы, все еще толпившиеся вокруг, услышав слова подруги, рассмеялись, что ей крайне не понравилось.

— Ну и чего вылупились? — огрызнулась на астерийцев Хуня, — прошляпили девушку. Теперь она землянка и ваши гаремные замашки ей до светодиода! Хоть всю базу испишите.

— Хуня... — тихо прошептала я, оттаскивая задиру за наш столик, — нам межрасовый конфликт ни к чему. Итак по уши влипли, по всем фронтам.

— Так отбились же... — она непонимающе захлопала глазами.

— Грядут новые неприятности, — подмигнула ей.

— О чем ты, Верник? Мне твой нервный тик только о проблемах с психикой говорит. Можешь сказать прямо, без подмигиваний?

— Прямо так прямо. Позвольте вашу ручку? — усмехнулась я. Фархунда вложила свою ладонь в мою.

— Да-да! Погадай мне, всю правду расскажи! — подыгрывая мне, пропела подруга.

— Ждут тебя, девонька, приключения на пятую точку, — заговорщицким шепотом вещала я, посматривая на ее руку.

— Тоже мне, гадалка! — хмыкнула она, забирая у меня конечность, — а когда они меня не ждали, приключения эти? Им там с моего рождения медом намазано.

— Анатомически это, конечно, неверно, но медом так медом, — не стала с ней спорить, — Хунь, я тебя очень прошу, держись подальше от брата нашей Анвен!

— От того, кто на Феокла похож? — прищурилась она.

— Я других ее братьев не видела, а Фингорм очень похож, — покивала головой, соглашаясь, — и, вообще, с эленмарцами поменьше общайся. Странные они.

— Да все они, Алька, здесь странные. Посмотри на астерийцев! Это как же их женщин избаловали, что они такое себе позволяют! — возмущилась Хуня, — лично я бы стала встречаться с граби.

— Не стала бы, — спокойно возразила ей.

— Это еще почему? — недобро прищурилась подруга.

— А у тебя, Хунь, ни бороды нет, ни пышных усов. Ты по их меркам страшная и крайне непривлекательная особа.

Крыть мои железные аргументы ей было нечем, и она умолкла с аппетитом поглощая завтрак. В это время подошли ребята и сияющая астерийка. Жорик заботливо усадил девушку, поставив перед ней поднос.

— Ой, ну это же я должна за своим мужчиной ухаживать... — смутилась она.

— Привыкай, Айа. У нас на Земле равноправие, — предупредила ее, накалывая на вилку кусочек пышного омлета. Переведя взгляд на Жорика, спросила, — слушай, Селедкин, а ты где так кулаками махать научился?

— Так дома бои кулачные устраивали, я и натренировался, — ответил он, с нежностью посматривая на робкую «мальвину».

— И не заикаешься совсем, — восхитилась Хуня.

— Переволновался за Айю, вот и не заикаюсь, — улыбнулся Жорик, светло так улыбнулся. Да, вот она какая любовь с первого взгляда!

— А когда мы станем супругами? — спросила астерийка. Возможно, приняв ее за робкую крошку, я сильно погорячилась. Стас, отпивающий кофе, поперхнулся и закашлялся, и только Жоффрей остался невозмутим.

— Понимаешь, Айа, — сказал он, взяв ее за руку, — в нашем роду нельзя жениться без благословления старших родственников. А самая старшая — бабушка Серафима. Я сегодня же ей сообщу, а уж она примчится, воспользовавшись первой возможностью сюда добраться, когда узнает, что ее старший внук надумал жениться. Но ты — моя невеста, и я несу за тебя полную ответственность, поняла?

При упоминании Серафимы Дормидонтовны, я, Хунька и Стас всхлипнули от смеха. Девушка кивнула, снова опустив глаза в тарелку с каким-то странными синими овощами. В целом, дальше завтрак прошел тихо и мирно, а вот после — астерийка утатила Жорку показывать Академию, а мы с Хуней и Стасом гордо отказались, поймав умоляющий взгляд Селедкина.

— Так, — подруга сбросила пустые подносы в утилизатор, — я за багажом и Феоклом, Стас — ты идешь со мной, Алька — жди нас в нашем отсеке.

— Разрешите исполнять? — наигранно вытянулась по струнке я.

— Исполняйте, кадет, — любезно разрешила она, но предупредила, — мы скоро! Смотри, не попади в неприятности, Верник.

— Кто бы говорил, — огрызнулась в ответ и направилась к выходу.

Пройдя по коридору и завернув за угол, я не спеша пошла к лифтам.

— Аля, подожди, — окликнули меня сзади. Пришлось обернуться и смерить взглядом... Истархова.

— Капитан Истархов? — удивленно подняла брови.

— Аля, ну зачем ты так? — он был какой-то не выспавшийся, помятый весь.

— Как? — я искренне не понимала, что ему от меня надо. Ведь все точки расставлены.

— Сейчас у курсантов свободное время и ты могла бы называть меня, как прежде — Денис, — тихо сказал Истархов.

— Вы, наверное, запомнили, капитан. В последнюю нашу встречу мы выяснили, что наши отношения были фикцией. Их никогда не существовало, по крайней мере с моей стороны, вспоминаете? А виновны в этом вы. Поэтому, осмелюсь напомнить, Дениса и Али больше нет, есть капитан Истархов и кадет Верник.

— Аля, — выдавил из себя он, — неужели, без этого чертового зелья год нашей совместной жизни ничего для тебя не значил?

— Как он мог что-то значить для меня? — грустно улыбнулась Истархову, — У меня его просто не было, его украли. От этого становится горько и обидно.

— Но я же люблю тебя! — воскликнул Денис.

— Не говорите глупости, капитан. Мы уже обо всем разговаривали. Себя вы любите и женщин. Мне, конечно, без разницы, но в космопорте вас провожала совсем другая девушка, а не та, которую я застала в нашей общей кровати.

— Аля, — Истархов бросился ко мне и схватил за плечи, заглядывая в глаза, — я без тебя не могу ни пить, ни есть, ни спать. Все время думаю лишь о тебе. Вернись ко мне, Аленький, и в моей жизни ты станешь единственной женщиной! Клянусь!

— Сомнительное удовольствие оказаться первой, когда вся очередь рассосалась, — ответила я, попытавшись высвободиться.

Но не тут-то было, держал Истархов меня крепко, все больше и больше прижимая к себе. Пришлось упереть руки ему в грудь.

— Что вы себе позволяете, капитан? — шипела я.

— Аля... Аленький... Алька... — как сумасшедший шептал он, склоняясь к моим губам, — я с ума схожу без тебя! Соскучился...

И его рот, горячий и... мокрый... прижался к моему. Я брыкалась, как дикая кошка, но силы были явно не равны. Денис сминал мои губы, а я... я вся дрожала от бессилия и омерзения, продолжая тщетные попытки вырваться.

— Кхе... Кхе... — прозвучало рядом, заставив Истархова немного отстраниться, — что здесь происходит?

Подняв голову, застонала от унижения! Черт! Черт! Черт! Рядом стоял тангир Элвэ, взирая на меня укоризненно и брезгливо. От пронзительного взгляда этих бирюзовых глаз хотелось встать под горячий душ и с силой тереть тело мочалкой, в жалкой попытке отмыться.

— А вы, я смотрю, кадет Верник, время даром не теряете, — сузил глаза эленимарец.

— Как вы смеете так разговаривать с моей невестой, тангир! — попытался вступить этот горе-рыцарь.

— Невестой? — Элве криво усмехнулся, — я бы на твоём месте, землянин, получше за ней присматривал.

— Вы не на моем месте! — вскипел Истархов, продолжая меня удерживать.

— К счастью, — усмехнулся наглый эльф, а мне стало горько и обидно до слез, они покатались по щекам и я всхлипнула.

— Аля! — хором воскликнули мужчины.

— Да пусти ты, — вывернувшись из лап Дениса, с силой врезала ему пощечину. На его щеке проступил багровый след от моей ладони, а я, глотая злые слезы, кричала на него, — не смей больше и близко ко мне подходить! Если подобное повторится, я подам рапорт по всей форме и обвиню вас в преследовании, капитан Истархов! А вы... — повернувшись к эленмарцу, смерила его грозным взглядом, — прежде чем делать выводы, разберитесь в ситуации! И избавьте меня от ваших комментариев!

После этих слов, я развернулась и бегом бросилась к лифту. За моей спиной раздался звук напоминающий удар, а потом что-то большое и явно тяжелое упало, но оборачиваться у меня не было никакого желания.

Отсек встретил меня тишиной. Бросившись на свою кровать, я дала волю слезам. Как же обидно, попасть в такую некрасивую ситуацию на глазах у понравившегося мужчины. Он итак обо мне думает черт знает что, а тут еще Истархов со своими слюнявыми поцелуями. И как я раньше этого не замечала. Последний раз всхлипнув, умыла лицо холодной водой. Ну и что в сущности страшного произошло? Ну увидел он меня с Денисом, все равно же нам не быть вместе. Наверняка его ждет на планете какая-нибудь эленмарочка, типо нашей Анвен. А на всех остальных они только свой странный «зов» испытывают.

Дверь распахнулась и вошли Стас и Хунька, в сопровождении Феокла, увешанного сумками.

— Ты представляешь! — кипела подруга, — по местным правилам Феоклу можно находиться только в нашем отсеке. Ему даже за пределы выходить нельзя, во время учебного процесса, только в выходные дни и на каникулах.

— Здравствуй Феклуша, — поздоровалась я с андроидом.

— Здравствуй, Алевтина, — отозвался представитель греческого пантеона.

— Хунь, а что, собственно, тебя возмущает? Ведь дома в летнюю школу ты его тоже не брала.

— Не брала, — не стала спорить Хуня, — но все равно это дискриминация! Феклушенька, будь так добр, отнеси сумочки воон в ту спальню.

Робот удалился, а мы втроем удобно расположились в общей гостиной.

— Через полчаса вводный инструктаж, — напомнил Стас, — Жорик со своей синенькой сразу туда придут.

Дверь в отсек открылась и вошли Анвен и Фингорм. Эльф улыбнулся.

— А ты не говорила, сестренка, что у тебя соседки земляночки, — весело сказал он.

— Теперь ты и сам знаешь, — откликнулась Анвен, надув губы.

Возможно, они бы продолжили свой диалог, если бы в гостиную не вернулся Феклуша. Фингорм взглянул на андроида и застыл. Анвен открыла рот, молчаливо переводя взгляд с брата на его двойника. Феокл чинно поприветствовал вошедших небрежным кивком головы и встал за креслом Хуни.

— Вещи разобрать? — тихо спросил он хозяйку.

— Разбери, — отчеканила Фархунда, глядя при этом на эленмарца, а вовсе не на робота, — а еще прибери в отсеке, а вечером сделаешь мне массаж.

— Конечно, — робот склонил голову, — что-нибудь еще желаешь? — это он шепнул тише и... интимнее.

— Кто это? — первой отмерла эльфийка.

— Мой домашний андроид для мелких услуг, — улыбнулась Хуня, — правда хорош?

— Почему он так похож на моего брата? — с угрозой спросила Анвен.

— А по-моему, совсем не похож, — подруга явно что-то задумала, — Феклуша милый, воспитанный и очень послушный. А еще своего робота я знаю давно, а твоего брата увидела лишь сегодня, поэтому скорее это он похож на моего андроида.

— Что? — взвизгнула соседка, — как ты смеешь сравнивать отпрыска рода Беллим с каким-то жалким куском биомассы!!!

— Как ты смеешь оскорблять моего эксклюзивного робота! — не осталась в долгу

Хунька.

Мы со стасом наблюдали за перепалкой девиц. Вдруг в гостиной раздался веселый смех. Смеялся Фингорм, открыто, показывая белоснежные зубы.

— Почему ты смеешься, брат? — спросила Анвен, — этот робот — оскорбление роду Беллим.

— Я так не думаю, сестричка, — усмехнулся он, — наоборот, на далекой Земле кто-то так мечтал о мужчине похожем на меня, что создал этого андроида. Не правда ли?

Мурлыкнул эльф, подойдя вплотную к креслу, на котром сидела Хуня.

— Не правда! — огрызнулась она, но ее щеки пылали, — это типовая модель.

— Минуту назад андроид был эксклюзивным, — подколот ее эленмарец, заставив покраснеть еще больше, — ты уж определись, малышка-земляночка.

— С чем? — огрызнулась Хунька, — мой робот, как хочу, так и называю! Феокл, в спальню! Режим ожидания!

— Я бы тоже не прочь в твоей спальне включить режим ожидания, долгий-долгий и очень сладкий режим, — мурлыкал эльф подруге, привлекая и мое внимание.

Странная волна прокатилась по телу, вызывая симпатию и желание слушать Фингорма бесконечно. Я встряхнула головой и посмотрела на подругу. Судя по ее блаженной улыбке, она испытывала то же самое, но так же быстро взяла себя в руки, потому что через мгновение ее взгляд стал прежним — злым. Так вот он какой «зов» эленмарцев, похоже на землян он действует крайне слабо и в этом наше преимущество. Хуня посмотрела на меня и, видимо, наши мысли сошлись, потому что она рассердилась. Поднявшись с кресла, подруга закричала на ничего не ожидавшего эленмарца:

— Дома будешь мурлыкать, котяра облезлый! — от ее слов эльфийка побледнела, тревожно взглянув на брата, — не знаю, как тут в ВЗА, а у нас на Земле психическое принуждение человека карается очень строго. Я тебя доходчиво предупредила?

Ухоженный ноготок Хуни уперся в широкую грудь эльфа, но он этого даже не заметил, с каким-то детским восторгом взирая на нее.

— Вот так земляночки, — прошептал он, — сюрпризов все больше и больше. Тем интереснее.

Фингорм бережно поднес Хунину руку к губам, поцеловал подушечку пальца, который так настойчиво упирался ему в грудь совсем недавно, затем обошел разъяренную подругу, чмокнул сестру в щеку и весело бросил на прощанье:

— Еще увидимся. Не опоздайте на занятие, малыши. У вас пять минут, — с этими словами скрылся за дверями отсека.

— Вот гад эленмарский! — отмерла, потерявшая дар речи Фархунда.

— Что это было? — отмер озадаченный Стас.

— Я тебе потом объясню, — пообещала другу и направилась на инструктаж.

Зал для обучения, где собрали наш курс, чем-то напоминал старые лекционные аудитории древних университетов Земли. Место лектора располагалось внизу в самом центре, а к верху конусообразно выстроились места для студентов. Голографический экран висел над потолком и сейчас показывал пейзажи неизвестной мне планеты.

В зал вошел майор Вихров в сопровождении Истархова. Капитан прихрамывал и смотрел на мир одним глазом, второй безнадежно заплыл и под ним наливался

внушительный фингал. Как образцовые студенты, мы расположились на первых рядах и до нас долетели обрывки гневной отповеди Вихрова.

— Истархов! Черт побери! В каком виде вы позволяете себе являться перед курсантами? Кто вас так отдела? — яростно шептал полковник.

— Упал, — ответил капитан.

— Упал... — передразнил его начальник, — детям своим будете сказки рассказывать. В медбокс почему не сходили?

— Не успел. Займусь этим сразу после инструктажа, — отрапортовал Истархов.

— И чтобы больше в таком виде не появлялись! — смирился Вихров.

— Так точно, полковник, — кивнул мой бывший, следуя за ним.

Земные кураторы расположились на местах первого ряда, недалеко от нас. Рядом с ними сидели офицеры других рас, видимо, тоже кураторы. Двери зала открылись и вошел тангир Элвэ. Он прошел к преподавательскому месту и курсанты поднялись со своих мест, приложив сжатый кулак к груди — местное приветствие старшего по чину офицера. Конечно, земляне изучили устав Корпуса и сейчас вместе со всеми поздоровались с куратором.

— Добрый день, курсанты, — разлился по залу сильный голос, — можете занять свои места. Я, как многие уже знают, тангир Дарин Элвэ, непосредственный начальник и куратор вашего курса на ближайшие три года обучения. Составлением графика дежурств, организационными вопросами и вашей физической подготовкой займется мой помощник, всунь Куси-бао. Расписание занятий и список преподавателей я пришлю каждому из вас на персональный комм. Кураторы, прибывшие с ваших родных планет, по решению руководства ВЗА, отстраняются от несения возложенных на них обязанностей и переходят на службу в научную группу. К вашему учебному процессу они больше отношения не имеют, так как вы, с этого момента, находитесь под юрисдикцией Коалиции. Больше, я не смею их задерживать.

Тангир устоял на ряды, где сидели офицеры, в том числе и наши Вихров с Истарховым. В рядах кураторов возникло замешательство, потом, нехотя, они стали подниматься и продвигаться к выходу.

— Это самоуправство! — заявил невысокий варг, проходя мимо эльфа, — я этого так не оставлю. Я буду жаловаться вашему руководству!

— Ваше право, шейдер Тарос, — ответил ему Элвэ.

— Смотри, — прошептала мне, рядом сидящая Хунька, — Вихрова сейчас разорвет от злости. Он еле сдерживается, а скрип его зубов даже здесь слышен. А Истархов то, сейчас испепелит эльфа взглядом своего единственного открытого глаза. Кстати, ты не знаешь от кого ему так прилетело?

— Понятия не имею, — отозвалась я. А что? Не соврала, потому что самого удара не видела. Может он и правда, сам упал.

С каменным лицом полковник проследовал на выход, прихватив с собой Истархова. Это что получается? Неужели мой инцидент с капитаном повлиял на такое положение дел? Элвэ сделал это, чтобы я, как можно меньше, пересекалась с Денисом? Подняв глаза, встретила с бирюзовым взглядом, с веселыми золотыми искорками. Эльф чуть приподнял уголки губ, даря только мне заметную полуулыбку, а я слегка кивнула, давая понять, что оценила его действия. Будем считать, что «леденец» реабилитировался в моих глазах после своего досадного промаха у лифтов.

— Как вам известно, ваш курс экспериментальный, — продолжал между тем Элвэ, — конечно, как все группы пилотов, вы пройдете обучение и тренировочные полеты на устройствах класса Нова, однако основное назначение вашего курса — это корабли апаньяр.

Курсанты оживились, стали перешептываться. О таком никто даже и не мечтал. Прикоснуться к тайне древних — это же так интересно, а апаньяр — нечто, выходящее за грань, будоражащее умы, почти волшебное. Я неосознанно погладила кулон, который носила под формой, не снимая.

— Теперь, когда остались только непосредственные участники эксперимента — раскрою те проблемы, с которыми столкнулись в ходе исследований. Корабли апаньяр случайно обнаружила группа ученых, которая производила раскопки древнего города ушедшей цивилизации на планете Тентура. С того момента прошло уже более ста лет, но загадка кораблей так и осталась не разгаданной. Управлять этими аппаратами и даже попасть внутрь не может никто. Ученые выяснили лишь ориентировочные их возможности. Они велики. И, поверьте, в свете нарастающего конфликта с Темным Кругом, первостепенная задача Коалиции — поставить корабли апаньяр на вооружение. Экипаж такого аппарата состоит из четырех разумных существ — пилота, навигатора и двух стрелков. Именно поэтому, вас поделили на четверки, способные слаженно действовать в команде. Каждая четверка, будет нести 32-х часовое дежурство в ангаре, где стоят корабли. На каждого члена команды по восемь часов вахты. Ваша задача докладывать о своих малейших догадках или наблюдениях. Этот момент ясен? — Элвэ внимательно осмотрел лица курсантов, — вопросы есть?

— Значит нет никакой гарантии, что мы на них полетаем? — отозвался один из астерийцев. Кажется он тоже был в столовой, когда Жоффрей разбирался с Вурсом.

— Гарантии нет, курсант Калле, — ответил эльф, — ее нет по двум причинам. Первая, как я сказал, тайна кораблей еще не раскрыта. И вторая — аппаратов всего пять. Поэтому, в случае удачи, возможность стать экипажем такого корабля выпадет лучшим. Еще вопросы?

Курсанты молчали, думая о чем-то своем.

— Тогда, с вашего позволения, я продолжу инструктаж, — сказал тангир.

И Дарин Элвэ говорил и говорил еще полчаса. Я даже толком не понимала о чем, просто слушала его сильный, бархатный голос и наслаждалась каждым словом, каждой интонацией. Если бы вокруг не было столько народа, то прикрыла глаза и мурлыкала, как кошка. Кажется, речь шла о том, какие предметы мы будем изучать, для чего нам пригодятся полученные знания и как стоит вести себя с преподавателями, которые являлись представителями различных рас, как входящих, так и не входящих в Коалицию.

— Верник, — толкнула меня в бок Хунька, — ты что в транс впала?

— Что? — попыталась сконцентрироваться я.

— Да что с тобой? — не унималась подруга, — ты уже полчаса просто облизываешь взглядом нашего куратора, как леденец с головы до ног!

Я покраснела. Неужели, настолько не владею собой, что меня так легко прочесть? Ведь я даже в своих мыслях называла его «леденцом».

— Просто заслушалась... — ответила ей.

— Да ладно тебе, — усмехнулась Хунька, — там есть на что засмотреться. Оглянись вокруг, да все женщины с него глаз не сводят и слюни на экзаменационную панель пускают.

Я обернулась. Действительно, все находившиеся в зале девушки просто гипнотизировали взглядом тангира Элвэ, который, словно не замечая этого, продолжал

рассказывать о процессе нашего обучения. А мне стало неприятно. Неприятно так, будто дорогую для меня вещь кто-то чужой потрогал грязными руками.

Стоп. Истархов... Эленмар... Зов... Соберись, Верник! Не нужен тебе эльф инопланетный. Вот отслужу свое, найду себе уютного землянина, буду ему по выходным пирог печь... яблочный. Или вот взять хотя бы Стасика, не мужчина — орел! Я бросила взгляд на Погодина, который в это время беззастенчиво ковырял пальцем в ухе. Нееет! Пожалуй Погодин мне не подойдет. Но мало ли на свете землян, добрых, спокойных... брюнетов!!! Не нужны мне блондины с чарующими голосами, пусть катятся к своим эльфийкам!!!

— Верник! — сквозь мысли ворвался ко мне бархатный голос, — повторите, что я сказал!

— Эмм... — к моему сожалению, последних его слов не слышала. Скосила глаза на Хуньку, но та в стремлении помочь несчастной мне только корчила смешные рожи и жестикулировала. Из ее сурдоперевода поняла одно — попала, — простите, я не расслышала. Вы не могли бы повторить.

— На занятиях нужно слушать преподавателя, а не витать в облаках, — почему-то совсем недобро бросил мне тангир, а две варгини с соседнего ряда неприятно захихикали. Стало стыдно, потому что все сидели и смотрели, а ответить мне было нечего. Совсем. Вот что я ему сделала? — сядьте на место, курсант.

Дальше слушала уже внимательно, но кроме общих и организационных вопросов эльф больше ни о чем не говорил, и даже его голос стал менее привлекательным. Ясно одно — занятия начинаются завтра, дисциплина железная, наказания — отстранение от полетов и лишение увольнений. Сидеть в летучей академии безвылазно? Ни-за-что! Отчислений не бывает, бывают вахты на кухне, в архивах и хранилищах, а за серьезные проступки карцер. Интересно, как бы нас наказали за тентурийца?

Инструктаж окончился, к тангиру Элвэ у, пусть и не многочисленной, но женской части нашего курса оказалось очень много вопросов, и под шумок, я потащила Хуньку к нашему отсеку.

— Верник! Что ты творишь? — брыкалась она, — у меня несколько серьезнейших вопросов к нашему куратору!

— Там и без тебя задавальщиц больше, чем вопросов, — ответила, продолжая тянуть ее на буксире.

— Еще бы! Ты же сама с него глаз не сводила! — усмехнулась Хунька.

— Нужен он мне больно! Я о кораблях апаньяр мечтала! Как думаешь, летаем?

— Конечно, — серьезно согласилась подруга, — Аль, они землян сюда зачем позвали, как ты думаешь?

— Ну... — задумалась я, — как расу, входящую в Коалицию.

— Ерунда все это! — заявила она, — мы мыслим нестандартно, не так как они. Мы когда на красный смотрим — видим и розовый, и алый, и оранжевый, и даже бордовый, а они только красный.

— Это ты сейчас сказала, что они все недалекие, да? — рассмеялась я.

— Ну, не в буквальном смысле. Нет, я не говорю, что они безнадёжны. Можно, в конце концов, и корову на коньках научить кататься, там главное лезвие правильное подобрать. Вот и к инопланетянам этим, к каждому виду — свое лезвие.

— Эх, Хуня, — вздохнула я, — не любую корову на коньки поставишь. Копыта

разъедутся и все...

— И что будет? — спросила подруга.

— Что-что... Стейк... свежемороженный! Иная корова живой нужна, и, желательно, не травмированной.

— Колись, Верник, запала на эльфийского тангира? — подозрительно сощурилась Хуня.

— А толку-то? Они, понимаешь, с инопланетянками только романы крутят, а женятся исключительно на своих, — тяжело выдохнула я.

— Ну, наконец-то! — всплеснула руками Фархунда, — оттаяла снежная королева! Верник, я тебя с детства знаю, еще с того момента, как ты меня лопаткой по лбу ударила!

— Потому что ты песка мне в глаза насыпала, — попыталась оправдаться.

— Это к делу не относится, — невозмутимо продолжила она, — так вот за все эти тяжелые годы рядом с тобой, я, вообще, первый раз вижу, чтобы ты на мужика слюни пускала.

— Я не пускала слюни!

— Ну не слюни, ну не пускала, но ведь запала! — что тут скажешь... — Ага! Молчишь! Я так и знала, что эльф тебе приглянулся. Надо брать! Точно тебе говорю! Намеки излишни! Вон Жорик не растерялся, сейчас свою «мальвину» таскает за клешню по всей Академии, а ты чем хуже?

— Хуня, он эленмарец! — в который раз попыталась объяснить ей положение вещей.

— Ну и что? — продолжала недоумевать она, — если эленмарец, то что, у него каких-то важных частей тела не хватает? Так сейчас медицина вперед шагнула — пришьют, нарастят и будет тебе счастье с большой буквы «С»!

— Хунь, я просто на время не хочу. Мне любовь нужна.

— Ну так упаковывай свой «леденец на палочке» и забирай навсегда. Он же с тебя тоже глаз не сводит...

— «Леденцу» двадцать лет осталось на свободе гулять, потом окрутят с какой-нибудь эленмаркой!

— А ты откуда знаешь? — прищурилась Хунька.

— Подслушала в кабинете деда. Кстати, «леденец» думает, что мы с Соргом того..

— Того? — в желтых глазах зажглось любопытство, — того — это, как раз не кстати, Верник! Надо рассказать ему, что вы родственники и ты почти эленмарка... — Хуня хитро улыбнулась, — а вот это уже кстати!!!

— Пока ба и Сорг не разберутся в своих отношениях — это секрет.

— Любишь ты себе жизнь усложнять, — закатила глаза подруга.

— И потом он меня целующуюся с Истарховым видел...

— Что? — вылупила свои глазищи Хунька, — Алька, мы всего второй день здесь! Ты когда уже успела?

— Сегодня, когда из столовой шла. Он меня насильно поцеловал, а «леденец» увидел и обвинил в разврате.

— А ты?

— А что я? Одному врезала, другому высказала и ушла вас ждать.

— Так это тангир Истархову фонарь повесил! — кажется, в голове у Хуни сложился пазл, — говорила же — эльф точно неровно дышит тебе.

— Хуня! — взмолилась я.

— Что Хуня? Скажи мне, он тебе нравится?

— Ну... — у меня вышла заминка с признанием.

— Да или нет? — не отставала она.

— Да! — рыкнула я.

— Значит будем приручать постепенно, а дальше видно будет!

Так, за девичьими разговорами мы дошли до нашего отсека, а войдя замерли с открытыми ртами. В гостиной на креслах сидели Фингорм и Феокл. Они мирно беседовали и... Эльф клеил эльфийские уши андроиду!!!

— Аль, ты видишь то же, что и я? — прошептала мне Хуня.

— А что ты видишь? — почему-то тоже шепотом спросила я.

— Девочки, — улыбнулся Фигорм, — что же вы там стоите? Проходите!

— Спасибо, — ухмыльнулась я, протискиваясь мимо застывшей подруги в отсек. Судя по напряженному дыханию, Хуня копила силы!

— Прячься, — пришлось предупредить эльфа, который в этот момент клеил второе ухо.

— Вулкан? — тихо спросил Фингорм, лукаво улыбаясь.

— Хуже... Армагидец!

— Кто? — удивился он.

— Узнаешь... — и я скользнула на безопасное от ожидаемых действий расстояние.

— Это что же ты, паразит, делаешь? — совсем по земному заявила Хунька, уперев руки в бока и шагая к эльфу, — это же кто научил тебя чужое имущество портить? А?

— Да не портил я! — стушевался эльф, — это тюнинг! Акклиматизация андроида под новое место пребывания.

— Акклиматизация? Тюнинг? — недобро переспросила подруга, надвигаясь, как снежная лавина. Очень злая, разъяренная лавина.

— По-моему, хорошо вышло, — радостно сообщил эленмарский самоубийца, приподнимая светлые локоны Феклуши и демонстрируя быку красную тряпку, а именно — биомассовые, острые кончики ушей, прочно посаженные на крумулянский вечный клей.

— Хорошо вышло? — вопила Хунька. Собственная речь ей от негодования отказала, и она могла только повторять слова эльфа, захлебываясь злостью.

— Конечно, — заверил ее Фингорм, — ровненько, надежно и как настоящие. Не отличишь же!

С этими словами, он встал с кресла, приподняв свои волосы, спадавшие золотым водопадом на плечи, и продемонстрировал абсолютно идентичные ушки. На мой взгляд, очень симпатичные.

— Ты испортил моего эксклюзивного андроида! — заорала на эленмарца подруга, почти вплотную подойдя к нему.

Смотрелись они странно. Невысокая очень разгневанная Хуня, едва доставала макушкой до груди белобрысого, и ей все время приходилось задирать голову, выплескивая на него очередную порцию обвинений. А Фингорм улыбался и смотрел на нее со снисхождением и... нежностью.

— Тише, — мягко попросил эльф, — ты же в прошлый раз меня заверила, что модель типовая и не особо ценная, что у вас с такой внешностью просто каждый второй андроид ходит. Это воплощение дизайнерской идеи в потоковом производстве, а вовсе не девичьи грезы о прекрасном, не побоюсь этого слова, во всех отношениях мужчины.

— Да, какая тебе, вообще, разница? — буйствовала подруга, — ты целенаправленно

испортил мое имущество!

— Я лишь сделал его еще прекраснее. Теперь модель грек-2427 совсем соответствует идеалу, — все также спокойно, со смехом в голосе, причем самым обычным голосе, без тени этих их вибрирующих ноток, сказал Фингорм, — вообще, не пойму, чем ты не довольна? Я столько сил потратил, клей добыл, уши сделал в мастерской, между прочим, точную копию настоящих, усовершенствовал робота, приблизив его облик к идеалу, а вместо благодарности получил...

И эльф наигранно обиженно поджал свои пухлые губы. Я наблюдала все это с улыбкой на лице, зная, как на самом деле сердится Хуня. Если бы все было всерьез, то эленмарца сейчас пришлось собирать по кусочкам.

— Ты еще заплачь! — буркнула Фархунда и повернулась к андроиду, — а ты, болванка биомассовая, как ты допустил такое? Я же оставила тебя, в надежде на твою сознательность и преданность.

— Хозяин лишь немного улучшил мои внешние данные, — отчитался Феклуша... голосом Фингорма.

— Хозяин? — Хунька с силой толкнула в грудь эльфа, отчего он снова свалился в уютное кресло, — ты перепрограммировал моего робота?

— Разумеется, — уже откровенно смеясь заявил белобрысый Беллим, — должен же я был себя обезопасить!

— Да что тебе угрожало-то, верзиле эленмарской?

— Как что? Я совершенно серьезно собираюсь за тобой приударить, а для этого нужно втереться в доверие ко всему твоему окружению. Феокла я перепрограммировал, подружке твоей я уже нравлюсь, — при этом он взглянул на улыбающуюся меня, — с остальными проблем не будет. А внешность слегка подкорректировал, это чтобы ты ни на секунду про меня не забывала, даже когда...

Договорить он не успел, на его счастье! Хунька бешеной тигрицей кинулась на него, но вот ударить не успела. Молниеносно подскочив с кресла эльф заключил подругу в объятия и страстно поцеловал, сминая ее губы. Она все еще брыкалась, но эленмарец прочно удерживал и вскоре Хуня прекратила тщетные попытки вырваться и как-то обмякла, а потом и вовсе обняла белобрысого, страстно целуя в ответ.

— Пойдем, Феклуша, — тихо позвала я ушастого андроида, — мне кажется, тут и без нас разберутся.

В конце концов, кто я такая, чтобы мешать кому-то совершать свои ошибки. Хуня ведь все знает об эленмарцах и сделала свой собственный выбор.

Но выйти мы с Феоклом не успели. Вздохи за нашими спинами стихли, потом послышался звук пощечины. А потом...

— А ну, убрал от меня явно лишние конечности, эльф недоделанный! — разъяренно зашипела Хунька. Все, попал эленмарец. В душе я его даже пожалела, — запомни! Если земная девушка говорит «нет», это всегда значит «нет»!

Пришлось разворачиваться и топать к месту назревающего межрасового скандала. Очень невысокая в сравнении с Фингормом Фархунда, теснила оторопевшего эльфа к двери, гневно ему высказывая прописные истины.

— И за порчу андроида ответишь! Сегодня же состригу с него все лишнее, — ее речь лилась таким потоком, что бедный эленмарец не мог вставить ни слова в свое оправдание. Он только медленно отступал к двери, теснимый Хунькой, — сестра у него здесь живет! А

мне какое дело? Будете встречаться вне пределов нашего отсека, на нейтральной территории! Ясно? Сегодня же перепрограммирую замок.

— Ты же ответила на мой поцелуй! — смог, наконец, вклиниться эленмарец.

— А мне, вообще, нравится целоваться с симпатичными мужчинами, — ничуть не смутившись, выпалила ему в ответ Хуня, — и будь на твоём месте кто-нибудь другой с приятной мордашкой, я поступила бы точно также.

— Ах, с любым!!! — не на шутку разозлился эльф, — то есть земные девушки легко доступны, стоит лишь прижать их посильнее и поцеловать?

— Очень похоже, что я тебе сейчас доступ даю? — пыхтела подруга, уже оттеснившая Фингорма к самым дверям, — видимо, выдавать желаемое за действительное — это так по-эленмарски!

После этих слов, двери бесшумно раскрылись за спиной эльфа, и он отступил в коридор. Хуня нажала на панель и створки снова закрылись, отсекая нас от озадаченной физиономии Фингорма.

— Как ты? — я положила руку на плечо, колдующей над входной панелью подруги.

— Плохо, Аль, — хрипло ответила она, — не каждый день из своей жизни выкидываешь мечту, но ещё одного Ратеша я просто не переживу. Лучше уж сразу, пока не втрескалась окончательно.

Слов у меня не было. Да и что тут сказать. Жизнь продолжается не смотря ни на что.

И жизнь продолжалась. За неделю мы привыкли к изнурительным утренним и вечерним тренировкам под присмотром неизменного всуня Куси-бао. После того случая с тангиром Стшарсси, он не задира́л никого из землян, а лишь изредка очень осторожно и тактично делал замечания нерадивым ученикам. Впрочем, таковых было не много. Все курсанты горели желанием показать лучшие результаты, чтобы хоть мельком прикоснуться к тайне кораблей апаньяр.

Тентуриец появился в Академии спустя неделю, бледный, но по-армейски подтянутый. Нежных чувств к влаппи он больше не проявлял, лишь изредка украдкой вздыхал и был задумчив и печален.

Обучение не вызвало особых затруднений. Большинство предметов мы уже изучали в летной школе. Здесь их преподавали более углубленно, заостряя внимание на деталях, касающихся полетов в космосе. Астронавигацию и устройство истребителей класса Нова, курсанты должны были сдать в кратчайшие сроки, чтобы приступить к тренировочным полетам.

И, конечно, теоретический курс навигации читал наш куратор тангир Дарин Элвэ. Правда после того случая в коридоре, он больше не проявлял ко мне повышенного интереса, не поднимал на лекциях с просьбой повторить материал и, вообще, относился, как к рядовому курсанту или попросту не замечал. Задевало ли меня это? Поначалу нет, но потом интерес к «леденцу» стала все чаще и чаще проявлять наша белобрысая соседка Анвен. Разумеется не она одна томно вздыхала в его сторону. Все девушки нашего курса не сводили с него глаз, но меня бесила именно эльфийка. Может потому, что они весьма и весьма гармонично смотрелись вместе и у них могло быть совместное будущее и красивые дети. Когда она, такая нежная и хрупкая, положив свою маленькую ладошку на его мускулистое предплечье, доверчиво и трогательно заглядывала ему в глаза и тихо просила объяснить непонятный момент из лекций, у меня от злости сжимались зубы. Так и хотелось подойти и отлепить эту эленмарскую липучку от моего «лединца». Хотя, какой он мой? Только в мыслях, да и то украдкой. Потому что даже перед самой собой было стыдно признаться, что каждый раз, глядя в бирюзовые глаза куратора, мое сердце начинает стучать отчаянно быстро.

Новые предметы, которые преподавал мой недавний знакомый ксури Рут Сайвэ оказались, удивительно увлекательными. Психологию разумных он читал поистине вдохновенно, заостряя внимания на местах, которые больше всего вызывали вопросов у курсантов. В основном, разбирались расы Темного Круга, их привычки, устои и организация. Незнакомые расы не все были гуманоидными. Например рагноиды, скорее являлись паукообразными, хоть и разумными существами и инстинкты у них были паучьими. Самка-рагноид съедала самца, более мелкого по размеру, сразу после спаривания. Но самым деликатесом для космических арахнидов было мясо теплокровных существ, которых они выращивали на специализированных фермах. В основном — скот, но в последнее время ходили слухи о тайных гуманоидных фермах на территории колоний рагноидов. Все семь рас Темного Круга отличались кровожадностью, о чем свидетельствовали их традиции, уходящие корнями в века.

В общем, предмет меня увлек, и я действительно наслаждалась каждой лекцией у Рут

Сайвэ, чего не сказать о Стасе, для которого лекции Рута стали пыткой и сущим наказанием. Как-то сразу, невысокий ксури из всех курсантов выделил Погодина. Читая лекцию, он всегда интересовался его мнением, иногда невзначай дотрагивался до руки Стаса, нежно ее поглаживая, от чего у самого Погодина случался нервный тик и перекашивало лицо, но ксури этого не замечал или, по крайней мере, делал вид, что не замечал.

— Почему ташторы так любят пытаться свои жертвы именно огнем, как вы думаете, друг мой? — спрашивал Сайвэ, поглаживая Стаса по плечу и вовсе не требуя ответа, потому что продолжал сам, с нежностью поглядывая на красного от смущения Погодина, — потому что родная планета этой расы Таштора изобилует вулканами и основная традиция ташторов — ожоговое шрамирование всех юношей, достигших статуса воина и принятых в клан.

— И чего он ко мне прицепился? — бухтел Стасик.

— Нравишься ты ему, сладенький Погодин, — посмеивалась над ним Хунька, вызывая его горячее негодование.

Вторая дисциплина Рута — развитие экстрасенсорных способностей проходила в лаборатории, где стояло очень много незнакомой нам техники. Весь процесс сводился к тому, что курсантов тестировали на те или иные способности. Особенно тщательному тестированию подвергались земляне.

— Странно, очень странно, — шептал Рут, когда в очередной раз курсанты что-то делали не так, — ведь есть все предпосылки, что вы наделены высшими способностями, а на деле результат нулевой.

— Да вы не огорчайтесь так, — утешали его курсанты, — мы вообще странные. Ученые говорят, что у землян мозг всего на восемь процентов используется, а дальше никак не хочет.

— Но это и к лучшему, — влезла Хуня, — потому что и с восемью процентами мы успеваем натворить уйму всего, а дай нам больше... Это же катастрофа вселенского масштаба будет. Население Земли составляет четырнадцать миллиардов особей, даже с учетом третьей мировой войны и тентурийской колонизации. А это, поверьте, весомая угроза психике всех разумных рас.

— Что? — озадаченно заморгал ксури, глядя на улыбающуюся Фархунду, — аaaa! Это была шутка, да?

— У нас на Земле в каждой шутке есть доля правды, — ответил Стас и замолчал, наткнувшись на страстный взгляд Рута.

— Попал ты, Погодин! — зашептала ему Хуня, — вон как нашего ксури распирает. Да, он просто раздевает тебя глазами, беззастенчиво лапая твоё юное непорочное тело.

— С чего ты взяла, что непорочное? — не понял Стас.

— А что, у тебя уже случались нежные отношения с мужчинами? — усмехнулась полутентурийская язва.

— Совсем с ума сошла, женщина! — возмутился Погодин, — мелешь всякую чушь!

— Не нервничай так. Пошутила я, — Хунька приняла демонстративно обиженный вид, — а чего это ты так разозлился, будто я тебе на большую мозоль наступила?

— Какма... Какма... — влез Жоффрей.

— Слово, конечно, поэтическое, но не эстетическое, — откликнулся Стас.

— Как маленькие ведете себя! — все-таки закончил Селедкин, сжимая в своей руке хрупкую ладошку Айи.

— Вот ты, Жорик, личное счастье обрел, а другим мешаешь! Не по-товарищески это! — продолжала гнуть свою линию неугомонная Хунька.

— Да я скорее огромную влаппи полюблю... — отмахнулся Стасик.

— Осторожнее нужно быть с желаниями, Погодин! — сказала я и глазами показала в сторону лаборантки. Влаппушечка под два метра ростом отчаянно строила глазки Стасу, блестя глянцевым черепом в ярко- освещенной лаборатории.

— Да, погорячился, — откликнулся наш не пристроенный страдалец, оглядев томимую страстью девушку.

— Какой-то ты капризный, Погодин, — тут же влезла Хунька, — то тебе симпатичные шатены не нравятся, то крупные девушки с ониксовой кожей. Доперебираешься.

— Кто бы говорил! — совсем разозлился Погодин, — сама Фингорма отшила, а теперь глаз с него неводишь.

— Не твое дело! — фыркнула Хуня.

— Стас! Хуня! Прекратите! — прикрикнула на них я, — нам надо держаться вместе, а не ругаться на пустом месте.

— Извини, — прошептал Стас, обняв Хуню за талию.

— Да и ты меня... — отозвалась она и чмокнула Погодина в щеку.

Увидев это ксури побледнел и в его глазах заблестели слезы. Он отвернулся от курсантов и ушел в дальнюю часть лаборатории, спрятавшись за оборудованием.

— Ну ребята... — покачав головой, выдохнула я и направилась исправлять ситуацию.

Рут Сайвэ со страдальческим выражением лица смотрел в окно на плывущие облака. По его щекам катились крупные слезы. Вот уж не знала, что ксури такие чувствительные.

— Фаэр Сайвэ, — позвала я, но мужчина даже не обернулся.

— Скажите, Аля, у меня совсем нет шансов? — вдруг тихо спросил он.

— Понимаете, фаэр Сайвэ, — тщательно подбирая слова, попыталась успокоить расстроенного ксури, — земляне в большинстве своем гетеросексуальны.

— И Стас Погодин тоже?

— На сколько я знаю — да. Но поверьте, не стоит Погодин ваших слез. У него отвратительный характер и он непостоянный и ветреный. Сколько девушек плакали из-за него! Начни вы встречаться, то рано или поздно он разбил бы вам сердце!

Врала я вдохновенно, прямо глядя в глаза преподавателю. Потому что о девушках Погодина я и слухом не слыхивала. Стас был со всеми и ни с кем одновременно. Да, Верник, становишься профессиональной лгуньей.

— Но вы же с ним дружите, — грустно сказал мужчина, вытирая слезы, — я эмпат и чувствую вашу взаимную симпатию, Аля. А по отношению ко мне у Стаса лишь страх и неприязнь.

— Дружу и люблю его, как друга, — не стала лукавить я.

— Значит вы все вместе дружите и любите друг друга? — оживился ксури.

Это он сейчас на групповой секс намекает? Да, попала ты, Верник!!! И как теперь выпутаться из этой ситуации?

— Понимаете, фаэр Сайвэ, любовь бывает очень разная. Я люблю Стаса, как брата, как единомышленника, у меня нет на его счет эротических фантазий.

— Станные вы — земляне! — озадачился Рут.

— Да, — согласилась я, — грани между любовью и дружбой у нашей расы настолько переплетены, что одно совсем не исключает другое.

— Как вы думаете, Аля, а Стас Погодин мог бы со мной дружить?

Боже! Ну за что все это мне?

— Конечно, мог бы, фазр Сайвэ, но без эротических фантазий! Помните, земные мужчины — гетеросексуальны!

— Очень жаль, — вздохнул ксури, — но мне придется это учесть.

С Белиготаром Соргом за всю прошедшую неделю мы ни разу не пересеклись. Даже издали я не видела своего прапрадеда по материнской линии, зато регулярно по коммуну общалась с родными и близкими. Мама вздыхала о том, как похудела и осунулась ее единственная дочь. Папа неизменно успокаивал жену, говоря, что ребенок вырос и способен на самостоятельные жизненные решения. Бабушка Пелагея уверяла, что подготовка экспедиции завершается и вскоре с Лунопорта стартует корабль Ветлуга, который доставит группу ученых на планету Лорна, системы Арато.

— Ба. — заговорщицки шептала я, — ты уже рассказала нашим про Белиготара Сорга?

— Ох, Алька, — вздыхала она, — я пока сама себе в этом признаться боюсь. Шутка ли, встретить человека спустя столько лет.

— Он о тебе не забывал. — говорила я при каждом разговоре, но Пелагея Джоновна только вздыхала в ответ. Ничего, вода камень точит. Уж очень мне хотелось, чтобы любимый мною человек обрел, наконец, счастье, пусть и спустя больше ста лет. Разве время преграда для настоящих и искренних чувств?

Отношения Жоффрея и Аии развивались стремительно. Астерийка, реабилитировавшись среди своих и освоившись среди наших, теперь не только взидала на своего героя из под полуопущенных ресниц, томно вздыхая, но уже и спорила с ним, если их мнения расходились. Селедкин же глаз не сводил со своей синеокой «мальвины», повсюду таская ее за собой. Бабушка Серафима Дормидонтовна выбор внука одобрила, сказав лишь: «Дяковиннай масти нявестка-та» и «Ждитя мояво блыгаславення, ня живитя ва грехе-та», но рейсовых кораблей маршрутом Лунопорт-Кхарма не было и в помине, поэтому приходилось ждать отправки специализированного транспорта с Земли.

— Это когда же она сюда доберется? — вопрошала Хунька.

— Я баб... я баб... — пытался ответить Жорик.

— Да, не до баб тебе, Селедкин, ты уже почти женатик у нас, — привычно откликнулся Погодин.

— Я баб Симу знаю, — продолжал Жоффрей, — к зи... к зиме будет.

— Да, — соглашалась с ним Хунька, — такой женщине полками командовать, а не только семейством Селедкиных.

— Она ста... ста...

— И ничего она не старая! — вступился Стас, — очень резвая бабулька.

— Она староста всея Руси! — выпалил Жорик и мы уважительно притихли.

За прошедшую неделю земляне перезнакомились со всем курсом и со многими наладили весьма неплохие отношения. Особенно дружеские — установились с варгами. Восемь молодых мужчин обладали веселым нравом и повышенным чувством справедливости, ко всем относились приветливо. Лишь с тентурийцами они держались отстранено холодно, зато с землянами быстро нашли общий язык и уже через несколько дней ходили по Академии, распевая когда-то народную песню «Я на камушке сижу, я топор в руках держу...», а учитывая наличие у варгов выпирающих клыков и длинных, заостренных когтей звучало это весьма угрожающе.

Единственная, с кем не удалось наладить никакого контакта, была Анвен Беллим. Девушка открыто игнорировала землян, как, впрочем, и всех остальных, задирая свой

хорошенький носик. Если она оказывалась в гостиной, когда мы с Хуней входили в отсек, то фыркала и, расправив плечи, походкой царицы удалялась в свою спальню. Узнав, что Айа встречается с Жориком, эльфийка испортила отношения и с ней. В целом, никто из однокурсников не питал особой привязанности к Анвен, лишь мужчины-эленмарцы считали своим долгом помочь ей в любой жизненной ситуации и выполнить любую просьбу, но после этого вздыхали с облегчением и предпочитали держаться от девушки на расстоянии. Впрочем, Анвен сложившаяся ситуация не особо расстраивала. Видимо, такое поведение мужчин и женщин было естественным на Эленмаре. Единственное, что меня бесконечно раздражало в ее поведении, это повышенный интерес к тангиру Дарину Элвэ. Нет, «леденец», конечно, не бросался сломя голову выполнять любую прихоть нежной эльфийки, но был с ней неизменно вежлив и терпелив, а в моем присутствии даже улыбался, общаясь с Анвен, поглаживал девушку по ладошке и даже что-то шептал на ухо. Ну что же, я проиграла, даже не вступив в игру.

Брат эльфийки, Фингорм, после памятного разговора в гостиной нашего отсека, больше не показывался на Хунькином горизонте, что явно не нравилось подруге. Даже на Феокла она смотрела по другому, изредка просила робота читать ей вслух и улыбалась, слушая голос белобрысого эльфа. А живого прототипа андроида мы иногда видели в столовой, неизменно подтянутого, сияющего и, зачастую, в сопровождении какой-нибудь дамы, влюбленно вззирающей на него. Хунька в такие моменты отворачивалась и усиленно делала вид, что ее это несколько не задевает, но грусть в глазах спрятать весьма-весьма непросто, особенно от людей, которые хорошо тебя знают.

Наказывать преподавателям было пока некого, да и не за что, и курсанты ходили на соответствующие вахты согласно составленного всунем графика. Мне пока довелось подежурить лишь в столовой. Работа не пыльная и очень вкусная. Сидишь себе, мечтательно смотришь на плывущие за окном облака, лопаешь какой-нибудь инопланетный деликатес, разрешенный к употреблению землянами, и отдаешь команды роботам в какой пищевой автомат какие продукты загрузить или на что обратить внимание при уборке территории.

Истархова и Вихрова никто из нас больше не видел. Жизнь на новом месте налаживалась, обретая свое русло и размеренное течение.

Подошла очередь нашей четверки нести загадочную вахту в ангаре с кораблями апаньяр. Те однокурсники, кто уже побывал там, считали это времяпровождение самым скучным занятием. Да, и правда, сидишь себе один одинешенек среди летательных аппаратов, и нельзя ни уйти, ни поспать. Но не смотря на их рассказы, в душе царил подъем, предвкушение и предчувствие чего-то волшебного.

Первым отправился в ангар Погодин. Мы в это время были на занятиях и с нетерпением ждали его возвращения. Увидели Стаса только в столовой, когда он с битком забитым едой подносом опустился за наш с Хунькой столик.

— Это на самом деле очень тоскливое занятие, — подтвердил друг, — Селедкину Айа хотя бы еды с собой собрала, их четверка дежурила до нас, а я там от голода чуть не умер!

— Да тебя можно неделю не кормить, Погодин, — усмехнулась Хунька, — ты тут на инопланетном харче при спокойной жизни вон какие щеки за неделю наел.

— Так вкусно же, — подтвердил с набитым ртом Стас, — я молодой растущий организм.

— Вширь? — поинтересовалась подруга, — смотри, растолстеешь, ни один ксури не полюбит.

— Язва ты, Фархунда! — парировал Погодин, — не пересмотришь свой характер, так и останешься в девках.

— Да, хватит вам, — пришлось мне вмешаться. В последнее время стычки между Стасом и Хуней набирали обороты, — расскажи лучше, какие они?

— Кто? — не понял Погодин, наслаждающийся своей перепалкой и едой.

— Кораблики!

— А! Кораблики! — улыбнулся он, — обычные, черненькие такие, обтекаемые. Знаешь, они словно не из металла сделаны. Материал такой странный, чем-то резину напоминает.

— А иллюминаторы? Вход? Шлюзы и прочие отверстия? — не унималась я.

— А нет ничего, — ответил Стас, закидывая в рот очередную порцию пищи.

— Как это? — опешили мы с Хунькой.

— А вот так, нет в кораблях никаких отверстий. Они словно сделаны из одного огромного куска странного минерала, и нет ни одной трещинки или щели, ни единого стыка или крепежа.

— Странно, — задумчиво произнесла Хунька.

— Вот и я говорю — странно. Эти кораблики, как детские модельки, целиком выплавленные из пластмассы.

— Ну а символы какие-нибудь или опознавательные знаки на них есть? — мне не терпелось поскорее увидеть эти загадочные корабли.

— Нет на них ничего, Алька. Говорю же, просто черные куски неизвестного материала, которым придали одинаковую форму.

— Как же тогда узнали, что это летательные аппараты? Вдруг ошиблись?

— А их вместе с описанием нашли. Да, сама прочитаешь. Тебе файл на комм придет, как только в ангар зайдешь, — и Стас смачно вгрызся в свежую булочку, застонав от удовольствия.

От Жорика тоже ничего внятного добиться не удалось. Спать я легла с замирающим

от предвкушения сердцем. Хунькина кровать пустовала, она то уже дождалась своей вахты.

— Алевтина, время, — разбудил меня голос Феокла.

Так быстро я, пожалуй, никогда не собиралась. Наскоро переплела косу и рванула навстречу тайне, нащупывая под форменной курткой загадочный кулончик апаньяр. Почему-то во мне росла уверенность, что именно у меня получится разгадать тайну этих корабликов. Если у ученых не получилось, значит они просто не там искали. «Раскрой свою душу» — говорили апаньяр. Значит, к их изобретениям нельзя подходить с позиции прагматизма, значит, нужно что-то еще.

Я неслась по пустынным коридорам спящей Академии, лишь изредка встречая на пути роботов-уборщиков. Уже, когда перенеслась к ангарам и выскочила из лифта, с размаху впечаталась в кого-то высокого и достаточно крепкого, чтобы выдержать мой спонтанный натиск. Подняв глаза, встретила со смеющимся взглядом деда.

— Приветствую вас, легар Сорг, — кивнула я, приложив сжатый кулак к груди, как того требовали правила Академии.

— И я тебя приветствую, мой птенчик, — улыбнулся он, — вот, только сегодня вернулся, узнал, что у тебя первая вахта в ангаре и решил пожелать удачи.

— Желайте! — улыбнулась в ответ.

Белиготар Сорг, подняв руку, нежно коснулся моей щеки и сказал:

— Все эти вахты придуманы от бессилия ученых, в надежде хоть на шаг приблизиться к разгадке. А разгадка сейчас нужна, как никогда, — его лицо стало серьезным и напряженным, — на приграничных территориях участились нападения. Гибнут люди, Аля. Боюсь, нас ожидает новое столкновение с Темным Кругом. Война...

— Война? — прошептала я.

— Да, птенчик, как вполне возможное развитие текущих событий — война. И корабли апаньяр стали бы бонусом Коалиции, тайным козырем, — легар убрал руку с моей щеки, но продолжал удерживать за плечи, глядя в глаза, — все мыслимые и даже немыслимые способы заставить эти аппараты летать уже использованы. Результатов, к моему огромному сожалению, нет. Но я видел, какие нестандартные способы решения проблем приходят на ум землянам, поэтому искренне надеюсь на вас. Слышишь, Аля, верю в вас! И надеюсь...

— Слышу, — отозвалась я, переваривая информацию.

— Так вот, мой птенчик, я желаю тебе удачи! Нам всем желаю удачи!

— Спасибо, — прошептала в ответ, а легар склонился и дотронулся губами до моего лба.

— Приветствую вас, легар Сорг, кадет Верник, — послышался насмешливый голос... разумеется тангира Элвэ!

Мы слаженно с достоинством кивнули ему, хотя для этого нам пришлось несколько отстраниться друг от друга. И только тогда я поняла всю двусмысленность ситуации, что «леденец» мог подумать о моей совершенно случайной встрече с дедом. Ну, почему он всегда оказывается рядом в самый неподходящий момент? Смущенно опустила глаза и принялась рассматривать носки своих ботинок. Бирюзовые глаза мечут молнии, брови насулены, а губы прочно сжаты. Эленмарец был в бешенстве, сжимая руки в кулаки. Зато легар ничего не замечал, с нежностью продолжал смотреть на меня, как ребенок на любимую плюшевую игрушку.

— Разрешите идти? — почему-то хрипло спросила я.

— Идите, кадет Верник! — рыкнул тангир, а дед лишь кивнул, ободряюще улыбнувшись

на прощание.

Ну, я и пошла, а свернув за угол услышала обрывок диалога эленмарцев.

— Так рано, а лагар на ногах, — раздался ядовитый голос Элвэ, — волнуешься за своего птенчика, Тар?

— Как мальчишка, — признался Сорг, даже не заметив язвительных интонаций Дарина, — никогда так ни за кого не переживал...

Черт! Люблю деда! И какое мне дело, что подумает тангир? Пусть катится к своей Анвен! Настроение улучшилось и я направилась прямым ходом ко входу в секретный ангар.

Как только пересекла границы ангара, пиликнул комм, говоря о том, что пришел файл с информацией, о которой упоминал за обедом Погодин. Само помещение летного ангара было внушительных размеров. Здесь находились пять черных, блестящих кораблей апаньяр продолговатой формы с небольшими крыльями и... пожалуй все. Никакого шасси или посадочных опор в наличии не имелось. Черные туши лежали прямо на брюхе, сверкая ониксовыми боками. Располагались кораблики клином, один впереди, а четыре других попарно за ним. Ишь ты! Не иначе, командир!

В ангаре стояла тишина, приглушенный свет делал тени предметов вытянутыми. Подруги нигде видно не было.

— Хуняя! — позвала я.

— Верник! Неужели эта обязаловка закончилась? — донеслось откуда-то из дальнего конца помещения.

— Закончилась! — я поспешила к ней.

Фархунда сидела удобно развалившись на единственном стуле и печально взирала на прозрачную стену, за которой было видно соседнее помещение. В том ангаре готовились к вылету. Бегали курсанты, стояли двухпилотные истребители класса Нова, что-то говорили офицеры, но звук стена не пропускала и получалось, что они просто открывают рот. А еще там был Фингорм. Эльф улыбался, приветственно махал кому-то рукой, направляясь с напарником-эленмарцем к своему аппарату.

— Они нас не видят, — зачем-то сказала мне Хуня то, что я и без нее знала, — с той стороны стена зеркальная. А все-таки он красивый...

— Фигнорм? — не удержалась от вопроса я.

— Космос, — улыбнулась подруга, вставая со своего трона, — конечно, космос! Стала бы я думать про это вредное, ушастое пугало!

— А по-моему, он вполне симпатичный, — пожала плечами в ответ.

— Верник, ты, вообще, чья подруга? — насупилась Хунька, — ты сейчас на чьей стороне должна быть?

— Твоя, твоя я подруга, но истина дороже!

— Предательница! — шутливо обвинила меня она, потягиваясь и разминая затекшие мышцы.

Соседний ангар опустел. Пилоты заняли свои места в истребителях, обслуживающий персонал и командование вышли в безопасные помещения. Шлюзовые створки дрогнули и начали раскрываться, открывая нашему взору летный коридор и темное небо Кхармы, усыпанное звездами.

— Повезло им, — бросила Хунька, — они сегодня до ближайшего спутника планеты летят и обратно, а мы... Сиди тут, стереги антиквариат.

— А ты откуда про их полет знаешь? — удивилась я.

— Так скучно же, вот и смотрела академическую голосеть по комму, — откликнулась Хеня, не отрывая восхищенного взгляда от стартующих истребителей, — вот бы и нам так!

— Полетаем еще, — поспешила ее утешить, хотя самой очень хотелось туда, где в ночной мгле один за другим исчезали кораблики, унося своих пилотов в бескрайний космос.

— Полетаем, — отозвалась она, когда за последним двухпилотником стали закрываться створки шлюза, соединяющего ангар с летным коридором, — устала я, Алька, просто сил никаких нет. Безделье утомляет еще больше, чем тяжелая изнурительная работа.

— Иди отдыхай, — улыбнулась я, — там тебя пугало ушастое дожидается.

— Это ты кого пугалом ушастым обозвала? — недобро прищурилась Хунька, — уж не Феокла ли моего?

— Это не я. а ты его так назвала. — рассмеялась в ответ взбешенной подруге.

— Не было такого! Речь шла о мерзком эленмарце!

— Они же близнецы-братья! Называя так одного, тень обязательно упадет и на другого.

— Да, ну тебя, Верник. Вечно ты все перевернешь, — отмахнулась Хунька, — нескучной вахты! Салют!

Ее шаги удалялись, потом открылась входная дверь ангара, закрылась, и наступила тишина. Примерно час я изучала присланный мне файл. Никакой новой и особо ценной информации из него не подчеркнула. Действительно, на подобных летающих аппаратах экипаж состоял из четырех человек. Скорость и маневренность корабликов не поддавалась описанию. Между собой ученые называли эти машины — «тени», потому что даже когда они находились без движения на месте, их не обнаруживал ни один радар. Дальше шла история раскопок на Тентуре и описание опытов, которые проводили над корабликами, предпринимая попытки попасть внутрь. Их пытались распилить, прожечь, разрезать. Один кораблик даже вывозили, чтобы взорвать, но все попытки не увенчались успехом. Внутрь попасть так и не удалось, а на поверхности загадочных аппаратов не осталось ни царапины. Вот уже несколько лет стоят апаньярские летуны, и только курсанты приходят к ним нести бесполезную вахту. Да, не густо!

Значит, не найдя щадящих методов раскрыть тайну, проводили варварские, но ведь сами апаньяр как-то в них проникали. Может использовать кулон? Как они его там называли? Денкоро или ключ ко всему. Интересно, к корабликам он тоже подойдет? Достав кулон из под форменной куртки, я направилась искать на аппаратах то, к чему можно было бы его приложить.

Спустя час, мои поиски все еще не увенчались успехом. Обшарив все корабли, не нашла ничего похожего ни на символы апаньяр, ни на отверстие, схожее по диаметру с денкоро. Абсолютно ничего. Как и говорил Стас, словно из цельного куска сделан. Ни трещинки, ни щелочки... Конечно, я пробовала прикладывать кулон к бокам и крыльям, но ничего не происходило. Кораблики оставались все такими же неподвижными памятниками глубокой старины. Не обследованным осталось только днище, но уверена, если бы оно содержало что-то привлекающее внимание, ученые давно об этом знали.

Отчаявшаяся и уставшая, я села прямо на холодный пол ангара и привалилась спиной к теплему боку корабля. Теплему боку? Не может быть! В помещении было прохладно! Я судорожно дотрагивалась до металлических застежек, комма, пола... Все предметы — холодные и лишь кораблик — теплый. От того, что поиски разгадки сдвинулись с мертвой точки, меня охватил небывалый подъем. Я подскочила и побежала трогать другие кораблики! Они все, абсолютно все были теплые! Их температура, конечно, была ниже

температуры человеческого тела, но все же выше, чем у остальных предметов в ангаре. И как я сразу этого не заметила?

Почему кораблики теплые? Или их что-то подогревает изнутри или они... живые?!!! Раскрой свою душу — говорили все время апаньяр в древнем храме. К ним с душой нужно было, а не с резаками и с лазерами. Подойдя к кораблику-командиру погладила его по теплему боку, искренне жалея.

— Бедняжечки, сколько же вам всего пережить пришлось. Эх, умели бы вы говорить, уж мы бы с вами пообщались! — шептала я. Совсем ты, Верник, сбрендила, стоишь тут с кораблями разговариваешь, причем на общеземном.

— А мы умеем, — раздался в моей голове приятный баритон.

— Кто это мы? — испугалась я, одернув руку.

— Положи конечность обратно, человек, мне было приятно, — снова прозвучал голос.

— Да кто вы? — попыталась все же выяснить, но руку на место вернула от греха подальше, — вот я — Алевтина Верник, можно просто Аля. А вас как зовут?

— Ты называла нас «кораблики», Алевтина Верник, — ответил голос в моей голове. Рехнуться можно.

— Так вы живые и разумные?

— Мы созданы из живой материи, искусственным путем, но способны развиваться и поддерживать то, что вы называете жизнью, самостоятельно. Разум — очень широкое понятие. Организмы, подобные моему могут думать и принимать решения в критических ситуациях, когда существует угроза жизни.

— Чьей?

— Жизни того, кого мы признаем хозяином.

— Простите, вы так и не сказали, как вас зовут, — напомнила я кораблику.

— У нас нет имен, — прозвучал ответ.

— Очень жаль. У любого живого существа должно быть имя.

— Наверное, — задумался кораблик.

— Это же так приятно, когда тебя называет по имени тот, кому ты симпатизируешь, — улыбнулась я.

— Алевтина Верник мне симпатична. Назови меня по имени, — снова прозвучал голос.

— Но у вас нет имени... Как я могу назвать то, чего нет?

— Логично, — ответил заметно погрузневший голос, — а где обычно берут имя?

— Обычно его дают родители. Ну те, кто вас создал, — пыталась объяснить прописные истины. Выходило скверно.

— наших создателей давно нет, — еще больше загрустил кораблик.

— А хотите я вам придумаю имя? — предложила я.

— Нам всем? И мне? А мне тоже? — раздался в голове хор голосов, один из которых был явно женским. Дожила до голосов в голове, Верник! Тут валерьяночки не попьешь, тут космос.

— Могу и всем, — растерянно произнесла я.

— Имя должен давать хозяин, — весомо заявил кораблик-командир и все остальные стихли.

— Да... прямо как на Земле — хозяин и его верный пес, — не заметила, как озвучила свои мысли.

— Кто такой — пес?

— Это такое живое существо, которое хозяин заводит, чтобы рядом был тот, кто его понимает и в любую минуту выслушает. Пес — это друг, готовый всегда прийти на выручку, никогда не предаст и не бросит. Он, ради жизни хозяина, готов даже своей жизнью пожертвовать...

— Это все про нас, Алевнита Верник. Мы верные, выполняем приказы и готовы жизни отдать за своего хозяина. Ты нам нравишься, и мы выбираем тебя, — торжественно объявил голос.

— Но вы не можете меня выбрать! — закричала я, — вы нужны Коалиции и Белиготару Соргу!

— Мы сделали выбор, Алевтина Верник. Теперь, нового хозяина изберем только после твоей смерти, — продолжал декламировать командир корабликов.

— А ну если только после смерти, то тогда... конечно... — умирать пока совсем не хотелось. Дед за это убьет! Ну кто меня с этими псами за язык тянул?

— Человек Алевтина Верник теперь будет нашей хозяйкой! — объявлял голос, его восторженно поддержали, а мне хотелось, чтобы все происходящее здесь оказалось дурным сном.

— Меня на всех не хватит! — привела я, как мне показалось, разумный довод.

— А сейчас ты выберешь нам имена, — как ни в чем не бывало продолжил кораблик. Похоже меня здесь совсем никто не слушает. — Как у вас на Земле принято называть псов?

Я застонала, и, кажется, громко... вслух...

Еще полчаса ушли на перечисление кличек собак. Мерный гул голосов в голове уже не раздражал, а шел фоном, не отвлекая от собственных мыслей. В конце концов, после долгих споров, с именами мы определились. Я обзавелась собственной сворой. Летающие собаки теперь звались: Дружок, Тузик, Полкан, Барбос и... Принцесса. У кораблей оказалось извращенное чувство юмора. Все у этих апаньяр... не как у людей.

— Хозяйка, мы ждем твоих приказаний, — сказал Полкан, он же главный кораблик.

— А как на вас апаньяр летали?

— Мы находились в режиме спячки, обычно у нас несколько иной вид.

— И когда вы его сможете принять?

— Когда пожелает хозяйка, — ответил кораблик.

— Тогда желаю, чтобы вы его приняли, — тут же отозвалась я. Эх, любопытство мое всегда впереди.

Как по волшебству, конфигурация корабликов изменилась, стала более рельефной, появились люки, едва заметные затемненные иллюминаторы.

— Ого, — восхитилась я, — вам бы еще тюнинг, чтобы один от другого отличить можно было.

— Что такое тюнинг? — спросил Полкан.

— Ну... это, индивидуальное усовершенствование корабля, в том числе и деталей интерьера, — я нашла на комме страничку с последней выставки флайкаров на Земле, — не знаю, как вам показать картинки...

— Поставь свое устройство под зеленый луч, — ответил Полкан и из его бока отделился щуп с зеленым свечением на конце.

Полагая, что хуже не будет, я послушно подставила комм. Несколько секунд ничего не происходило, а потом щуп убрался на место.

— Занятно, — сказал Полкан, — здесь есть над чем подумать.

— Сможете сделать что-то такое, чтобы человеческий глаз мог вас различать? — спросила я.

— Сможем, — уверенно ответили мне.

— А можно я вас внутри осмотрю? — не удержавшись, попросила кораблик и тут же перед входом выросли ступени, приглашая меня.

Здесь было все почти также, как в кабине обычного летательного аппарата. Четыре удобных кресла, приборная доска у каждого, бегущие огонечки и абсолютно никаких надписей.

— А как этим всем пользоваться? — озадаченно спросила, дотрагиваясь до одной из панелей.

— Инструкцию я уже сбросил на твое примитивное устройство, хозяйка, — отозвался корабль.

— Полкаша, а ты не мог бы называть меня Аля?

— Хорошо, Аля. А Полкаша мне нравится больше, чем Полкан, — раздались булькающие звуки. Это он что, так смеется? Корабль с чувством юмора это... Хотя, после выбора имени в этом, как раз, сомневаться и не приходилось.

Я продолжила осмотр, обращая внимание на мелкие детали, а кораблик давал толковые пояснения.

— Кресла могут трансформироваться в удобные лежанки. Ваша форма жизни слишком быстро утомляется, — говорил он, — мы почти все делаем сами, воспринимаем голосовые команды, а при необходимости и мысленные. Для этого пилоту необходимо надеть вон тот обруч...

В целом, через десять минут стало понятно, что с управлением таким разумным корабликом справился бы и ребенок. Облегченно вздохнув, я вышла из Полкана и... зависла я. Вокруг меня стояли тюнингованные корабли. Их апгрейд несколько озадачил, если не сказать — шокировал.

Обшивка Дружка была стилизована под богатырскую кольчугу, вокруг корпуса протянулась широкая красная полоса с символикой древних оберегов, а впереди, на кириллице надпись — «Постоим за Русь-Матушку!».

Цвет Тузика не изменился, оставшись таким же ониксово-черным, но появилась масса выступающих металлических частей, на боку красовалось изображение одной из популярных земных роковых групп, а надпись гласила: «Люди гибнут за металл».

Вдоль корпуса Барбоса, полностью выкрашенного в яркий васильковый цвет, шли три былые полосы и надпись «ADIDAS». Что это такое, я не имела ни малейшего понятия.

Вид Принцессы меня обескуражил и лишил дара речи. Над передними иллюминаторами торчали вверх загнутые, пушистые ресницы, на носу ярко-красным нарисованы объемные губы, а весь корпус выкрашен в нежный розовый цвет с крупными бело-желтыми ромашками. Надпись на корме — «Красота — страшная сила!».

Полкан, как истинный военный, был раскрашен под камуфляж, сочетающий в себе три оттенка хаки и черный, с надписью крупными золотыми буквами «Честь превыше всего!»

В общем... ступор у меня наступил полнейший.

— Что это? — выдавила из себя я, когда дар речи стал потихоньку ко мне возвращаться.

— Тюнинг! — гордо сообщил мне Полкан.

— Но я же вам такого не показывала, — жалкий писк, оказался моим.

— На той страничке, что показала ты, ничего не привлекло нашего внимания и мы

изучили дополнительные.

— Дед меня точно убьет! — простонала я.

— Мы защитим свою хозяйку! — раздался хор голосов.

— Аля, — рывкнула на них, — я просила называть меня Аля!

— Хорошо, Аленька, зачем же так нервничать? — раздался мелодичный голос Принцессы и в воздухе перед ее носом материализовалось голографическое зеркало.

— Ыыы... — снова простонала я.

— Никогда еще не чувствовал себя таким бодрым, — произнес Барбос, покачивая на щупах древними гантелями. И где только взял?

— Кораблики, миленькие, — взмолилась я, — а может вы обратно того... в прежнюю форму? Ну его этот тюнинг! Прогресс никого до добра-то не доводил.

— Ёшки-мотрешки! Кокая же жизнь без брони-то ратной? — послышался бас Дружка.

— Типа того! — подтвердил Тузик-металлист.

— И лишится моего бесподобного маникюра? — завопила Принцесса, демонстрируя мне розовый перламутр на щупах, — женщина всегда должна оставаться женщиной, особенно в окружении мужчин!

Она кокетливо забулькала, а я... В общем, разозлилась я.

— Слушай мою команду! — заорала на них, — с этого момента вы поступаете на службу в Корпус Мира Международной Коалиции Наций и приписываетесь к Высшей Звездной Академии. На время несения боевой вахты выбрать простой, неброский цвет корпуса с нанесенным на него порядковым номером и эмблемой ВЗА. В свободное от боевой вахты время разрешаю вольный тюнинг. Приказы легара Белиготара Сорга исполнять как мои! Команду подобрать из курсантов экспериментального курса! Четверка: Верник, Погодин, Селедкин и... Черт!.. Хунька — летает на Полкане. Вопросы?

— А маникюрчик оставить можно? — жалобно спросила Принцесса.

— Нет! — рывкнула я, просматривая в комме страницу за страницей. Наконец, найдя нужную информацию, поднесла комм к Полкану, — Полкаш, будь так любезен, считай инфу и доведи до всего личного состава.

— Есть, мэм, — по-военному ответил кораблик и достал щуп с зеленым свечением.

— Учите Устав! Устрою тотальный опрос! — бушевала я.

— Кончай бузить! Не кипишуй, мама! — пытался меня образумить Тузик.

— А ты! — ткнула пальцем в его увешанный металлическими бляшками бок, — если не пересмотришь жаргон, то я тебе прикажу молчать вечно!

— Понял, не дурак! — примирительно откликнулся кораблик-металлист и замолчал.

Тут за моей спиной раздалось покашливание.

Обернувшись, я узрела картину маслом: Погодин и Селедкин в спортивной форме, а с ними зевающая, кое-как одетая Хунька. Все трое ошарашенно взирали на кораблики и разгневанную меня.

— Верник, я тебя два часа назад здесь оставила, — сказала удивленная Хуня, — ты что с кораблями натворила? Да мы их перекрашивать всей четверкой неделю будем!

— А вы как здесь оказались? — опешила я.

— Таксо... таксо... — начал Жорка.

— Кончай голосовать, Селедкин! — прервал его Погодин и на этот раз тот его послушался, — нам на коммы сообщение пришло, Аль.

Хунька протянула свой комм. «Попала в неприятную ситуацию. Срочно спасай. Алевтина Верник.» — гласила надпись.

— Тааак... — протянула я и повернулась к кораблям, — и кто из вас такой мудрый?

А в ответ тишина...

— Кто? Я вас пока по-хорошему спрашиваю, — тихо так настаивала на ответе, ласково.

— А прости ты нас, девица красная, — раздался совсем не в голове бас Дружка, — сообща думу думали.

— Понятно, заговорщики апаньярские! — процедила в ответ и развернулась к ребятам, — ну а вы чего неслись сломя голову?

— Так сообщение же было... — растерялся Погодин, — а тут ты... и эти... Они что, реально говорящие?

— Это когда я сообщения, отправленные со своего же комма полным именем и фамилией подписывала?

— Да, глупо вышло, — согласилась Хунька, — я еще когда мимо поста дежурного офицера пробежала, заподозрила неладное.

— Почему? — удивился Стас.

— У него голоэкраны с изображением ангаров стоят. А на одном из них печальная Алька с коммом в руке скучает на фоне неподвижных черных силуэтов.

— И это вы? — грозно просила у апаньярских хитрецов.

— Да что ты с ними как с живыми разговариваешь! — сказала Хунька, намекая на мою несостоятельность.

— А они и есть — живые! — заложила я корабликов, — хозяйкой меня признали и имена себе выбрали.

— Имена? — удивился Погодин, — познакомишь?

— Конечно! — грустно усмехнулась в ответ, — с ресницами в розовом — Принцесса, в синих спортачах — Барбос, жертва тяжелого рока — Тузик, богатырь былинный — Дружок, ну их начальник и командир Полкан, он в камуфляже. Прошу любить и временами жаловать.

— А че... А че... — начал Жорка.

— Да ни че! Живые они, понял? — пояснил ему Стас.

— Ачешуеть... — закончил все-таки Селедкин.

— Это же здорово! Живые апаньярские корабли! — воскликнула Хунька.

— Ага, — скривилась я, — лучше скажи, как мне деду их тюнинг объяснить!

— Кого? — переспросил Погодин.

— Вид их затейливый, вот кого!

— А они все причуды уберут до начальства. Правда же, кораблики? — восторженно заговорила подруга, — а пока никто о них не знает, может полетаем? Ведь их ни один радар не засечет. Ну, Аленька, только до спутника и обратно! Весь экипаж в сборе.

— Хунь, ну ладно ты. У тебя отдых после ночной вахты, а Стас с Жоркой с занятий сбежали. Их искать будут, — полетать, конечно, и мне хотелось, но как-то было боязно.

— Утренняя тренировка закончена. Сейчас по расписанию завтрак, а потом свободная пара! — отмазался Стас.

Мне ничего не оставалось, как вопросительно взглянуть на Полкашу.

— Никаких проблем, — ответил он, — полчаса туда и полчаса обратно, за час обернемся.

— Ладно, — пришлось согласиться мне, — летим на Полкане. Остальные сторожат ангар и никого не пускают!

— Есть, мэм! — отчеканили кораблики.

— Мэм? — удивилась Хунька и первая залезла внутрь.

Когда все заняли свои места, перед нами вспыхнул голографический экран, транслирующий обстановку снаружи. Вот кораблик дрогнул и плавно оторвался от пола. Из носовой части вырвались два луча, устремившиеся к створкам шлюза и те беззвучно разошлись. Показался летный коридор, затем утреннее небо Кхармы, и вот, наконец, бесконечный космос раскрыл нам свои объятия.

— И мы правда доберемся до Лумпары за полчаса? — спросил Погодин, внимательно рассматривая все вокруг.

— Можно и быстрее, но я подумал, что вы подольше полетать захотите, — ответил Полкан.

— Это просто невозможно, — прошептала Хунька, — истребители Нова вылетели туда два с половиной часа назад, а мы там окажемся раньше них?

— Они идут с приличной скоростью, — Полкан вывел на экран группу знакомых двухпилотников, — будем у спутника почти одновременно.

— Нужно обязательно их обогнать! Обязательно! — в желтых глазах подруги зажегся озорной огонек.

— Как захочет уважаемая Хуня Черт, — ответил кораблик, у Хуни округлились глаза, я открыла рот от неожиданности, а Погодин с Селедкиным рассмеялись.

— Тебе подходит! — констатировал Стас.

— Простите, — извинился вежливый Полкаша, но так вы были мне представлены.

— Верник, покайся! — уставилась на меня Хуня Черт.

— Да не в чем каяться! — попыталась оправдаться, — фамилию надо иметь попроще, тогда я не буду ругаться прежде, чем ее произнести.

— Ничего в ней сложного нет, — обиделась она, — Ткхшшшарсинсит, чтобы ты знала, Верник, фамилия одного из самых старых аристократических родов Тентуры. Да я по их меркам почти принцесса!

— У нас уже одна принцесса есть, — усмехнулся Стас, — в ангаре стоит, губы красной краской малюет. Ты, значит, вторая будешь!

— Погодин! — возмутилась подруга, но договорить не успела.

— Подлетаем к группе истребителей класса Нова, — прокомментировал Полкан и мы прилипли к иллюминаторам.

Двухпилотники летели ровным, красивым клином. Вдалеке уже показалась Лумпара. Она становилась все больше и больше по мере приближения.

— Красиво летят! — восхитился Стас.

— А это эленмарское пугало, как всегда, впереди, — нахмурилась Хунька.

— Как и положено принцу на белом коне, — добавил Погодин, — ах, простите, принцесса, на серебристом истребителе.

— Внимание тревога! Вижу неизвестные корабли! — голос Полкана заставил нас вжаться в кресла и уставиться в голоэкран.

Со стороны спутника, отделившись от огромной передвижной станции, вылетели семь истребителей. Они стремительно приближались к клину из пяти ничего не подозревающих корабликов ВЗА. Каждый из вражеских летунов, напоминающих откормленных черных пауков, был вдвое больше академических.

— Почему наши их не видят? — прошептал Стас.

— Идут без опознавательных сигналов, а обшивка обработана отражающим составом. Таким пользовались бывшие хозяева до того как был изобретен трен, — пояснил Полкан, — из него сделаны мы.

— То есть наши их не заметят? — воскликнула Хунька.

— Заметят в самый последний момент, — подтвердил кораблик.

— Полкаша, миленький, надо что-то делать! — взмолилась я, — надо предупредить наших!

— Но тогда о несанкционированном полете станет известно, — предупредил Полкан.

— Там люди. Если не предупредить — они погибнут, — ответила ему.

— Они итак погибнут, у оружия, установленного на ваших кораблях, нет ни шанса против брони, обработанной составом апаньяр, — проинформировал меня кораблик.

— Но как же быть? — воскликнула Хунька, не отрывая напряженного взгляда от голоэкрана, где стая черных «пауков» неумолимо приближалась.

— Рассекречиваемся и принимаем бой? — прозвучал голос в моей голове.

— По местам! Мы принимаем бой! — незамедлительно ответила я, — Полкаша, какие у нас шансы?

— Приличные. Но спасти пять объектов и отражать атаку еще семи трудно.

— А если предупредить наших? — спросила я.

— Устанавливаю канал связи, командир, — прозвучало в ответ, и тут же на голоэкрane появилось лицо Фингорма.

— И в открытом космосе от землян покоя нет, — пробурчал эльф, — вы добрались и до секретных каналов связи...

— Говорит капитан корабля «Полкан», вас атакуют семь неизвестных истребителей. Оружие, имеющееся на борту аппаратов класса Нова против них бессильно, приказываю всем вашим кораблям отойти на базу! Как поняли? — как можно четче формулируя информацию ответила я.

— Птенчик, ты что сока в столовой перепила? — ухмыльнулся Фингорм, — маленькие сладкие девочки не должны мешать взрослым дядям покорять космос.

Его напарник заржал, а я растерялась, соображая, как доказать свою правоту.

— Слушай ты, пугало ушастое, — вмешалась в разговор Хунька, — когда в ходе военных действий, говорят бежать, надо развернуться и драпать без оглядки! И хотя, я с удовольствием наваляла бы сейчас по твоей эленмарской заднице, но мы на одной стороне!

Говорю тебе, разворачивайтесь и летите на базу!

— Малышка, моя эленмарская задница в твоём полном распоряжении, — промурлыкал упрямец, — но сейчас у меня приказ — забрать груз со станции на Лумпаре. Пошалим по прилету.

Хунька взвыла от бессилия, но тут раздался голос Полкаши:

— Передаю информацию на ваш примитивный носитель. Станция на Лумпаре уничтожена около часа назад, — Эльф сосредоточенно уставился на экран, на нашем голоэкране тоже вспыхнуло изображение руин на поверхности спутника, — вас готовятся атаковать семь кораблей, невидимых для ваших радаров, — картинка сменилась, на этот раз паукообразные летуны неслись к клину истребителей Нова.

— Но откуда вы все это знаете? — снова появилось озадаченное лицо Фингорма.

— Дома пошалим, — передразнила его Хунька и заорала, — назаааад! Быстро поворачивайте!

— И не мешайте птенцам спасти взрослых дядей, покоряющих космос, — добавила я.

Не отрывая взгляда от экрана с кораблями противника, Фингорм что-то нажал и сказал:

— Говорит Нова-3, всем кораблям Нова отойти на базу, как поняли?

— Нова-12, иду на базу!

— Нова... — и так все четыре оставшиеся кораблика.

Мы слаженно выдохнули. Серебристый клин ВЗА развернулся, меняя направление полета.

— Ду... Ду... — начал Жорка.

— Да, дураки не то слово! Идиоты! — подтвердил Стас.

— Думал нам не поверят, — закончил фразу Селедкин.

— Полкашенька, — позвала я, — мы же совсем не знаем твоих возможностей, ты уж объясни, чем каждый из нас сможет помочь.

— Мои возможности велики, но не безграничны. Прикрывать отход ваших кораблей придется, неизвестные готовятся атаковать. Энергетическую сеть большого радиуса, я создать не смогу, поэтому Жоффрею придется управлять ею, — отозвался кораблик.

— Каку... каку... — попытался спросить Жорик. На этот раз Стас промолчал, прислушиваясь к каждому слову, — кааак управлять?

— Как в теннисе, — отозвался Полкан и перед Жоркой вспыхнул персональный экран с фигурками атакующих чужих и улепетывающих наших кораблей, с устройством похожим на джойстик. Между летунами хорошо просматривалась крошечная круглая сетка, — попробуй ею управлять.

Жорка дотронулся до импровизированного джойстика и сеть на экране сдвинулась.

— Ух, ты! — воскликнул Погодин, — как в голографических играх! Селедкин по ним чемпион!

— Мо-о-огу! — улыбнулся Жорик.

— На борту три лучевых установки. Две боковые переходят под управление стрелков, — экраны с похожими устройствами вспыхнули и перед Хуней со Стасом, только на их джойстиках были еще кнопки, — Аля, пришло время надеть обруч.

И я надела его, тут же меня опутали плотные ленты, придавливая к удобному сидению, а мир вокруг взорвался красками и звуками. Слышался шум, то и дело прерываемый резким писком или отдаленным пиликаньем, как на ладони стали видны паукообразные корабли, мерцающие серебристым светом. Ничего подобного раньше мне видеть не приходилось,

словно очутилась в каком-то другом мире и в чужом теле.

— Я вижу и чувствую то же, что и ты? — тихо спросила у Полкана.

— Да, Аля, — сказал кораблик, — сейчас мы одно целое. Без вашей помощи мне одному не справиться.

И тут раздался первый выстрел с нападающих кораблей. Пространство разрезал синий луч, устремляясь вдогонку за серебристыми кораблями.

— По-о-оймааал! — закричал Жорка, ловко орудуя сетью, которая при соприкосновении с лучом перенаправила его в стрелявшего «паука», но тот смог увернуться, совершив немыслимый маневр.

— Ого! Вот это способности! — восхитился Погодин, — вот бы наши Новы так умели.

— Цельтесь в сопла, находящиеся на корпусе под «лапами», — на центральный экран Полкан вывел большое детальное изображение вражеского корабля.

— Ты берешь левых, я — правых, — скомандовала Хунька.

И бой закипел. Жорка совершал немыслимые маневры с сетью, не давая ни единому лучу устремиться вслед Иовам. Красные залпы, исходящие от нас и умело направляемые Хуней и Стасом, чаще попадали по корпусу, не причиняя «паукам» никакого вреда.

— Вот бы поднырнуть под брюхо этим гадам! — прошипел Погодин.

— Выполняю, — отозвались одновременно мы с Полканом.

— Интересно, сколько на той вражеской станции еще таких «пауков», — озвучила я свои мысли.

— Больше нет ни одного, — сказал кораблик, — я просканировал их станцию. Там довольно примитивная техника, истребители хуже, чем ваши Нова. Эти «пауки», видимо, экспериментальные, и сейчас проводятся полевые испытания. Их обкатывают в бою.

— Вот гады! — выплюнула я, — а мы можем один из «пауков» захватить? Думаю, нашим ученым будет интересно в нем поковыряться.

— Можем, заряда сети хватит, чтобы его обездвижить и доставить на Кхарму, — подтвердил Полкан, — Аля, внимание, наводи пушку на центрального. Бей!

Зеленый толстый луч прорезал пространство и центральный «паук» заискрился, а потом и вовсе рассыпался на мелкие куски. Тут же с обоих боков красные лучи попали в сопла под «лапами» двух из кораблей противника, вспыхнув, они взорвались.

— Ура! — закричала Хунька, — осталось четыре!

«Пауки» нас не видели и стреляли хаотично, наугад, отслеживая наши удары. Один из синих скользнул по корпусу и нас ощутимо тряхнуло.

— Как ты, Полкаш? — обеспокоенно поинтересовалась я.

— Неприятно, но переживу, — забулькал в ответ кораблик. Нашел время шутить!

Еще через десять минут пали три «паука» противника, а на последнего Жорик ловко набросил энергетическую сеть. Свернутое в кокон вражеское насекомое смотрелось жалко.

— Мне нужно пополнить запасы кислорода и других необходимых молекул, придется подлететь к их станции, — сказал Полкан, — слишком много я потратил энергии.

— А мы сможем эту станцию уничтожить? — мне вдруг пришла в голову неожиданная идея.

— Сможем, — подтвердил Полкан, — но не раньше, чем я пополню свою ресурсы.

— Тогда, вперед!

Вражеская станция на фоне Лумпары смотрелась угрожающе и зловеще, как гигантская, хищная стрекоза, зависшая в полете.

— Подлетаю к грузовому отсеку... Стыкуюсь... — комментировал Полкан.

— А сколько нужно времени на необходимую дозаправку? — нетерпеливо спросила Хунька.

— Два часа двадцать две минуты по вашему временному исчислению, — доложил кораблик.

— А пленного «паука» за это время не уведут? — забеспокоился Стас.

— Я блокирую все исходящие от него сигналы и слежу за координатами установленного на его корпусе маяка.

— Это что же получается... — вдруг дошло до меня, — наши истребители придут в Академию раньше нас?

— Примерно на восемнадцать минут, — подтвердил мою догадку Полкаша.

Я застонала... Представила пламенную встречу и застонала.

— Аль, что случилось? — обеспокоенно спросил Погодин.

— Представила все букеты и слезы радости на глазах встречающих, когда мы вернемся.

— Да, брось ты, подруга! — небрежно отмахнулась Хунька, — победителей не судят.

— Сра... Сра... — начал Жорик.

— Девчонок постеснялся бы, — пристыдил его Стас.

— Сразу казнят, — закончил мысль Селедкин и укоризненно посмотрел на Стаса.

— Есть-то как хочется! — вздохнула Хуня и все с ней согласились, тяжело вздохнув в ответ.

— Два часа три минуты, — издевательски сообщил Полкаша. Садист апаньярский!

— А... А... кто-о-о та-а-ам внутри? — вдруг спросил Жорик.

— Сканирую, — ответил кораблик, — две расы гуманоидных существ. Преобладает более мелкая разновидность.

На голоэкрane вспыхнула картинка с изображением типового коридора станции. По нему то и дело пробегали невысокие человекоподобные существа, точнее — очень похожие на обычного землянина, если бы не одно но. Все открытые участки тел этих людей покрывали похожие на ожоги шрамы.

— Тошторы, — прошептала Хунька, — про них рассказывал фаэр Сайвэ. Как можно над собой так издеваться? Дикость какая-то!

— Земная история тоже имеет не мало таких примеров, — возразила я.

Вдруг в коридор вошел огромный четырехрукий человек, покрытый густой белой шерстью, которому тошторы едва доставали до пояса. Он, как огромный корабль в окружении маленьких лодочек, плыл, ступая осторожно и все время поглядывая себе под ноги.

— Ого! Вот это исполин! — восхищенно присвистнул Стасик, — да, в нем роста метра четыре будет.

— Три метра восемьдесят четыре сантиметра по вашей системе измерения, — доложил кораблик, — раса нимеды, планета Медрикс, согласно ваших справочников. Сильные телепаты и никогда не вмешиваются в военные конфликты.

— Входят в состав Темного Круга? — спросила Хунька.

— Нет, — ответил ей Полкан.

— Странно, тогда, что они здесь делают? — удивился Стас.

— Полкаш, а сколько на корабле нимедов? — задала вопрос я, наблюдая, как на галозекране к исполину подскочил шрамированный человечек и чем-то ткнул ему в ногу.

Нимед широко открыл рот, прижав к пострадавшему месту одну из четырех больших рук.

— Самец данного вида один, но прямо над нами, в грузовом отсеке находится самка и два детеныша, — проинформировал кораблин.

— Они же делают ему больно! — воскликнула Хунька, глядя как на экране огромного нимеда снова чем-то ударили, но тот даже не предпринимал попытки сопротивляться, — Нимед им не отвечает!

— Еще бы! Они удерживают его детей! — Стас до скрипа сжал зубы.

— Ка-а-а-аак помочь? — встрепнулся молчаливый Жорка.

— Самка с детенышами прямо над нами. Можно попробовать расплавить обшивку и построить переход, но есть риск, — задумчиво сказал Полкаша, производя серьезные расчеты.

— Какой? — хором спросили мы.

— Если во время операции кто-то зайдет в помещение, нам придется отлететь...

— Их вынесет в открытый космос! — испуганно воскликнула Хунька.

— Ташторы своих пленников живыми не отпускают, — вспомнила я один из уроков Рута, — выхода нет, будем рисковать. Но, что нам делать с самцом?

— Это сложная задача, — произнес кораблик.

— Пол-о-олкаша! — глаза Жорки заблестели, — а ни-и-имеды понимают о-о-общегалактический?

— Понимают, — сказал Полкан, сверившись со справочниками, — их планета на территории МКН, на самой границе с Темным Кругом. Нимеды малочисленны и живут очень уединенно, на них вполне могли напасть.

— Это что значит? Уже были нападения? Война? — в ужасе прошептала Хунька.

— Война! — подтвердила я, потому что полученная информация совпадала с тем, что я узнала от Белиготара Сорга.

— Да-а по... Да по... — вклинился Жорка.

— А вот посылать нас не надо, — ответил ему Стас.

— Да-а, послушайте же! — крикнул Селедкин, — е-е-если ни-и-имед телепат, то е-его мозг, ка-а-ак приемник...

— И ему можно транслировать информацию на определенной частоте, — обрадовался кораблик, — приступаю к подбору частоты и формированию перехода. Пополнение резерва двадцать два процента.

— Ускорить нельзя? — спросил Стас, нервно потирая руки одну об другую

— Можно создать резервуары со сжиженным кислородом и пополнять запас в процессе полета, — ответил Полкан.

— Есть какое-то но? — не выдержала я, потому что очень уж странно и резко замолчал кораблик.

— Есть, Аля. Процесс пополнения ресурсов делает меня уязвимым для их оружия. Даже с учетом невидимости, остается вероятность случайного попадания.

— Что скажете? — я обвела взглядом друзей, — рискуем?

— Да.

— Да.

— Ды-а.

— Полкаша, сколько нужно времени на создание резервуаров?

— Процесс запущен, до завершения семь минут две секунды, — доложил кораблик.

— Что с частотой?

— Трансляцию можно начать через две минуты ровно.

— Переход?

— Тридцать две секунды.

— Хуня, разговоры с самкой берешь на себя. Стас, Жорик, поможете принять малышей, — отдавала приказы, — Полкаш, я готова связаться с нимедом.

В этот момент на потолке раскрылось широкое отверстие и из него на нас уставились три лохматые мордочки, две любопытные поменьше и одна побольше, очень напряженная и злая.

— Мы ваши друзья и пришли, чтобы вас спасти, — быстро заговорила Хуня, не дав опомниться, на автомате начавшей рычать самке.

— Мааа, они гелой? — воскликнул малыш.

— Помолчи, Мирт, — рыкнула на него пушистая женщина, уставившись на нас, — кому принадлежит этот корабль?

— Корабль принадлежит Коалиции и приписан к Высшей Звездной Академии на Кхарме, — отмер Стас и прикрикнул, — дамочка, не тратьте наше время! Нам еще вашего мужчину вытаскивать!

Оказавшаяся дисциплинированной самка, передала одного за другим пушистых деток, а следом спрыгнула сама, отчего Полкан пошатнулся и стало довольно тесно.

— О, Боги-Защитники! — воскликнула нимедка, увидев на экране проекцию исполина в окружении терзающих его ташторов, — Кроооон, что они с ним делают? Почему он не сопротивляется?

— Думает, что иначе сделают больно вам, — сказала Хуня, бережно погладив женщину по левой паре рук.

— Можем начинать, — раздался голос Полкана.

— Тишина! — приказала я, и даже сопящие на полу лохматые малыши притихли, — говорит капитан корабля «Полкан», порт приписки планета Кхарма. Как слышите?

Полографическое изображение нимеда застыло с удивленным выражением на... морде, а потом раздался приятный бас.

— Слышу вас, корабль «Полкан».

— Крон, ваша женщина и дети находятся у нас на борту. Станция подлежит уничтожению. Вам надлежит немедленно пробираться к грузовому отсеку, — говорила я, и вдруг поняла, что нимед может не знать устройства станции.

— Мы-ы на-астроили у-ука-азатель движения, — словно прочитав мои мысли, отчитался Жорка.

— Пусть движется за красной точкой, — услышала в голове голос кораблика.

— Крон, вы слышите меня? — снова спросила я.

— Слышу вас, «Полкан».

— Двигайтесь за красным световым указателем. Сможете?

— Смогу! — ответил нимед, на его лохматой морде читалась решительность.

Внушительная фигура на голоэкрane распрямилась и целых четыре таштора столкнулись друг с другом лбами, кулями осев на пол. Схватив еще двух противников, колосс стал продвигаться вперед, прикрываясь ими, как щитом, а иногда используя в качестве средства самообороны.

— Я иду к тебе, Ийтия! — заревел лохматый самец с экрана.

— Мой Крон! Я жду тебя! — воскликнула пушистая самочка, смахнув слезу с шерсти на щеке.

— Па! Па! — загомонили малыши, но тут же получили по внушительному шлепку в район пятой точки от мамы и мгновенно утихли, но продолжали с детским любопытством наблюдать за происходящим.

— Йа-а-а веду его! — произнес Жорик, не отрывая сосредоточенного взгляда от своего экрана.

— Резервуары заполнены, все готово к отлету, — доложил кораблик.

На экране исполин прорывался по узкой лестнице вниз.

— Полкаша, — тихо позвала я, — а мы можем уничтожить эту станцию быстро?

— Если сразу попасть в топливные резервуары, то можем, но они обработали в том месте обшивку, тем же средством, которым покрыли «пауков».

— Выведи на экраны стрелков подробную схему той части станции с указанием слабых мест.

— Есть, командир, — отчеканил кораблик и я погрузилась в изучение.

Хуня и Стас склонились над своими экранами, о чем-то перешептываясь между собой. Полографический исполин вступил в грузовое отделение, покорежим за собой стальные, автоматические двери, и теперь несясь по коридору к нужному отсеку. Ташторы сгрудились у сломанной перегородки и пытались прорваться дальше, используя лазерные резак.

Большое лохматое тело протиснулось в небольшой люк. Несмотря на свой огромный рост и, судя по всему, немалый вес, спрыгнул нимед достаточно легко, но свободного пространства вокруг стало значительно меньше. Увидев семейство, самец оскалился. Надо полагать, это была самая искренняя улыбка.

— Ийтия! — ревел он.

— Крооон! — вторила его пушистая половина.

Ох уж мне эти инопланетные страсти! Слабое место на схеме оказалось одно — небольшой участок на стыке двух обшивочных листов. При тщательном рассмотрении, оказалось, что состав отсутствовал на пятачке в несколько квадратных сантиметров.

— Удар должен быть нанесен именно сюда, — предупредила я друзей. Стас и Хуня кивнули в ответ, соглашаясь со мной.

В это время ташторы расчистили себе путь и ринулись по коридору к нашему отсеку.

— Внимание! Всем занять свои места. Приготовиться к отстыковке, — раздался голос Полкаши. Мы расположились в своих креслах, а лохматая семейка, занимающая полкораблика, сжалась в хвостовой части. — Начинаю отсчет. Пять... Четыре...

Люк в потолке, соединяющий Полкана со станцией неприятеля затянулся. Ташеры добежали до забаррикадированных изнутри стараниями нимеда дверей грузового отсека и попытались взять их штурмом. В ход пошли все те же лазерные резак и простая физическая сила.

— Три... Два... — отсчитывал кораблик.

Мы все сидели в напряжении. В этот момент двери отсека не устояли и шрамированные враги ворвались внутрь.

— Один... Пуск... — досчитал Полкан и плавно отстыковался от станции.

В образовавшуюся дыру вылетели тела ташеров, в открытом космосе быстро покрывающиеся коркой льда.

— Ужасная смерть, — отвела глаза Хунька.

- Возда... Возда... Воздается по заслугам, — назидательно сказал Жорка.
- Тревога на станции, — предупредил Полкан, — скоро хаотично палить начнут.
- Отходим на безопасное для удара расстояние, — приказала я.
- Готово.
- Целься! — скомандовала стрелкам, проверив прицел центральной пушки.
- Готов, — отозвался Стас.
- Готова, — сказала Хунька.
- Огонь! — крикнула я и нажала на пусковую кнопку.

Одновременно из нашего кораблика вырвались три луча — два красных с боков и один толстый, зеленый из носовой части. Все три цветные полосы соединились в одной точке на поверхности станции. Несколько секунд ничего не происходило, а потом...

— Черт бы их побрал! — завопил Стас, глядя как огромная вражеская машина разваливается на куски, охваченная огнем, — мы попали! Попали!

- Улаааааа! — закричали маленькие нимедские пушистики.
- Уносим ноги, пока нас не зацепило ударной волной, — устало скомандовала.
- Есть, командир, — отрапортовал Полкаша.
- Благодарю за службу, кадеты, — сказала я, приложив правый кулак к сердцу. Друзья

ответили тем же жестом.

- Улааааааа! — снова заорали детеныши, за что схлопотали по подзатыльнику.

- Подбираем груз и на базу!

— Есть, командир, — отозвался кораблик, — у нас перегруз. С прежней скоростью идти не получится.

- Мы прибудем позже, чем истребители Академии? — поинтересовался Стас.
- По моим расчетам — одновременно, — ответил Полкан.
- Домой, — попросила я.
- Домой, — согласился кораблик, прекрасно понимая, какой дом имелся в виду.

Несмотря на то, что полет протекал нормально, напряжение росло. Все терзались мыслями о возвращении, и лишь детенышам нимедов все было нипочем. Они затеяли какую-то, лишь им понятную, игру, напоминающую нашу «салочки» и носились по отсеку, протискиваясь мимо взрослых. Учитывая царящую вокруг тесноту, пушистые шалуны только всем мешали, постоянно толкая и задевая кого-нибудь из присутствующих. Наконец, не выдержал кораблик. Из стены вытянулись два щупа и ухватили детенышей за длинную шерсть в районе лопаток.

— Будете мешать, приклею вас к стенам на крумуляннский клей, — строго сказал Полкан.

Малыши задумались и притихли. Перспектива провести весь полет без движения им явно не понравилась. Но уже через несколько минут они выдумали другую игру, спрашивая у взрослых названия окружающих предметов.

— Дети разумных крайне неразумны, — сказал кораблик.

— Разум, понятие относительное, Полкаш, — отозвалась я, — когда мы прилетаем?

— Волнуешься? — ответил он вопросом на вопрос.

— Да уж. Самовольная отлучка, несанкционированный вылет, присвоение собственности Академии — это только малая часть моих прегрешений, — тяжело вздохнула я.

— На любую ситуацию всегда нужно смотреть с разных сторон. Ты разгадала загадку, над которой ученые ломали головы много лет, спасла от гибели десять лучших пилотов и пять истребителей, предотвратила угрозу, незамеченную вашей разведкой, да еще и возвращаешься не пустая, а заполненная под завязку информацией, имея на руках вражеский экспериментальный корабль и семейство телепатов, — перечислил Полкаша, — поверь, Аля, это дорогого стоит.

— Умеешь ты утешить, — невесело усмехнулась я, — наверняка Фингорм уже успел доложить руководству.

— В Академии узнали бы и без Фингорма.

— Но как?.. — растерялась я.

— Сигнал об использовании шлюза в ангаре автоматически поступил дежурному офицеру. Это заблокировать нельзя. Сигнал SOS с разрушенной станции на Лумпаре тоже дошел, пусть и с опозданием. Гибель двух спутников, передающих данные по тому сектору, тоже должны были заметить, — стал логично рассуждать кораблик и я с ним соглашалась, осознавая его правоту, — не казни себя, Аля. Все, что случилось — произошло правильно. Не окажись мы там поблизости, погибли бы люди, а планета Кхарма оказалась в опасности.

— Ох, Полкаша, ты великий дипломат!

— Не грусти, подруга, — улыбнулась мне Хунька, присаживаясь на подлокотник моего кресла, — вместе набедокурили, вместе и отвечать будем. Не убьют же нас.

— Вме... Ммее... Вместе мы сила! — сказал Жорка.

— А знаете, девочки, я с Селедкиным согласен, — подошедший Погодин приобнял нас с Хуней за плечи, — мне порой кажется, что для нас, вообще, нет ничего невозможного.

— Команде и пассажирам занять свои места. Входим в атмосферу Кхармы. До завершения полета осталось пятьдесят секунд, — раздался Полкашин голос, — командир,

предлагаю ташгорского «паука» пока оставить снаружи. Сеть надежна, корабль в стазисе. Прикрепим к зданию...

— Делай, как считаешь правильным, — вздохнула я.

— Не грусти, Алька! — раздражающе бодро сказал Стас, усаживаясь в свое кресло.

— Перед смертью не надышишься, — усмехнулась Хунька, — Верник, вот увидишь, все будет хорошо.

— Полкаш, как там обстановка? — похоронным голосом спросила я.

— Тебе правду или помягче? — переспросил кораблик. И откуда он успел взять привычку отвечать вопросом на вопрос?

— Мне по существу! — пришлось повысить голос.

— Есть, командир, — ехидно отозвался Полкан, — Докладываю обстановку. В помещении ангара с момента нашей отлучки никто из посторонних не поникал...

— Хорошо, — выдохнула я, — продолжай.

— Но хотел.

— Полкан! Прекрати говорить загадками!

— С момента получения информации о гибели станции на Лумпаре, было три попытки проникновения. Пришлось показать им полную картину, то есть отсутствие в ангаре корабля и курсантов. Принято решение — автоматические двери до нашего возвращения не вскрывать.

— Что значит «показать полную картину»? — пришла в ужас я, — они что, увидели ваш парадно-выходной тюнинг?

Голова закружилась, к горлу подкатился ком, и если бы в этот момент я не сидела, то грохнулась на пол. Перед глазами так и стояла картина моего кошмара: Белиготар Сорг в сопровождении Дарина Элвэ входят в ангар, а там...

— Ёу, папа, — приветствует легара Тузик.

— Какие мальчишки! — хлопает иллюминаторами с накладными ресницами Принцесса, размахивая наманикюренным щупом...

Брр... Я встряхнула головой, отгоняя от себя мрачные мысли.

— Не переживай так, командир, — забулькал Полкан, — мы знаем, что такое субординация.

Промолчала. Уж в чем, в чем, а в их «субординации» я убедилась воочию.

— Что у нас еще плохого?

— Учащенное сердцебиение, повышенное артериальное давление и нестабильное эмоциональное состояние некоторых старших офицеров, — доложил Полкан.

Ну, вот и все. Я сразу поняла кто, те офицеры с нестабильным состоянием. Вместе страшных корабельных масок перед глазами поплыли картины конца света: огромные цунами, смывающие города, вулканы, взрывающиеся планеты... Стало страшно. Очень.

— Долго сидеть будете? — поинтересовался Полкан.

— А что уже? — попытался подскочить Стас, но ремни корабельного кресла не дали ему такой возможности.

— Первой выходит командир, тем более там ее уже встречают... — и эта апаньярская зараза опять забулькала.

Вдох-выдох... Поднялась на ватных ногах. Каждый шаг давался с невероятным усилием. Вот он выход, импровизированный трапп из нескольких ступеней и родной ангар Академии. Делаю очередной шаг и... Вдруг оказываюсь в чьих-то крепких объятьях.

— Живая? — слышится до боли знакомый голос, — руки, ноги целы? Ушибы или царапины есть? Посмотри на меня!

Все происходит как во сне. Подняв глаза, встречаюсь со знакомой бирюзой. Тангир Элвэ обеспокоен, он тщательно ощупывает мои ноги, руки, плечи. Вертит в разные стороны. Да что он делает? Строгий родитель осматривает нашкодившего ребенка, чтобы потом задать трепку? «Леденец» поворачивает меня к себе лицом, долго всматривается в глаза и наконец... Он что?.. Мягкие, теплые губы нежно касаются моих. Я растворяюсь в этом легком, невесомом прикосновении, таю, как первая снежинка, упавшая на горячую ладонь... И в целой Вселенной только он и я. Руки сами тянутся, зарываясь в длинные, платиновых волосах моего эльфа, подушечки пальцев касаются острых ушей и... слышится стон. Мой? Его? Наш?

— Кадет Верник! — строгий окрик мгновенно вернул меня в реальность.

Мы отскочили друг от друга, ошарашенные и совершенно растерянные, причем тангир Элвэ выглядел не менее растерянным. Он переводил удивленный взгляд с легара на меня и обратно, словно ко всему только что произошедшему не имел ровным счетом никакого отношения. Дед смотрел прямо на Дарина и лицо его было суровым.

— Кадет Верник, — повторил он, — в мой кабинет! Немедленно!

Грозный рык легара заставил меня вздрогнуть. Кто же знает этих эленмарцев, может в гневе они кусаются! Я поспешила покинуть сцену, где, судя по перекрещенным взглядом, должно случиться что-то весьма и весьма страшное. Даже мысли о ребятах, кораблике и пушистых пассажирах меня не остановили, а вот о тюнинге... Да, именно эта мысль заставила застыть мраморным изваянием. Я развернулась...

Позади меня, как ни в чем не бывало, стояли пять черных апаньярских кораблей, и лишь цифры от одного до пяти на боках, отличали их друг от друга. Впрочем, было и еще одно отличие. На иллюминаторах Принцессы по прежнему были ресницы. Женщины... Они всегда такие... женщины! Вот же, проходимцы апаньярские!

Развернувшись, собралась следовать ранее намеченному маршруту, но голоса эленмарцев изменили мои планы. Спрятавшись за металлическую стойку у дверей ангара, я... Да-да! Я подслушивала!

— Тангир Элвэ, — рычал Белиготар Сорг, — потрудитесь объяснить, что это сейчас здесь было?

— Встречал курсанта вверенного мне подразделения, вернувшегося после несанкционированного вылета, — доложил Элвэ.

— Да-а? — О! Сколько же иронии было в этом «да», — насколько мне известно, там на борту еще, как минимум, три курсанта, — голос легара звучал приторно-сладко, с крайней степенью язвительности, — им вы тоже раскроете свои горячие объятья или этого удостоилась только моя... Алевтина Верник?

— Твоя? Твоя Алевтина Верник? — кажется, «леденец» разозлился.

— Дарин! — голос деда звучал предостерегающе, — держись от Али подальше. В последнее время ты итак слишком часто оказываешься рядом.

— Печешься за моральный облик своего офицера или просто боишься конкуренции, Тар? — ехидно поинтересовался Элвэ.

— Я уже говорил тебе, — легар вздохнул, видимо, подбирая слова, — наши отношения с Алевтиной никоим образом тебя не касаются! Это не моя тайна.

— Тар, я уважаю тебя и ценю твою дружбу, — едва слышно ответил ему Дарин. Так

тихо, что я с трудом разобрала смысл сказанного, — но я не отступлюсь от девчонки! Не знаю, что в ней за тайна, но она, словно глоток прохладной воды в пустынях Корач-Таура.

— У тебя ничего не выйдет, Дарин. Я буду контролировать каждый ее шаг, — потом Сорг помолчал и добавил, — и твой тоже. Надеюсь, о субординации на службе тебе напоминать не нужно?

— Я тебя понял, — ответил «леденец».

— Тангир Элвэ, потрудитесь заняться своими непосредственными обязанностями, — уже вполне официально продолжил легар, — выясните обстановку. Пусть курсанты напишут рапорты, причем группа Беллима тоже. Нужно выяснить все подробности.

Дальше я не слушала, а попыталась неслышно выскользнуть за дверь. Мне это удалось, но возле лифтов дед нагнал и укоризненно покачал головой.

— Подслушивала? — спросил он.

— Ну... — сделав невинное лицо, уставилась в потолок, — девушке всегда интересно, что про нее говорят.

— Так то девушке, — засмеялся легар, — а ты еще птенец. Пошли, проблема ходячая.

Через несколько минут, оказавшись в его отсеке, я рассказывала во всех подробностях о том, что произошло с нами. Разумеется, про самовольный вылет пришлось умолчать, сославшись на сигнал бедствия, который якобы апаньярские корабли получили раньше и на невозможность предупредить руководство Академии. О тюнинге тоже не вспоминала, рассказав лишь о том, что кораблики живые и сами выбрали себе имена. Свой экипаж они тоже хотели бы выбрать самостоятельно.

— Никогда не думал, что так слаб здоровьем, — произнес задумчиво легар, — заставила ты, Аля, меня поволноваться.

— Дед, ну, прости! Я же не специально... — осеклась, наткнувшись взглядом на совершенно потрясенное лицо Белиготара Сорга, — что случилось? — спросила с беспокойством.

— Как ты меня назвала? — почти прошептал он, побелевшими губами.

— Дед, — как ни в чем не бывало повторила я, — в моих мыслях ты давно уже дед, а вслух вот только сейчас решила произнести.

— Спасибо, птенчик, — и в его глазах блеснули слезы.

— Да, ладно тебе. Все же живы, здоровы, — улыбнулась я, — там еще столько всего произошло!

Дальше рассказывала про бой с ташгорскими «пауками», восхищенно описывая возможности кораблика и слаженные действия своей команды. Своей! С гордостью констатировала, что меня выбрали командиром, и Полкан нас всех признал, готов стать пятым членом нашей команды.

— Мы захватили один из «пауков», — сказала я, — он снаружи, в стазисе.

— Вы захватили экспериментальный корабль противника, созданный на основе апаньярских технологий? — уточнил Сорг. По его лицу ничего невозможно было понять, оно оставалось непроницаемым. Он мог, как одобрять мои действия, так и категорически их порицать.

— Ну я же говорю, в энергетической сетке, висит снаружи! — нетерпеливо, как маленькому, пояснила ему я.

— Дальше! — потребовал легар.

А что дальше? Дальше самое интересное. Спасение семейки нимедов, станция, наши

слаженные действия по ее уничтожению и возвращение обратно.

— А детишки у них, такие же непоседливые, как земные, только лохматые, — закончила свой рассказ.

Легар, закинув ногу на ногу, о чем-то размышлял, поглаживая пальцами подбородок. Казалось, он забыл о моем присутствии, полностью погрузившись в раздумья. Прошла минута... Другая... А его поза не изменилась. Я покашляла.

— Ты простыла? — встревожился он.

— Нет, привлекаю твое внимание.

— Да, уж. Что-что, а внимание к себе ты умеешь привлекать, Аля, — усмехнулся легар, — вы с ребятами нарушили бездну правил и положений, но в то же время в одиночку совершили невозможное. И корабли... Только в твою светлую голову пришла мысль просто поговорить с ними. Как же все просто и одновременно сложно. Ну, и что мне с вами делать?

— Понять и простить? — с надеждой спросила я.

— Если бы это было так просто... — вздохнул Белиготар Сорг.

— Дед, корабли меня хозяйкой выбрали. Никого другого слушаться не станут... — подумала и решила быть честной, — пока я жива. А потом смогут выбрать себе нового хозяина.

— А вот об этом мы никому ничего говорить не станем, — решительно ответил он, — поступим так, вы с ребятами отдохнете, я свяжусь с руководством и найду выход на нужных людей в Совете, а потом будем принимать решения. Но, уверен, учитывая ваши заслуги, все обойдется. Есть хочешь?

— Есть? — удивленно переспросила я.

— Да, — улыбнулся дед, так искренне, тепло, — голодная?

— Съела бы чего-нибудь, — пришлось признаться мне. Желудок давно урчал, требуя подзаправки.

— Подожди минуточку, я сейчас, — легар поднялся и направился к выходу.

— Дед, а ребята и немеды? — спросила я.

— О них позаботятся, — ответил он и вышел из отсека.

Он вышел, а я осталась. И такая на меня усталость навалилась. День получился просто сумасшедший. Сразу все как-то закрутилось, завертелось... Скинув сапоги, закинула ноги на диванчик, на котором сидела и с наслаждением вытянулась.

Не прошло и минуты, как я уже блаженно посапывала. И снился мне сон...

Пологий склон небольшого холма, легкий ветерок доносит запахи диких трав, слышится шум деревьев и жужжание насекомых. Даже березовая роща вдалеке напоминает о доме. Но я твердо знаю, что до родной Земли отсюда многие световые столетия пути. Постепенно гомон птиц затихает, светило клонится к горизонту, наступают сумерки. Небо из василькового атласа превращается в синий бархат, расшитый золотыми всполохами звезд. Проходит еще какое-то время и на нем появляются три луны, три разноцветных, но совершенно одинаковых по размеру луны. Их отражающий свет делает все вокруг загадочным, словно я попала в сказку. Черная тень огромного крылатого существа на миг затмевает ночные источники света и рядом со мной, осторожно касаясь поверхности огромными, мягкими лапами, приземляется зверь. Он просто гигантский, внушительные клыки торчат из пасти, глаза горят, а острые когти впиваются в землю, но почему-то страха нет. Я твердо знаю, что этот могучий хищник не причинит мне вреда. Летающий кот похож на земного тигра, только полос у него нет. Вся шерсть угольно-черная и переливается в

загадочном свете лун. Пытаюсь подойти к диковинному зверю, но он глухо рычит в ответ и нервно бьет черным хвостом о землю. А на конце хвоста... пушистая кисточка! Кот с таким аксессуаром просто не может быть злым. Решительно делаю шаг вперед.

— Киса... киса... — зову я и протягиваю ладонь.

Рычание прекращается. Черный кот с исполинскими крыльями прислушивается к моему голосу, нюхает ладонь и... розовый, шершавый язык касается руки. Я не могу сдержать смех, подходя еще ближе к зверю.

— Какой ты красавчик, — нежно шепчу ему и мои пальцы зарываются в густой мех.

Какое-то время я просто его глажу, наслаждаясь тактильными ощущениями. Вдруг, тишину ночи нарушают рокошующие звуки. Я замираю и испуганно озираюсь, пока до меня не доходит — это мурлыкает летающий кот — лайвелл, мой лайвелл, о котором рассказывал дед. Он пришел ко мне во сне, значит я стала взрослой и значит я эленмарка. От этой простой мысли становится так легко на душе, так радостно, что хочется петь и кружиться, что я и делаю, к немалому удивлению зверя. Кот провожает меня взглядом, вертя большой, лобастой головой из стороны в сторону. Он удивлен, если бы ему позволяло строение лап, то в этот момент кот покрутил пальцем у виска.

— Что, кис, — улыбнулась я, взъерошив ему шерсть между ушей, — не правильная тебе досталась половина?

Лайвелл тяжело вздохнул, смиряясь с моим присутствием. Широко зевнув, зверь улегся и подставил голову под мои ладони. Даже лежа, кончики его ушей доставали мне до груди.

— Нравится, когда тебя гладят, пушистая шкурка? — спрашивала я, теребя холку, — я буду называть тебя Шер-Хан! Зверь недовольно зарычал и выпустил внушительные когти.

— Не нравится? — усмехнулась, наблюдая за реакцией зверя, — учти, Полкан и Тузик заняты, так что — это плагиат.

Следующие несколько минут я перечисляла всевозможные клички, милые словечки и прозвища, которые приходили на ум, но зверь категорически отвергал все предложенные варианты. Наконец, при слове Сумрак, лайвелл восторженно кивнул.

— Ну, Сумрак, так Сумрак, — пожала плечами я, — а посидеть на тебе можно?

Обойдя зверя со спины, уселась на мощную спину прямоком между крыльями. Зверь, как будто только этого и ждал. Сумрак поднялся на лапы, оттолкнулся от земли и... взлетел. Боже! Он взлетел, унося меня в небо!

— Йууууухуууууу! — закричала я, упираясь коленями в бока зверя, и изо всех сил вцепилась в лохматый мех на загривке.

Душа пела, сердце готово было вырваться из груди, так сильно оно колотилось от переполнявшего меня счастья. Свобода и небо! Полет и ветер в лицо! И безграничное счастье! Все это ощущаешь, когда твоя мечта исполняется.

Покружив немного под мои восторженные визги в темном небе, Сумрак стал снижаться и плавно опустился на том же месте, откуда мы улетели.

— Спасибо, дружище! — воскликнула я и... поцеловала черную мохнатую переносицу. Кот смешно фыркнул и чихнул, лизнув в ответ мою щеку.

— Аля, Алечка, — донесся до меня голос деда.

Я проснулась, все еще испытывая невероятный подъем. Волшебный, чудесный сон! Восхитительный зверь! И я, парящая под облаками неведомого мне мира, который отчетливо ощущался родным.

— Проснулась? — улыбнулся Белиготар Сорг, — С Днем Рождения, внучка! У вас, на

Земле, кажется, в этот день принято дарить подарки? Вот, держи! Мой первый подарок тебе...

В мою ладонь опустился круглый шарик. Такие, обычно, продают в сувенирных лавках, они содержат голографическое изображение памятников старины или просто красивых природных уголков. Мне стало так приятно. Побеспокоился и подарок нашел! Дед! Мой дед!

— Спасибо! — сонным со сна голосом прошептала я и улыбнулась, довольному эленмарцу.

— Открой! — попросил легар.

Послушно нажала на шарик, и на моей ладони появилась голографическая фигурка. Это был лайвелл, очень похожий на моего, только рыжий с желтыми крыльями и кисточки на хвосте у него не было.

— Лайвелл, — прошептала я, — а мой Сумрак черный!

— Ты что-то путаешь, птенчик, — снисходительно улыбнулся Сорг, — черных лайвеллов не бывает. Это всего лишь миф.

— Но мой Сумрак черный! — настаивала я, — он пришел ко мне во сне, как ты и сказал, а потом мы летали!

— Аля, лайвелл никогда не подпустит к себе человека в первую встречу, лишь издали даст себя рассмотреть, — тихо произнес дед.

И в отсеке повисла тишина.

Неприятно, когда тебе не верят, особенно близкие, особенно без веских причин.

— Я не давала повода сомневаться во мне, — разорвала тишину я.

— Не давала, — согласился легар, — но понимаешь, для эленмарца поверить в существование черного лайвелла, это все равно, что землянину поверить в существование бабы Яги или, скажем, гномов. Он — символ счастья, вера народа в то, что наступят лучшие времена. Про него много историй, и все они — волшебные сказки. Хочешь, я сброшу тебе на комм?

— Хочу, — ответила я, — и все-таки во сне я видела черного лайвелла. Не просто видела — трогала и каталась на нем. Не знаю, как баба Яга, а гномы точно существуют — это ваши граби.

— Никогда бы не подумал... — удивился дед.

— Маленький, волосатый, подземный народец, знающий толк в горном деле, — пришлось подсказать мне.

— Да, действительно, — задумчиво сказал он.

— Ну, мне пора. А то всунь Куси-бао будет недоволен моим отсутствием на утренней тренировке, — произнесла, поднимаясь с дивана.

— Я тебя так и не накормил, — кивнул Сорг в сторону давно остывшего ужина на столике.

— Ничего, — отмахнулась я, хватая с подноса яблоко, — до завтрака дотерплю.

— Аля, — легар был серьезен и слегка растерян, — ты теперь совершеннолетняя по меркам Эленмара, но все же, считаю своим долгом тебя предупредить. Воздержись, пожалуйста, от личных встреч с мужчинами- эленмарцами. По крайней мере, пока не узнаешь подробно о наших традициях.

— Может, ты и эту информацию сбросишь мне на комм? — улыбнулась я.

— Боюсь, ее не существует на носителях, но обязательно расскажу тебе об этом подробно, — было видно, что дед нервничает и беспокоится, — хотя, юной девушке об этом

должна рассказать ее энвина. Но твоей энвиной, по сути, является твоя прапрабабушка. Боюсь, она тоже не в курсе наших обычаев.

— Да, не переживай ты так, — поспешила успокоить деда, — раз ты говоришь держаться от эленмарцев подальше — я так и сделаю.

— Особенно от Элвэ, Аля, — строго предупредил Сорг.

— Почему? — вырвалось у меня. Очень уж свеж был в памяти его сладостный поцелуй в ангаре.

— Потому что ты все-таки землянка, а ему до критического возраста осталось совсем чуть-чуть, — загадочно ответил легар.

— Да... Знаний о вашей расе мне явно не хватает, — непонимающе захлопала я глазами.

— Расскажу тебе, подробно. Как только представится свободное время.

— Береги себя, — сказала на прощанье деду.

— А ты, постарайся пока никуда не влезать!

— Это выше моих сил, но я постараюсь.

Сюрпризы не заставили себя долго ждать и начались сразу же после утренней тренировки, когда в нашу с Хуней спальню ворвалась взбешенная Анвен, застав меня одну.

— Думаешь ты особенная! — вопила она, — он тебя бросит! Бросит сразу, как наиграется! У вас нет будущего! Нет и не будет! А вот у меня — есть, и он будет моим очень скоро! Моя энвина уже ведет переговоры с его о нашей церемонии!

— О чем ты, Анвин? — усмехнулась, глядя в красное от гнева лицо эленмарки, — ты перебежала на стадионе что ли?

— Я говорю о тебе и Элвэ! — продолжала орать ушастая красавица, — думаешь, я не замечала, как вы смотрите друг на друга? Но не могла и подумать, что эленмарец-мужчина опустится до такого! Он выгнал меня! Выгнал из своего отсека, мотивируя это служебной субординацией!

— А я причем? — почему-то, после слов эльфийки, на душе стало радостно, — с чего ты решила, что к этому имею отношения я? Тангир Элвэ указал тебе причину — служебная субординация.

— Меня не проведешь! — шипела взбешенная Анвен, — но знай, Верник, я наблюдаю за тобой! Землянам все слишком легко сходит с рук! А что касается Элвэ, то слишком скоро он придет искать утешение ко мне, близится его критический возраст. Он на грани.

— Не понимаю, о чем ты, — сделала невинные глаза. Ведь я на самом деле, еще многого не понимала, лишь догадывалась.

— А тебе это и не нужно, — рассмеялась она, — просто поверь мне на слово. Все будет именно так.

— Анвен, я устала и хочу есть, — отчего-то разговор с эленмаркой начал раздражать, — избавь меня от своих эротических фантазий с утра пораньше!

— Что за шум, а драки нету? — бодро произнесла вошедшая Хунька. Анвен фыркнула и с осанкой королевы покинула нашу спальню, — чего от тебя хотела эта белобрысая злючка?

— Тангира Элвэ, — отозвалась я.

— Что? — возмутилась подруга, — кукиш ей с маслом, а не «леденец»! Пусть катится на свой Эленмар и там порядки качает. И, вообще, Аль, странные они какие-то.

— Ты о чем?

— Да, о братце ее малохольном! — в сердцах высказалась Хунька, — то он заигрывает со мной, то в упор не замечает. Не мог же Фингорм и в самом деле обидеться из-за такого пустяка!

— Из-за какого?

— Понимаешь, наша самовольная отлучка на апаньярском корабле... Ее, как будто не было. Проект же засекречен. Но сигнал бедствия с разрушенной станции на Лумпаре все-таки пришел. Как ты думаешь, начальство могло на это не отреагировать?

— Не могло, — отозвалась я.

— Вот именно, не могло. Понаехало комиссий видимо не видимо, и давай таскать на дознание всех пилотов истребителей Нова, совершавший тот полет. А там уж легар наш подсуетился, чтобы про нас не было сказано ни слова. Вот и получается: мы — сухие из воды, а они — по уши в дер...

— Хуня! — прикрикнула на подругу.

— В шоколаде! В шоколаде, я хотела сказать, — невинно поправилась она, — а теперь эта обещанная мне эленмарская задница ходит по Академии и тискает на моих, кстати, глазах всех особей женского пола! Он и ксури потискал, если бы они не сбежали, как черт от ладана.

— Ты что, ревнуешь? — уточнила я, уж больно у Хуньки был обиженный вил.

— Я? Ревную? Эту ушастую заразу? Да, не дождется! — выпалила она. И сразу стало понятно, что мои слова попали в цель, — но я ему за это отомщу! Есть у меня одно средство...

— Хуня, не смей! — пришлось даже прикрикнуть, — нам сейчас лишние неприятности не нужны!

— Да, какие неприятности, Верник, — рассмеялась подруга. От своих намерений она отказываться явно не собиралась, — так... просто небольшая неожиданность. Или большая, смотря сколько накопил...

— Что ты сделала? — подозрительно прищурилась.

— Это не я! — сделала честные глаза эта святая невинность.

— А кто? — продолжала настаивать на ответе.

— Феклуша, — пришлось признаться ей, — что с него возьмешь? Андроид.

— Хуня... — предупреждающе зарычала я, — что ты сделала?

— Да ничего страшного! — продолжала упорствовать она, но под моим строгим взглядом все же раскололась, — слабительное на его зубной щетке, отсроченного действия.

— Слабительное? — зашипела в ответ, — с ума сойти! Ты понимаешь, что это попытка отравления сослуживца?

— Да, какое отравление, Верник? Просто полчаса неприятных ощущений! — как ни в чем не бывало ответила Хунька, — ну, Аленька, не злись. Зато я буду отомщена!

— Ох, и попадет нам когда-нибудь, — только и смогла сказать.

— Когда-нибудь... — повторила за мной подруга, — это еще когда будет! А новые приключения нас ждут уже сейчас!

— Да уж, твоя неугомонная пятая точка без приключений не может, — согласилась с ней.

— На этот раз не моя, — рассмеялась Хуня, — пошли уже в столовую. Не терпится это увидеть.

Столовая встретила нас привычным гамом. Переговаривавшиеся курсанты, окрики, очередная трансляция полезной информации по голосети Академии — все смешалось в один общий гул. Я привычно направилась к пищевым автоматам. Вчерашний голод давно притупился, и на запахи, витавшие вокруг, организм реагировал спокойно. Привычно выбрав омлет, пару бутербродов с какой-то рыбой и свое любимое какао, направилась к друзьям. Кроме них, за столиком была Айа, крепко держащая за руку Жоффрея. Резвая Хунька тоже присутствовала, а ведь в столовую мы пришли вместе. Вот это скорость! Они сидели, склонившись над столешницей, как четыре заговорщика, и что-то бурно обсуждали. Когда я подошла к столу, все встали.

— Привет, — улыбнулась я.

— С Днем Рождения! С Днем Рождения! С Днем Рождения! — заорали эти четыре конспиратора и полезли обниматься.

Сыпались поздравления и пожелания. Друзья что-то говорили, похлопывали по плечу. Курсанты оборачивались и смотрели на нас, привлеченные звуками выделяющимися из

общей какофонии.

— Вот, Верник, с самой Земли везла. Загадывай желание! — Хунька отошла в сторону, открыв мне обзор.

На столе стояло огромное пирожное сплошь утыканное... свечками. Двадцать пять свечек стояли как солдаты, плотно прилегая друг к другу.

— Минуточку, — торжественно произнес Погодин, извлекая из кармана зажигалку. Через несколько секунд на фитиле каждой свечи плясал веселый огонек. Стас повернулся ко мне, подмигнул и сказал, — дуй, Алька.

И я уже хотела. Потому что желание у меня было — самое заветное на сегодняшний день. Мысли постоянно возвращались к отношениям Сорга и бабушки Пелагеи, к их странной, прошедшей через время любви. Но... В этот момент раздался противный, резкий писк и механический голос произнес:

— Внимание! Тревога! Угроза пожара! Повторяю, угроза пожара! Всем курсантам покинуть помещение, согласно плану эвакуации номер три.

Прямо с потолка в нашу сторону выдвинулась серая трубка.

— Отходите, а то промокнем! — пискнула Айа, улепетывая от столика.

Я схватила свой поднос и кинулась в сторону. Катаклизмы катаклизмами, а кушать все же очень хотелось. Из трубки на стол полезла какая-то желтоватая пена, скрывая под собой мой импровизированный праздничный пирог и завтраки друзей. Наблюдая за всей этой картиной, я печально жевала бутерброд, размышляя о случившемся. И опять мы виноваты, а по сути ничего страшного не произошло. Подумаешь, День Рождения. Дикари живут в этом космосе, ну или мы — земляне слишком от них отличаемся.

— Угроза пожара устранена! Повторяю, угроза пожара устранена! — проговорил все тот же механический голос.

— Я так и думал, что тут без вас не обошлось, — к нашему столику направлялся тангир Элвэ, грозно сверкая бирюзовыми глазами, — что тут произошло?

— Ничего, — ответила Хунька, — празднуем двадцать пять лет кадета Верник, никого не трогаем, а тут бац, и шланг вылез. Испортил нам завтрак между прочим.

— Двадцать пять? — хищно, предвкушающе спросил «леденец». Смотрел он при этом на меня так... Так...

Под его пристальным взглядом я смутилась. Кивнув в ответ, опустила глаза.

— Ну, а жгли-то вы что? — как-то снисходительно спросил он.

— Земная традиция — в свой День Рождения задувать свечи на пироге, — ответил ему Стас, — и загадывать желание.

— Загадала? — спросил у меня эленмарец.

— Не успела, — честно призналась я.

— Ладно, живите пока, — отмахнулся тангир и, уже уходя, добавил, — но правила поведения в Академии каждый из вас сдаст мне лично в ближайшие дни!

Хунька застонала. Пока роботы убирали остатки нашего праздника, мы расположились за соседним столиком. Ребята сходили за дубликатом завтрака и теперь, неспешно переговариваясь, приступили к его поглощению.

— Прости, Аль, что так вышло, — сказала Хунька, — кто же знал, что у них с открытым огнем все так строго. А жаль, я хотела духа вызвать.

Теперь застонала уже я.

— Ну какого духа, Хунь? Духи, они недалеко от останков тела обитают, на Земле, а мы в

космосе. И, вообще, прекращай заниматься ерундой, последний раз тебя предупреждаю.

— Она же хотела, как лучше, — встал на защиту подруги Погодин, глядя на поникшую Хуньку.

— Стас! — я грозно посмотрела на притихшего рыцаря, — приклеить преподавателя, подлить ему приворотное зелье, не несанкционированно полетать на инопланетном, неизученном корабле, что я еще забыла?

— А-а-аль, не-е со зла же, — заступился Жорик.

— Ребята, я вас всех очень люблю и уважаю, но нельзя же так! — продолжала буйствовать я, — мы привлекаем слишком много внимания.

И тут, словно подтверждение моих слов, в столовую вошел улыбающийся Фингорм. Он обнимал за плечи симпатичную девушку-тентурийку, и она несколько не возражала, заглядывая в глаза этому белобрысому дамскому угоднику. Взгляды всей нашей компании переместились туда, и я поняла, что все в курсе очередной Хунькиной выходки.

— Что и требовалось доказать, — сказала, обернувшись ко мне Стасу.

— Алька, ну влюбленность у нее, а эленмарец не обращает внимания и крутит со всеми на ее глазах, — зашептал Стас.

— Но так-то зачем? — отозвалась я.

— Согласен, она слегка перегнула палку, но мы же своих не сдаем.

— Не сдаем, — пришлось согласиться мне.

Я посмотрела в сторону автоматов. Увиденное не добавило оптимизма. Красотка Анвен, стреляя глазками, что-то с придыханием говорила тангиру Элвэ, а тот слушал ее с полуулыбкой. Со стороны они смотрелись восхитительно. Настоящая пара, гармоничная и идеальная. Тяжело вздохнула и уткнулась взглядом в тарелку. В этот момент я, как никто, понимала Хуньку.

Фингорм вел себя настолько галантно, так широко улыбался и что-то говорил своей спутнице, которая то и дело сияла или, наоборот, заливалась смущенным румянцем, что мне показалось это подозрительным. Вот так бывает в театре, смотришь на сцену, где актер уж слишком рьяно играет свою роль и хочется крикнуть «Не верю!». Хунька ничего не замечала, украдкой наблюдая за вошедшей парочкой. Усадив свою даму к нам спиной, сам эленмарец сел так, что его очень хорошо было видно от нашего столика. Он словно говорил: «Смотрите! Смотрите на меня. Сейчас будет непередаваемое зрелище» Жорик с Айей с интересом взирали на происходящее, прижавшись друг к другу, как два голубка. А вот Погодин, судя по его ухмылке, разделял мое мнение.

— Стаас, — шепотом позвала его я.

— Верник, догадалась — молчи! — почти одними губами произнес он в ответ, — интересно же, чем дело кончится при таком раскладе.

Эленмарец за соседнем столом подвинул к себе поднос с через чур обильным завтраком, будто бы его несколько дней не кормили. С чего бы ему быть таким голодным? Он с жадностью набросился на еду при этом не забывая время от времени улыбаться своей спутнице. Вдруг Фингорм застыл, не донеся полную ложку до рта. Вид у него был чрезвычайно страдальческий и несчастный. Ушастый откинул волосы, театрально закатил глаза и схватился за живот. Что-то сказав своей очередной пассии, он пулей вылетел из столовой.

— Что же я наделала? — воскликнула побледневшая Хунька.

— Ну ты еще пожалей его, — прищурился Погодин, тщательно скрывая улыбку.

— И пожалею! — ответила подруга, подпрыгивая с места.

— Салфеток прихвати в автомате! — назидательно наказал Стас.

— Зачем? — опешила Хунька.

— Ну вдруг там, куда он ушел дефицит бумаги, а ты не готова к оказанию первой помощи пострадавшему, — заржал Погодин.

— Пострадавшему, — поправила его деликатная и застенчивая в нашей компании Айа.

— Не-еет, малышка, — улыбнулся своей невесте Жорка, — оговорка у Ста-а-аса очень правильная.

— Какие же вы дураки! — снова воскликнула Хунька и умчалась.

— А как же быть с тем, что мы своих не сдаем? — спросила я Погодина, когда подруги и след простыл.

— А кому мы ее сдали? — откликнулся этот интриган, — то, что не предупредили об игре эленмарца, так это воспитательный момент. Он же из кожи вон лез, чтобы показать ей, как на него действовало средство. Играл, кстати плохо, я бы сделал это гораздо жизненнее, но любовь слепа. Аль, ну не смотри на меня так осуждающе! Ты сама же ругалась еще несколько минут назад.

— Может ее надо идти спасать? — разволновалась я.

— Аля, ты как ребенок! Ничего он ей не сделает. Этот Фингорм сам смотрит на Хуньку, как кот на сметану, — усмехнулся Стас, — а учитывая, что эленмарец при свидетелях передал свою пятую точку в полное распоряжение Фархунды, она, вообще, была в своем праве! Так что, с точки зрения всех возможных коалиционных законов, она чиста.

— Ни один юрист Коалиции даже не предполагал насколько у землян извращенное мышление! — хмыкнула я, отпивая свой какао.

— Это, да, — не стал спорить Погодин, — но закон, есть закон, а Земля теперь — член Коалиции. Правда, Жорик?

— Ды-а! — авторитетно заявил Селедкин, очищая десертным ножом для Айи какой-то фрукт. Кто бы мог подумать, что Жоффрей такой внимательный мужчина.

— Просто Высший Совет еще не до конца осознал, какой ящик Пандоры они открыли в лице землян, а в Хунькином лице — в частности, — ответила я Погодину.

— Да, с Фархундой, они погорячились, — снова согласился он.

Далее завтрак прошел в тесной и дружественной обстановке, в отсутствие подруги никаких происшествий не случилось. В столовой она так и не появилась, в отсеке тоже. Хуньку я увидела лишь перед самым началом занятий. Ее лицо сияло, губы были слегка припухшими, а на щеках горел красноречивый румянец.

— Рассказывай, — потребовала я.

— Ой, Алька! — она блаженно закатила глаза, — как же он все-таки целуется!

— Это ты заметила до посещения им сортира или после? — на всякий случай уточнила я.

— Глупышка, — безобидно отмахнулась Хунька, — есть все же в этих эленмарцах что-то такое, что отличает их от всех других мужчин.

— Уши? — предположила я.

— Верник, нет в тебе романтики, — печально вздохнула она.

— Зато в тебе ее сейчас хоть отбавляй. Рассказывай, пока Сайвэ не пришел.

— Да нечего особо рассказывать. В общем Феокл где-то попалился, вскрывая код доступа в отсек эленмарца и Фингорм все знал. Кстати, земные слабительные на эленмарцев

не действуют.

Хунька замолчала и мечтательно вздохнула.

— Имей совесть. — пришлось ее пристыдить, — я же волнуюсь, а ты даже рассказать не хочешь.

— В общем, только я вышла из столовой этот ушастый поймал меня. Алька, здесь такая обсерватория! Там телескопы и изображение выводится на панорамный экран. Красиво! Просто феерически прекрасно! Так, о чем я? — мысли подруги явно путались. Не иначе, от счастья, — Финя затащил меня туда и мы смотрели на звезды и целовались.

— Финя? — опешила я.

— Ну, да, — смутилась Хунька, — Фингорм — слишком официально, сегодня мне хочется называть его по- домашнему.

— И даже не отчитал?

— Нет. Наоборот, обрадовался. Он искал повод подойти ко мне и не находил, а тут... с этой щеткой... такая удача.

— Да, Хуня. Хотела подшутить над эленмарцем, а похоже, что тебя раскрыли с потрохами.

— Знаешь, возможно я когда-нибудь об этом пожалею, — серьезно сказала она, — но не сегодня.

Занятия прошли мирно, обед тоже, и даже на вечерней тренировке ничего не случилось, а вот перед ужином ко мне на комм пришло официальное сообщение.

«Кадету Алевтине Верник явиться к тангиру Дарину Элвэ»

Ниже указывалось куда именно я должна явиться. Хмм... Личный отсек.

— Ого, — прокомментировала Хунька, — чего это ему понадобилось? Правила поведения сдавать будешь или он тебя с Днем Рождения поздравит?

— Догонит и еще раз поздравит, — почему-то огрызнулась я.

— Верник, только слепой не увидит — нравишься ты ему.

— Нравлюсь я, а глазки он строит этой тле соседской.

— А что ему еще остается, если ты опять свою Снежную Королеву включила.

— Кого? — недопоняла я.

— Ведешь, говорю, себя, как замороженная. Вот он и отогревается чужими улыбками.

Личный отсек тангира Элвэ находился в преподавательском блоке. С замиранием сердца, я прикладывала ладонь к дверной панели.

— Представьтесь, пожалуйста, — раздался вежливый голос привратника, конечно женский.

— Кадет Верник.

— Проходите, вас ожидают.

Пришлось сделать шаг вперед. Вокруг царил полумрак, верхнее освещение отсутствовало. Зато у накрытого на двоих столика стояли целых две световые подставки, дающие пусть тусклый, но приятный голубоватый свет.

Тангир Элвэ вышел ко мне весь такой нарядный, облаченный в парадную форму, с большим количеством металлических нашивок. Светлые волосы свободным водопадом спускались на плечи. А глаза цвета бирюзы с озорными золотыми искорками блеснули в неяром освещении.

— Кадет Верник, прибыла по вашему приказанию, — вытянувшись по струнке, отрапортовала я.

— Аля, я не приказывал, — тихо сказал эленмарец, — а пригласил.

— Уведомление по официальному каналу Академии нельзя назвать приглашением, тангир Элвэ.

— А как на Земле мужчина приглашает понравившуюся ему девушку на свидание? — нотки в его голосе стали бархатными.

— Не знаю, — пожала плечами в ответ, — просто подходит и спрашивает.

— А девушка?

— А что девушка? Если ей симпатичен мужчина, то соглашается.

— Аля, а если бы я пригласил тебя на свидание, ты бы согласилась? — спросил «леденец» подойдя ко мне вплотную.

— Откуда мне знать? — удивилась я, — вы же не приглашали, а приказали прибыть, тангир Элвэ.

— Просто не был уверен, что иначе ты придешь, — грустно улыбнулся эльф, — и называй меня, пожалуйста, Дарин, когда мы наедине.

— При всем моем уважении, тангир Элвэ, я не смогу этого сделать. Мы не настолько близко знакомы.

— Но я и хочу познакомиться поближе, — мужчина растерянно провел рукой по волосам.

— Насколько близко?

— Очень, — выдохнул он и шагнул еще ближе, привлекая меня к себе.

— Тангир Элвэ, что это вы делаете, а? — спросила, уперев ему в грудь ладони.

— Собираюсь начать с того момента, на котором нас прервали, — он стал неумолимо склоняться для поцелуя. Вывернувшись, отошла на несколько шагов и уставилась на озадаченного мужчину.

— Разве я дала вам понять, что желаю продолжения того, на чем нас прервали? — гневно зашипела на мужчину.

— А разве нет? Ты же ответила на мой поцелуй!

— Знаете, что... Если это единственно, зачем вы меня вызывали, то я пойду! — мои ощущения опять разделились. Внутри все клокотало от злости и в то же время, замирало от предвкушения. Но так просто я сдаваться не собиралась.

— Не единственное, — Дарин вздохнул, — поужинай со мною, Аля.

— Нет, — ответила я.

— Но почему? — спросил мужчина, а мне хотелось крикнуть: «Потому что ты улыбался этой остроухой швабре Анвен!».

— Потому что это неприлично, когда преподаватель и курсантка ужинают наедине, — ответила я.

Тангир разозлился, бирюза в его глазах покрылась панцирем льда.

— Но против общества Белиготара Сорга ты не возражала, — гневно выпалил Элвэ, — чем он лучше меня?

— Это не ваше дело! — Да! Я тоже могу повышать голос.

— Аля, я не хотел ругаться, — взяв себя в руки, уже спокойно сказал «леденец», — просто хотел с тобой поужинать и поздравить с днем рождения.

— Тангир Элвэ, — примирительно начала я, — мы с вами не в тех отношениях, которые допускают подобные ужины.

— Тебя смущает только то, что между нами нет таких отношений? — лукаво улыбнулся

«леденец» и золотые искорки запрыгали в его глаза. Красивый! — я готов исправить это хоть сейчас.

Он мгновенно оказался рядом и на этот раз его губы накрыли мои. А я... я чувствовала себя кроликом, оказавшимся рядом с удавом. Знаю, что съедят и все равно не могу сдвинуться с места. Беги, Верник! Беги отсюда, пока не стало слишком поздно! Итак почти все твои мысли давно уже имеют бирюзовый оттенок с золотыми вкраплениями. Просто наваждение какое-то! Болезнь! От нежных прикосновений мужчины горячие волны разливались по телу. Его дыхание сводило с ума, а руки исполняли неизвестный, но очень чувственный танец на моей спине.

— Аля, — выдохнул он, прервав поцелуй, и еще крепче прижал меня к себе.

— Тангир Элвэ, — заворочалась я, пытаюсь освободиться.

Да, где там. Меня прижали словно любимого плюшевого мишку, не желая отпускать. «Леденец» сдавил так, что было трудно дышать.

— Ты не покидала моих мыслей с того момента, как я увидел тебя там в коридоре. Постоянно думаю о тебе, Аля. Никого больше не вижу, когда ты рядом, — заговорил мужчина, — вокруг тебя столько мужчин! И все смотрят! В такие моменты я просто себя не контролирую. Хочется схватить тебя и спрятать от всего света. Когда напали на Лумпару, а тебя не оказалось в Академии... — он перевел сбившееся дыхание, — да я чуть с ума не сошел! Только когда тебя увидел — отлегло от сердца.

— И быстро утешились в обществе Анвен, — ответила я.

— Что? — опешил эленмарец.

Это дало мне возможность вновь отойти и оказаться хоть на каком-то расстоянии от него.

— Аля. ведь она сама подходит. Я, как преподаватель, обязан ее выслушать.

— Вот и выслушивайте! — выпалила в ответ, — а меня оставьте в покое!

— Аля... — тангир двинулся в мою сторону.

— Не подходите! — выставила вперед руки. Я ведь тоже не железная. Стоит ему еще хоть раз коснуться и сдамся... Позорно сдамся на милость победителя.

— Хорошо, — тяжело вздохнул он, — но хоть это ты можешь от меня принять?

Он зашел в какое-то помещение, а потом вышел, держа в руках пирожное с горячей свечой.

— Задуй и загадай желание, — тихо сказал Дарин, протягивая мне это чудо, — ведь так поступают на Земле.

— Так, — улыбнулась я. Мыслей в голове не было.

Вот не было! И я загадала: «Хочу любить и быть любимой». Дунула, свечка потухла.

— Исполнится, — улыбнулся эльф.

— Вряд ли, — усмехнулась я.

— Тангира Элвэ, просят прибыть ко второму ангару на общее построение курса, — сообщил его комм.

— Кадету Верник срочно прибыть ко второму ангару на построение курса, — пикинул мой комм.

— Умеет испортить момент твой Белиготар Сорг, — процедил злой «леденец».

— Да, он у меня такой, — не стала я его разочаровывать.

На круглой площадке перед ангарами был уже выстроен весь наш курс. Здесь же присутствовал легар Сорг, в сопровождении трех высших чинов, судя по нашивкам — артлегаров. Высокое командование! Это же почти как земной генералиссимус. Важная коалиционная комиссия прибыла в составе эленмарца, варга и тентурийца. Мы с тангиром Элвэ пришли одними из последних и, спросив разрешения, поспешили занять свои места. Я встала к своей четверке, а он прошел к офицерам. Увидев нас вместе, Белиготар Сорг укоризненно покачал головой. Как только все опоздавшие курсанты заняли свои места, вперед вышел невысокий, плотный варг и, активировав комм, принялся зачитывать приказ Высшего Совета.

Читал он долго. Там было что-то о непростых временах, напряженных отношениях с Темным Кругом, в свете чего, каждый из нас должен приложить максимум усилий на поддержание мира и защиту жизни. В общем, обычная пафосная вода, которую льют все докладчики со всех трибун. Сменивший его тентуриец говорил о том, как важно иметь на вооружении апаньярские корабли, что любой перевес может стать решающим. Он долго и нудно приводил примеры боев в различных войнах и, кажется, не собирался останавливаться.

— Эх, — простонала рядом Хунька, — а нас с ужина сдернули.

— А я так и не поужинала, — грустно отозвалась я, слушая о доблести Корпуса Мира.

— Зачем тебя вызывал ушастый? — прошептала она.

— Свечку задуть.

— Хорошо хоть не подержать, — хмыкнула подруга, — странная раса. Надо держаться от них подальше.

— То-то я смотрю ты от Фингорма полдня подальше держалась! — не сдержавшись, съязвила.

— А что? Я слабая женщина, у меня бывают минутные слабости, — парировала Хунька, — но в остальное время, я — кремень.

Поток исторических фактов, которые доносил до нас тентурийский артлегар, остановил его коллега эленмарец. Сразу стало ясно, кто в их комиссии главный. Высокий, статный блондин вышел вперед и заговорил. Ну почему же у эльфов такие притягательные голоса!

— Мое имя Аргинад Сорг, — представился эленмарец, и я с интересом взглянула на него. Однофамилец или еще один родственник? Скорее всего второе, потому что вряд ли на Эленмаре есть еще один род Соргов.

Он говорил, что для Коалиции прогресс в отношении апаньярский кораблей стал приятной неожиданностью. Слаженные действия отважной команды курсантов помогли предотвратить катастрофу и спасти миллиарды жизней. Захваченный тапторский «паук» передан для изучения в местные секретные лаборатории и он лично вместе с Белиготаром Соргом будет курировать этот проект. Сведения, добытые в ходе успешной операции, оказались поистине бесценны. Благодаря им, предотвращена военная экспансия на планету Медрикс. Освобожденный нимед, фазр Крон согласился сотрудничать с ВЗА, так как в его уникальных телепатических способностях нуждается Коалиция. С его помощью установлено, что апаньярские корабли имеют странные названия, но что они означают не выяснено. К стратегическому борту «Полкан» приписывается четверка Верник, Погодин,

Ткхшшшшарсинсит, Селедкин и командиром назначается Верник. И снова Хунькину фамилию он произнес без запинки. Как им это удастся?

— Перейдем к приятному, — продолжил Аргинад Сорг, — за неоценимый вклад в науку, героизм и боевую доблесть Погодину Станиславу присваивается внеочередное звание — всунь!

Мы с Хунькой прикрыли рты ладонями, а Стасик покраснел, видимо предвкушая встречу с Куси-бао.

— Ткхшшшшарсинсит Фархунде присваивается внеочередное звание — всунь! — теперь уже Хунька краснела под нашими улыбками.

— Селедкину Жофффею присваивается внеочередное звание — всунь!

Жорик скептически ухмыльнулся.

— Выс... выс... — попытался сказать он.

— Да, не высунь, а всунь, — объяснил Погодин, — разница в направлении движения.

— Всу-унь, не так уж и плохо! — договорил он.

— Верник Алевтине присваивается внеочередное звание — кетарт! — продолжил свою речь эленмарец.

— Так не честно! — зашипел Стасик, — значит, Алька у нас будет кетартом ходить, пока мы будем постыдными всунями?

— Служи хорошо, сынок! — снисходительно похлопала по плечу Погодина, не обращая внимания на его шуточные выпады.

— Есть, мэ, — отозвался он.

— Так меня еще никто не оскорблял!

— Звание обмыть надо, — прошептала Хунька.

— Чем? Чаем в столовой? — скривился Погодин.

— Что бы вы без меня делали, — подмигнула подруга, и я поняла — мы снова попали...

— Теперь, когда с официальной и наградной частями мы закончили, вернемся к делам.

Передаю слово легару Соргу, — произнес эленмарец и отошел к своим коллегам.

— Позвольте от лица администрации Академии поздравить ваших товарищей, — произнес дед, посмотрев в нашу сторону, а затем продолжил, — как вам всем известно апаньяпских кораблей пять. В ходе последних исследований, ученые выяснили, что каждый аппарат вступает с командой в определенный симбиоз. Как это не странно прозвучит, но свою команду, каждый из кораблей выберет сам. А поможет нам это определить — фаэр Крон.

Высшие чины и наши офицеры захлопали, мы, естественно, подхватили, и со стороны лифтов до площадки дошел наш знакомый исполинский пушистик.

— Здравствуйте, — прозвучал бас гиганта, — я рад, что могу быть полезен, тем, кому обязан своим спасением.

— Наряду с вашим курсом, создано еще две четверки из пилотов истребителей Нова, которые подали прошение об участии в эксперименте.

После этих слов легара на площадку строевым шагом вышли восемь курсантов. И никто из нас даже не сомневался, что среди них будет Фингорм.

— И сюда пролез, прохиндей ушастый! — прошипела Хунька.

— Все для тебя, дорогая, — ответила я.

— Спорим, что их кораблики не выберут? — прищурилась она.

— На что? — съехидничала я, прокручивая в уме мелкую пакость.

— А на что хочешь?

— На желание! — выпалила я.

— Только, чур своим кораблям не подсказывать! — предупредила Хунька. — У них своя голова... или что там у них... на корпусе!

— Заходим в ангар, — скомандовал легар, — четверка Верник направляется к своему кораблю, остальным построиться согласно списка.

— Вы не возражаете, если я постою рядом со своими спасителями? — прозвучал бас исполина.

— Ничуть, — ответил Сорг, — вы можете направлять нас и оттуда, уважаемый Крон.

По понимающим улыбкам, которыми при этом обменялись мужчины, я поняла, что они сговорились. Это не нимеду предстоит помогать в отборе, а мне. Но выглядеть все должно так, как будто пушистик оглашает вердикты корабликов.

— Не понимаю я вас людей, — наклонившись к моему уху шепнул исполин, — зачем вы нацепляете на себя столько одежды, если все равно представляете друг друга голыми?

— О чем ты, Крон? — удивленно подняла глаза на ехидно усмехающееся волосатое лицо нимеда.

— Вон тот офицер, — он показал взглядом на Элвэ, — очень ярко представляет тебя голой, затейливо так. Вертит в разные стороны и смакует каждую деталь, особенно аппарат для кормления.

— Аппарат для кормления? — опешив, повторила я, — грудь что ли?

— Наверное, — пожал мощными плечами нимед, — мы мало уделяем внимание анатомии, все шерстью скрыто. Для нас главное — душа...

— Эх... — тяжело вздохнула в ответ, — а у нас аппарат для кормления.

— Не только, — усмехнулся мой собеседник, — вот, например, Фархунда, смотрит на вон того эленмарца и думает, так ли он хорош, как ее андроид. И, знаешь, в ее фантазиях, андроид проигрывает. А вот легар...

— Хватит! — громким шепотом прервала его откровения, не хватало мне еще об обнаженных мечтах деда слушать, — лучше скажи, как действовать будем?

— Это ты Хозяйка кораблей, тебе и решать, — степенно ответил пушистик, — главное, мне говорить не забывай. Коротко кивнув, направились к кораблику.

— Полкаша, — тихонечко позвала.

— Аля, — его голос прозвучал только для меня, — приветствую.

— Как вы тут без меня? — спросила я, погладив по черному, теплему корпусу.

— Скучали, — отозвался кораблик, — но для нас время ничего не значит.

— Все готово для выбора экипажей?

— Принцесса капризничает, — как-то не хотя предупредил Полкан.

— Вот с нее и начнем, — мстительно прищурила глаза и услышала возмущенный писк «гламурной дивы».

Надо сказать, сегодня все кораблики выглядели пристойно, лишь яркие, желтые номера отличали их один от другого. Но каким-то шестым чувством, я точно знала под каким номером кто.

— Начинаем с номера три, — прошептала я нимеду.

— Корабль номер три готов к выбору, — громогласно объявил исполин, а у меня тихо спросил, — что делать-то надо?

— Не знаю, — пожала плечами, — наверное, подойти, потрогать...

— По очереди, старший каждой четверки подходит к кораблю и прикладывает руку к корпусу, — перевел мой сумбурный бред Крон.

Затаив дыхание, я наблюдала, как первым к нашей мадмуазели подошел астериец. Он ехидно улыбнулся и приложил свою пятерню. Тут... корпус кораблика под ладонью заискрился и мужчину отбросило не меньше чем на метр.

— Ты что творишь, зараза апаньярская?! — прошипела я.

— Да где же это видано, Аленька, чтобы чужие мужики грязными ручищами деву невинную лапали! — раздался у меня в голове истеричный голосок Принцессы.

— Невинную говоришь?

— Да! — всхлипнула эта комедиантка, на этот раз отбросив от себя тентурийца.

— Против девушек, надеюсь, ты ничего не имеешь? — грозно спросила я.

— Против девушек ничего, — тут же откликнулась она.

— Ну смотри мне! Выкинешь еще что-нибудь... — угроза как-то не подбиралась, но Принцесса сама меня спасла.

— Не выкину, клянусь!

— Смотри мне! — все-таки надо с ними поостороже, совсем распоясались.

— Пусть попробует подойти эленмарка из смешенной женской команды, — шепнула Крону.

Анвен осторожно подошла к кораблику, зажмурилась и протянула руку, но дотронулась лишь одним пальцем.

— Она в меня тычет! — пожаловалась Принцесса.

— Потерпишь, — ответила я, хотя, к моему стыду, очень сильно хотелось скомандовать другое. С удовольствием бы посмотрела, как ушастую красотку отбросит. Знаю, злопамятная, но, как вспомню, их улыбки с «леденцом», аж зло берет!

Принцесса послушно опустила трап, и эленмарка победно улыбнулась, взглянув на Дарина. Утешением моему самолюбию послужило то, что он на Анвен никак не прореагировал и, вообще, не обратил никакого внимания, тихо переговариваясь со вторым Соргом.

— Борт номер три «Принцесса» закрепляется за четверкой Беллим, — констатировал легар.

— Йоу, мама, — услышала я голос Тузика и я уже хотела было возмутиться, но он извинился, — прости, забыл, что тебе не нравится.

— Чего хотел? — смягчившись, спросила его.

— А можно мне тех — клыкастеньких, — смутился кораблик.

— Баргов что ли? Которых? — уточнила я.

— Тех, что ваши песни поют, — тихо ответил обычно громкий Тузик, — весело с ними.

Я оглянулась на четверку варгов, с которыми мы стали особенно дружны. Веселые парни и сейчас что-то обсуждали и на клыкастых физиономиях то и дело расцветали улыбки, напоминающие оскал. Звали их Торо, Закр, Герх и Самбл. Тузик неплохо впишется в их команду, да и им не придется скучать с этим корабликом. О чем я и сообщила нимеду, который жестом приказал капитану варгов приблизиться к пятому номеру. Тузик распахнул трап и на лице Закра отразились сначала искреннее удивление, а потом неподдельное ликование. Его команда разразилась приветственными криками и поздравлениями своему капитану.

— Хороший выбор, — похвалила я металлиста.

— Сам тащусь, — ответил он мне. Ну вот что с ним делать?

С Барбосом тоже сложностей не возникло. Он выбрал спортивную команду Ганимеда во главе со Стивеном. Его выбор я тоже посчитала правильным. Ганимедцы мне нравились. Открытые ребята, с хорошим чувством юмора быстро со всеми подружились и не влипали в странные истории, как наша четверка. Стивен — отличный командир, мудрый и понимающий. С ним кораблик будет как за каменной стеной. Ну, или они с корабликом.

Остался только Дружок, простой космический былинный богатырь. Я уже смирилась, что безбожно проигрываю Хуньке желание. Положа руку на сердце, полагала, что Принцесса не будет столь феминистично настроенной и обратит свое женское внимание на четверку бравых эленмарских пилотов, но все вышло с точностью до наоборот. С каждым корабликом надежда на выигрыш таяла как утренний туман под первыми лучами солнца.

Дружок перебрал всех и даже не по одному кругу. Старшие четверок подходили к нему, прикладывали ладонь и... ничего не происходило. Спустя полчаса, когда в животе предательски заурчало, я не сдержалась:

— Да сколько уже можно!!! — мысленно прикрикнула на него.

— Не торопи, девица-краса, чай не корову выбираю, — степенно отвечал Дружок.

Когда все мое терпение было на исходе, он выбрал... четверку Фингорма. Алилуйя! В порыве радости чуть не запрыгала на месте.

— Это ты его подговорила? — недовольно спросила Хунька.

— Клянусь, он сам! — честно ответила я.

— Дружок, — спросила она кораблик, — ответь честно, почему ты из всех выбрал их четверку?

— Дак ведь оно и понятно, — забулькал богатырь, — токма настоящий мужик во время боя тылы-то отважится неприятелю показать, оставив баб сражаться. Воспитывать их стану таперича, чаго непонятного?

И тут я поняла, как попал Фингорм... И Хунька это поняла, потому что против своего проигрыша не возражала. И все же ушастиков было искренне жаль.

Выбор корабликов привел меня в благодушное настроение. Конечно, мои, подопечные еще «попьют кровушки» из своих команд, но, в целом, должны сойтись характерами. Даже выбор Принцессы не обескуражил, потому что не смотря на всю истеричность и импульсивность Анвен, она очень проигрывала Айе. Наблюдая за отношениями астерийки и Жоффрея, я поняла, что это настоящий «серый кардинал». Возможно, обычаи на Астерии способствовали проявлению некой скрытности у женщин, но наша Айа была настоящий стратег и тактик в одном лице. Да. За Принцессу я была спокойна.

А вот за Фингорма нет. Внешне спокойный и даже рассудительный Дружок, являлся тем «тихим омутом», которого стоило опасаться. А в жизни эленмарца на ряду с корабликом теперь присутствовала и Хунька, чей потенциал превосходил несколько полностью вооруженных эсминцев космофлота Коалиции.

— Привет, — ко мне подошел Стивен. Широко улыбнулся, показав два ряда ровных белых зубов, — Барбос мне все рассказал. Я рад, что мы будем служить вместе.

— Привет, — поприветствовала в ответ ганимедца, — эти кораблики сдержанностью не отличаются, так что не доверяй им важных тайн.

— А как же выполнять поставленные военные задачи? — удивился он.

— Эти доверяй, — рассмеялась, глядя на озадаченного мужчину, — личных не доверяй.

Поступила команда «разойтись». Напевая веселую песенку, я направилась к выходу из

ангара.

— Не забудь, — догнала меня Хунька, — даже такие звания обмыть надо, хотя... тебе-то повезло.

— Хуня! — грозно посмотрела на подругу я.

— Что? — эта полутентурийская чертовка приняла ангельский вид.

— Давай только без твоих обычных штучек! — пришлось ее предупредить, — и, вообще, ты мне желание должна.

— Да, — безропотно согласилась Хунька, — должна. И штучек не будет, обычный коньяк. Одна бутылка на всех! С Земли везла! Встретимся дома, а у меня тут еще дела.

Она попыталась сбежать, но я отлично знала этот ее взгляд.

— Стоять! — приказные интонации в моем голосе заставили подругу замереть, — какие это у тебя дела в ангаре?

— Да, просто нужно кое-что перетереть с Дружком и Принцессой, — нехотя отозвалась она.

— Хуня, кораблики хоть и умные, но все воспринимают буквально!

— Не обижу я наших младших братьев по разуму, — откликнулась она, убегая.

— Это смотря кто еще младший... — задумчиво сказала уже скорее самой себе.

— Кадет, Верник, — раздался рядом голос, заставивший меня обернуться и утонуть в бирюзовом море с золотыми искрами, — я бы хотел продолжить нашу прерванную построением беседу... Если вы не возражаете.

Что это с «леденцом»? Просительные нотки и неуверенность в голосе? Очень подозрительно и крайне на него не похоже.

— А если я возражаю? — переспросила, вспоминая предупреждение деда.

— Мне будет очень и очень жаль, — тихо ответил эльф своим бархатным голосом.

— Вынуждена предупредить, тангир Элвэ, на землян не действует ваш зов, или, по крайней мере, действует очень слабо.

— Проверим? — улыбнулся он.

До чего же хорош. Хотелось... Хотелось все бросить и бежать за ним... Не важно куда, лишь бы за ним. Верник, очнись! Он Анвен улыбался! Но разумные доводы слабо помогали, когда близко находился этот конкретный образец эленмарской мужественности. Сердце отстукивало бешенный ритм, я уже собралась выразить свое согласие, как совсем рядом прозвучал строгий голос деда:

— Кетарт, Верник! Мы с артлегаром Соргом хотели задать вам несколько вопросов.

— Когда? — растерянно спросила я.

— Сейчас, если не возражаете, — легар указал рукой на выход и... я пошла, виновато оглянувшись на Элвэ.

Не один мускул не дрогнул на красивом лице «леденца». Тангир с дедом обменялись недобрыми взглядами, а проходящий мимо них артлегар Сорг улыбнулся и вдруг вполне дружелюбно похлопал Дарина по плечу на прощанье. Сбрендить можно. Да, кто же разберется в этих эленмарцах! Выходя из ангара, я твердо решила, что сегодня, если представится возможность, обязательно расспрошу деда о всех традициях и обычаях его расы.

Но возможности не представилось. Меня вызвали исключительно по делу. Нет, не так. По долгу службы, как командира вверенного мне подразделения, включающего в себя пять апаньярских кораблей и двадцать членов их экипажей, включая меня саму. На завтра

намечался боевой вылет. Предстояло зачистить пространство вокруг планеты Медрикс от вражеских кораблей, если таковые остались в данном квадрате и провести разведку близ лежащих секторов. Некоторое время мы провели, планируя боевую операцию. Артлегар то и дело лукаво поглядывал на нас с дедом, заставляя меня гадать, что именно ему известно. Но беседа не переходила за рамки деловой и мое любопытство осталось неудовлетворенным. Лишь в дверях, когда легар направился меня проводить, нам удалось перекинуться парой фраз.

— Аля, — строго сказал дед, — постарайся общаться с Элвэ как можно меньше.

— Но он мой командир, — возразила я.

— Вот и общайся с ним только как с командиром.

— Да, что случилось? Почему ты так беспокоишься?

— Потому что ты уже оперившийся птенчик, а он хищный кот, — загадочно отозвался легар.

— Ты обещал мне все рассказать, — напомнила я деду.

— Обещал, что ты обо всем узнаешь, — подтвердил он, — поверь, уже скоро. Еще каких-нибудь несколько дней. Потерпи, птенчик.

— А артлегар... он твой родственник? — не удержалась от вопроса я.

— По эленмарским законам да, но по земным... Он третий муж моей энфины.

Уже выйдя в коридор, никак не могла переварить информацию. У них там что... многомужество что ли? И если Аргинад третий муж и не родственник по земным меркам Белиготару, то значит сам легар потомок другого мужа загадочной энфины. Запутаться можно... Боюсь, без объяснений я ничего не пойму. Ладно, потерпеть пару дней

— это сущие пустяки. Нужно было спешить, чтобы предупредить своих о том, что обмывание званий переносится, в связи с боевым вылетом.

Всю свою команду и часть команды Принцессы, в лице Айи, я, конечно же, отыскала в столовой. Есть хотелось зверски. Меня дважды за этот вечер ужином не накормили! Быстро набрав в автоматах еды, прошла за столик.

— Верник, ну где ты ходишь? Только тебя и ждем! — накинулась на меня с обвинениями Хунька, — у нас между прочим коньяк греется.

— Придется ему еще погреться, — ответила я, — вечеринка отменяется!

— Как только кетартом стала сразу зазналась, да? — прищурилась подруга, — а я в тебя верила, что ни огонь, ни вода, ни, тем более, медные трубы...

— Медные трубы нам завтра предстоят, — предупредила ребят, налегая на салат из местных овощей, очень похожих на звездочки карамболы, только со вкусом обыкновенного огурца.

— Что на сей раз придумало командование? Еще какие тайны Вселенной раскрыть? — скривился Погодин, глотнув из стакана неизменного чая с молоком.

— Боевой вылет, — ответила я, положив в рот кусочек запеченной рыбы, которую местные автоматы готовили изумительно.

Минуту за нашим столиком царила тишина а потом посыпались вопросы. Кто? Что? Куда? Сколько? Во сколько? И так далее и тому подобное... Я слушала ребят, что-то вяло отвечала, почти не замечая вкуса, поглощала свой ужин и боялась... Да, я трусила! Меня страшил не сам вылет, а то, что должно было произойти перед. Как командиру подразделения, перед боевым вылетом мне поручили провести инструктаж личного состава. Конечно, поручили только потому, что, по большому счету, кроме меня никто ничего не знал об апаньярских кораблях. Признаться в том, что и мои знания минимальны, было неудобно. Что можно о них сказать? Что разумны и умнее любого пилота? В такое поверят только земляне, даже дед смотрел на меня скептически, когда мне пришлось ему об этом рассказать. Опасайтесь их извращенного чувства юмора? Тоже... бред.

— Так значит завтра боевой вылет на Медрикс? — переспросила Хунька.

— Да, — машинально отозвалась я.

— Так... Мне срочно нужно в ангар... — засуетилась подруга.

— Стоять! — уже по инерции остановила Хуньку, — колись!

— Чего уж... признавайся... — усмехнулся Стас.

— Сговорились? — обвела друзей взглядом и укоризненно покачала головой.

— Аль, ну я подумала, что вздыбленная прическа, сделанная эленмарской принцессе апаньярской, не помешает, так что подговорила статически зарядить обруч командира. В сущности, это можно и не исправлять, в бою не помешает. А вот с Дружком сложнее... — она притихла и, видимо, соображала, как помягче мне признаться.

— Говори уже... — добродушно разрешила я.

— Ну... Мне показалось будет забавным, если за каждую неточность в полете Фингорм получит небольшой разряд в пятую точку, — призналась она.

— Чтоооо? — выдохнула я, не находя больше никаких слов.

— А что? — захлопала глазами эта бестия, — он мне сам сказал, что его задница в моем распоряжении.

— Хуня... — конечно я любила подругу, но порой ее явно заносило на поворотах и не

мешало придать нужное направление, — ты мне желание проиграла?

— Да, — согласилась она.

— Так вот, озвучиваю тебе мое желание — ты хотя бы неделю даешь мне пожить спокойно, ничего не выдумываешь, никому не мстишь и ведешь себя, как образцовый...

— Всунь! — закончил за меня Стас.

— Курсант! — поправила я, строго зыркнув на Погодина.

— Понял, командир, молчу! — он показательно прикрыл рот рукой.

— Жестокая ты, Верник, — обиженно сказала Хунька, — но долг есть долг! Мне идти к кораблям все исправлять?

— Сиди уже, недоразумение, — улыбнулась я, услышав ее показательный всхлип, — сама я с ними завтра поговорю, перед вылетом.

Утро выдалось суматошным и... ранним. Вместо жуткого сигнала пробудки прозвучал более жуткий сигнал тревоги. Казалось, вот только закрыла глаза и сразу нужно вставать, куда-то идти, что-то делать. Пока я пыталась открыть глаза, шустрая Хунька уже заняла санблок. В итоге до лифта мне пришлось топтать одной.

За очередным поворотом меня притянули к широкой груди и знакомые уже губы властно накрыли мои. «Леденец» целовал жадно, неистово, с таким упоением, что мои ноги невольно подкосились, но упасть мне не дали, придерживав за талию.

— Аля... Аленька... — шептал он, — я не знаю, как за минуту сказать тебе обо всем, что чувствую. Да, я эленмарец и у меня осталось всего двадцать лет, но если ты примешь меня, то все они твои. Слышишь, птенчик?

Ответить мне не дали, потому что сладкие губы вновь накрыли мои. На этот раз поцелуй был тягуче-нежный, ласковый, заставляющий тысячи мурашек покрывать мое тело. Дарин целовал меня, а я плавилась, горела и отвечала ему, словно это был самый последний наш поцелуй.

— Обещай, что вернешься! — горячо шептал он.

— Обещаю... — отзывалась я.

— Ко мне... — снова шепот.

— Да... — ничего не соображая, говорю в ответ.

— Береги себя, птенчик! — и снова горячие губы заставляют мою кровь бурлить.

— Буду... — откликаюсь я.

Он ласково провел пальцами по моей щеке, тревожно вглядываясь в глаза, словно запоминая каждую мою черточку.

— Тебе пора, — хрипло выдохнул «леденец».

— Пора, — повторила на автомате я.

Меня отпустили. Шаг... Еще шаг... Лифт... Команда «ангар номер два». Вспышка... И все произошедшее мгновение назад кажется сном. Вокруг шум, суета, раздаются команды, бегают курсанты... А не приснился ли мне тангир Элвэ?

— Командам боевых кораблей построиться, — звучит команда, и мы бегом занимаем свои места.

— Привет, Полкаша, — шепчу я и в ответ раздается приветственное бульканье.

— Инструктаж проведет ваш непосредственный командир, кетарт Верник, — говорит артлегар Сорг и ухмыляется, глядя на меня.

Я что-то говорю о важности полета, о составе команд, еще о какой-то ерунде... А в

голове лишь его «Аля... Аленька...» Стоп! И снова о цветowych, поражающих лучах, о роли навигатора и стрелков, об ответственности командира.

— Доверяйте кораблям и, как это не странно прозвучит, прислушивайтесь к их мнению, — наконец, решаюсь я озвучить абсурдную по звучанию, но верную по сути истину, — корабль — пятый член вашего экипажа, важный и незаменимый, на время полета он ваш друг и соратник. Я желаю всем нам удачного полета!

Выдохнула и посмотрела на деда. Он стоял рядом с Аргинадом и в его глазах сияла гордость, он гордился своей внучкой! Артлегар Сорг тоже смотрел в мою сторону и поощрительно улыбался.

— По машинам! — скомандовала и едва слышно продолжила, — простите, кораблики, что так вас называю. Белиготар Сорг подошел ко мне, когда я уже собиралась подняться на борт.

— Квадрат зачистили, видимой опасности нет, — проинформировал легар, — но все же будьте предельно внимательны и очень осторожны.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— Береги себя, птенчик, — тихо сказал он, — и скорее возвращайся... ко мне.

Кивнула в ответ и юркнула в спасительное нутро кораблика. Сегодня я уже слышала точно такие же слова. Эти эленмарцы такие разные и такие похожие одновременно. В голове царили хаос и неразбериха. Отбросив все сумбурные мысли, сосредоточилась на отлете. О новых родственниках и свалившихся вдруг признаниях подумаю после.

— Экипажу занять свои места, — сказала я, натягивая на себя обруч, — доложить о готовности.

— Второй борт к вылету готов...

— Третий... Четвертый... Пятый...

Створки шлюза раздвинулись, открывая летный коридор и «апаньярская свора» с гиканьем и улюлюканьем, слышными только мне, вылетела в свой первый рейс за многие тысячи лет.

— Красота какая! — визжала Принцесса.

— Динамично! — вторил ей Барбос.

— Раздолье, гуляет народ, вино из кувшинов пьет... — пел Тузик, но услышав мой рык, стушевался, — спокойно, мама! Утих я.

— Вон оно какое... поле-то бранное! — очарованно произнес Дружок, осматривая космические просторы.

— Верник, ты какая-то напряженная, — хмыкнула Хунька, — с корабликами поговорила?

— Нет... — выдохнула я, — Полкашенька, передай Дружку, что Хунины замыслы воплощать в жизнь не нужно.

— Алевтинушка, солнце наше красное, есть смысл в речах подруги твоей, — пробасил чудо-богатырь.

— Не перечь Хозяйке, — рыкнул на него Полкан, — нам ее беречь надо, она вон какая слабая.

— Духом-то посильнее многих буде, — откликнулся Дружок.

— Три минуты до объекта — доложил наш кораблик.

— Барбос и Принцесса обследуют соседние сектора, не высовываясь и составляя подробную карту, Тузик и Дружок — орбита, а мы сканируем поверхность планеты, —

раздала я команды, согласно вчера разработанному плану.

— Странная у них планета, — сказал Погодин, рассматривая Медрикс в голопроекции, — одни горы и снег. Не зря они такие утепленные.

— Кто к чему привык, — откликнулась я, наблюдая, как Барбос с Принцессой оторвались от клина и ушли на задание.

— Тревога! Тревога! — предупредил Полкан, — со стороны искусственного спутника в нашу сторону движутся четыре вражеских штурмовика.

— Нас заметили? — с тревогой спросила кораблик.

— Нет, — отозвался он, — и прикрытия у них нет. Стоп! Корпус обработан тем же составом, что и «пауки».

— Откуда они здесь взялись? — не выдержала Хунька.

— Судя по температуре двигателей, летели своим ходом издалека, но вот зачем? — задумался Полкаша.

— Им что-то нужно на поверхности, — предположила я, — не могли вражеские корабли таким малым числом просто так вернуться.

— Докладывает борт «Туз», — раздался голос капитана варгов, — в корпусе неприятельских кораблей обнаружены слабые места.

На голоэкране появилась модель штурмовика, на которой красным были выделены необработанные сектора.

— Ихху... ихху... — начал Жорик.

— Нашел время для песен, — привычно встрял Погодин.

— Их хуже подготовили, — договорил Селедкин.

— Согласна, — подтвердила я, — как будто спешили.

— На них просто сильно не тратились, — грустно сказала Хунька, — они сюда умирать летели, а состав — это гарантия, что долетят и мизерный шанс на спасение.

— А ведь она права, — отозвался Полкан, — на планете четыре взрывных устройства.

— Но как? — не поверила я, — любую автоматику давно бы вычислили и обезвредили.

— В том-то и дело, что не автоматика. Устройства приводятся в действие нажатием кнопки, а механический детонатор допотопный — временной, сам сработает через сутки, без нажатия.

— Четыре корабля и четыре взрывных устройства? И штурмовики летят умирать... Что нам это дает? — попыталась я строить логическую цепочку.

— Они взорвут планету со всеми жителями... — прошептала бледная Хунька, — хана пушистикам...

— Полкаш, чей корабль? — спросила я.

— Символика Темного Круга, экипажи разномастные, — доложил он.

— Приказываю Тузику и Дружку атаковать вражеские корабли и не дать им сесть на планету. Целиться в выявленные слабые места, — отчеканила я, — мы садимся на Медрикс. Полкан, отсканировать и вывести на экран схему взрывного устройства.

Через минуту мы уже разглядывали небольшую коробку, с кучей кнопок и отверстий.

— Что-то доисторическое, века так 19–20 земного, бегущих циферок на датчике не хватает, — сказал Погодин, рассматривая это чудо науки, — конечно не одна электроника не обнаружит такого динозавра.

— Чтобы обезвредить, нужно нажать на панель семь и перерезать желтый и зеленый провода, — читал лекцию Полкаша.

— На задание идем я и Стас, — решила, все еще разглядывая схему.

— Почему это? — попыталась возражать подруга.

— Потому что ты прекрасный стрелок, а Жорик прекрасный навигатор. Вы будете прикрывать нас. Кто знает, какие там могут быть сюрпризы.

— Скорее всего никаких, — улыбнулся Погодин, — минировали-то в спешке, в нежилых зонах.

— Будем надеяться, — ободряюще подмигнула другу.

— И все-таки, жребий было бы справедливее, — вздохнула Хунька.

— Командир решил иначе, — сказал серьезно Стас, — и я полностью согласен с Алей.

— Докладывает борт «Друг», два вражеских штурмовика уничтожены. Продолжаем атаку, — раздался голос Фингорма.

— Ва-а-ас понял, — ответил ему Жорик, пока мы со Стасом облачались в костюмы с подогревом. Все же настолько холодный климат был нам не привычен.

— Докладывает борт «Барбос», обнаружена вражеская станция, — говорил Стивен, — Аля, на ней пленные, в рабских ошейниках...

— Поставьте маячок и внесите подробные описания. В бой не вступать, — скомандовал Полкан, видя мою растерянность.

— Вас понял, — ответил Стив и отключился.

— Спасибо! — искренне поблагодарила кораблик.

— Мы одна команда, не переживай, Алевтина Верник, — подбодрил меня он.

Принцесса на связь вышла тоже, но в обследуемых ею секторах было тихо. Нам повезло. Три взрывных устройства располагались в довольно доступных местах, и мы со Стасом быстро справились с их обезвреживанием, загрузив бесполезный металлолом на борт. Пусть ученые посмотрят на чудо враждебной техники.

А вот четвертое устройство устанавливали специалисты. Мало того, что оно находилось в пещере, загороженной горным пиком так, что к нему ближе чем на километр невозможно было подлететь даже апаньярскому кораблику. Его еще защищали две лазерные установки, реагирующие на любое движение и спрятанные в недоступных для автоматической нейтрализации местах.

— Проблема, — почесал лоб Погодин.

— Приду... приду... — начал было Жорик.

— А чего сразу придурок? — обиделся Стас.

— Придумаем, — закончил Селедкин и уселся в кресло, раскрыв свой дежурный мастеровой чемоданчик.

Спустя полчаса, мы все еще ждали, сосредоточенно работающего Жоффрея. Все кораблики, выполнив свои задачи, ожидали нас в условленной точке. Наконец, мастеровитый Селедкин предъявил нам двенадцать небольших стрекоз.

— О-о-от... отвлекающий ма-а-невр! — с гордостью поведал он.

— Стрекозами управляем мы, а вы короткими перебежками добираетесь до пещеры, двигаетесь по нашей команде, — проговаривала план Хунька, — хуже всего будет, когда вы полезете по скале. По меркам Медрикса невысоко, двадцать метров всего, но буран и минус пятьдесят все осложняют.

— Справимся, — отозвался Стас.

— Антигравитационные боты? — строго спрашивала Хунька.

— Надели, — сказала я, показывая нашу смешную обувь. Идти в ней было ужасно

неудобно, не говоря уж про бежать.

— Ножи, ледорубы, веревки, крем от обморожения?

— Взяли, — выдохнул Стас, — кончай допрос, — мать-командирша!

— Удачи вам, ребята! — всхлипнула Хунька, выпуская нас в ледяной сумрак.

— На связь выходите каждые полминуты! — строго предупредил Полкан.

— Слушаюсь и повинуюсь, — улыбнулась я и, надвинув на лицо защитное стекло комбинезона, шагнула туда, где стало не до улыбок.

В лицо сразу ударили порывы ветра, сбивая с ног. Терморегуляция костюма спасала от холода, но совсем не защищала от снега, а датчик на экране шлема показывал -57 по Цельсию. Снег налипал на стекло, мешая обзору. Пришлось включить подогрев, от этого не стало легче. Струйки воды стекали вниз, и их было бесчисленное множество. На смену одним появлялись другие, отчего снежная, непроглядная даль казалась зловещей и полосатой.

Нам предстояло пройти около 800 метров по каменному плато до заминированной Темным Кругом скалы, а затем карабкаться по отвесной поверхности больше чем на двадцать метров вверх под обстрелом двух лазерных установок. Они тоже были старые, как и взрывные устройства, стреляли короткими лучевыми импульсами по движущимся объектам... теоретически, а вот, практику нам только предстояло испытать на своей шкуре.

Каменное плато только на карте было каменным, на деле же, мы сразу угодили в снежный плен, в котором увязли до середины бедра. Антигравитационные боты, так необходимые при подъеме, сейчас изрядно мешали передвижению из-за своей громоздкости и неудобства.

— Я пойду первым, — раздался в наушниках голос Стаса.

Где-то впереди маячила его нечеткая, расплывчатая из-за налипающего снега и бесконечно стекающих струй воды, фигура.

— Почему ты? — не то чтобы я была против, но спросить потребовала моя совесть.

— Верник, — раздался веселый смех друга, — за пять лет учебы ты этого так и не заметила. Придется озвучить прописную истину для ничего вокруг не замечающих курсанток — я мужчина!

— А я — твой командир, — подало голос мое упрямство.

— Иди за мной, командир, — саркастически хмыкнул он, и фигура впереди двинулась.

Так трудно, как эти 800 метров, мне в жизни не давалась ни одна дистанция. Даже продираться сквозь сугробы за Погодиным было довольно тяжело. Проторенная тропка тут же засыпалась новыми порциями наносимого снега, а ветер сбивал с ног.

— Прошли восемьдесят метров, — сообщала Хунька, — как слышите?

— Слышим хорошо, — отвечал Стас.

— Пятьсот... шестьсот двадцать... Семьсот...

По спине неприятными струйками стекал пот. Он бы тек и по лицу, застилая глаза, но я включила обдув, чтобы хоть что-то видеть.

— Стоп! — скомандовала подруга, — предположительная линия огня. Стас, выпускай первую «стрекозу».

Робот-насекомый, преодолевая шквалистый ветер, тяжело поднялся в воздух и пересек невидимую черту. Неправильная, рваная траектория ее полета сыграла на руку. Красные вспышки метнулись в сторону «Стрекозы», но лишь расплавили снег под ней. Два следующих луча мелькнули через какое-то время, снова не причинив вреда нашей

помощнице.

— Пятнадцать секунд на перезаряд, — сказала Хунька, — Жорик говорит, что там установлен самый примитив, но примитив опасный! Поняли когда вам нужно двигаться? До скалы девяносто два метра.

— Да, поняли, — отозвалась я, и «стрекоза» вновь поднялась в воздух.

Следующие полчаса стали моим личным кошмаром. Несколько раз смертоносные лучи плавили снег буквально в метре от меня или Стаса. Мы ждали красных вспышек, разрезающих снежную пелену, и тут же начинали движение. Но какое расстояние можно пройти за пятнадцать секунд в таких условиях? Метр? Полтора?

— Стоп! Вперед! Вправо, обходите валун! — раздавались команды Хуньки.

А мы упорно сантиметр за сантиметром продвигались вперед, пока перед нами не выросла отвесная стена.

— Лазерные установки находятся на соседних скалах, — сообщила Хунька, — устранить их, не задев вас — невозможно. Держитесь, ребята! Впереди двадцать самых непростых метров и вы на месте.

— Да, — вздохнул Стас, — и осталось две «стрекозы».

— Зато сейчас вы в глухой зоне и можете передохнуть.

— Перед смертью не надышишься, — философски заметила я, опускаясь прямо в снег рядом с Погодиным.

— Поживем еще, старушка! — наигранно весело откликнулся он, обнимая меня за плечи.

А ветер продолжал хлестать нас снегом, причем направление его порывов предугадать было совершенно невозможно.

— Идем? — спросила я, спустя пять минут, когда дыхание выровнялось, а противные липкие струйки пота перестали скользить по позвоночнику под костюмом.

— Да, пора, — серьезно откликнулся друг, — Аль?

— Что?

— А ты знаешь, что я был в тебя влюблен все это время?

— Знаю.

— Хорошо.

— Погодин, ты что? Это ты так прощаешься со мной?

— Всякое может быть, — хмыкнул он в ответ, — просто сейчас мне важно, чтобы ты это знала.

— Мы выживем, не смотря ни на что! — и сцепив зубы, я направилась к скале, — Хунь, мы готовы.

— Выпускайте «стрекозу»! — скомандовала она. Голос в наушниках был не четкий и дребезжал, словно шли какие-то помехи, — ...оей... оманде!.. связью!

Сейчас движение не требовало огромных энергозатрат, но стало еще более опасным и рискованным. На отвесной, идеально ровной поверхности скалы мы были открытыми мишенями для лучей. Все действия сложились в последовательность вспышка — болт в скалу из пневмопистолета — тридцать сантиметров вверх. На третьем метре мы потеряли предпоследнюю «стрекозу», на седьмом — последнюю... и связь с Полканом. Больше голоса Хуни не было слышно и даже помех в эфире. Словно передатчик просто перестал работать.

— Дела! — выдохнул Стас. Слава всем Богам, переговорное устройство в костюмах еще работало и мы могли друг друга услышать, — что делать будем, Аль?

— Ты будешь вбивать болты, а я — отвлекать внимание. Другого выхода все равно нет, как и обратной дороги.

Последующий путь свелся к тому, что я кидала, как можно дальше, какой-нибудь предмет, лазерные лучи прошивали воздух, и мы поднимались еще на тридцать вожаделенных сантиметров.

— Вижу пещеру, — раздался голос Погодина, — полтора метра над нами. Аль, еще немного.

Полтора метра — пять предметов — пять раз по тридцать сантиметров и пять вспышек, каждая из которых может стать последней для любого из нас. Метр двадцать... девяносто сантиметров... шестьдесят... тридцать... Погодин подтягивается и...

— Я на месте, Алюш, — говорит он ободряющим, успокаивающим тоном, — сейчас отвлеку установки и подниму тебя, потерпи.

А я что? Я терплю! Что-то летит из пещеры, полыхают вспышки, и крепкие руки друга втягивают меня внутрь, но... То ли мы замешкались, то ли просчитались... В общем, где-то мы явно ошиблись, пространство разрезает очередная вспышка, а мою ногу обжигает невыносимая, нечеловеческая боль. В наушниках раздается крик, стон и ругань. Кажется это мой голос. Никогда за собой не замечала любви к грубым словам.

— Аля? Алька! Ты как? — с беспокойством спрашивает Стас.

— Нога... — жалобно выдавила я, чувствуя, как на смену обжигающей боли приходит леденящий холод.

— Сейчас, сейчас, маленькая, — шепчет Погодин, склоняясь над моей замерзающей конечностью.

— Сначала установка! — упрямо повторяю ему, — я никуда не денусь, оба мы никуда не денемся отсюда. Назад не спуститься.

— Придумаем что-нибудь, — откликнулся он, перерезая допотопные провода на устройстве и возвращаясь ко мне,

— потерпи, Аль. Сейчас я оттащу тебя вглубь, там теплее и порывов ветра нет.

Дальше — резкая боль в ноге, и меня куда-то несут, а потом опускают на белый от снега каменный пол.

— Царапина глубокая, повреждены мышцы, но пластырь обеззаразит, обезболит и стянет края, — сосредоточенно говорит Погодин, — Аль, сейчас больно будет. Попробую обезболить уколom, нужно убрать обугленные участки кожи.

А дальше я кричу, потому что боль еще сильнее, чем было вначале. Погодин достает из походной аптечки инъекционный пистолет, ногу недалеко от эпицентра кольнуло и сразу стало легче.

— Вот так, — удовлетворенно откликнулся Стас, расправляя на моей голени пластырь. Сейчас намажу сверху кремом от обморожения. Герметичность костюма нарушена. Ничего, Аль, оденешь мой.

— А ты что оденешь? — пытаюсь шутить, — мой тебе на три размера мал. Извини, Погодин, но я не готова смотреть на твой синий зад.

— Ты и в лучшие времена на него смотреть отказывалась. Аль, я не шучу, — он устало опускается рядом, — самым нам отсюда не выбраться, а при такой температуре ты очень быстро отморозишь ногу.

— Только одну ногу, — улыбаюсь я, — это куда лучше, чем отморозить целого друга.

Устало кладу голосу ему на плечо, он обнимает и... мы сталкиваемся шлемами.

— Черт! — беззлобно ругается Стас, — первый раз наедине с любимой девушкой, а погодные условия и одежда не располагают к романтике!

— Да ладно тебе! — боль прошла, настроение улучшилось, — Полкан каждые десять минут передает отчеты на базу, согласно Устава. За нами обязательно придут.

— Вопрос когда, — грустно усмехнулся он.

— Скоро, — заверила друга.

— Понимаешь, Аль... — и его тон мне ох как не понравился.

— Что еще у нас плохого?

— Это место...

— Что с ним не так? — спросила я, оглядываясь вокруг. На вид пещера, как пещера — метров пятнадцать в глубину и три метра в высоту.

— Это место высасывает энергию, не зря Темный Круг тут допотопную механику устанавливал.

— Что ты имеешь в виду?

— Связь пропала на подходе сюда, — констатировал он.

— Ну и что? Это еще ничего не значит, обычный сбой!

— Не обычный. На предыдущих взрывных устройствах таймер был электронным, а здесь механическое, роликовое, отсчетное устройство. Принцип маятника.

— Но это тоже еще ничего не значит, — все еще пыталась возражать я, но в глубине души, уже была уверена в правоте Стаса.

— Аль, ты только не пугайся... — осторожно начал Погодин.

— Вот когда ты начинаешь так издалека, мне становится по-настоящему тревожно. Говори, как есть!

— Когда мы сюда добрались, заряд аккумуляторной батареи в костюме был 99 %, а сейчас 13... Через семь минут, мы останемся фактически голыми на пятидесятиградусном морозе.

— Мда... — я тяжело поднялась и, подойдя к краю пещеры, кинула в снежную пелену бесполезный ледоруб. Тут же пространство осветили вспышки.

— Засада, — констатировал Погодин.

— Да, — согласилась с другом, обходя пещеру по периметру, как вдруг...

Не поверила своим глазам! На стене мелькнул уголок знакомого символа. Я потеряла заснеженную поверхность. Так и есть! Круглая выемка в камне, по диаметру совпадающая с моим денкоро и на ней высечены те самые символы. Спешно начала расстегивать костюм, пытаясь добраться до вожделенной цепочки.

— Верник, у нас еще семь минут, — откликнулся Погодин, — а ты решила приблизить свой конец?

— Не мешай! — откликнулась я, не замечая пронизывающего холода.

Стянув с шеи медальон, быстро застегнулась и приложила апаньярский ключ к «замочной скважине». Стена за спиной Стаса дрогнула, заставив его подскочить и отойти ко мне.

— Что за шутки... — только и смог выговорить он, когда перед нашими глазами открылся проход в огромный зал со сплошь исписанными стенами. На них были символы, знаки, рисунки, но ничего похожего мне прежде видеть не доводилось.

— Древняя цивилизация? Апаньяры? — спросил отмерший Погодин.

— Не похоже, — откликнулась я, проходя вперед, и дотронулась до первого из

СИМВОЛОВ.

Стена была теплой и, вообще, в этом зале было тепло, словно снаружи не бушевал снежный буран. С самого раннего детства я ездила с бабушкой Пелагеей на все выставки, научные конференции и даже некоторые раскопки, но нигде не встречала подобных символов. Здесь были не надписи, а целые схемы каких-то загадочных ритуалов.

— Аль, — позвал Стас, — внеплановый расход энергии приостановился, сможем продержаться подольше.

— Хорошо, — на автомате ответила я, погруженная в свои мысли.

Но если апаньяр не имеют отношения к этому месту, то каким образом совпали символы на моем денкоро. «Ключ ко всему» — сказали мне, когда передавали медальон. Ко всему... Это так много и так мало одновременно. Что для человека все? Жизнь? Любовь? Бессмертие? А для меня лично? Что такого есть в моей жизни без чего я не мыслю своего существования? И тут же вспомнила добрую улыбку мамы, строгий взгляд отца, бабушек... и почему-то тангира Элвэ. Странно! Этот-то как попал в мои мечты? Тряхнула головой, отгоняя прочь мысленный образ эльфа. Понятно одно — каждый человек продолжается в себе подобных, в потомках, значит главное — это выживание вида в целом! А по простому — семья. Убери из жизни возможность иметь родных и близких, убери способность любить и что останется? Модель жизни? Она вроде и есть, но ее как бы и нет. Я смотрела на символы, и мне казалось, что здесь скрыта какая-то тайна и что разгадка лежит где-то на поверхности... совсем рядом.

— Аля, — снова позвал Погодин, что-то внимательно рассматривая на стене, — подойди сюда, пожалуйста.

На стене, которую так внимательно изучал Погодин, был изображен символ Коалиции — круг с девятиконечной звездой внутри. Рядом шли какие-то странные значки, письмена, а потом изображение распадалось на четыре части: круг и три равносторонних треугольника.

— Странно, что Высший совет избрал символ уже использовавшийся древними, — задумчиво проговорила я.

— Вовсе не странно, — пожал плечами Стас, — вспомни Земные религии, там везде вначале было слово, а оно чем изображалось?

— Буквами...

— Буквами... — передразнил меня Погодин, — а буквы — это символы и чем они древнее, тем могущественнее. Есть хочешь? У меня шоколадка есть.

— Хочу, — протянула руку, убрав предварительно защитный экран костюма.

Необходимость в нем теперь отпала. Вокруг было тепло и даже ногу покалывало вокруг наложенного пластыря.

— На, голодающая, — улыбнулся Стас и вложил в мою руку целую шоколадку, тоже убрав защитный экран костюма.

Разломив пополам стратегический запас еды, честно протянула часть другу.

— Ешь сама, — отмахнулся он.

— Погодин, ты меня знаешь, — хмуро предупредила, — если мы не съедим ее вместе, то она так и останется нетронутой.

— Вредная ты, Алька. И чувство справедливости у тебя воспаленное, — кажется мне поставили диагноз, но шоколад он все же взял.

— Доктор? Скажите, с этим живут? — жалобно спросила я.

— Живут, — он скептически окинул меня взглядом, — но не регулярно и совершенно без удовольствия.

— Гад ты, Погодин! — ответила, положив в рот дольку вкуснейшего на свете шоколада.

— Я готов это исправить! — усмехнулся Стас.

— Перестанешь быть гадом? — удивленно уставилась на него.

— Ну, нет... Это выше моих сил, но могу поспособствовать и в регулярности и в удовольствии!

— Нет уж, как-нибудь сама! — отмахнулась я, но смех уже рвался из меня.

— Вооот! — он шутливо ткнул мне пальцем в грудь, — вот оттого, что вы такие самостоятельные, мы и вырождаемся!

— Погодин, ты не вырождаешься, у тебя две сестры есть.

— Сестры — не потомки, — обиделся Стас.

— Подожди... — вдруг вспомнила я, — вырождаемся говоришь? Вспомнила, что мне эта звезда напоминает!

— Что?

— Символ земного триединства у древних славян... Очень древних, Стас! Триглав... Три треугольника — это чистый свет, божественный огонь и гармоничный человек — потомок Древних Светлых Богов. А круг их объединяющий — есть сама жизнь. Понимаешь?

— Если честно, то нет, — помотал головой Погодин, — иногда ты такой бред несешь, Аль.

— А что если звезда Коалиции — это не девять объединенных рас?

— А что же тогда?

— Стас, это символ мировой гармонии. Нет, не так. Это — не символ, это — сама мировая гармония.

— Верник, ты часом головой нигде не приложились?

— Да, как ты не понимаешь! — я злилась, а Погодин никак не мог увидеть и осознать очевидные вещи, — планету хотели уничтожить из-за этой пещеры! Здесь что-то есть... Важное! Очень ценное, что Коалиция никогда не должна найти!

— Да откуда ты это взяла?

— Погодин, ты размышляешь, как человек!

— А как кто я должен размышлять? — опешил он.

— Как Бог!

— Ну спасибо тебе, Алька! Не знал, что ты такого высокого мнения обо мне.

— Да, я не именно про тебя! Я про временные рамки! Человеческая жизнь по сравнению с жизнью Вселенной, что песчинка. Поэтому нужно мыслить иными временными рамками. Предположим, на этой стене ритуал, нарушающий равновесие и, предположим, его когда-то провели...

— Верник, ты меня пугаешь! Откуда такие выводы?

— Смотри, были апаньяр... процветали и вдруг исчезли. Куда делись? Почему? Загадка! Потом самыми древними и сильными расами стали эленмарцы и астерийцы. И что мы имеем?

— Что?

— Они вырождаются! У одних недостаток мужчин, но катастрофический переизбыток женщин, а у других все наоборот. И так из века в век, из поколения в поколение. Угадай, что

произойдет однажды?

— Они вымрут, как динозавры на Земле!

— Умница! Значит, теоретически, в этом зале отгадка и первопричина. Без специальных знаний, мы вряд ли прочтем надписи, но ведь осмотреть зал мы можем? У меня предчувствие — что-то здесь точно есть!

— Аля! — предостерег Стас, — мы итак почти по уши... и не в шоколаде!

— Тем более! Ну, что мы теряем? Все равно ждать помощи...

— Ладно, уговорила! С чего начнем?

— Со всего!

Зал был огромным хоть и пустым. На некоторых стенах имелись выступы и альковы, странные каменные наросты или, наоборот, вогнутости. Последующие полчаса мы планомерно обходили помещение по периметру, дотрагиваясь до каждой подозрительно трещинки.

— Нет здесь ничего! — заверил меня Погодин.

— Может и нет, но пока мы здесь, нужно все осмотреть!

— Верник, ты вредина!

— Аты, Погодин, лентяй!

— Аль...

— Не ной, Стас!

— Я не ною... У меня камень сдвинулся!

— Покажи! — подбежала к нему я.

— Вот! Этот! — он указал на небольшой выступающий камень, в центре какой-то схемы, — Аль, он правда сдвинулся! Осторожнее!

Протянув руку, я дотронулась до округлого камня. Не прилагая никаких усилий, сдвинула его в сторону. Под ним оказалась еще одна «замочная скважина» для апаньярского ключа. Приложила кулон к выемке и совместила символы. Часть стены над замком выступила вперед и отъехала в сторону, открывая перед нами древний тайник. Там... прямо в воздухе, ничем не удерживаемый, висел металлический треугольник из красноватого металла, напоминающего самую обычную медь.

— И что это? — разочарованно спросил Стас.

— Видимо, часть древней головоломки.

— Я все спросить хотел, откуда у тебя этот кулон?

— Семейная реликвия, передающаяся строго по наследству! — ответила я. А что? Не соврала же, учитывая мое родство с апаньяр по их же собственному утверждению.

— Повезло тебе с наследственностью, — ухмыльнулся Погодин, — видать инопланетяне наследили!

— Ты даже представить себе не можешь, насколько прав, — задумчиво сказала я, доставая длинный нож, которым всегда укомплектовывали термокостюм.

Сердце стучало, как сумасшедшее. Что же это за треугольник такой? Почему из-за него хотели взорвать целую планету со всеми ее обитателями? Разве не проще было забрать? Хотя... может универсальный ключ существует в единственном экземпляре... Размышляя, я тихонько проводила ножом по воздуху вокруг таинственного треугольника. Никакого поля, никаких волн... Он просто висел в воздухе.

— Взять? — растерянно спросила Стаса.

— Бери, раз нашли!

Что-то внутри меня противилось этому, но все же я протянула руку и взяла треугольник. Он был небольшим, тяжелым и приятно оттягивал руку. Как только предмет покинул место своего хранения, дверца тайника снова встала на место. А вот звук, донесшийся до нас из другого конца зала, заставил обернуться и на мгновение замереть от ужаса.

На противоположной стене открылся проем, огромный, зловещий и из него доносилось утробное рычание. В тусклом освещении прохода мелькали неясные тени. К нам явно что-то, точнее кто-то подбирался.

— Ой... говорила мне мама не брать неизвестные предметы в незнакомых местах... — пропищала я.

— Прячь шутовину и доставай бластер, Алька! — прошептал Погодин.

— Вообще-то, командир здесь я, — так же шепотом, прячась за широкую спину Стаса, огрызнулась.

— Тогда команду! — произнес он, даже не повернув головы в мою сторону, но извлекая стандартный бластер ближнего боя.

— Не язви, Погодин! Последние слова должны быть о вечном, — сказала я, пряча найденный треугольник во внутренний карман термостюма.

— Эх, здесь тоже заряда осталось совсем не много. Батарея почти разряжена, — предупредил Стас, осматривая оружие.

— Тогда бьем на поражение. Лучше всего в голову, ведь без мозгов не живут.

— Наивная ты, Алька. Еще как живут! При чем — припеваючи.

Но в следующее мгновение нам стало не до разговоров. Да, не до чего нам стало, потому что в проеме появилось животное... чудовище... монстр... В общем, нечто такое, что нам видеть еще не приходилось, даже на картинке. Когда-то я смотрела голофильмы ужасов, но даже там не встречала подобное. Нет, если смотреть на этого хищника издали, он бы мог показаться вполне симпатичным, но не сейчас, когда нас разделяли лишь несколько десятков метров и монстр явно готовился напасть на нас.

Огромная голова саблезубого медведя, посаженная на гибкое, четырехметровое кошачье тело, при этом вся конструкция покрыта густой, длинной, белой шерстью. Желтые, горящие глаза, видимо, привыкшие к темноте, чудовище прикрывало. Монстр рыкнул и царапнул лапой пол. Раздался скрежет, а на камне образовались глубокие борозды.

— Вот это когти! — восхитился Стас, — Верник, если живыми выберемся, пообещай мне одну вещь.

— Какую? — хотя мне было не важно, сейчас я готова была пообещать все, что угодно.

— С этого момента и до скончания времен ты всегда... всегда, слышишь, будешь слушать свою маму!

— Слышу! Буду! — послушно пообещала я и добавила, — огонь!

Два лазерных залпа огласили противным писком зал, врезаясь в грудь и голову животного. Зверь дико зарычал и завертелся на месте, пытаясь определить, кто на него напал. Даже на таком расстоянии до нас доносился запах паленой шерсти. Но особого вреда наша атака животному не нанесла. Под обгоревшей шкурой обнаружились зеркальные пластины, плотно прилегающие друг к другу, как броня. Лазерные заряды не повредили их.

— Ничего себе сюрпризы, — прошептал Погодин, перезаряжая бластер, — что это за чудо? Биоробот?

— Вряд ли, — отозвалась я, — скорее продукт генной инженерии и извращенного разума. Ты же видел, ему больно было. Андроиды не чувствуют, они могут только

имитировать эмоции и то, только если их запрограммировали на это.

— Нам от этого не легче.

— Не легче, — согласилась я, — и бластеры против такого бесполезны.

— Что делать будем?

— Долго объяснять. Есть план. Попробуешь отвлечь зверя?

— Есть, командир!

Белоснежный исполинский кошкомедведь плохо видел, но слышал он, по всей видимости, прекрасно, потому что сейчас, перестав крутиться, он уставился прямо на нас.

— Действуй! — скомандовала я.

Погодин швырнул бластер в соседнюю стену так, чтобы он по возможности наделал как можно больше шума. Монстр развернулся и ринулся на звук. В этот момент, активировав антигравитационные боты, я бросилась к хищнику и прыгнула, как можно выше, пытаясь приземлиться к чудовищу на спину, ближе к загривку. Понимала ли, что у меня лишь одна попытка? Разумеется. Но других вариантов выжить не было. Прыжок и приземление удались, но... хищник, почувствовав седока, стал прыгать и взбрыкивать сильнее дикого необъезженного мустанга, которых недавно заново по ДНК восстановили на Земле. Я вцепившись в густую шерсть, пыталась удержаться. При каждом пируэте зверя нещадно прикладывалась пострадавшей ногой о бок животного, который только с виду казался мягким. Да и обезболивающее переставало действовать. Черт! Быстро! Слишком быстро! И так не к стати.

— Погодин, если он меня сбросит, больше шанса у нас не будет, — заорала я изо всех сил, вцепляясь в новый участок шерсти потому что старый выдрала до пластин.

— Понял! — заорал Стас, отбегая, как можно дальше.

Он стал прыгать и кричать, отвлекая внимание зверя на себя. Монстр замер, это дало мне возможность вытащить нож и, хватаясь за мех, подползти к голове. Удивительно, но на затылке шерсть почти не росла, обнажая броню. А расстояние между пластинами все же было! Было! Узкое, но лезвие ножа пройдет! Но шанс только один, поэтому нужно выверить удар.

Дальше все произошло почти одновременно. Погодин заорал еще яростнее, размахивая руками. Я подползла чуть ближе к морде и с размаха, снизу в верх вогнула нож по самую рукоять зверю в глаз. Животное, уже приготовившееся к прыжку, совершило его по инерции, вкладывая всю ярость и оглашая зал истошным ревом. В предсмертной агонии, монстр настиг свою жертву. Как будто в замедленной съемке, когти зверя вошли в тело Стаса, разрезая термокошом словно масло. Зверь резко остановился, и я не удержалась. Пролетев несколько метров, ударились о стену. Уже теряя сознание, увидела Погодина в луже красной крови, и чудовище, оседающее в синюю.

Очнулась. Открыв глаза, увидела все тот же зал. Сколько я здесь пролежала? Минуту? День? Взглянуть на место нашей битвы было страшно. Боль в ноге усилилась, сейчас все бедро просто пульсировало, заставляя морщиться и закусывать губу. Видимо, об стену я тоже приложилась не слабо, потому что, кроме ранения, болело все тело. Собрав всю волю в кулак, села и взглянула на Погодина. Он лежал в той же позе, бледное, словно восковое лицо и кровь... море крови вокруг. Рядом труп чудовища.

— Стаааас! — тихонечко позвала я.

Ответа не последовало. Подняться сил не осталось. И тогда я опустилась на каменный пол и поползла. Упорно продвигаясь вперед сантиметр за сантиметром.

— Стас! Стасик! Ты меня слышишь? — шептала я, не получая никакого отклика от друга.

Собрав на себя по дороге пыль веков, кровь монстра и Стаса, наконец, достигла своей цели. Дрожащей ладонью накрыла руку Погодина. Холодная.

— Стас! Не умирай, слышишь? — говорила, пытаюсь принять сидячее положение, — лучше ты когда очнешься, я тебя сама убью, чтобы больше меня так не пугал...

Знаю, что говорила откровенные глупости, но в тот момент только они приходили на ум. Выглядел он ужасно. Рваные раны шли со спины и спускались на грудь. На плече царапины были настолько глубоки, что виднелась кость. Но самое страшное — голова монстра покоилась на ноге Стаса и из под нее сочилась красная кровь, смешиваясь с синей. Сдвинуть тушу чудища мне оказалось не под силу. Присев рядом с Погодиным, дотронулась до лица. Оно тоже было холодным. Склонилась проверить дыхание... Так ничего и не почувствовав, стала шарить по карманам его комбинезона в поисках аптечки. Нашла. Как смогла стянула края рваных ран остатками пластыря, вогнала ему и себе болеутоляющего и, только услышав сдавленный стон друга, немного успокоилась.

— Стас, ты как? Ты меня слышишь?

— А... Аленька... — слабо прошептал он пересохшими губами, — живая... а вот я... ухожу...

— Не смей! — заорала на него.

— Не... кричи... — чуть слышно сказал он, — умирать... легко... если ты рядом...

— Не говори так, Стас! — по щекам катились предательские слезы, — Все будет хорошо, слышишь? Мы обязательно выберемся отсюда!

— Поцелуй... меня... на прощанье... хоть раз... — прохрипел он.

Склонившись над бледным лицом Погодина припала губами к его губам... солеными от слез к сухим, с металлическим привкусом крови. Целовала его бережно, вкладывая в поцелуй всю нежность, сочувствие, любовь. Да, именно любовь! Я любила Стаса Погодина, как лучшего друга, верного и незаменимого! Время шло. а мы все целовались и целовались. Слезы давно высохли, привкус крови исчез, хотя ее запах витал вокруг. Наглый язык Погодина вторгся в мой рот и всю там хозяйничал, а здоровая рука этого пройдохи притягивала меня к нему. Да, друзья мои! Так умирающие не целуются! Так целуются озабоченные, дорвавшиеся до вожделенного, лживые интриганы!

— Погодин! — прошипела я, вырвавшись из цепких объятий проходимца, — как это понимать?!!

— Твой поцелуй воскресил меня, о, прекрасная дева! — отозвался этот гад и лукаво улыбнулся.

— Так ты не умирал? — прищурилась я.

— Пока нет, — честно ответил он, но словив мой гневный взгляд, быстро оправдался, — находясь рядом с тобой, это со мной может случиться в любую минуту! Аль, ну прости. Когда бы я еще твоего поцелуя дождался? Он такой... такой...

— Какой? — кокетливо похлопала ресницами.

— Соленый! — признался Погодин.

— Убью, — искренне пообещала я.

Раздавшийся из зловещего, зияющего прохода далекий рык, заставил нас снова прижаться друг к другу.

— Оно там не одно... — со страхом прошептала.

— Сматываться надо, — сказал Стас. И с ним невозможно было не согласиться.

— Как ты? — спросила я, осматривая друга.

— Ног не чувствую, — признался он, силясь приподнять голову.

— Капсула энергетика действует несколько часов, с учетом быстротечности времени в этом месте и того меньше. Их у нас две. Интересно, какие у нас шансы свалить отсюда, если мы этим воспользуемся?

— Свалить? Да нас на скале поджарят, Аль!

— Погодин, — усмехнулась я, — у меня есть план. Наши враги нам помогут!

— Что ты имеешь в виду? — оживился он.

— Мы стреляли в него из бластеров, у которых мощность почти такая же, как у установок снаружи, — я ткнула носом бота в валяющуюся тушу чудища.

— Алька, ты гений! — воскликнул Погодин, — это не причинило ему особого вреда! Но как нам это поможет? Он весит, наверное, тонну!

— А мы возьмем только шкуру, даже часть шкуры, только прикрыть обоих, плюс действие энергетика. Самое главное, успеть ее добыть, — я нервно покосилась на проем, откуда вновь донеслось все еще далекое рычание.

— Тогда за дело! — приподнимаясь сказал Стас, но тут же свалился обратно.

— Без энергетика не стоит и пытаться, — предупредила друга, впрыскивая в него капсулу, и то же самое ввела себе, — сейчас я попробую приподнять голову монстра, а ты доставай ноги. Нужно освободить тебя из капкана.

Стас кивнул в ответ. Осмотрев морду зверя, искала за что бы зацепиться. Шерсть на тонком, поверхностном слое кожи была крайне ненадежна, поэтому я схватилась за выпирающие из пасти клыки и со всей силы потянула голову на себя. Погодин, обхватив ноги, рывком вытянул их из под зверя.

— Готово! — крикнул он.

Острые клыки повредили перчатки термокостюма и это было совсем не кстати. Осмотр ног Погодина тоже не добавил оптимизма. Если одна нога Стаса казалась относительно целой, не считая нескольких ссадин и синяков, то другая выглядела ужасно. Из раны на голени торчала кость.

— Ну что я могу тебе сказать, — философски сказала, взирая на наши повреждения и на испорченные костюмы, — меня сейчас рычание из пещеры пугает гораздо больше, чем то, что ожидает нас снаружи. Да я, чтоб больше с такими как этот монстр не встречаться, голая на мороз, под обстрел прыгну!

— Именно это мы и собираемся сделать, — рассмеялся Погодин.

Обезболивающее и энергетик действовали, но ходить он не мог, а это означало, что всю дорогу мне придется его тащить.

— Плохо дело, — расстроился друг.

— Прорвемся! — подбодрила Стаса, — там на шкуре, есть расстояния между пластинами, в них входит нож. Надо ее срезать. Я сверху, ты на боку. Кусок должен быть большим, чтобы укрыть тебя.

— А тебя? — изумленно спросил он.

— А меня укроешь ты, — ответила, улыбнувшись, — сам же знаешь, по другому никак...

— Это чистое самоубийство... — прошептал Стас, принимая у меня свой нож.

— Лучше погибнуть, пытаясь спастись, чем быть заживо съеденными, — я уже

карабкалась на тушу животного.

— Тоже верно, — не стал спорить со мной Погодин.

Следующие полчаса мы упорно свеживали тушу убиенного нами монстра, то и дело поглядывая в сторону входа, откуда раздавалось все приближающееся рычание. Отрезанный кусок шкуры оказался два на два метра, этого вполне должно было хватить, чтобы укрыть нас обоих. В зловещем проходе замаячили неясные тени.

— Судя по звукам, зверь там не один... — прошептал Стас.

— Обопрись на меня! — приказала я Погодину, подныривая под его руку.

Даже несмотря на действие энергетика, вес его ощущался, тем более приходилось тащить шкуру. Достигнув края пещеры, мы ощутили на себе все прелести погодных условий Медрикса. Буран успокоился, ветер уже не сбивал с ног, но пронизывающий холод проникал под разорванный костюм, заставляя ежиться.

— Ты как? — спросил в переговорник Стас, активировав стекло.

— Нормально, — отозвалась я, обильно смазывая все его и свои открытые участки кремом от обморожения.

Погодин встал спиной к выходу из пещеры. Укутав друга в шкуру, прижалась к его животу и прочно сковала нас страховочным тросом.

— Что там с энергией?

— Спуститься хватит, а дальше вряд ли... — отозвался Стас.

— Значит, если не сможем идти — поползем. Всего-то восемьсот метров, — беззаботно ответила я.

— Верник, Верник, врать тебе еще долго надо учиться! — укоризненно покачал головой Погодин.

— Надеюсь, у меня будет такая возможность, — усмехнулась в ответ, — активировать антигравитационные боты и подготовиться к спуску!

— Есть, командир! — ответил Стас.

Стоило нашей импровизированной конструкции пересечь границы пещеры, как сгустившиеся сумерки разрезали вспышки лучей.

— Черт! Они сбивают шкуру! — выругался Погодин.

— Попробуй ее придерживать!

— Пытаюсь!

Наши ноги уже болтались в воздухе, руками я нащупала первый вбитый болт, когда в зале показались два монстра, раза в два превосходящие по размеру того, которого мы убили.

— Спускаемся! Быстро! — крикнула я.

— Что там? — обеспокоился Стас, которому я закрывала весь обзор.

— Похоже в пещере мы убили детеныша, и теперь его родители пришли за ним.

Словно в ответ на мои слова, там сверху раздался душераздирающий вой. Нашупывая все новые и новые болты, поворачиваясь к вспышкам шкурой, мы стали спускаться. Я уже не видела пещеры, перед глазами была лишь серая, отвесная, каменная скала, но каким-то шестым чувством ощущала приближение зверей.

— Еще немножко... — шептала я, — еще капельку..

Задрав голову увидела оскаленные саблезубые пасти. Монстры тянули лапы, пытаясь когтями дотянуться до нас. Особенно старалась та, что поменьше. Видимо, самка. Разъяренно рыча, она просто высовывалась на полкорпуса и вытягивала когтистую лапу, однажды чуть не задев нашу хрупкую конструкцию. Но у нас появилась небольшая

передышка, так как действия животных отвлекли огневые остановки. Следующие лазерные разряды угодили в лапы животных, заставив их отступить в пещеру, а нам позволили спуститься еще на пару болтов.

— Кажется звери больше не угрожают, — выдохнул Стас.

— Звери нет, но это всего лишь одна травинка в целом букете наших неприятностей, — устало отозвалась я.

Нога болела все сильнее, цепenea от пронизывающего холода, замершие руки тоже отказывались слушаться. Себе обезболивающее я не колола, оставив последнюю капсулу для Погодина. Упорно болт за болтом мы спускались вниз. Все было монотонно, как в тумане. Вздох — рывок — нога вниз — рука перемещается на нижний болт. И так раз за разом. На плечах ощущала значительно потяжелевшее тело Погодина. Кажется энергетика тоже на долго не хватит. Добраться бы до каменной площадки!

— Стасик, ты как? — тихо позвала я, но он не отозвался.

Потерю крови не может восполнить никакой энергетик и, к сожалению, никакая сила воли тут не поможет. Вот так, зависнув на скале, между жизнью и смертью, я осознала всю полноту ответственности, лежащую на мне. Ответственность за две жизни: свою и Стаса... Резкая боль пронзила ногу, оттого что случайно раной натолкнулась на выступ скалы, но эта же боль привела меня в чувство, заставив начать двигаться. И снова вздох — рывок — спуск... Перед глазами все расплывалось, тело окоченело настолько, что клонило в сон, в какой-то момент, мне показалось что вспышки лучей больше не свистят и не разрезают пространство. Чудеса... Или мне это действительно показалось... И снова спуск, снова каменная стена, тяжесть друга за плечами, содранные до крови руки, боль в ноге... в теле... Холодно. Как же холодно.

Когда боты коснулись поверхности, слезы сами гладом полились из глаз. Я отстегнула, прикованного ко мне Стаса, скинув с нас шкуру. Сейчас мы находились в безопасной зоне и можно было передохнуть. Тяжело дыша, из последних сил усадила Погодина к скале.

— Стас! Стасик! — звала я, — Ты как?

Но ответом мне было лишь молчание. Бледное, почти серое лицо друга плохо просматривалось сквозь стекло покрытое изморозью. Сил сделать хоть какое-то движение у меня больше не было. Опустившись на заледенелый наст рядом с Погодиным, я устало привалилась к здоровому плечу друга.

— Знаешь, Стас, — тихо говорила я, отгоняя от себя сон и сосредотачиваясь на боли, терзающей ногу, — вот увидишь, мы обязательно дойдем... Только вот немножко отдохну... и дойдем... я только на секундочку закрою глаза и потом мы обязательно пойдем...

Мне снилось море. Синее, ласковое... Белые чайки что-то весело кричали, пролетая мимо. Все такое... земное, и в то же время неземное.словно вокруг другой мир. А я брела по песчаному берегу с бабушкой Пелагеей и тихо разговаривала.

— Знаешь, ба, жизнь — сложная штука...

— Не простая, — улыбаясь, отвечала она, — но чертовски интересная.

— В ней так много страданий, — привела аргумент я.

— Много, — согласилась бабушка, — но и хорошего тоже много.

— На каждое хорошее слишком уж много порой плохого...

— Зато когда получаешь это хорошее, о плохом почти не вспоминаешь, — и она вновь одарила меня теплой ласкающей улыбкой.

— Не знаю... — протянула я.

— Аля, слишком много людей, которые тебя любят, это уже не мало. Значит, твоя жизнь не напрасна и еще не закончена. Возвращайся, детка, ты нужна там.

Я хотела сказать ей так много и про деда, про Академию, про кораблики, даже про тангира Элвэ, хотя почему это он должен в моем сне присутствовать!! В этот момент резкая боль пронзила все тело. Застонав, открыла глаза.

Сон продолжался. Я увидела обеспокоенное лицо «леденца», склонившееся надо мной. Теперь вокруг было очень холодно, как на планете Медрик. Тела почти не чувствовала...

— Аля, Алечка... — видимо, не первый раз звал эльф, — очнулась...

Он поднял меня, словно я ничего не весила, куда-то переложил. Поверхность подо мной дрогнула и поехала. Чужие звезды закрутились в хороводе, а надо мной вновь возник тангир Элвэ.

— Потерпи немного, — просто сказал он.

— Стас... — выдохнула я, — живой?

— Он жив, — ответили мне.

— Хорошо... — прошептала, погружаясь в беспамятье.

Ветер в ушах, сердце заходится, подо мной мощная черная спина, поросшая пушистой шерстью, а по бокам — два огромных крыла. От стремительного полета хочется визжать и кричать, восторг переполняет меня.

— Сумрак! Сумрак! — шепчу я, зарываясь пальцами в мягкий мех.

А он стремительно заходит на посадку и ложится, чтобы мне удобнее было спешиться. Горящие глаза на умной, клыкастой морде, словно все понимают, они заглядывают в самую душу, от этого становится теплее и светлее. Зверь легонько, лапой направляет меня туда, где все сияет и ничего не разобрать.

— Пора? — спрашиваю я, глядя на яркий, белый свет, и лайвелл кивает в ответ, — до свидания, Сумрак!!!

Целую пушистую макушку между ушами, увенчанными кисточками и иду... иду туда, где меня точно ждут, где во мне нуждаются, где я нуждаюсь в них...

Просыпаться совсем не хочется, веки, словно налились свинцовой тяжестью. Воде ничего не болит. Все еще не открывая глаз, пытаюсь пошевелить руками и ногами. Двигаются. Чувствую. Тепло. Смутно вспоминаю склоненное над собой встревоженное лицо тангира Элвэ... Или это был только сон... Где я? Но открыть глаза трудно. Трудно и страшно.

— Тангир Элвэ! Что вы опять здесь делаете? — раздается рядом строгий голос.

— Пришел проверить, как тут моя курсантка, тратор Тавилас, — ответил ему до боли знакомый, — и смею заметить, я старше вас по званию.

— А я смею заметить, — снова отвечает ему первый и очень сердитый голос, — что согласно статьи 256/258-25 Устава Коалиции, врач, находясь на своем рабочем месте, во время спасения жизни своих пациентов имеет права отдавать приказы даже самому артлегару!

— Простите, не хотел вас обидеть. Просто волнение... стресс...

— Пройдите в соседний кабинет, я попрошу фаэру Перке вколоть вам успокоительное, — усмехнулся, как я поняла, доктор, подходя к моей кровати.

— В этом нет необходимости, — поспешно отозвался «леденец», — как она, Навир?

— Неужели вспомнил мое имя, Дарин? А я думал мы с тобой на официальный уровень общения перешли, — усмехнулся тот, который врач.

— Брось, просто сказываются волнения последних нескольких суток.

— Да, досталось курсантам. А вам хватило переживаний. Легара Сорга я даже в приказном порядке отправил в релаксационный сон.

— Буйствовал? — оживился Элвэ.

— Не то слово! Отказался покидать зал с медбоксами.

— Настолько серьезные повреждения? — голос тангира был наполнен беспокойством.

— Пареньку пришлось по частям собирать ногу и восстанавливать плечо, а девочке ногу и кисти рук фактически вырастили новые. Обморожение четвертой степени не шутки. Да-с. Досталось им.

— А сейчас? — голос эльфа дрогнул, — как они сейчас?

— С точки зрения анатомической целостности — отлично, но насморк и простуда —

это единственные болезни, которые не лечатся, а проходят сами. Так что лежать твоим курсантам здесь еще недельку, принимать витамины и теплое питье.

— Спасибо, Навир, — выдохнул эльф.

— Эта моя работа, а ты тут не присаживайся, а то, как Сорга, прикажу тебя в сон отправить, лечебный! — строго сказал доктор.

— Но это мои курсанты! — воскликнул Элвэ.

— Да-да-да! То-то я смотрю, ты в соседнюю плату, где лежит курсант Погодин, кстати, пришедший в себя, ни разу не заходил! Все около курсанточки трешься. Понимаю... Красивая... — в голосе доктора послышались смешливые нотки, — Вооон! Вон, я сказал! Не вынуждайте меня, тангир Элвэ, принимать не приятные для вас решения. Завтра приходите, навестить ее. Очнется ваша Верник, никуда не денется.

Раздались шаги, звук отъезжающей двери, снова... Когда все стихло, рядом кто-то присел.

— Открывай глаза, героиня, — раздался веселый голос доктора Тавиласа, — приборы показывают, что ты давно уже не спишь. Подслушивать некрасиво, кадет Верник!

Мне стало стыдно, и я открыла глаза. Передо мной сидел эленмарец, облаченный в белоснежный комбинезон и его серые глаза лучились весельем.

— С возвращением на этот свет, принцесса, — улыбнулся мужчина.

— Спасибо, — сипло прошептала в ответ.

Горло словно натерли наждачной бумагой. Я покашляла, пытаюсь его прочистить и уменьшить боль, но большого эффекта это не принесло.

— Болит? — спросил доктор.

Кивнула, показав на шею.

— Выпей вот это, — доктор поднес к моему рту небольшой стаканчик. Жидкость скатилась по горлу, унося за собой неприятные ощущения, — вылечить не вылечит, но беспокоить перестанет. Ну, как?

— Лучше, — улыбнулась мужчине, — боль прошла.

— Лежать, вставать только по крайней нужде, санблок стандартный, если что понадобится — жми на зеленую кнопку, — подмигнул сероглазый эльф, — вопросы есть?

Доктор выглядел очень молодо, хотя в случае с эленмарцами, ему вполне могло перевалить за пятьдесят.

— А красная кнопка зачем? — спросила я, косясь на встроенный в кровать пульт.

— Тебе она не понадобится, — усмехнулся тратор Тавилас, — это для тех, чье состояние не стабильно.

— Поняла, а Стас он где?

— За стенкой, но вставать не советую. Завтра. Все — завтра, и визиты, и посещения. Отдыхайте, кадет Верник.

— Спасибо, доктор, — сказала я, послушно закрывая глаза.

— Отдыхай, героиня, — с улыбкой повторил он.

За ним закрылись двери и в комнате погасло освещение. Не прошло и пяти минут, как снова дверь открылась, но свет не зажегся, и даже в проеме никто не возник.

— Алька... Аааалькааа! — громким шепотом позвала, ползущая на карачках Хунька, — к тебе пробраться сложнее, чем в музей с древними сокровищами ночью!

— Хунечка! — воскликнула, обрадовавшись визиту подруги.

— Тише ты! Говори шепотом, а то меня выставят в два счета. Даже легара его

положение не спасло.

— Ты его видела? — уже тише спросила я.

— Все его видели! Вас со Стасом на Полкана и не заносили, сразу на санитарный крейсер транспортировали, а сюда доставили в походных медбоксах. Он, как это увидел, я думала реально коньки отбросит. Побелел весь. Сюда к тебе рвался, аж рычал...

— А ты откуда знаешь? — подозрительно взглянула на подругу.

— Обижаешь... — отозвалась она, удобно устраиваясь на полу перед кроватью, — мы с Жоркой люди маленькие, положения легара не имеем, поэтому в шкафу спрятались и все видели.

— В шкафу? — от удивления я даже приподнялась.

— Верник, тебе лежать велено, — зашипела на меня Хунька, — я чего явилась-то, посмотреть на тебя, рассказать о спасении и вообще...

— Посмотрела?

— А то как же! Краше в гроб кладут.

— Вот спасибо! — поблагодарила я подругу.

— Да не за что, — пожала плечами она, — Аль, а чего ты хочешь? Три дня в медбоксе никого не красят. Ничего, отойдешь и снова станешь знойной красоткой.

— Подлиза! — пожурила я Хуньку, — рассказывай давай!

— Вы ушли, мы остались. Потом обстрел начался, а через несколько минут вашего подъема пропала связь. Полкан отчет послал. Конечно все переполошились. Сначала апаньярские корабли с орбиты на плато прибыли. Варги и эленмарцы молодцы, сразу раскусили, как обезвредить боевые установки. Они в таком месте расположены, что подобраться к ним очень сложно. Но они справились, как раз к прибытию спасателей. А потом крейсеры Академии прилетели, во главе с твоим тангиром. Аль, и трех часов не прошло!

— И ничего не моим... — огрызнулась я.

— Твоим-твоим, это ты думаешь, что не твоим, а Элвэ для себя уже все решил, поверь мне. Так что, это только вопрос времени. Я не знаю, как они так быстро добрались до Медрикса, не иначе сами черти их гнали. Что тут началось... В общем, за сутки, что вас не было, досталось всем.

— Сутки? — опешила я, — да нас не было от силы пару часов.

— Сутки, говорю же тебе! Там, оказывается, временная и энергетическая аномалии в этом месте.

— Год за два? — попыталась отшутиться.

— За десять, — серьезно ответила Хуня, — там одна минута, как десять. Так что, мать, стала ты на сутки старше.

— Ну, это мелочи, — улыбнулась я подруге, — слушай, мы там в пещере предмет нашли один, треугольник из красного металла. Я его в термокостюм спрятала, он где?

— Этого я не знаю. Мы с Жориком ваше спасение только по голосети видели. Ох, и переживал «леденец» твой!

— Не мой! — упрямо повторила я.

— Твой-твой! Он, как тебя у той скалы увидел, думала там же рядом и ляжет. Побледнел весь. Спасателей оттолкнул и сам к тебе бросился. Считаю на руках вынес! Герой!

— Хунь, ну о чем ты говоришь. Он — эленмарец, я — землянка, нам вместе не судьба быть, да и потом, у него Анвен есть.

— Нужна ему эта Анвен, как вон нашему Стасику второй речевой аппарат. Говорю, присмотрись к нему. Оба же друг с дружки глаз не сводите. Верник, я то знаю, что ты не чистокровная землянка. Может, что получилось у прабабки, сможет и правнучка осуществить?

— А что у нее получилось? — грустно отозвалась я, — Несколько дней счастья, а потом больше века одиночества?

— Иногда, дни счастья бывают такими, что ради них и всей остальной жизни не жаль... — задумчиво изрекла подруга.

— Вот где у нас не званный гость? — вспыхнувшее освещение заставило зажмуриться. В палату вошла дородная влаппи, — ох и беспокойное у меня сегодня дежурство! Не успела выставить тангира Элвэ, как курсантка просочилась. Что вы здесь делаете?

Она грозно уставилась на Хуньку.

— Уже ухожу! — честно ответила подруга, поднимаясь с пола, — а ты, Верник, поправляйся. У тебя дел миллион и личная жизнь наклеывается, некогда тебе разлеживаться. Поняла?

— Пока, Хунечка! — прошептала я, прежде чем прозвучало грозное:

— Покиньте палату, немедленно! Больной рекомендован покой!

— Ухожу! Ухожу! Ухожу! — примирительно отозвалась Хунька, но на выходе обернулась и подмигнула мне, лукаво так, двусмысленно.

После ухода подруги я провалилась в сон. Второе пробуждение было более осознанным, но не менее интересным. Осознав, что кроме меня, в помещении находятся двое мужчин, вовсе не безразличных мне, глаза открывать не спешила.

— Что ты здесь делаешь? — раздалось злое шипение... Белиготара Сорга.

— Могу задать тебе тот же вопрос, — невозмутимо ответил Элвэ.

— Тише! Разбудишь девочку! — громким шепотом продолжил легар, а я едва сдержала улыбку.

— По-моему, из нас двоих больше шумишь именно ты, — спокойно прозвучал голос «леденца», — ты можешь сколько угодно злиться, но я не уйду отсюда и не откажусь от нее ни сейчас, ни потом.

— Дарин, у мужчин нашей расы слишком особенная физиология. Ты можешь навредить Але.

— Я помню, это так. И мне очень грустно, что она не встретилась на моем пути раньше. Все, что могу обещать — я буду с ней все то время, что мне осталось, а при первых срывах уйду сам, добровольно... — Элвэ вздохнул, — в нижний храм.

— Ты будешь... ты уйдешь... А о ней ты подумал? Тебе осталось максимум двадцать лет, Дарин! Двадцать! Да через это время в ее жизни только-только наступит рассвет. А если она полюбит тебя? Ты хочешь обречь ее на страдания? Это ты решил?

— Тар... — начал «леденец», но осекся и сник, — я не думал об этом, просто хотел быть рядом, даже если она меня не примет... просто быть, чтобы иметь возможность видеть, помочь... Тар, я чувствую ее. Я знал, что с ней что-то случилось задолго до того, как мы получили сигнал.

— Не может быть! — прошептал легар, — поэтому ты сорвался на Медрикс раньше спасателей?

— Боялся не успеть...

— Ты все сделал правильно. И поверь, твое мнение в отношении меня и Али, ошибочно.

Я тебе не конкурент, но это не только моя тайна и пока она останется тайной. А что касается Алевтины... Решать только ей.

— Мне важно знать все! Понимаешь? — не унимался тангир.

— Дарин, через несколько дней здесь будет моя энвина. До ее приезда, я не имею права раскрывать семейные тайны.

— Да, ты прав.

Повисла тишина. Почти физически ощущала на себе взгляды мужчин, думая насколько плохо могу выглядеть в этот момент.

— Я еще не разрешал посещений! — раздался грозный голос доктора Тавиласа, — фаэры, вы мешаете отдыхать пациентке, чем значительно замедляете ее выздоровление.

— Навир! — процедил Белиготар Сорг, — ничто на свете не заставил меня покинуть сейчас это помещение!

Вдруг на руке легара запищал комм.

— Звездолет «Ветлуга», приписанный к планете Земля, просит посадки. С вами, легар хочет поговорить руководитель археологической экспедиции Пелагея Вельская.

— Гея... — прошептал Сорг.

— Бабушка! — закричала я радостно, открыв глаза и широко улыбаясь.

Взгляды, укоризненные взгляды трех мужчин, находящихся в палате, обратились на меня. А я? А, что я? Ко мне бабушка приехала! Продолжила улыбаться, смотря в их строгие лица.

— Доктор, меня скоро выпишут? — спросила я, скорчив страдальческую и жалобную мордашку.

— С таким отношением к лечению, кадет Верник, никогда! — гордо отозвался Тавилас.

— Никогда это слишком долго, а ко мне бабушка приехала...

— Два дня, Верник! Не меньше! И то, только в том случае, если я больше не увижу здесь несанкционированных гостей!

Мне ничего не оставалось, как жалобно сложить ладошки и бросить просительный взгляд на обоих эленмарцев.

— Я жду объяснений! — бросил Элвэ Соргу, выходя из палаты.

— Очень скоро я все объясню! — ответил ему легар, — Аля, свяжусь с тобой вечером.

На стул около моей кровати опустился комм, мой собственный комм!

— Спасибо! — горячо поблагодарила деда, — а треугольник нашли?

— Тот, что вы откопали в пещере? С ним работают ученые, но пока не понимают, что это за штука, — ответил он.

— А вы его бабушке Пелагее покажите, — посоветовала я.

— Так и сделаю, птенчик.

— Легар, вы испытываете мое терпение!

— Подчиняюсь, мой друг! — Белиготар Сорг счастливо улыбнулся и, похлопав опешившего доктора по плечу, вышел из палаты.

— А ты диковинка с секретами, Верник, — хмыкнул Навир Тавилас.

— Еще с какими! — не стала спорить я, — но и эленмарцы полны сюрпризов, а самое обидное, что никто мне ничего так и не рассказал. Может вы, доктор, восполните мои пробелы и ответите на мои вопросы о вашей расе?

— Понимаешь, Верник, — замялся он, — на это имеет право только старейшина рода, к которому ты проявляешь любопытство. Но Сорг ожидает свою энвину со дня на день, так

что, наберись терпения и поправляйся.

Улыбнувшись на прощанье, доктор Тавилас спешно покинул палату. Я осталась наедине со своими мыслями. Как бы не обрадовала меня новость о прибытии ба, но думала все же о тангире Элвэ. Его слова что-то сильно растревожили в моей душе. Двадцать лет... А что потом? Что с ним случится? Погибнет? Или оставит меня, чтобы быть счастливым с другой? Чертовы эленмарцы! Чертовы эленмарские тайны!

Спать совершенно не хотелось, горло не болело и, вообще, я чувствовала себя бодрой и полной сил. Спустив ноги с кровати, попробовала встать. Полова не кружится, не шатает. Пространственная ориентация в норме. Одеда легкую обувь, стоящую рядом, которая очень напоминала земные тапочки белого цвета. А еще говорят, что палата для выздоравливающих... У нас в таких только хоронят! Поплелась в соседнюю палату. Очень уж хотелось увидеть Стаса!

Удалось прошмыгнуть незамеченной. Погодин лежал на кровати и тоскливо изучал потолок.

— Стааааас! — громким шепотом позвала я, на цыпочках пробираясь к нему.

— Алька! Живая! — обрадовался он, — лежу тут, никто ничего не говорит, посетителей не пускают.

— Зато у меня аншлаг в палате!

Я присела на краешек его кровати и рассказывала про наше спасение, излечение, про прилет бабушки Пелагеи и о разговоре Элвэ и Сорга.

— Знаешь, Аль, — вдруг сказал Погодин, — у тебя ведь тоже есть эленмарские корни. Мужик этот, тангир, неплохой, может ты и правда прислушаешься к Хуньке. Она хоть и взбалмошная, но тебя искренне любит и плохого не посоветует. Только слепой не увидит, как вы друг на друга смотрите...

— И это говоришь мне ты? — удивилась, услышав его слова.

— А что я? — отозвался Стас, — на меня ты никогда так не смотрела! Больше скажу, ты так не смотрела даже на Истархова, несмотря на то, что он тебя приворотной гадостью опоил. Аль, поверь, как другу, упустишь свой шанс — будешь потом жалеть.

— Глупо жалеть о том, чего не было... — попыталась ответить я.

— У тебя это уже есть. Поэтому глупо не попробовать...

— Сговорились? — беззлобно проворчала в ответ.

— Просто очень хочется, чтобы ты была счастлива, Аль.

— Спасибо тебе, Стас! — наклонившись, поцеловала в колючую щеку, — я тебе тоже желаю счастья, большого- прибольшого!

— Хотелось бы... Только пусть это будет не крупная влаппи и не мужчина ксури... — весело отозвался Погодин.

— Значит мужчину другой расы ты допускаешь? — откровенно заржала я.

— Язык у тебя, Верник, еще хуже, чем у Фархунды порой!

— Да, ладно тебе! Мне все равно с кем ты будешь, лишь бы тебе хорошо было! — смеясь встала с кровати и потопала к дверям.

— Язва! — беззлобно пробурчал Погодин.

— Что выросло, то выросло! Ампутировать поздно! — показала ему на прощанье язык и ретировалась в свою палату.

Выздоровление растянулось не на два, а на целых три дня. Конечно, посещения были, но все, как сговорились! Беседовали со мной в основном о здоровье, о погоде, о рационе

столовой. Даже бабушка Пелагея избегала тем, которые так меня интересовали. Одно радовало — приходила она неизменно вместе с легаром Соргом. Мои предки держались за руки и не спускали друг с друга глаз, но стоило спросить что-нибудь, касаемо их взаимоотношений, как разговор неизбежно переводили на другую тему. Хунька без умолку трещала о занятиях, Фингорме и прочих общих знакомых, неизменно передавала привет от корабликов, но составить по ее рассказам подробную картину происходящего вокруг было не реально. Тангир Элвэ меня больше не посещал, от этого становилось грустно и даже немного обидно, где-то в душе...

— Ну, что, принцесса, — сказал вошедший доктор Тавилас, — вот и закончились твои мучения в медицинском блоке. Можете приступать к службе, курсант!

— Спасибо! — искренне поблагодарила я.

— Форму вам доставят. Через час легар Сорг ждет вас у себя!

Доктор вышел, оставив меня в полной растерянности. Время было уже позднее, но начальство, равно, как и семью, игнорировать нельзя. Переодевшись в форму, поспешила в преподавательский блок.

Знакомый привратник встретил механическим «Как вас представить?» и кадета Верник впустили в блок легара ВЗА Белиготара Сорга.

— Аленька, детка моя, — вышла меня встретить бабушка Пелагея.

— Привет, ба, — выдохнула я, обнимая ее и вдыхая родной и любимый с детства запах, — соскучилась по тебе ужасно! Ну, как ты тут?

— Здравствуй, птенчик, — тут же вышел из кабинета улыбающийся легар.

— Поладили? — весело спросила бабушку, кивнув на Сорга.

— Пытаемся, — усмехнулась она.

Эленмарец подошел к нам. Сначала крепко обнял меня, а затем отстранился и похозяйски положил руку на талию Пелагеи Джоновны, отчего щеки ее заалели, а в глазах появился счастливый блеск. Именно так блестят глаза у мамы, когда папа шепчет ей что-то очень трогательное и успокаивающее.

— Я так за вас рада! — тихо сказала я, люблюсь парой своих предков.

Бабушку очень любила с самого детства, а легар Сорг... он... он тоже, как-то сразу родным стал, сердце и душа приняли этого мужчину, память о котором столько лет хранила моя прапрабабушка.

— Аленька, — всплеснула руками Пелагея Джоновна, — что же мы стоим? У нас же там стол... и ужин, а тебе питаться сейчас нужно хорошо, ты после болезни...

— Гея... — попытался достучаться до бабушки дед, — она не только наш птенец, но еще и офицер, боевой офицер, прошедший крещение!

— Тар! — грозно посмотрела на него ба, — я лучше знаю, что нужно детям после болезни. Ты закал бульон?

— Я сделал все, что ты просила, моя птичка! — ответил он.

Нежно так ответил, по-домашнему. Они спорили и ворчали друг на друга словно пара, которая все эти годы прожила вместе. Глядя на них, губы невольно расплзались в улыбке. Забавные... Трогательные... Бесконечно любимые! Я так была рада, что не сразу заметила присутствие еще двух человек.

— Тар! — раздался глубокий, властный, женский голос, — представь нас.

Подняв голову, встретила взглядом с очень похожими на мои, серыми глазами. На одном из диванчиков сидела красивая блондинка. Величественная осанка, гордая посадка головы, увенчанной высокой прической, все в ней говорило о привычке принимать решения и держать любую ситуацию под личным контролем. Но в то же время, взгляд женщины был теплым, а уголки красиво очерченных губ слегка приподняты вверх. Она, также, как и я, с нежностью и радостью смотрела на бабушку и легара. Не так уж и трудно будет найти с ней общий язык. Эленмарка располагала к себе.

— Аля, — улыбнулся дед, — позволь представить тебе энфину моего рода, фаэру Яванну. А этот птенец, — Белиготар Сорг подвел меня к дивану, на котором восседала женщина, — потомок моей избранницы Пелагеи.

— Она ведь ваш общий потомок, не так ли? — спросила с улыбкой эленмарка.

— Конечно, общий, — улыбнулась прапрабабушка, — на Земле остались три предыдущих поколения нашего потомства.

— Что... и все девочки? — как-то одновременно удивленно и восхищенно спросила

женщина.

— Ну, да... — смутилась ба.

— Белиготар, ты понимаешь, как тебе повезло? Ты вливаешься в сильнейший род, благославленный Богами! — на глазах женщины выступили слезы.

— Понимаю, моя энфина! — тихо ответил легар.

— Почему это он вливается? — не удержалась я.

— А ты разве против, птенчик? — подняла на меня глаза фаэра Яванна, а легар застыл.

— Я не против счастья моих бабушки и дедушки, просто по земным обычаям жена входит в семью мужа, а не наоборот! — выпалила и посмотрела на бабушку Пелагею, она согласно кивнула мне.

— Что ты хочешь этим сказать, милое дитя? — эленмарка взяла меня за руки и усадила рядом с собой с какой-то дикой надеждой вглядываясь в глаза.

— Если бабушка Пелагея и легар Сорг оформят свои отношения, то это она войдет в вашу семью, а не дед в нашу. Ну и в нагрузку вы получаете всех нас, — ответила я.

Белиготар Сорг схватился за сердце и присел в кресло. К нему тут же подошла ба, протягивая стакан воды. Эленмарка оказалась крепче и куда рассудительнее.

— Ты хочешь сказать, что когда в Храме твоя старшая родственница станет связавшей моего внука, в род Соргов войдут вместе с ней еще четыре женщины вашей семьи? — тихо уточнила фаэра Яванна.

— Я хочу сказать, что на Земле не важно кто в чью семью войдет. Мы просто станем одной семьей. Ведь главное, не название, а отношение, — я улыбнулась энфине деда, а у нее из глаз полились слезы, — ну, что же вы! Не плачьте!

— Я не плачу, птенчик, — всхлипнула она и мне пришлось протянуть ей свой платок, — пять новых женщин в роду Сорг! Кто бы мог подумать!

Обернувшись, посмотрела на артлегара Сорга, тоже присутствующего здесь и улыбнулась ему, приветственно кивнув. Он автоматически кивнул в ответ, но, видимо, и его полученная информация ввела в ступор.

— Але нужно обязательно покушать, — безапелляционно заявила бабушка Пелагея.

— Птенец голоден! — произнесла энфина, поднимаясь с дивана, и все вокруг пришло в движение.

Мужчины помогли дамам занять места за столом. Высшие чины Корпуса Мира кинулись наполнять мою тарелку. А я только удивленно хлопала глазами, смотря на все это. Черт знает что!

— Извините, фаэра Яванна, — обратилась я к эленмарке, которая с благосклонностью наблюдала за действиями мужчин.

— Можешь называть меня просто Ява, дитя, мне будет приятно, — улыбнулась она мне.

— А вы меня — Аля, — откликнулась я.

— Аленька, ты что-то хотела у меня спросить? — глаза фаэры сияли также, как несколько минут назад у прапрабабушки. Она была счастлива.

— Понимаете, легар ничего не рассказал мне об обычаях эленмарцев. О ваших традициях и укладе жизни, все время откладывая разговор на потом.

— Но внук и не мог тебе этого рассказать, птенчик, — сказала Ява, как будто я давно должна была об этом знать, — ах, да... ты же выросла вдали от родной планеты! Понимаешь, мужчина не имеет права говорить об обычаях. Только женщина, хранительница рода, может поведать об этом потомкам. Став связанной Тара, твоя бабушка Пелагея должна была

рассказать тебе о них. Но и она не владеет информацией, потому что возникшая ситуация она... она сродни чуду! Но вступая в наш род, вы входите в нашу семью и вашей энфиной становлюсь я, поэтому несу за вас полную ответственность. И все же это чудо... Я поверить не могу... Аргинад, в нашей семье есть собственный птенец... девочка!!!

— Я рад, милая! — отозвался артлегар.

— Аля, — продолжила эленмарка, — ты уж потерпи, для нас твое появление — это волшебство, сказка! Поэтому я и все мои шесть мужей будем тебя время от времени баловать!

— Сколько мужей? — переспросила я, а бабушка Пелагея закашлялась, подавившись напитком.

— Когда-то было семь, но дед Белиготара погиб, участвуя в одной из военных операций Коалиции. Больше я не связывала сердец... — в голосе Явы сквозила грусть.

— А сколько обычно мужей у эленмарской женщины? — тихо спросила ба.

— Обычно, немногим более десяти, но бывает и двадцать, — охотно ответила фаэра Яванна, не заметив нашего с бабушкой шока, — это вызвано необходимостью... Девочек рождается все меньше, да и мальчиков не много... Планета опустела... Еще несколько тысяч лет назад нас был миллиард.

— А сейчас? — поинтересовалась Пелагея Джоновна.

— Несколько сотен тысяч, — с грустью ответил Аргинад.

— Да, это так. На улице чаще можно встретить слугу-андроида, чем живого человека, — продолжила рассказ энфина.

— Надеюсь, мне не придется выбирать себе несколько мужей? — всполошилась ба, — понимаете, уважаемая энфина, на Земле браки заключаются исключительно по любви и только с одним мужчиной.

— Понимаю, милая, — печально улыбнулась эленмарка, взглянув на бабушку, — женщина на нашей планете — это бесценное сокровище. Никто не смеет указывать ей или принуждать. И к чувствам мы относимся трепетно, но к сожалению, для нас — это большая роскошь.

— Почему? — не вытерпела я.

— Это связано с физиологической особенностью нашей расы. Точнее мужчин. Когда эленмарцу исполняется сто лет, он переходит в фазу воина. Когда-то давно, когда женщин и мужчин рождалось равное количество, к моменту наступления этого периода каждый эленмарец уже обзаводился связавшей сердце и фаза воина проходила безболезненно, без последствий. Потом женщин рождалось все меньше и меньше. Выбрать себе пару по любви мужчинам становилось все сложнее, а потом и просто невозможно... В старых летописях нашли древний ритуал связывания сердец и так появилось многомужество на планете Эленмар. Для нас это было не простое решение, но все же выход...

— А что происходит с теми мужчинами, которые вступают в фазу воина не имея связавшей сердце? — спросила я, а перед глазами стоял тангир Элвэ...

— Они превращаются в чудовищ... сходят с ума... многие умирают... — почти шепотом ответила энфина, — да ты и сама сможешь их увидеть. Некоторые гордецы, не найдя своей истиной связавшей, отказываются от обряда и добровольно спускаются в нижний храм.

— Ужас! — воскликнула ба, прижавшись к легару, — вы же такая развитая раса! Неужели ничего нельзя было сделать?

— Мы перепробовали все, — пожала плечами Яванна, — проводили генетические

эксперименты, тесты, попытки скрещивания нашей расы с другими... все было напрасно. Ученых преследовали провал за провалом, в конечном итоге, мы просто смирились с текущим положением дел. А потом появилась ты, Гея...

— А может ваши ученые не там искали? — спросила я.

— Да, где только не искали, птенчик, — улыбнулась энфина, явно любуясь мной.

— Из любой ситуации есть выход и самая сложная отгадка всегда на виду, — упрямо повторила, и меня неожиданно поддержал дед.

— Я бы прислушался к ней, моя энфина. Земная молодежь уже не раз меня удивила с момента нашего знакомства и, надеюсь, еще не раз удивит.

— Не сомневаюсь, что все мы будем гордиться нашим птенчиком, — с нежностью погладила меня по волосам эленмарка, — сколько тебе лет? Двадцать? Двадцать два?

— Двадцать пять, — улыбнулась Яванне, — так что, не такой уж я и птенчик.

— И? Ты уже видела сны... — женщина задумалась, подбирая слова.

— Вы говорите о лайвелле? — она кивнула.

— Аля... — предостерег меня взглядом дед, но мне было все равно, что подумает энфина, ведь я говорила правду.

— Во сне видела своего лайвелла. Он чудесный, черный и зовут его Сумрак.

Все эленмарцы с удивлением уставились на меня, и даже дед!

— Черный лайвелл? — переспросила фазра Яванна, — и ты знаешь его имя?

— Конечно, ведь я сама так его назвала, — с удивлением посмотрела на эленмарку.

— Дело в том, что лайвеллов не называют. Они сами доверяют тайну своего имени тому, с кем устанавливают ментальную связь.

— Связь? — переспросила я.

— Сначала контакт. Лет через пять, во сне, зверь разрешает себя потрогать. Лайвеллы грозные хищники, Аля, и встретиться с ними можно только, когда они начнут доверять своему эленмарцу. Через десять лет наступает время первого полета и вот уже после этого можно увидеть воочию своего зверя. Он сам укажет место, где будет тебя ждать.

— А связь?

— А связь... Она проявляется лишь спустя несколько десятков лет, да и то если зверь сам этого захочет. Женщины никогда не могли ее установить, да это и не нужно было. Обычно, это под силу лишь опытным мужчинам. Наступает время, и воин вдруг начинает слышать мысли своего зверя. Говорят, раньше такие случаи происходили чаще, а сейчас...

Ява тяжело вздохнула, а я взглянула на деда.

— Ты знаешь имя своего лайвелла?

— Знаю, — улыбнулся он с нежностью, — ее зовут Ния.

— Ее? Она самка? — воскликнула я.

— Самая прекрасная из всех лайвеллов. Песочно-золотистая.

— Детка, — улыбнулась энфина, — не расстраивайся. Тебе приснился просто красивый сон о лайвеллах, а уж черный... это... это, вообще, сказка...

— Я летала на этой сказке! Дважды! А еще он подтолкнул меня к свету, когда я лежала в медблоке! — было невероятно обидно оттого, что мне не верят.

— В медблоке? — выдохнул дед, — там...

— Что там? — грозно спросила его бабушка Пелагея.

— Не волнуйся, птичка моя...

— Тар! — она с вызовом посмотрела на него.

— Алю привезли в очень тяжелом состоянии. По дороге медбокс, в котором она была, на какое-то мгновение вышел из строя. Когда уже в Академии ее поместили в стационарный... — он замялся...

— Так, что произошло, Тар?

— У нее остановилось сердце... — выдохнул он.

— Ты же сказал, что все хорошо и нормально! — вскипела ба, яростно сверкая глазами.

— Поверь, милая, так и было! К моменту твоего прилета, жизни Али уже ничто не угрожало. Ее сердце остановилось на три секунды, а потом без вмешательства врачей снова забилося.

— Почему ты не рассказал мне об этом, Тар? Почему? — она укоризненно на него посмотрела, — как я смогу доверять тебе?

— Ба, — я подошла и обняла ее, — они эленмарцы, что с них возьмешь? Мне про Сумрака не верят, тебе про остановку сердца не сказали... Знаешь, мы очень разные, но нам придется принимать друг друга такими, какие мы есть, и учиться на ошибках. Иначе ничего хорошего не выйдет.

— Ты права, моя девочка, — улыбнулась Пелагея Джоновна и тихонько похлопала меня по руке, лежащей на ее плече, — так значит черный лайвелл? Кстати, кто это?

— Это кот, огромный, хищный, саблезубый кот с крыльями, — восхищенно принялась рассказывать я, — он позволил на нем прокатиться, а имя мы вместе долго подбирали и только на Сумрака лайвелл согласился.

Эленмарцы внимательно следили за нашим диалогом. Дед встал, подошел и обнял нас обеих.

— Простите меня, мои девочки. Там, где дело касается землян, итак не все всегда понятно, а когда речь идет о любимых людях... совершенно теряешь голову... — он тяжело вздохнул и с нежностью посмотрел на бабушку, — но я всему научусь, обещаю.

— Ба. давай его простим на первый раз, а? — жалобно взглянула в ее глаза.

— Но только на первый! И ради внучки! — рассмеялась она.

— Ну, после такого... — выдохнул дед, — я готов поверить даже в существование черного лайвелла.

— Придется! Потому что он существует! — мстительно припечатала я.

— Ох... Как же не просто нам будет, — вздохнула фаэра Яванна.

— Ерунда, — ответила ей, откусывая большой кусок от яблока, — шправимся! Этого вше хотят: и вы, и мы.

— Да залетят твои слова в уши Богов, — выдохнула эленмарка, улыбнувшись открыто и радостно, — я приглашаю вас посетить нашу планету и наш дом, чтобы он по-настоящему стал и вашим!

— У меня учеба! — сразу ответила я.

— А у меня экспедиция! — отчиталась бабушка, — мы получили информацию, что в секторе беспокойно и вынуждены были сделать остановку, потому что Высший Совет обещал нам выделить охрану. Но наша работа слишком важна.

— Новые следы апаньяр? — с восторгом воскликнула я и получила кивок в ответ, — как я тебе завидую!

— И себе тогда начинай завидовать тоже, — улыбнулся дед, — потому что охранять экспедицию поручено кораблям «Полкан» и «Друг», старшим назначен тангир Элвэ. На Лорне, недалеко от развалин, уже отстраивают базу.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — обрадованно завопила я, расцеловав деда в обе щеки.

— Так ты и с бабушкой побудешь, и я смогу к вам прилетать часто. А вот через месяц, будут две недели праздников, в честь дня образования Коалиции. Всем курсантам положен отпуск. Мы вполне могли бы посетить Эленмар, — сказал он.

— Я не против, — улыбнулась ба.

— Ура!!! Мы летим на Эленмар!!! — закричала я, подбрасывая вверх недоеденное яблоко и ловя его на лету.

Все рассмеялись.

— Только, я не могу на Эленмар... — вдруг осеклась, обиженно озираясь по сторонам.

— Почему? — удивилась Яванна.

— Ну... Мне очень хочется, правда... Но ребята... И свадьба Жоффрея...

— Какие проблемы? — рассмеялась эленмарка, — думаю, твои друзья не откажутся принять мое приглашение на планету, на которую еще на ступала нога землян.

— От такого не отказываются... — восхищенно прошептала в ответ.

— Значит, я могу планировать церемонию и торжественный ужин? — спросила энфина.

— Что за церемония? — нахмурилась бабушка.

— О, это традиция нашего народа. Церемония образования связи. Она проходит в Храме, после этого женщина становится для мужчины «связавшей сердце», а он...

— «Связанным»? — влезла я, — как-то некрасиво звучит. Разве вы не видите, дед и без церемонии уже давно отдал ей свое сердце, а ба отдала ему. И это справедливо!

Говоря все это, увидела, как вздрогнул Аргинад Сорг и с тоской посмотрел куда-то за окно, где в вечерних сумерках плыли темные облака. Что-то не сходилось в возникшей ситуации. Фаэра Яванна производила впечатление очень достойной и милой женщины и вряд ли принуждала своих мужей к церемонии. Скорее уж им повезло, что она на нее согласилась, учитывая обстоятельства, о которых нам рассказали. Но все ли женщины на планете такие? Что за странная мутация происходит у воинов? И почему, вообще, возникла такая ситуация? Все эти мысли огромной волной пронесли в моей голове, разжигая любопытство. Загадка Эленмара для меня была еще притягательнее, чем раскопки города апаньяр на Лорне. Но всему свое время.

— Мы не говорим «связанным», мужчина становится супругом, но глава семьи — всегда женщина, — фаэра Яванна посмотрела на наши с бабушкой недоуменные лица и смущенно добавила, словно извиняясь, — таковы наши традиции.

— Традиции у народов складываются под воздействием определенных обстоятельств, — ответила ей ба, — и я вполне допускаю, что данный обряд призван спасти жизни мужчин, не нашедших свою пару к определенному сроку. Но мне не понятно, зачем это нам с Таром? Ведь свой рубеж он давно перешагнул, монстром не стал, с ума не сошел... вроде бы... Кстати... а почему?

Все взгляды устремились на деда, который только развел руками.

— Ну, — ответила энфина, — ответ здесь может быть только один. Белиготар нашел свою пару и поэтому перешагнул рубеж. Он приобрел способность принимать боевой облик, но при этом остался в здравом уме. Это вы, милая Гея, спасли моего внука.

Яванна промокнула выступившие слезы моим платочком, который до сих пор держала в руках.

— Ух, ты! — воскликнула я, с надеждой посмотрев на деда, — а покажешь боевой облик?

— Аля, это не самое приятное зрелище, — прошептала Яванна, — никогда прежде парой эленмарца не оказывалась женщина другой расы.

— Просто они на Земле еще не были, — усмехнулась я, — получается, что мы совместимы с эленмарцами?

— Ты точно, — улыбнулся дед, — пока ты болела, твою кровь изучили вдоль и поперек. У тебя ДНК эленмарки, Аля, а вот об остальных землянках... не знаю. Анализы не выявили ничего, что бы отличало женщин Земли от других рас.

— А бабушка? — спросила я.

— А твою бабушку я просто очень люблю, и все, что произошло, настоящее чудо! — рассмеялся Белиготар Сорг, нежно поцеловав щеку Пелагеи Джоновны.

— В чудеса я, конечно, верю, — подозрительно прищурилась, окинув взглядом эленмарских родственников, — но что-то мне подсказывает — дело не только в них.

— Птенчик, — обнял меня дед, — я бы посмеялся над твоими догадками, но даже самые странные из них порой попадают в точку...

— Так, что мы будем делать с церемонией? — снова спросила фээра Яванна.

— Не знаю, — честно ответила ей бабушка, — но мне бы не хотелось, чтобы Тара связывало со мной что-то кроме наших обоюдных чувств.

— А как проходит обряд? — спросила я.

— Пара входит в Храм и перед нашей святыней произносит клятвы. Мужчина обещает хранить верность и защищать, а женщина оберегать его душевный покой.

— Какие-то несправедливые клятвы. Он ей все, а она почти ничего... — нужная мысль вертелась в голове, но все время ускользала, — скажите, Ява, а место проведения обряда имеет принципиальное значение?

— Никогда об этом не думала... — озадаченно ответила эленмарка, — обряд всегда проводится в Храме, перед святыней, в присутствии энфины рода. Так, что же нам делать?

— Кажется, я знаю, что мы будем делать!

— Птенчик... — нежно улыбнулась мне энфина.

— В Храм мы пойдем, надо же на него взглянуть, а обряд проведем дома, не перед самой святыней, а перед ее изображением, — выдала я свою идею, — почему-то мне кажется, что дело именно в месте проведения и в самой вашей святыне. Кстати, а как она выглядит?

— Это золотой круг с треугольником из красного металла в нем, — подал голос Аргинад Сорг.

— Треугольник из красного металла, размером чуть больше моей ладони? — спросила я.

— Да, — насторожился артлегар, но мой взгляд уже переместился на деда, — треугольник в вашем Храме похож на тот, что мы со Стасом нашли на Медриксе?

— Один в один... — тихо подтвердил дед, — но я не пойму, куда ты клонишь?

— Да, я и сама пока не знаю. Просто таких совпадений не бывает, эти треугольники что-то связывает, — ответила ему.

— Тар, что за треугольник? — озабоченно спросила бабушка.

— Обещаю, завтра я тебе все покажу и расскажу. Речь идет об артефакте, который нашла Аля на планете Медрикс, но я никакой связи не увидел между тем треугольником и святыней эленмарцев, пока...

— Пока внучка тебе не указала на прописные истины, — усмехнулась ба, — балда ты,

Тар. Для таких вещей глаз должен быть наметан, а Альку я с самого рождения в экспедиции брала. Ладно, поздно уже. Ребенок после болезни...

Запищал входной привратник. «Как вас представить?» — спросил механический голос.

— Тангир Элвэ к легару Соргу, — раздался голос «лединца».

— Если я эленмарка по крови, значит могу создать пару с любым эленмарцем? — тихо-тихо, пока открывались двери, спросила я у деда.

— Да, птенчик, — весело хмыкнул он, поняв направление моих мыслей, — и мне уже немного жаль этого «любого», входящего сюда эленмарца.

— Обещаю оставить его целым и пользоваться аккуратно, — ответила ему, хищно оскалившись, и... легар Сорг громко... заржал он!

— О чем вы там? — нахмурилась бабушка.

— Да, так... — буркнула я, — маленькие секреты!

— Маленькие секреты, Гея, — с улыбкой развел руками дед. Нет! Ну, никакой конспирации у этих эленмарцев!

— Легар Сорг... — начал было рапортовать тангир Элвэ, но осекся, увидев наш семейный совет, — доброго вечера! — поздоровался он.

— А не тот ли это малыш Дарин Элвэ, сын моей дорогой подруги Айды, который каждую осень воровал в нашем саду ягоды клессы? — оживилась энфина, окинув статную фигуру «леденца», — помню тебя еще в коротких штанишках и с деревянным мечем.

— С тех пор я немного подрос, — улыбнулся Элвэ, — рад снова видеть вас, фаэра Яванна.

— Присаживайся, мальчик мой, — эленмарка усадила тангира рядом с собой на диван, — дай я на тебя посмотрю! До чего же ты стал красивым! И как похож на своего отца! Аргинад, посмотри, он весь в твоего брата!

— Да, моя энфина, — ответил артлегар, тепло улыбнувшись обоим.

— Дарин, но я никак не ожидала тебя здесь увидеть, — продолжила фаэра Яванна, — до меня дошли слухи, что к Айде обратилась энфина Энель Беллим. Она хочет твоего обряда с юным птенцом из ее гнезда, тебе несказанно повезло. Анвен прелестная девушка, молодая и за плечами ни одного обряда.

Дед обнял меня за талию, я стояла прислонившись к нему и в самые смешные моменты прятала улыбку на его груди. «Леденец» зло посматривал в нашу сторону, но прервать беседу с энфиной Яванной не мог.

— Я не в курсе планов матери, — ответил он, — слишком дано не был дома.

— Как же так? — удивилась Ява, — мальчик мой, тебе до критического возраста осталось совсем не долго. С этим не шутят! А предложение, поступившее от дома Беллимов, очень лестное. Они сейчас одни из самых могущественных, у них ведь так много женщин и целых две из них не проходили обрядов.

— У меня в запасе еще двадцать лет, — возразил Элвэ.

— Что такое двадцать лет при продолжительности нашей жизни, — вздохнула эленмарка, — пролетят — не заметишь, а Анвен ждать не будет. В последнее время ситуация стала еще более критической. Я это так хорошо понимаю, ведь у нашего дома нет надежды на будущее...

Женщина вздохнула... выдохнула... снова вздохнула и... лучезарно улыбнулась.

— Не было. Но теперь и в гнезде Соргов есть птенец, вот-вот готовый вылететь. И мне предстоит ввести ее в наше общество! — в голосе энфины звучала неподдельная гордость.

— Как? — удивился Элвэ, — я слышал, что, кроме вас, в роду Соргов не осталось женщин!

Глава 30. Мини-эпилог

Легар Сорг и бабушка Пелагея проводили меня до самого блока. Душа пела при взгляде на них, а еще, в ней царил небывалый ажиотаж. Я предвкушала полет на Лорну, археологические раскопки и, конечно же, посещение Эленмара. Дед мне нравился, новые эленмарские родственники тоже производили приятное впечатление. Диковатые у них обычаи, но ведь и им, многие земные традиции покажутся странными.

Заснула я, не успев донести голову до подушки. Сумрак ждал меня в огромном темном зале. Освещения не было, лишь сквозь узкие, похожие на бойницы, проемы попадал тусклый, фиолетовый свет.

— Привет, — обрадовалась, увидев своего лайвелла, — мне почему-то никто не верит, что ты у меня есть.

«Зря...» — раздалось в голове.

— Это ты? — удивленно воскликнула я, заглядывая в желтые, печальные глаза зверя.

«Я!»

— И ты точно Сумрак? — усмехнулась, погладив кисточки на ушах. Кот поморщился и смешно чихнул, в ответ, — ты назначаешь мне свидание в этом месте?

«Жду тебя!» — раздался голос с приятными рычащими нотками.

— Я обязательно отыщу тебя, мой Сумрак! — пообещала, прижавшись щекой к усатой морде.

«Тебе пора... Алевтина... Верррррник...»

— Экипажу корабля «Полкан» срочно прибыть к центральному телепорту! Повторяю! Экипажу корабля «Полкан» срочно прибыть к центральному телепорту! — не унимался встроенный комм академии.

— Что за черт! — хриплым со сна голосом выругалась Хунька, сползая с кровати, — они там что, озверели все? Только что отбой был...

— Привет... — улыбнулась я бурчащей подруге.

— Верник? — подозрительно уставилась на меня она.

— Понимаю, сейчас блондин Фингорм был бы предпочтительнее, — наигранно вздохнула, — но это всего лишь я, твоя лучшая подруга — Алевтина Верник.

— Алька! — заорала Хуня, бросившись обниматься, — а мы думали тебя только завтра выпишут!

— А я вот она, нарисовалась — не сотрешь! — прохрипела в ответ, слишком крепкие объятия были у Фархунды.

— Повторяю! Экипажу корабля «Полкан»...

— Да, заткнись ты! — рыкнула Хунька, запустив в комм тапком.

— ... орту! — издевательски закончил фразу механический голос, когда оружие хунькиной мести опало вниз.

— Интересно, кому мы срочно понадобились среди ночи? — спросила я, натягивая комбинезон.

— Ты капитан, тебе и карты в руки, — философски изрекла подруга.

У лифтов мы столкнулись с такими же не выспавшимися Стасом и Жориком. А через секунду нас нагла и Айа.

— Что случилось? — спросила астерийка, поправляя свои яркие, синие волосы.

— А ты здесь какими судьбами? — удивился Стас.

— Мне на комм сообщение пришло, срочно прибыть...

— К центральному телепорту! — закончила за нее фразу Хунька.

— Да, — удивилась девушка, — а вы откуда знаете?

— А мы туда и направляемся, — подмигнул ей Стасик, — причем тоже очень срочно.

Вразумительных догадок зачем нас всех вызвали не было ни у кого. Все впятером, ничего не понимая, стояли и пялились на платформу центрально телепорта. Вспыхнуло сияние и... со ступенек сошли...

— Вот так сюрприз! — опешил Стасик.

— Ничего себе! — удивленно воскликнула Хунька.

— Неожиданный поворот, — улыбнулась я.

— Баба Сима! — выдохнул Жорик.

И только Айа ничего не сказала, она во все глаза смотрела на старушку, которая на обычной пеньковой веревке вела... козу! За ней чинно ступали несколько военных, преимущественно варгов, нагруженные нехитрым скарбом. В основном они несли корзины, любовно прикрытые белоснежными тряпицами, плотно сколоченные, дубовые бочонки, перетянутые металлическими обручами, туесочки, узелочки... И выглядело это так мило, так по-земному...

— Святые угодники! — отмерла старушка, увидев нас, — унучик мой старшенькай, Жоффреюшка! Кровиночка моя ненаглядная! — запричитала она, бодренько кинувшись к нам, не выпуская из рук не веревку, не клюку, на которую, к слову сказать, и не опиралась, — Машка! Сучье вымя! Капыты та пряставляй бодрей! Робяты, а вы пажовой, пажовой, а то мой унучек гостинцаф век не дождетси!

Ошеломленный Селедкин сделал шаг на встречу родственнице, и они обнялись, вызвав у нас приступ умиления.

— Здравствуйте, Серафима Дормидонтовна! — поприветствовал бабульку Погодин.

— Стас штоля? — староста всея Руси оглядела его цепким взглядом.

— Он самый! — усмехнулся тот в ответ.

— Хорош! — похвалила его старушка, — девку тебе надысь, справную!

— Я над этим работаю! — ничуть не смутился Погодин.

— А етя девицы-красавицы хто ш такая будут? Уж не Алька ли с Хунькаю? — колючий взгляд переместился на нас.

— Здравсте, — слаженно кивнули мы.

— Они, они, бабушка! — подтвердил Жорик, как будто бы ей это было необходимо. Да догадливости бабы Симы на десятерых таких, как мы, хватит.

— Хорошия! — одобрила нас космическая путешественница, — ня обяжайтеся на старую женчину, но наша та лучче, — морщинистое лицо осветилось улыбкой при взгляде на Айу. Девушка смущенно опустила глаза, — Она? — кивнула старушка на астерийку.

— Она... — подтвердил внук.

— Маладец! — выкрикнула бабулька и хлопнула Селедкина по спине. Даже мы все подскочили от пронзительности ее голоса, — Одобряю! Ты девица ня робей, чай топерича ня чужие! Меня баб Симой кличуть...

— Айа, — улыбнулась Жоркина «мальвина».

— Аюшка-лапушка... — словно смакуя, произнесла старушка, — а хорошо... так и станям велячать! Показуй, унучик, куды итить! Ваш... как яво... лягар! Постоялый двор

обещал!

— Я тоже так думала, мой мальчик, — Яванна смахнула слезу уголком платочка, — но Боги сотворили чудо. В наш род вошла связавшая, истинная связавшая моего внука.

— Поздравляю, — процедил Дарин и зло взглянул на нашу с дедом обнимающуюся парочку.

Я не могла спокойно смотреть на лицо «леденца» и вновь спрятала улыбку на груди легара. Дед мягко меня отстранил, усадив на диванчик.

— Дарин, друг мой, — произнес он, вставая за креслом ба, — позволь представить тебе мою связавшую, Вельскую Пелагею, отныне Сорг!

Легар поднес ладонь бабушки к губам и нежно поцеловал, отчего она смутилась и на ее щеках вспыхнул румянец.

— Очарован, фаэра Пелагея, — ответил Элвэ, при этом он поднялся и поклонился моим деду и бабушке, а потом недоуменно взглянул на меня.

А я? Что я? Веселилась, не в силах сдержать улыбки на счастливом лице, ведь не каждый же день твоя родная прапрабабушка дает согласие на брак с твоим же родным прапрадедушкой, причем по любви, которая прошла испытание огромным количеством времени.

— Позволь тебе представить мою дорогую и горячо любимую... — дед встал за моим диванчиком и ведь специально сделал такую длинную паузу! Я смотрела, как в глазах тангира вспыхивает злость, — внуку, Алевтину Верник!

Легар закончил мое представление и, наклонившись, нежно поцеловал в щеку. Разумеется, я чмокнула его в ответ, наблюдая смену эмоций на вдруг побледневшем лице Дарина Элвэ. Смятение... Шок... Надежда... Облегчение... Неверие... Радость?

— Внука? — переспросил он.

— На самом деле праправнучка, но для краткости я зову ее внучкой, — ответил пройдоха-дед и отошел к креслу бабушки.

Тангир Элвэ медленно подошел к моему диванчику, сел рядом и, взяв обе мои ладони в свои, сказал:

— Я безмерно рад вашему новому статусу, фаэра Алевтина! — он склонил голову и нежно дотронулся обжигающими губами до тыльной стороны ладони, заставляя мое сердце отбивать чечетку.

— А знаешь, что, мальчик мой, — вдруг сказала энфина Яванна, обращаясь к Элвэ, — не спеши с обрядом. Дом Беллимов никуда от тебя не убежит. На праздник объединения наш род будет отмечать обретение моим внуком своей связавшей. На торжественном вечере в честь этого события, я представлю обществу и своего потомка, птенца — Алевтину Сорг. Приглашаю тебя, Дарин Элвэ, посетить наше родовое гнездо, дабы разделить нашу радость. Надеюсь ты прибудешь в сопровождении своей энфины Айды?

— Непременно, — отозвался «леденец», не отводя от меня голодного взгляда.

— Хмм... — многозначительно хмыкнула Ява, — пусть твоя энфина сама едет, а ты погости у нас! Мы все будем тебе рады!

— Почту за честь, фаэра Яванна! — тангир низко поклонился эленмарке и, наконец, выпустил мои руки.

Люблю своих новых родственников. Они хоть и эленмарцы, но порою приоритеты расставляют правильно и мудро. Дед весело подмигнул в ответ на мой взгляд. Чувствую, каникулы скучными не будут!

— Легар Сорг, вы вызывали меня... — напомнил «леденец».

— Ступайте. Приказ получите завтра, тангир Элвэ! — сказал легар, — время уже позднее.

— Слушаюсь! — отчеканил «леденец» и продолжил, обращаясь ко всем, — позвольте откланяться. Доброй ночи.

Мы переглянулись. Ни о чем подобном никто из нас не слышал.

— Давай пока к нам, а там разберемся! — сориентировался Стас, со страхом глядя на процессию военных носильщиков, — как долетели, уважаемая Серафима Дормидонтовна?

— Далече... до Ксипей та вашей! Но брешут бабы та наши, тяпло долетела... мяганька, Машку маю не обяжал никто... — отозвалась бабулька, бодро семеня за Погодиным.

Вслед за козой то и дело сыпались темные горошины. Переволновалась животинка.

— Ваш питомец мусорит! — строго предупредил бабу Симу андроид-уборщик.

— Видит Бог, ня мусор это! — возмутилась староста всея Руси, — удобрения!

Программа андроида зависла, он ничего не сказал, только молча поплелся убирать коридор.

— Как же вы на звездолет козу-то протащили? — восхитилась Хуня, нежно погладив Машку между рогами.

— Ох, тяжело пришлось, милая... — посетовала Серафима Дормидонтовна, — Мяфодий кума Мякитишны, траюродной сестры мойй второй нявестки, просил, у таво деверь Клим Болшаглазай — большая шишка в зямной таможене, дак и то пряшлоь мзду атстегувать... мядком, да соленымя грибочкамя токма и расплатилися...

— А зачем вам здесь коза? — удивился Стас, хотя, лично я, там, где дело касалось бабушки Селедкина, ничему не удивлялась.

— Ох, милай! Да коза ента ш — молочко для ентай... как яво... потенции... правнучков страсть, как охота понянычать... — выдохнула старушка, умильно зажмурив глаза. Селедкин и Айа покраснели, — подарочак енто... молодым... на свадьбку! Машка! Шевяли капытамя!

Я отстала от нашей своеобразной процессии. Мимо меня прошли носильщики скарба бабушки Селедкина. Достав комм, уже собиралась набрать номер легара, чтобы уточнить, где селить Серафиму Дормидонтовну.

— Вот ты где, Верник! — послышался рядом мелодичный, но наполненный ядом голос... Анвен Беллим.

Я взглянула на нее и... Не засмеяться — было выше моих сил. Блондинистые волосы, в прямом смысле слова, стояли дыбом. «Принцесса» поработала на славу! Сколько дней прошло, а эффект все еще заметен невооруженному взгляду.

— И тебе, доброе утро! — просто сказала я, давась смехом, — стойкий перманент? Где делала?

— Верник! — зло прорычала эленмарка. Кажется, моя улыбка раздражала ее еще больше, чем общение на нейтральных тонах, — не прикидывайся глупее, чем ты есть. Сначала, я недооценила тебя, но теперь, поверь, все держу под контролем.

— Анвен, ты же не Бог. Поверь, даже он кое-что упускает или предпочитает не замечать, а ты держишь... и причем все! Расслабься!

— Не зли меня! — крикнула блондинка и ее лицо некрасиво покраснело, — вы — земляне, наглые, пронырливые и жадные. Тянете свои слабые ручонки к тому, что вам не принадлежит!

— О чем это ты? — наигранно удивленно обратилась к эльфийке.

— Последний раз предупреждаю тебя! Дарин Элвэ — мой, и этот вопрос решен!

— Кем? — продолжала разыгрывать из себя дурочку.

— Его решили энфины наших родов! — визжала крошка Беллим, — очень скоро пройдет наш обряд! Он станет моим навечно, будет смотреть мне в рот... исполнять любую прихоть... ловить каждое мое слово!

— Смотреть в рот? — скривилась я, — не знала, что у него такая тяга к стоматологии. Обычно, мужчины находят более интересные места на теле женщины.

— Ты! — взревела она и попыталась броситься на меня, но я успела вовремя отскочить.

— Спокойно, Анвен! — перевела дыхание и взглянула на разъяренную эленмарку, — в медицинском отсеке чудесные аппараты для релаксации, ты бы воспользовалась. А то вот... на людей кидаешься!

— Ты не поняла меня? — шипела она, нервно сдувая с лица одну поникшую прядь из ее вздыбленной, блондинистой копны, — от землян одни неприятности! Это признают все эленмарцы!

— Да? — удивилась я, — а семья Соргов пригласила меня с друзьями погостить на вашей планете.

— Что? — закричала Анвен, — моя энфина не допустит этого! Положение нашего рода сейчас не сравнится с положением Соргов, вам запретят...

— Послушай меня, — устало ответила злобной блондинке, устав играть в игры, — я не знаю, кого выберет тангир Элвэ: тебя или другую девушку... Знаю одно — сделает он это добровольно и сам. Потому что каждый человек достоин права на собственный выбор, собственные ошибки и собственную жизнь, и мне очень жаль, если ты этого не понимаешь!

И, не оборачиваясь, пошла по коридору. Впереди меня ждали каникулы на Эленмаре и новые приключения! Конец первой части.

Тангир Элвэ, услышавший знакомые голоса, застыл, так и не завернув за угол. Злой голос Анвен и насмешливо — уверенный Али чередовались, разжигая его любопытство. Беседа не продлилась и нескольких минут. Девушки разошлись, а он еще долго стоял и улыбался. «Потому что каждый человек достоин права на собственный выбор, собственные ошибки и собственную жизнь, и мне очень жаль, если ты этого не понимаешь!» — все еще звучал у него в ушах голос Али... Алевтины Верник... птенца дома Сорг... Как права она, и как же она ошибается! Ведь свой выбор Дарин Элвэ сделал давно. Сделал, но принял только сейчас. Мужчина медленно направился совершенно в другую сторону. Теперь ему не куда было спешить, ведь впереди его ждала собственная жизнь, собственный выбор и самые серые во всей вселенной глаза.

Вот теперь точно конец.

Больше книг на сайте — Knigolub.net